

ISSN 2949-124X

Российская история

1 2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

«Выходы ордынские»

*Золотая Орда и борьба
за великое княжение Московское в 1431–1432 гг.*

*Закрепощение крестьян и миграция населения
в России в конце XVI — первой половине XVII в.*

*Что знали в Варшаве
о стрелецком восстании в Москве*

*Черноморские проливы
во внешней политике Российской империи*

*Русские журналы
о войне Японии и Китая в 1894–1895 гг.*

*Организация нелегальной эмиграции
в Варшавском генерал-губернаторстве
в конце XIX — начала XX в.*

«Малороссийские партизаны» 1919–1920 гг.

*Авган Дорджиев и конец
«золотого века» буддизма в Советской России*

*Трудовые преступления и наказания за них
в 1940–1956 гг.*

МОСКВА

1

январь
февраль
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелобаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Н.Д. Дмитриев-Оренбургский. Стрелецкий бунт. Царица Наталья Кирилловна показывает Ивана V стрельцам, чтобы доказать, что он жив-здоров (1862)

Установление системы регулярного налогообложения русских земель в пользу Золотой Орды

Светлана Маслова

Establishment of a system of regular taxation of Russian lands in favor of the Golden Horde

Svetlana Maslova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24010015, EDN: CQIERP

Подчинив своей власти обширные территории, разные по экономическому и политическому укладу, монголы столкнулись с необходимостью установления эффективной системы управления ими. Важнейшим элементом этой системы являлось налогообложение. В результате походов монгольских войск 1237–1241 гг. частью обширной Монгольской империи стали и русские земли, правителям которых пришлось платить подати в пользу завоевателей.

Выплата дани как основной признак зависимости Руси от Орды уже привлекала внимание исследователей. А.Н. Насонов установил, что при хане Менгу-Тимуре на Русь посылались его данщики, но уже в первой трети XIV в. князья стали сами собирать ордынскую подать. Сначала это право получили великие владимирские князья, а затем и некоторые другие великие князья северо-восточных земель — тверские и нижегородско-суздальские¹. Б.Д. Греков отметил сбор выхода как основную цель монгольских переписей, перечислил основные повинности в пользу завоевателей². Ю.В. Кривошеев, рассмотрев события 1257–1262 гг., пришёл к выводу о существовании на Руси двух параллельных структур сбора дани — ханской и княжеской³.

В работах о налоговой политике монголов изложены лишь общие принципы организации сбора податей с Руси как одной из частей Монгольской империи⁴. Общая характеристика налоговой системы ордынского периода представлена в книгах по истории финансов⁵. Обширная историография посвящена конкретным повинностям, выплачиваемым в пользу монголов⁶.

© 2024 г. С.А. Маслова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00223 «Русские земли и Монгольская империя».

¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 77, 104.

² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М., 1998. С. 167–171.

³ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб., 2003. С. 229–230. К такому же выводу ранее пришёл Н.С. Борисов (Борисов Н.С. Иван Калита. М., 1995. С. 182).

⁴ Schurmann H.F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. № 3–4; Allsen T.T. Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 144–188.

⁵ Гагемейстер Ю.А. Разыскания о финансах Древней России. СПб., 1833; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. История налогов в России. IX — начало XX века. М., 2006. С. 20–24; Кашистанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 7–10, 42–46.

⁶ Янин В.Л. «Чёрный бор» в Новгороде XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983; Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. (по дан-

Анализ работ, содержащих сведения о русско-монгольских отношениях, позволяет сделать вывод об интересе специалистов к вопросу установления системы налогообложения русских земель в пользу завоевателей. При этом можно назвать лишь одно специальное исследование, посвящённое проблеме, — статью П.Н. Павлова «К вопросу о русской дани в Золотую Орду», увидевшую свет в 1958 г. На основе русских летописей, записок иностранных путешественников и актового материала учёный представил своё видение системы взимания дани, установленной после монгольского нашествия⁷. Особого внимания заслуживает попытка Павлова рассчитать сумму выхода. На основе его выкладок в дальнейшем строили расчёты другие специалисты. Новейшая работа о системе взимания ордынского выхода принадлежит Е.Е. Ивановой. Исследовательница проанализировала соотношение дани и выхода, а также принципы сбора основного монгольского налога⁸. Задача настоящей статьи — представить комплексную картину формирования системы сбора ордынских налогов: определить, какие повинности выплачивались монголам на регулярной основе и как осуществлялся их сбор в русских землях.

Установление системы регулярных выплат в пользу завоевателей на Руси относится к середине XIII в. и связано с проведением переписей. Пониманию широких экономических возможностей учёта населения способствовала существовавшая ещё в домонгольские времена в Китае практика переписей, последняя из которых состоялась в 1206 г.

Интерес монгольских правителей к учёту населения фиксируется с момента создания державы Чингисхана. В 1206 г. он повелел внести в «записанный голубыми чернилами реестр все решения о распределении и предметах судебного разбирательства всего народа, создавая книгу (*debter*. — С.М.)»⁹. Основной задачей учёта населения являлось упорядочение системы сбора дани с покорённых территорий. Во время правления Угедея (1229—1241) китайскому чиновнику Елюй Чуцаю удалось убедить великого хана не обращать завоёванные земли Китая в пастбища, а наладить систему регулярного налогообложения. Инициированная Елюй Чуцаем перепись частично прошла в 1234 г., а в следующем году состоялось более масштабное обследование территории Китая, завершившееся в 1236 г.¹⁰ В период правления великого хана Мунке (Менгу) (1251—1259) прошёл ряд масштабных переписных мероприятий по всей Монгольской империи. В 1252 г. перепись провели в Китае, в 1253 г. — в Иране, в 1254 г. — в Армении¹¹.

ным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989; Добродомов И.Г. Туска (об одном гапаксе Новгородской первой летописи) // 90 лет Н.А. Баскакову. М., 1996; Golden P. Vychod: Aspects of medieval eastern Slavic-Altaic culturo-linguistic relations // Golden P. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. București; Brăila, 2011. P. 393–412.

⁷ Павлов П.Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13. Вып. 2. Красноярск, 1958. С. 74–112.

⁸ Иванова Е.Е. Русская дань и ордынский выход. К вопросу о соотношении и системе взимания // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII международной конференции. М., 2023. С. 121–122.

⁹ The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century. Vol. 1. Leiden; Boston, 2004. P. 132, 772–773.

¹⁰ Allsen T. Mongol Census Taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. № 1. P. 35.

¹¹ Allsen T. Mongol imperialism... P. 116–143.

На Руси первая перепись была осуществлена зимой 1245/46 г. в Киевской земле¹². Об этом мероприятии сохранилось известие посланника папы Иннокентия IV в Монгольскую империю Иоанна Платона Карпини: «Так, когда мы были в Руси, был туда послан один наместник-сарацин от Гуюк-хана, как говорили, и от Батые; и этот наместник, как нам потом рассказывали, у каждого человека, имевшего троих сыновей, забирал одного, уводил с собой всех мужчин, у которых не было жён, и с женщинами, не имевшими законных мужей, он поступал точно так же. Бедняков же, которые искали себе пропитание, прося подавание, они тоже забирали. Остальных же по своему обычаю они пересчитали, постановив, чтобы все от мала до велика, даже дети одного дня от роду, богатые или бедные, выплачивали такую подать: а именно, чтобы давали одну большую шкуру белого медведя, одного чёрного бобра, одного чёрного соболя и одну чёрную шкуру животного, живущего в прорытой в земле норе, название которого мы передать по латыни не можем (поляки же и русские называют этого зверя докерей), а также одну шкуру чёрной лисы. Тот же, кто не внесёт этого, должен быть уведён к татарам и обращён в их раба»¹³.

Рассказ Карпини свидетельствует о непосредственной связи переписи с установлением даннической зависимости. О начале взимания дани сообщает также Житие князя Михаила Черниговского: «А инии же крыяхуся в горахъ, и в пещерахъ, и в пропастьехъ, и в лѣсѣхъ, мало от тѣхъ остася. Тѣхъ же нѣ по колицѣхъ времянѣхъ осадиша въ градѣхъ, изочтоша я в число, и начаша на них дань имати татарове»¹⁴. Известие Карпини о поборах неоднозначно. Кажется преувеличенным размер дани, взимаемой с человека. Маловероятно требование шкуры белого медведя, скорее всего, запрашивали шкуру бурого. Вероятно, Карпини допустил неточности, но совершенно очевидно, что дань с жителей Киевской земли взимали пушниной.

Почти десятилетие спустя, зимой 1257/58 г., перепись прошла в землях Северо-Восточной Руси: «Тое же зимы приехаша численици, исщетоша всю землю Сужальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду; толико не чтоша игуменовъ, чернецовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрѣть на святую Богородицу и на владыку»¹⁵. Хотя летопись не сообщает о наложении монголами налоговых обязательств после проведения переписи, установление регулярных выплат в пользу завоевателей с северо-восточных земель Руси можно отнести к тому времени. В источниках находится достаточное число прямых указаний на то, что основной задачей монгольских переписей являлось установление налогов.

О государстве Ильханов повествует Рашид-ад-Дин. В 1239–1240 гг. Куркуз «привёл в порядок дела Хорасана и Мазандерана. Он произвёл [подушную] перепись и определил твёрдые налоги, основал мастерские и проявил наибольшую справедливость и правосудие». При великом хане Менгу эмирам Исфахана и Нишапура «последовал указ провести новую перепись [всего улуса и войска] и твёрдо установить причитающийся налог и по окончании того важного дела вернуться к его высочайшей особе». В середине XIII в. эмир Аргун, «согласно указу, направился вместе с Надж-ад-дином Киябади через Дербенд

¹² Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10(157). С. 64.

¹³ Иоанн де Платон Карпини. История монголов. М., 2022. С. 160.

¹⁴ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Пг., 1915. С. 55.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 474–475.

Кипчакский в столицу Бату. Он произвёл перепись в этой стране и установил «карари», определённые налоги, и по-прежнему был правителем дел»¹⁶.

О деятельности Аргуна в Закавказье и наложении дани повествует Киракос Гандзакечи: «Итак, в 703 (1254) году армянского летосчисления Мангу-хан и великий военачальник Батый послали востикана по имени Аргун (получившего ещё повелением Гиуг-хана должность главного сборщика царских податей в покорённых странах) и ещё одного начальника из рода Батыя, которого звали Тора-ага, с множеством сопровождающих их лиц провести перепись всех племён, находившихся под их властью. И те, получив такой приказ, отправились во все страны исполнить [поручение]. Добрались они до Армении, Грузии, Агванка и окрестных областей. Начиная с десяти лет и старше всех, кроме женщин, записали в списки. И со всех жестоко требовали податей, больше, чем люди были в состоянии [платить], [народ] обнищал... Но этим они (монголы) не довольствовались; всех ремесленников, будь то в городах или сёлах, они обложили податью. И рыбаков, промысляющих рыбной ловлей на морях и озёрах, и рудокопов, и кузнецов, и красильщиков... И так, обобрав всех, повергнув страну в горе и бедствие, они оставили злобных востиканов в тех странах, чтобы они взыскивали то же самое ежегодно по тем же спискам и указам»¹⁷. О непосредственной связи переписи с установлением налогов сообщает другой армянский хронист — Григор Акнерци (инок Магакия): «По повелению Мангу-хана прибыл в нашу страну один татарский начальник именем Аргун и произвёл перепись в стране восточной с целью взыскать на будущее время подати по числу голов, вписанных в Давтар»¹⁸.

О наложении монголами дани после переписи в Киевской земле свидетельствуют рассказ Карпини и Житие Михаила Черниговского. Представляется, что в северо-восточных землях Руси дела обстояли так же. Основным налогом, выплачиваемым Русью монголам, стал выход. Слово «выход» имеет тот же смысл, что и арабский налоговый термин *ḫarāj* («харадж») или тюркский *çiqış*, которые применялись для обозначения дани¹⁹. Термин «выход» в сообщениях источников, повествующих о событиях XIII в., не зафиксирован. Сохранившиеся известия о нём относятся к XIV в. Наиболее раннее упоминание об этой подати содержится в рассказе Рогожского летописца за 1321 г.: «Тое же зимы князь Юрий, поймавъ сребро оу Михайловичевъ выходное по dokonчанию, не шель противу царева посла нъ ступиль съ сребромъ въ Новъгородъ Великий»²⁰. В данном сообщении термин «выход» отсутствует, однако определение «выходное» несомненно образовано от этого слова и указывает на бытование такого понятия. Непосредственно термин «выход» отмечен в рассказе Новгородской первой летописи младшего извода. В 1339 г. Иван Калита потребовал побор с Новгорода: «Ко князю же Ивану послаша Селивестра Волошевича и Федора Оврамова с выходом. Князь же присла послы свои, прося другого выхода: а еще дайте мне запрось цесаревъ; чого у мене цесарь запрошалъ»²¹. Самое раннее известие о выплате Русью монгольских налогов — рассказ Лаврентьевской летописи о восстаниях 1262 г.: «Избави Бог от лютаго томленья бесурменьска-

¹⁶ *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 47, 142, 150–151.

¹⁷ *Киракос Гандзакечи*. История Армении. М., 1976. С. 221.

¹⁸ История монголов инока Магакии, XIII века. СПб., 1871. С. 23.

¹⁹ *Golden P. Vuxod...* P. 397–406.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 41.

²¹ Новгородская первая летопись (далее — НПЛ). М.; Л., 1950. С. 350.

го люди Ростовскія земля, вложи ярость въ сердца крестьяномъ, не терпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ из Ростова, из Володимеря, ис Суждаля, из Ярославля, окупахуть бо ти оканънии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть, роботяще рѣзы и многы души крестьянскыя раздно ведоша, видѣвше же человеколюбець Богъ, послуша моленья Матерня, избави люди своя от великыя бѣды»²². Здесь выплата монголам обозначена как «дань».

В справочной литературе зафиксировано, что термин «дань» имеет несколько значений, основные из них — «подать, пошлина, побор любого вида» и «дар, пожалование»²³. Дань собиралась на Руси ещё в домонгольские времена. В Начальном летописании она многократно упоминается в значении налога, выплачиваемого русским князьям или различными народами иноземцам. В грамотах русских князей XII в. дань фигурирует как главная подать и в монгольское время она сохранила своё основное значение главного поземельного налога²⁴. Также данью назывались выплаты в Орду в XIV–XV вв. Согласно Рогожскому летописцу, в 1318 г. Юрий Данилович и ордынский посол Кавгадый «начаша вадити на великаго князя Михаила незаконному царю Озбюку, глаголюще: князь Михаилъ, собравъ по градомъ многы дани, хоцеть въ Нѣмци, а къ тобѣ ему не бывати. Разгнѣвавжеса царь, повелѣ сына его князя Костянтина гладомъ морити и затвориша его въ единой храминѣ». В рассказе за 1384 г. летописец свидетельствует: «Бысть великая дань тяжкаа по всему княжению великому, всякому безъ отъдатка, со всякые деревни по плътинѣ. Тогда же и златомъ даваша въ Орду, а Новъгородъ Великыи далъ черныи боръ»²⁵. В этих сообщениях слово «дань» выступает синонимом слова «выход».

В качестве ордынской подати дань фигурирует в княжеских грамотах XV в., в частности, в завещании серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича около 1401–1402 гг.: «А выидет дань великаго князя ко Ордѣ дати, и дѣти моя и княгини моя возмут дань кто же на своем удѣле по уроку, что в сеи в грамоте писано»²⁶. В значении сбора в пользу Орды дань значится в завещаниях Василия Дмитриевича 1406–1407, 1417 и 1423 гг.; договорных грамотах Василия Васильевича с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем 1433, 1447, 1450–1454 и 1451–1456 гг. и галицким князем Юрием Дмитриевичем 1433 г.; духовной грамоте Василия Васильевича 1461–1462 гг.; dokonчании великаго князя Ивана Васильевича с углицким князем Андреем Васильевичем 1472 г.²⁷

Иногда термин «дань» упоминается в контексте ордынских выплат вместе со словом «выход»: «А перемѣнить богъ Орду, дѣти мои не имуть давати выхода в Орду, и который сынъ мой возмет дань на своем оудѣлѣ, то тому и есть» (духовная грамота Дмитрия Донского 1389 г.)²⁸. Те же условия зафиксированы

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

²³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 170–171.

²⁴ Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 187–194; Горский А.А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб., 2019. С. 97–101.

²⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 38, 149.

²⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 17. С. 48.

²⁷ Там же. № 20. С. 56; № 21. С. 59; № 22. С. 61. № 27. С. 71; № 45. С. 134, 137, 139; № 56. С. 174; № 58. С. 182, 185; № 30. С. 76–77, 79; № 61. С. 197; № 66. С. 215.

²⁸ Там же. № 12. С. 36.

в договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем 1401–1402 гг., завещании Владимира Андреевича (около 1401–1402 гг.)²⁹. Довольно часто в духовных и договорных грамотах говорится о дани, взимаемой для уплаты выхода³⁰: «А что наши данщики сберуть в городъ, и въ станъх, и въ варяхъ, тому ити в мою казну, а мнѣ давати въ выход. А на Козловъ бродъ слати своего данщика, тѣмъ ты есмѣ пожаловал. А что збереть, тому ити в мою казну, в городскую дань. А оже ны богъ избавит, ослободит от Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть» (договор Дмитрия Донского с Владимиром Андреевичем 1389 г.)³¹. Можно согласиться с высказанным в историографии положением, что дань являлась источником выхода³². Выход — побор, появившийся после монгольского нашествия, стал частью дани, собираемой князьями в свою пользу.

Выход выплачивался деньгами. В некоторых княжеских документах XIV–XV вв. есть указания на конкретные суммы выплат³³. Самое раннее известие об этом содержится в договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем 1389 г.: «А ординская тягость, так же и проторь, дати ти мнѣ, брату своему старѣйшему и отцю, и сыну моему, князю Василью, съ своего оудѣла и со княгинина оудела Оульянина, съ твоее трети, в пять тысячъ рублевъ триста рублевъ и дватцать рублевъ. А прибудет ли, оубудет ли, ино по розочту»³⁴. Со времён В.О. Ключевского предпринимались попытки вычислить сумму выхода, выплачиваемого Золотой Орде³⁵. Дискуссионным является вопрос принципа его расчёта. В новейших исследованиях сформировались два подхода. Согласно первому, упоминаемые в источниках денежные суммы следует считать условными и относительными³⁶. Второй подход подразумевает точность указанных сведений³⁷.

Основной налог собирался по системе откупов. Откупная система существовала в Монгольской империи уже при великом хане Угедее. Китайская летопись Юань-ши сообщает, что в 1239–1240 гг. «торговый человек Абд-ар-Рахман» предложил великому хану откуп серебром налогов в Северном Китае, с чем Угедей согласился³⁸. Купцы-мусульмане ещё до завоеваний Чингисхана вели торговлю с монголами, а после занимали высокие посты в административной структуре новой власти. Их национальный состав разнообразен: персы, арабы, туркмены, кипчаки³⁹. По свидетельству Плано Карпини, наместник «сарацин», т.е. мусульманин, организовал сбор дани в Киевской земле. Откупщики-мусульмане собирали дань в северо-восточных землях Руси. В 1262 г. в Ростове,

²⁹ Там же. № 16. С. 44; № 17. С. 49.

³⁰ Там же. № 11. С. 31; № 12. С. 36; № 16. С. 44; № 45. С. 131, 134, 137, 139; № 56. С. 173, 174; № 58. С. 182, 185; № 61. С. 197; № 66. С. 215.

³¹ Там же. № 11. С. 31.

³² *Каштанов С.М.* Финансы... С. 7; *Иванова Е.Е.* Русская дань... С. 122.

³³ ДДГ. № 11. С. 31; № 12. С. 35–36; № 16. С. 44; № 17. С. 49; № 29. С. 74; № 72. С. 254, 256, 259, 262, 265, 267; № 73. С. 270, 272, 274; № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328.

³⁴ Там же. № 11. С. 31.

³⁵ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 38–39.

³⁶ *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход» // *Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории.* М., 2021. С. 22–35.

³⁷ *Горский А.А.* Полтина с деревни и с двух сох рубль: к вопросу о размере дани в Орду // *История народов России в исследованиях и документах.* Вып. 9. М., 2022. С. 168–174.

³⁸ *Золотая Орда в источниках.* Т. 3. М., 2009. С. 175.

³⁹ *Якубовский А.Ю.* Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.* Ч. 1. Л., 1932. С. 38–42.

Владимире, Суздале и Ярославле вспыхнули восстания, направленные против их деятельности⁴⁰. Очевидно, после этих событий откупщики-мусульмане покинули Русь, однако откупная система сохранилась. В конце XIII в. баскак Ахмат откупал дань в Курском княжестве⁴¹.

Контроль над сбором дани находился в руках баскаков. Точное время их появления в северо-восточных землях Руси неизвестно. Первое известие о существовании баскака в регионе — рассказ Новгородской первой летописи о намерении великого князя Ярослава Ярославича воевать с немцами и сборе полков в Новгороде в 1269 г. В городе тогда находился баскак Абраган: «Того же лѣта, на зиму, князь Ярославъ, съ новгородци сдумавъ, посла Святослава на Низовъскую землю плъковъ копить, и совокупи всю князью и полку бещисла, и приведе въ Новѣгородъ; и ту бяше баскакъ великий володимирьскый, именемъ Абраганъ, и хотѣша ити къ Колываню»⁴². Баскаки являлись, по сути, наместниками хана в русских землях. Их функции заключались в контроле над сбором дани и обеспечении лояльности русских князей. Среди баскаков на Руси, по-видимому, существовала иерархия, так как Абраган назван великим. В этом случае главный баскак находился в столице русских земель. Институт баскачества на Руси имеет длительную историю. На окраинах Руси они находились ещё в середине XIV в.⁴³

С монгольским нашествием и установлением господства завоевателей князья не утратили полномочия сбора налогов. Они продолжили собирать их в свою пользу, отдавая часть в виде выхода монгольским ханам, соответственно сумма основного налога — дани — увеличилась. Собирали дань княжеские должностные лица — данщики. Уже в первой четверти XIV в. баскаческий надзор за великими князьями ликвидировали. В 1318 г. Михаил Тверской собирал дань без баскака, иначе Юрию Московскому не удалось бы пожаловаться хану на невыплату великим князем ордынского налога⁴⁴.

Выход формировался за счёт выплат как великих, так и удельных князей. Княжеские договорные грамоты XIV–XV вв. показывают, что он собирался по договорённостям, «по розочту» и «по розводу», с удельными князьями⁴⁵. Предоставление великому князю средств в выход было важной обязанностью последних. В грамотах часто присутствует формулировка о выплатах удельных князей «по крестному целованию»⁴⁶. Иногда на выплату выхода предоставлялись льготы. Они оговаривали время, когда выход не платился, либо территории, с которых он не собирался. Такие льготы зафиксированы в dokonчаниях великого князя Василия Васильевича с князем верейско-белозерским Михаилом Андреевичем 1450 г. и серпуховско-боровским Василием Ярославичем 1450–1454 гг.⁴⁷

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476.

⁴¹ Там же. Т. 18. СПб., 1913. С. 79–81; Т. 1. Стб. 481–482.

⁴² НПЛ. С. 319.

⁴³ Маслова С.А. Баскаческая организация на Руси: время существования и функции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1(51). С. 27–40.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 38.

⁴⁵ ДДГ. № 9. С. 26; № 13. С. 39; № 27. С. 71; № 45. С. 131, 134, 137, 139; № 56. С. 171, 174; № 58. С. 181, 185.

⁴⁶ Там же. № 34. С. 88; № 35. С. 90, 93, 96, 98; № 38. С. 108, 111, 113, 116; № 41. С. 122; № 42. С. 124; № 43. С. 126; № 4. С. 127–128; № 48. С. 147; № 55. С. 166, 168; № 64. С. 209, 211; № 5. С. 214; № 67. С. 218, 220; № 75. С. 279, 282; № 78. С. 295; № 84. С. 332, 338.

⁴⁷ Там же. № 55. С. 165, 167; № 56. С. 170, 173.

Сумма выхода определялась исходя из численности налогоплательщиков. Во время проведения переписей монголы составляли перечни податного населения (давары, перс. *daftar*). Практика ведения государственных реестров, давтаров (дефтеров) имела широкое распространение в Средней Азии. Мухаммад Аль-Хорезми, персидский учёный IX в., отметил существование 19 разновидностей государственных дефтеров, основным из которых был Канун аль-Харадж — основная опись — в соответствии с ней собирался харадж, налог, аналогичный выходу⁴⁸. Монголы познакомились с практикой персидского делопроизводства через уйгуров. Монгольское *debter* (*дебтер*, *дэбтэр*), является заимствованием из уйгурского *tebter* (*тебтер*, *тэбтэр*)⁴⁹. Монгольские давтары, составленные по итогам переписей покорённого населения, представляли собой списки налогоплательщиков. Об этом свидетельствуют Григор Акнерци и Стефан Орбелиан. Имя армянского князя Смбата Орбелиана «было вычеркнуто из всех дафтаров», т.е. правитель области Сюник не платил налогов⁵⁰.

В источниках русского происхождения термин «давтар» в форме «дефтеръ» впервые зафиксирован лишь в XV в. — в тексте договора великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным 1434 г.: «А оу вас ми имати въ выход по старымъ девтеремъ, по крестному целованью»⁵¹. Ссылка грамоты на «старые» дефтери свидетельствует, что во второй четверти XV в. князья использовали документы, созданные задолго до заключения договора. Представляется, что их составили во время переписи 1257 г., либо в 1273 г., когда состоялась повторная перепись: «бысть число 2-е изъ орды отъ царя»⁵². Об этом мероприятии практически ничего не известно. Лишь Никоновская летопись уточняет регион проведения «числа» — «Русь и Новгород»⁵³. Дефтери хранились в казне великого князя⁵⁴. Договорные грамоты свидетельствуют о сборе выхода по дефтерям с князьями галицких, можайских, верейско-белозерских и рязанских⁵⁵. Сохранившиеся известия указывают на участие в выплате ордынского выхода лишь некоторых удельных и великих князей, однако, несомненно, эта обязанность была повсеместной.

Практика проведения переписей русских земель не стала регулярной. После переписи 1273 г. подобные мероприятия не проводились. С течением времени численность населения русских земель менялась. Ордынские дефтери, составленные в XIII в., не могли соответствовать более поздним реалиям, при этом обязанность выплаты ордынского выхода сохранялась. Договорная грамота великого князя Василия Васильевича с Иваном Васильевичем Суздальским 1448/49 г. указывает, что и в XV в. выход собирался на основе сведений о количестве податного населения: «А з Городца и с твоеѣ вотчины, чѣм ты есмь пожаловал, имати ми оу тебе во царевъ выход по описи, по людем. А до описи пожаловал ты есмь, въ выход ми оу тебе с тоѣ вотчины не имати, чѣм ты есмь

⁴⁸ The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Leiden, 1991. P. 78–79.

⁴⁹ Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 20. СПб., 1912. С. 168.

⁵⁰ Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1873. С. 40.

⁵¹ ДДГ. № 34. С. 88.

⁵² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 243; Т. 16. СПб., 1889. С. 55.

⁵³ Там же. Т. 10. М., 1965. С. 152.

⁵⁴ ДДГ. № 46. С. 141; № 48. С. 148.

⁵⁵ Там же. № 35. С. 90, 93, 96, 98; № 38. С. 108, 111, 113, 116; № 41. С. 122; № 42. С. 124; № 43. С. 126; № 44. С. 128; № 48. С. 147, 148; № 55. С. 166, 168; № 64. С. 209, 211; № 65. С. 214; № 67. С. 218, 220; № 75. С. 279, 282; № 78. С. 295; № 84. С. 333, 338.

пожаловал в вотчину и въ оудѣль»⁵⁶. Княжеский договор называет документ, содержащий сведения о тяглых людях, «описью». Указание на сбор выхода по описям содержится в ряде документов второй половины XV в.⁵⁷

Описи появились в XV в. в результате переписных мероприятий, санкционированных князьями на своих землях. Первое известие о них содержится в жалованной грамоте верейско-белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1435–1447 гг.: «Приедет мои даньщик или опищик на Бѣлоозеро в мою вочину, и игумен моему даньщику дани не дает, ни описыватися не дастъ, а то игумену безпено»⁵⁸. В описях учитывалось податное население. Таким образом, первые княжеские описи повторили принцип монгольских дефтерей — учёт прежде всего налогоплательщиков, но, в отличие от ханских, затрагивали и монастырские владения. Проведение княжеских описей отдельных территорий в XV в. не нарушило порядка сбора выхода по дефтерям. Договор великого князя рязанского Ивана Васильевича 1496 г. свидетельствует, что по дефтерям выход собирался вплоть до конца XV в.⁵⁹

Во второй половине XV в. русские князья стали учитывать не только численность налогоплательщиков, но и размеры их земельных наделов, что также влияло на размер выхода. Завещание Василия Васильевича 1461 г. постановило писцам составить описи: «По тому письму обложат по сохам и по людем, до по тому окладу моя княгини и мои дѣти и в выход оучнут давати сыну моему Ивану съ своих оудѣлов»⁶⁰. Выход по меньшей мере в XV в. имел годовую периодичность: «А галицкие ми выти не взяти въ выход на три годы» (договор Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным)⁶¹. По мнению М. Рублёва, великий князь получал средства для уплаты выхода ежегодно, однако сам отдавал его в Орду не каждый год⁶². К XIII в. на Руси прекратилась практика объезда князем подвластных территорий, полюдь, в задачи которого входил в том числе сбор дани⁶³. Непосредственный сбор княжеских податей полностью сосредоточился в руках княжеских данщиков. На местах за это отвечали десятники и сотники.

Лаврентьевская летопись сообщает, что в 1257 г. на Северо-Востоке Руси монголы установили десятичную систему. В исторической науке существуют различные мнения о характере этой организации и о происхождении руководителей десятичной системы. Некоторые учёные пришли к выводу о военно-политическом назначении десятичной структуры⁶⁴, однако преобладает пред-

⁵⁶ Там же. № 52. С. 157, 159.

⁵⁷ Там же. № 69. С. 226, 228, 231; № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249; № 72. С. 254, 256, 259, 262, 265, 267; № 73. С. 270, 272, 274; № 81. С. 318, 321; № 82. С. 325, 328.

⁵⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). Т. 2. М., 1958. № 68. С. 44.

⁵⁹ ДДГ. № 84. С. 333.

⁶⁰ Там же. № 61. С. 197.

⁶¹ Там же. № 34. С. 88; № 41. С. 122; № 44. С. 128; № 55. С. 165, 167.

⁶² *Roublev M.* The periodicity of the Mongol tribute as paid by the Russian princes during the fourteenth and fifteenth centuries // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 15. Berlin, 1970. S. 12.

⁶³ *Стефанович П.С.* История полюдь в Средневековой Руси // *Российская история*. 2017. № 6. С. 3–13.

⁶⁴ *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, 1997. С. 225; *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 16–19; *Хорошкевич А.Л.* Изменение форм государственной эксплуатации на Руси в середине XIII в. // *Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвящённые памяти академика Л.В. Черепнина. Тезисы докладов и сообщений*. Вып. 1. М., 1988. С. 152–163.

ставление о функционировании её в качестве фискальной системы⁶⁵. Существует точка зрения, что руководители десятичной системы являлись выходцами из монгольской среды⁶⁶, однако многие исследователи считают десятников, сотников, тысячников и темников лицами русского происхождения⁶⁷.

Установленная завоевателями десятичная система в русских землях нововведением не стала. Децимальная организация и её руководители, десятники (десятские), сотники (сотские) и тысяцкие (тысяцские) существовали на Руси ещё в домонгольские времена. Десятские и сотские принимали участие в пирах Владимира Святославича в 996 г.⁶⁸ В конце XI в. Янь Вышатич держал воеводство Киевской тысячи⁶⁹. Случаи упоминания в источниках десятских, сотских и тысяцких в домонгольский период и ордынское время подробно рассмотрел В.А. Кучкин⁷⁰. По мнению исследователя, децимальная система являлась одной из форм организации экономической деятельности русского общества. Основные производители, «чёрные» люди, объединялись в десятки, сотни и тысячи. Тысяцкие наделяли людей купами-кредитами, сотские раздавали кредиты по десяткам и собирали задолженности, десятские занимались организацией работы «чёрных» людей на местах и возвращением одолженных средств.

Многочисленные случаи упоминания десятских и сотских в источниках свидетельствуют о том, что они отвечали за организацию людей⁷¹. Их основная обязанность заключалась в обеспечении налоговых сборов с вверенных им единиц. В источниках XIV–XV вв. десятские фигурируют в качестве представителей русской администрации. Татарских десятников в русских землях после установления системы управления покорёнными землями не наблюдается. Есть

⁶⁵ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 269–270; Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 155–157; Павлов П.Н. Указ. соч. С. 80; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 199; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы... С. 175–176; Темушев С.Н. «Ордынская тягость»: трансформация налогово-данической системы княжеств Руси после монгольского нашествия 1237–1241 гг. // Российские и славянские исследования. Вып. 7. Минск, 2012. С. 93; Горский А.А. Утверждение власти... С. 67–68.

⁶⁶ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 16–19; Хорошкевич А.Л. Изменение форм... С. 152–163; Горский А.А. Утверждение власти... С. 67–68.

⁶⁷ Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 158; Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 53–54; Кривошеев Ю.В. Русь и монголы... С. 175–177; Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Историко-ведческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 27; Темушев С.Н. «Ордынская тягость»... С. 96.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁶⁹ Там же. Т. 2. М., 2001. Стб. 199.

⁷⁰ Кучкин В.А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 270–425; Кучкин В.А. Ранние свидетельства о сотских и сотнях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1(23). С. 5–14; Кучкин В.А. Сотские по документальным данным XV – начала XVI века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2(20). С. 5–40; Кучкин В.А. Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь. 2004. № 4. С. 171–251; Кучкин В.А. Первые тысяцкие Северо-Восточной Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 4(62). С. 59–62; Кучкин В.А. Тысяцкие в Киевском княжестве в XI–XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(66). С. 5–16; Кучкин В.А. Тысяцкие в Переяславском и Смоленском княжествах XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1(67). С. 117–118; Кучкин В.А. Тысяцкие в Новгороде в домонгольский период // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. С. 6–16.

⁷¹ АСЭИ. Т. 1. М.; Л., 1952. № 322. С. 231; № 336. С. 243; Т. 2. № 216. С. 139; Т. 3. М., 1964. № 53а. С. 80–81.

данные, сообщающие о нахождении на Руси в XIII–XIV вв. ордынских сотских. Плано Карпини пишет: «У Коренцы мы встретили Нонгрота, киевского сотника, и его спутников, которые нас даже сопровождали на части [нашего] пути»⁷². Речь идёт о представителе монгольской администрации, ответственном за покорённый Киев. В середине XIV в. митрополиты Феогност и Алексей выдали грамоты, адресованные жителям Червлёного Яра, одной из областей Среднего Подонья. В адресате грамот среди разных категорий населения названы сотники: «детем моим, к баскаком и к сотникам, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червлёного Яру, и ко всем городом, по Великую Ворону» (грамота митрополита Феогноста); «крестьяном, обретающимся в пределе Червлёного Яру, и по караулом возле Хопор, по Дону, попом и дяконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром» (грамота митрополита Алексея)⁷³. Упоминание рядом с ордынскими должностными лицами, баскаками, сотников указывает на их принадлежность к татарской администрации.

Минимальное количество известий о деятельности на Руси ордынских сотников и отсутствие подобных упоминаний о татарских десятниках, тысячниках и темниках свидетельствует, что во время переписи 1257 г. в русских землях были поставлены не монгольские должностные лица. Иначе после этого мероприятия на Руси сформировался бы обширный штат ордынских чиновников, чья деятельность нашла бы отражение в русских источниках. Сообщения же о деятельности татарских руководителей децимальной организации в русских землях единичны. А.А. Горский предположил нахождение монгольских десятников, сотников, тысячников и темников, поставленных в 1257 г., не на Руси, а в ближайшем к ней улусе Золотой Орды — Булгаре⁷⁴. Однако в таком случае сложно представить механизм реализации их наиболее вероятных обязанностей — контроль над сбором дани с русских земель. Едва ли возможно эффективно следить за положением дел на подвластной территории, находясь далеко за её пределами. Следовательно, поставленные в результате переписи в русских землях десятники, сотники, тысячники и темники являлись выходцами из русской среды. В 1257 г. монголы могли подтвердить назначение уже существующих руководителей децимальной организации, либо поставить новых управляющих. На Руси находились представители ордынской администрации, в том числе и некоторые руководители децимальной организации — сотники, число которых было невелико, и их деятельность отмечена в землях, находившихся под непосредственным контролем завоевателей.

На рубеже 1259–1260 гг. монголы попытались установить систему регулярного налогообложения в свою пользу в Новгородской земле. Зимой 1259/60 г. в Новгороде прошла перепись. Она началась со слуха о военной угрозе новгородцам: «Тои же зимы приѣха Михаило Пинешиничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: “аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли”». Затем в город «приѣхаша оканьнии Татарове сыроядци Беркаи и Касачикъ с женами своими, и инѣхъ много; и бысть мятежъ великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ Татаромъ». Пришлые должностные лица испугались расправы и попросили у Александра Невского защиты. Князь приказал охранять монголов. «И рѣша Татарове:

⁷² Иоанн де Плано Карпини. История монголов. С. 191.

⁷³ АСЭИ. Т. 3. № 312. С. 341; № 313. С. 343.

⁷⁴ Горский А.А. Утверждение власти... С. 68.

“дайте намъ число, или бѣжимъ проче”». Это требование вызвало неприятие новгородцев, готовился вооружённый отпор, и только присутствие великого князя позволило провести мероприятие: «И бысть заутра, съѣха князь с Горо-дища, и оканънии Татарове с нимъ; и злыхъ свѣтомьяшася по число: творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло. И почаша ѣздити оканънии по улицамъ, пишуче дома християньскыя... и отѣхаша оканънии, взявше число, а князь Олександръ поѣха послѣ, посадивъ сына своего Дмитрия на столѣ»⁷⁵.

Перепись в Новгороде предполагала установление обязательства выплаты дани с города в пользу ханов. Кроме установления регулярного налога монголы потребовали с города туску. Туска (тюрк. *tuzyu*) — издавна существовавший у монголов обычай давать в дорогу гостю провиант. По рассказам персидских историков Джувейни и Рашид-ад-Дина, выплата туски означала признание монгольского господства завоеванным населением⁷⁶, как, например, в Дербенте: «Жители Дербента поднесли [монголам] провиант [тургу] и подчинились»⁷⁷. Новгородцы не захотели признать власть завоевателей: «И чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: “умремъ честно за святую Софью и за дома ангельскыя”»⁷⁸. Александру Невскому удалось уладить конфликт, но туску горожане всё-таки выплатили. Судя по данным новгородской берестяной грамоты № 218 1240–1260 гг., туску с Новгорода взяли деньгами⁷⁹. По мнению А.Л. Хорошкевич, туску за чернь выплатили бояре, давая им деньги в долг под высокий процент⁸⁰. В дальнейшем о выплате туски с Новгорода и других городов Руси источники не сообщают. Туску с Новгорода нельзя считать регулярным налогом.

Двумя годами ранее, зимой 1257/58 г., монголы потребовали с Новгорода выплату налога с торговли — тамги. Тогда в город с князем Александром Ярославичем прибыли монгольские послы. Они «почаша просити... десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромъ»⁸¹. С новгородцев потребовали уплату тамги в размере десятины⁸². Похожее требование предъявляли в 1237 г. рязанским князьям. С них просили «десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое»⁸³. Новгороду предъявили более мягкие требования — десятину не «во всемъ», а только с городского населения. Тамга (тюрк. *tamya*) — монгольский налог с торговли, в большинстве случаев взимавшийся в размере 10%. Новгородцы не стали платить тамгу, им удалось ограничиться дарами. В дальнейшем тамга как монгольская подать в русских источниках не фигурирует. С XIV в. она встречается в духовных, договорных и жалованных грамотах русских князей в качестве торгового налога, взимаемого в пользу княжеской администрации⁸⁴. Самое раннее подобное известие — текст духовной грамоты Ивана Калиты (около

⁷⁵ НПЛ. С. 82–83.

⁷⁶ The History of the World-Conqueror. Manchester, 1997. P. 102, 130, 144, 158; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 195.

⁷⁷ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 195.

⁷⁸ НПЛ. С. 82.

⁷⁹ Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 38–39; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 487.

⁸⁰ Хорошкевич А.Л. Монголы и Новгород... С. 71.

⁸¹ НПЛ. С. 82.

⁸² Горский А.А. Утверждение власти... С. 72–73.

⁸³ НПЛ. С. 74.

⁸⁴ ДДГ. № 2. С. 11; № 4. С. 15–19; № 12. С. 33–34; № 15. С. 42; АСЭИ. Т. 1. № 29. С. 40; № 41. С. 48; № 49. С. 53.

1339 г.): «А из городских волости даю княгини своеи осмничею. А тамгою иными волостями городскими подъяются сынове мои»⁸⁵. Источники не отмечают сбор тамги в пользу ордынской администрации ни в качестве самостоятельного побора, ни как части другого сбора, как было, например с выходом. Сам налог прижился на Руси, сохранив тюркское название.

Несмотря на проведённую перепись, данных, позволяющих говорить о регулярных выплатах Новгородом ордынской дани, нет. Город был вовлечён в систему монгольского налогообложения, но выплаты шли не завоевателям, а великому князю. Новгородская первая летопись под 1339 г. сообщает о существовании договора между новгородцами и великим князем о предоставлении горожанами денежных средств в ордынские выплаты⁸⁶. Обязательства Новгорода по выплате ордынских поборов исчерпываются предоставлением чёрного бора. Эти денежные средства собирали представители княжеской администрации, черноборцы или борцы, а распоряжался ими великий князь. Самое раннее известие о выплате бора — сообщение Новгородской первой летописи под 1340 г.: «А князю даша боръ по волости»⁸⁷. В дальнейшем бор с определением «чёрный» многократно упоминался в известиях о событиях XIV—XV вв.⁸⁸ По мнению В.Л. Янина, чёрный бор собирался раз в 7–8 лет, и выплачивали его жители Новоторжской волости — единственного района Новгородской земли, подвергшегося монгольскому вторжению⁸⁹. Однако грамоты великих князей 1456–1461 и 1484–1505 гг., выданные старорусским тонникам, свидетельствуют о том, что выплату в пользу Орды отдавали в том числе жители Русы, не пострадавшей от нашествия⁹⁰.

Кроме подушного налога, выхода, в систему регулярного налогообложения русских земель в пользу монголов входило обеспечение пришлых должностных лиц. Договор великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем 1390 г. сообщает об обязанности русской стороны содержать ордынских послов: «А что ординская тягость и коломеньский посолъ, коли еси быть в своеи очинѣ, а то намъ по розочту. А володимерьский послы, какъ ты выѣхал и своѣ очины, а тотъ ти проторъ не надобѣ»⁹¹. Документы XV в. свидетельствуют о том, что русским князьям приходилось обеспечивать содержание послов и снабжать их дарами⁹². Источники содержат сведения, относящиеся лишь к XIV—XV вв., однако обеспечение монгольских должностных лиц, несомненно, стало обязанностью русских правителей сразу после завоевания.

В грамотах ордынских правителей, выданных русским митрополитам, упомянута такая выплата в пользу монголов, как «корм»: «Тако молвя по первому пути, которая дань, или поплужное, или подвода, или корм кто ни будетъ, да не просяютъ; ям, воина, тамга не дають» (ярлык Менгу-Тимура, 1267 г.). Корм фигурирует также в ордынских грамотах XIV в. — Тайдулы (1351), Бердибека

⁸⁵ ДДГ. № 1. С. 8, 10.

⁸⁶ НПЛ. С. 350.

⁸⁷ Там же. С. 353.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 149; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 341, 344–347, 372–374; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 213; НПЛ. С. 419; Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее — ГВНП). М.; Л., 1949. № 21. С. 38–39; № 23. С. 42; № 77. С. 132; АСЭИ. Т. 3. № 13. С. 29; № 21. С. 37; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 184.

⁸⁹ Янин В.Л. «Чёрный бор»... С. 106–107.

⁹⁰ АСЭИ. Т. 3. № 13. С. 29; Т. 2. № 21. С. 37.

⁹¹ ДДГ. № 13. С. 38.

⁹² Там же. № 19. С. 53; АСЭИ. Т. 3. № 117. С. 154.

(1357) и Тюляка (1379)⁹³. Как повинность он известен с домонгольских времён и в летописных известиях XI–XIII вв. упоминается как содержание представителей княжеской администрации. В том же значении корм фигурирует в актовом материале XIV–XV вв.⁹⁴ Источники русского происхождения не содержат сведений о предоставлении корма представителям монгольской власти, однако подобная подать существовала и по-тюркски называлась *susun*. В этом значении она отмечена в ярлыках конца XIV в. — Тохтамыша (1392) и Тимур-Кутлуга (1398)⁹⁵.

В источниках русского происхождения встречается выплата, по смыслу совпадающая с кормом — татарский проезд. Она зафиксирована в жалованных грамотах русских князей суздальскому Спасо-Евфимиеву монастырю около 1418–1419, 1425, 1445–1446 и 1451 гг. Последний освобождался от ряда выплат, в том числе татарского проезда, записанного в чередѣ податей, обеспечивающих проезд должностных лиц: «Не надобе им никоторая моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни татарский проезд, ни городное дело, ни иные некоторые пошлыны»⁹⁶. Упоминание в одном ряду яма, подводы и проезда свидетельствует о разном назначении этих податей. Ям представлял собой обязанность содержать почтовые станции, подвода — снабжать средствами передвижения, а проезд — обеспечивать ордынских чиновников продовольствием.

Подвода, вероятно, заключалась в обязанности предоставлять только лошадей, без транспортных средств⁹⁷. До монгольского нашествия существование подводы на Руси не фиксируется. Затем её стали собирать в пользу представителей русской администрации⁹⁸. Подобно корму, подвода в качестве ордынской повинности упомянута только в грамотах, выданных представителям русского духовенства ордынскими правителями — Менгу-Тимуром, Тайдулой, Бердибеком и Тюляком⁹⁹, а также в ярлыках Тохтамыша и Тимур-Кутлуга¹⁰⁰. По-тюркски подать называлась *ulaq*. Об устройстве монгольских почтовых станций на Руси ничего не известно, в то время как в Монгольской империи ямская система появилась в 1235 г. по приказу Угедая. Сведения об устройстве почтовых станций есть в трудах Джувейни, Рашид-ад-Дина и Марко Поло¹⁰¹. Почтовые станции — ямы — устанавливались на дорожных трактах через определённое расстояние. Их содержание возлагалось на местное население, поставлявшее лошадей, корм и фураж.

⁹³ Памятники русского права (далее — ПРП). Вып. 3. М., 1955. С. 467, 468, 469, 465–466.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 130, 46, 771; ГВНП. № 83. С. 141–142, № 84. С. 142; АСЭИ. Т. 3. № 190. С. 204, № 116. С. 152–153.

⁹⁵ Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Токтамыша // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 8. Л., 1981. С. 128; Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлуга // Востоковедение: филологические исследования. Вып. 9. Л., 1984. С. 127. А. М. Усманов называет эту выплату «провиант» (Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 236, 241).

⁹⁶ АСЭИ. Т. 2. № 435. С. 479; № 437. С. 481; № 452. С. 492; Т. 3. № 491. С. 471.

⁹⁷ Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 26, 40.

⁹⁸ ГВНП. № 83. С. 141–142; АСЭИ. Т. 3. № 190. С. 204.

⁹⁹ ПРП. Вып. 3. С. 467, 468, 469, 465–466.

¹⁰⁰ Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Токтамыша... С. 128; Григорьев А. П. Пожалование в ярлыке Тимур-Кутлуга... С. 127.

¹⁰¹ The History of the World-Conqueror... Р. 33–34; Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 3. С. 266; Книга Марко Поло. М., 1955. С. 121–122.

Самое раннее известие о взимании монгольского яма с русских земель обнаружено в ярлыке Менгу-Тимура 1267 г. В других ханских грамотах ям не фигурирует. Упоминания этой ордынской повинности отсутствуют и в актовом, и в летописном материалах XIV в., появляясь только в духовных и договорных грамотах великих князей первой половины XV в.¹⁰² Самое раннее упоминание яма, собираемого в пользу Золотой Орды, содержится в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406 г.: «А перемѣнит богъ татарь, и княгини моя емлетъ с тѣхъ волостей и съ сель дань себѣ, а сыну моему, князю Ивану, так же в ту дань не вступатися. А коли придет дань или ямъ, и княгини моя дасть с тѣхъ волостей и съ сель по розочту, што ся иметъ»¹⁰³. С XIV в. ям стали собирать в пользу русских правителей. Во второй половине XV в., очевидно, для разграничения княжеского и ханского, появилось наименование «татарский ям»¹⁰⁴.

Вероятно, первоначально ям взимался посредством отработок. В уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана рубежа XIV–XV вв. сказано: «А ям по старине с шестый день, а коли мои села князя великого дадут, тогды и митрополичичи дадут»¹⁰⁵. Исследователи видят в этом известии указание на трудовую повинность¹⁰⁶. В XV в. ям в пользу Золотой Орды собирался деньгами¹⁰⁷. В духовных и договорных грамотах он всегда упоминается рядом с данью или выходом, что свидетельствует о значительной роли этого налога. Это была тяжёлая повинность. Согласно документам, монастыри могли не платить ям русским князьям, но выплачивали его в пользу татар. В ряде случаев, предоставляя налоговый иммунитет, князья оговаривали, что на ям этот иммунитет не распространяется («опричь дани моей и яму... к волости... не тянути ничем», «не надобе ни подводы, опроче яму»). В ряде случаев оговаривается льгота на ям — его не «тянут» некоторое время, при этом иные повинности не выплачиваются вовсе. Иногда дополнительно указывалось, что по окончании льготного времени выплата яма должна возобновиться¹⁰⁸.

Таким образом, система регулярного налогообложения русских земель в пользу Золотой Орды сложилась в середине XIII в. после проведения переписей. Монголы составили списки налогоплательщиков (в их число не входили представители духовенства), и предоставили экземпляр великим князьям. На основе полученных данных была установлена сумма выхода, собираемого представителями ханской администрации по системе откупов. В результате конфликтов 1262 г. ханские откупщики покинули русские земли, и контроль над сбором дани сосредоточился в руках баскаков. Князья же продолжали собирать налоги в свою пользу и отдавать часть завоевателям. Непосредственный сбор дани осуществлялся представителями русской администрации — данщиками, которые доставляли собранные средства в княжескую казну. На местах за сбор налогов отвечали десятники и сотники.

¹⁰² ДДГ. № 20. С. 56; № 22. С. 61; № 24. С. 64, 66; № 30. С. 76, 79.

¹⁰³ Там же. № 20. С. 56.

¹⁰⁴ АСЭИ. Т. 1. № 304. С. 214; № 312. С. 223; № 320. С. 229; № 321. С. 230–231; № 322. С. 231; № 323. С. 232–233; № 346. С. 252; Т. 2. № 363. С. 357; № 364. С. 358; Т. 3. № 190. С. 204.

¹⁰⁵ Там же. Т. 3. № 6. С. 19.

¹⁰⁶ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 41; Горский А.Д. Указ. соч. С. 212–213.

¹⁰⁷ ДДГ. № 20. С. 56; № 22. С. 61.

¹⁰⁸ АСЭИ. Т. 2. № 153. С. 89; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. М., 1951. № 225. С. 200; № 226. С. 200.

Вопреки встречающимся в историографии предположениям, параллельная монгольская структура сбора налогов, состоявшая из пришлых должностных лиц, на Руси не сформировалась. Только контроль над своевременным сбором дани осуществлял монгольский чиновник высокого ранга — баскак. Деятельность баскаков в русских землях нельзя назвать долгой. В северо-восточных землях Руси институт баскачества прекратил существование в первой четверти, а на окраинах русских земель — во второй половине XIV в. Регулярными налоговыми выплатами в пользу Золотой Орды с уверенностью можно назвать выход, а также поборы, обеспечивавшие пребывание ордынских чиновников в русских землях — проезд, подводу и ям. Монгольские подати с русских земель представляли собой в основном денежные сборы (исключением, по-видимому, являлись транспортные повинности). О выплатах натурального налога с земель Северо-Восточной Руси сведений не сохранилось. В Южной Руси зафиксирован побор пушниной; здесь же отмечены «коланные» люди. Вероятно, их монголы селили или оставляли вблизи своих кочевий для выполнения сельскохозяйственных работ¹⁰⁹. Насколько долго здесь собирали натуральные повинности, сказать сложно.

¹⁰⁹ Линниченко И.А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. М., 1984. С. 92–97.

Выбор ханом Золотой Орды кандидата на великое княжение Московское в 1431–1432 гг.

Ирина Пономарева

The choice of a candidate for the Grand Prince of Moscow by the Khan of the Golden Horde in 1431–1432

Irina Ponomareva

(Moscow State Linguistic University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24010028, EDN: CPFUSD

После смерти 27 февраля 1425 г. великого князя Московского Василия Дмитриевича, завещавшего великое княжение сыну Василию, претензии на власть предъявил брат покойного — удельный князь Звенигородский и Галицкий Юрий Дмитриевич. Окружению юного Василия (род. 10 марта 1415 г.) несколько лет удавалось удерживать за ним престол, но окончательное решение спора вынесли на суд хана. 15 августа 1431 г. 16-летний Василий II выехал в Золотую Орду. 8 сентября туда последовал и Юрий Дмитриевич¹. Обоих забрал в свой улус московский даруга² Миньбулат. Василия он принял с честью, а Юрию Дмитриевичу была от него «истома великая». Но и у удельного князя нашёлся покровитель. Его поддержал влиятельный «князь³ великы ордыньски Ширинъ Тегиня». Род Ширин выдвинулся при Тохтамыше, поднялся в верхний ряд ордынской иерархии и занял главенствующее положение среди крымской знати⁴. Тегине «силоу» забрал Юрия Дмитриевича, «великое княжение обеща ему дати»⁵. Вместе они откочевали на зимовку в Крым.

Решение по кандидатуре правителя великого княжества Московского в пользу Василия на ханском суде приняли только весной 1432 г. Ключевую роль в его победе историки, начиная с М.М. Щербатова, отводили московскому боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, находя, что льстивая речь на суде о приоритете ханской воли над любыми доводами сторон обеспечила победу его подопечному. Вместе с тем историки обращали внимание на адресованные ордынской знати слова Всеволожского с предупреждением, что в случае прихода к власти в Москве Юрия, а в Литве боровшегося за великокня-

© 2024 г. И.Г. Пономарева

¹ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 247, 249.

² Даруга (даругачи) — ордынский чиновник, курировавший определённую территорию, в частности, контролировавший сбор дани (*Маслова С.А.* Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4(58). С. 23–36; *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. 2014. Т. 10(157). С. 80–109).

³ Соответствует в тюркских источниках бею или беку, в арабских — эмиру (*Акчурун М.М.* Начальная генеалогия Ширинских князей // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы конференции. Казань, 2011. С. 191).

⁴ Будучи старшим в роду Ширин, Тегине звался беем. Этот титул соответствовал русскому «князь», персидскому и арабскому — «эмир». О нём и высоком статусе рода см.: *Гулевич В.П.* От ордынского улуса к ханству Гиреев. Крым в 1399–1502 гг. Казань, 2018. С. 173–174.

⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

жеский престол Свидригайла, в этих княжествах будут править «побратимы»⁶, при том, что Тегине способен руководить ханом («во царе волень»). Опасность такого расклада историки XIX в. не разъясняли. А.Е. Пресняков отметил, что свойство Юрия Дмитриевича и Свидригайла обеспечивало политическую надёжность Василия, но подоплёки её не раскрыл. Л.В. Черепнин их родство считал предпосылкой опасного для Золотой Орды союза, но также не показал суть угрозы. А.А. Зимин упомянул об «особых счётах» с русско-литовскими князьями поддержавшего на суде Василия зятя хана Айдара, очевидно, имея в виду поход 1430 г., когда Айдар «воева Литовскую землю». О связи этой акции с решением вопроса о великокняжеском престоле историк не написал⁷. Тезис об опасности для Орды союза князей без пояснений повторяется и в работах современных исследователей⁸.

Тем не менее историки сделали ряд ценных наблюдений. Щербатов и Пресняков полагали, что ещё Василий I получил от хана ярлык на великое княжение для сына (с чем не согласился Л.В. Черепнин). М.Г. Сафаргалиев отметил, что выбор ханом кандидатуры великого князя московского произошёл до суда, но не назвал имени избранника. По мнению И.Б. Грекова это был Юрий Дмитриевич. А.А. Зимин выделил без комментария заявление Всеволожского, что Василий не первый год сидит на своём столе, «правяся, волному царю»⁹. По-видимому, он подразумевал его благонадежность, и это указание можно рассматривать как ранее не выделявшийся историками довод в пользу кандидатуры Василия.

Обращение к историографии о споре претендентов на великое княжение Московское в Орде в 1431–1432 гг. показывает, что сюжет не получил всестороннего изучения. Следуя за летописцем, исследователи с разной степенью подробности пересказывали его текст, ограничиваясь отдельными комментариями и выводами. В результате при обращении к историческим трудам, освещающим этот сюжет, складывается принципиально неверное представление о подоплёке принятого в Золотой Орде решения в пользу Василия. Получается, что ордынцы руководствовались не рациональными соображениями, а личными амбициями: хан передал престол Василию под влиянием лстивой апел-

⁶ В первом браке князя были женаты на сёстрах (*Полевых С.В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. Сборник научных трудов. М., 2014. С. 235–268).

⁷ ПСРЛ. Т. 27. М., 2007. С. 269, 343; *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 45–46.

⁸ *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времён // *Щербатов М.М.* Сочинения. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1902. С. 543–550; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 141–142; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён // *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. II. Т. 4. М., 1988. С. 383–384; *Пресняков А.Е.* Образование великорусского централизованного государства. Пг., 1918. С. 387, примеч. 2; С. 389–390; *Черепнин Л.В.* Русские феодалные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 104–106; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 753; *Греков И.Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 126–127; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 236–237; *Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 179–180; *Гулевич В.П.* Северное Причерноморье в 1400–1442 гг. и возникновение Крымского ханства // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 121; *Гулевич В.П.* От ордынского улуса к ханству Гиреев... С. 175; *Селезнёв Ю.В.* «А переменит Бог Орду...»: (русско-ордынские отношения в 1382–1434 гг.). Воронеж, 2020. С. 128–130.

⁹ ПСРЛ. Т. 27. С. 269, 343; *Зимин А.А.* Витязь на распутье... С. 45–46.

ляции московского боярина к его воле, а знать поддержала кандидатуру из «ревности» к могуществу Тегине, хотя на самом деле мотивация, определившая выбор кандидата на великокняжеский престол в начале 1430-х гг., была иной.

Основным источником сведений о пребывании кандидатов на московский великокняжеский престол в Орде в начале 1430-х гг. является официальное московское летописание. Есть все основания полагать, что текст составлен «по горячим следам» и дошёл до нас почти в первозданном виде. Насыщенность деталями демонстрирует хорошую осведомлённость составителя, либо входившего в число лиц, сопровождавших Василия II в поездке, либо получившего информацию от кого-то из них. На запись событий сразу после поездки указывает подробное описание действий Всеволожского, вскоре переметнувшегося на сторону Юрия Дмитриевича¹⁰. При этом в рассказе боярин не просто показан представителем интересов Василия — ему одному приписывается заслуга в успехе миссии.

Непосредственно на суде обсуждались разные доказательства сторонами их прав, и в первую очередь — их легитимность¹¹. Каждый претендент настаивал на законности своих прав, рассматривая великое княжение как наследие предков. Выступавший от имени Василия II Всеволожский ссылался на волю прежнего государя, юридически оформленную завещанием, и подчёркивал прямую преемственность им власти: Василий Васильевич «по отчеству и по дедеству искаше стола своего». Юрий Галицкий обосновывал притязания «летописци и старыми списки, и духовною отца своего», согласно которой наследовать бездетному на момент её составления Василию Дмитриевичу должен следующий из братьев¹². Таким образом, Юрий Дмитриевич тоже апеллировал как к завещанию отца, так и к прецедентам передачи московского престола, но в его случае — братьям. Так как в этой части доводы сторон совпали, для выигрыша дела каждой из них требовались дополнительные аргументы.

Искушённый политик Всеволожский перевёл спор в иную плоскость, провозгласив приоритетным право «царя» распоряжаться московским престолом в качестве верховного правителя Орды, чьим «улусом» было «великое княжение». Боярин подчеркнул, что «государь наш князь велики Василеи Дмитриевич великое княжение дал своему сыну великому князю Василью, а по твоему жалованию волного царя»¹³. Предъявили «ярлыки», что свидетельствует

¹⁰ Василий II приехал в Москву 29 июня 1432 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 250). После известия об обручении Василия II осенью летописи сообщают, что тогда же Иван Дмитриевич «бежал» в Тверь (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 64–65; Т. 25. С. 250; Т. 27. С. 269, 344; Т. 39. М., 1994. С. 143). В древности начало сезонов увязывалось с различными приметами и праздниками, границы не были определёнными. Осень начиналась не ранее 20 июля, зима — 7 октября (Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 327; Т. 3. М., 2004. С. 568). Сообщение Софийской второй летописи и Сокращённых сводов о бегстве предшествует известию об отнятии у Юрия Галицкого Дмитрова, завершающему 6940 г. (так же в Московском летописном своде конца XV в.). Таким образом, Всеволожский уехал если не до 1 сентября 1432 г., то в самом начале месяца.

¹¹ Тема обоснования прав сторон неоднократно рассматривалась историками. Историографию и последнее специальное исследование см.: *Фетищев С.А.* Духовная грамота Дмитрия Донского и традиция наследования выморочных уделов в XIV — I половине XV вв. // *Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории.* М.; СПб., 1992. С. 3–18.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 249; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 12. С. 35.

¹³ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 105; ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

о ранее состоявшемся признании Улуг-Мухаммадом Василия II преемником его отца¹⁴.

Апелляция каждой из сторон к законности претензий могла придать решению, принимаемому в Орде, необходимое правовое обоснование, но для ордынцев приоритетными являлись собственные интересы, поэтому, выстраивая линию защиты интересов Василия, Всеволожский благоразумно сделал акцент на привлекательности для них именно его кандидатуры.

Предъявленные «дефтери»¹⁵ подтверждали исправное исполнение Василием Васильевичем финансовых обязательств, чего нельзя было сказать о Юрии Галицком: племяннику дважды пришлось платить за него¹⁶. Все эти обстоятельства были известны с самого начала, и, казалось бы, дело должно было решиться в пользу Василия. Но из летописи следует, что до суда хан собирался отдать престол Юрию Дмитриевичу, а к началу разбирательств решение пересмотрел.

Пока Юрий зимовал в Крыму, Всеволожский активно общался с ордынскими князьями, и те «начаша царю бити челом за великого князя (Василия. — *И.П.*) и вопреки глаголати с ним, и одолеша царю». Улуг-Мухаммад изменил первоначальное намерение и даже грозился убить Тегине, если тот поддержит Юрия Галицкого. Решение хана оказалось столь непреклонным, что предупрежденный о настроении хана Тегине «не смев ничто же противу глаголати... или вопречитися»¹⁷, а суд превратился не более чем в формальное действо с predetermined результатом.

Почему Улуг-Мухаммад изначально намеревался отдать великое княжение Юрию Дмитриевичу? Что заставило ордынскую знать и хана пересмотреть это решение и поддержать Василия?

Улуг-Мухаммад стал ханом в 1421 г. благодаря поддержке великого князя Литовского Витовта, активно вмешивавшегося в дела Орды и в последующие годы, когда Улуг-Мухаммад боролся за сохранение престола. 27 октября 1430 г. Витовт умер, и началась борьба за власть между его братьями: родным Сигизмундом, и двоюродным Свидригайло. Улуг-Мухаммад поддержал последнего. Юрий Дмитриевич и Свидригайло были лично знакомы как минимум четверть века. В 1408 г., когда обстоятельства вынудили Свидригайло покинуть Литву, он подался в великое княжество Московское к Василию I, зятю Витовта. Родственников великой княгини приняли «с честью с великою». Василий Дмитриевич в сопровождении старшего из братьев Юрия и бояр лично встретил приехавших «служить» литовцев за три версты от Москвы¹⁸. Свидригайло принял участие в войне против Витовта, но неудачи вынудили Василия I заключить мир с тестем с обязательством выдать Свидригайло (согласно А. Коцебу — изгнать), после чего тот бежал¹⁹. Видимо, такую возможность ему предоставили.

¹⁴ Л.В. Черепнин отрицал этот факт, однако Я.С. Лурье и А.А. Горский его не поддержали (*Лурье Я.С. Две истории Руси XV в.* СПб., 1994. С. 87–88; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 141).

¹⁵ Дефтеръ — ханская налоговая грамота с росписью размера выплат (Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 4. М., 1977. С. 240; ДДГ. № 34. С. 88; № 35. С. 90, 93, 96, 98).

¹⁶ Это объясняет неприязнь даруги к Юрию Дмитриевичу (ДДГ. № 30. С. 77, 80).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

¹⁸ Там же. Т. 18. СПб., 1913. С. 154–155, 156–157; Т. 25. С. 237; Росписи потомков князя Михаила Черниговского // *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. Приложение. С. 74; *Полехов С.В.* Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 137–138.

¹⁹ *Коцебу А.* Свидригайло, Великий Князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Росийской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 59–64; *Полехов С.В.* Наследники Витовта... С. 137–138.

На момент поездки Юрия Дмитриевича в Орду свояки оставались в хороших отношениях, на что указывают позднейшие события. Когда Свидригайло запланировал очередной поход против Сигизмунда, в Витебск в начале 1433 г. прибыли ему на подмогу отряды двоюродного брата его второй жены — тверского великого князя²⁰ и «москвичей» (в последних С.В. Полехов обоснованно видит рать, посланную Юрием Дмитриевичем). После захвата московского престола 31 марта 1434 г. он через послов заверил Свидригайло в готовности оказать помощь, и обещание выполнил: в письме от 25 апреля великому магистру Свидригайло сообщил о прибытии сына Юрия с многочисленным войском (в контексте событий в Московском княжестве можно определить, что это был Василий Косой)²¹. Понятно почему, когда осенью 1431 г. соперники явились в Орду, Улуг-Мухаммад, поддерживавший тогда Свидригайло²², выбрал Юрия Галицкого.

Но в конечном счёте великое княжение получил Василий. Из летописного рассказа очевидно, что непосредственной причиной отказа Юрию Галицкому стало покровительство ему Тегине. Летописец, не раскрывая содержания бесед Всеволожского с ордынцами, суть внушаемого им облек в риторический вопрос: «В вас тогды, что будеть, если князь Юрьи князь великы будет на Москве, а в Литве князь великы — побратим (его. — *И.П.*) Швидригаило, а Тегиня въ Орде и во царе волень?»²³. Боярин стремился не к возбуждению опасений по поводу роста могущества Тегине. Из текста видно, что степень его влияния уже была такова, что он «въ Орде и во царе волень». Из слов Всеволожского следует другое. Говоря об утверждении на московском престоле ставленника Тегине, он пугал ордынцев перспективой оформления коалиции глав великих княжеств Московского и Литовского (уже отмеченной в историографии) с Тегине, что и насторожило ордынскую знать и хана.

Причина опасений кроется в вырисовывавшемся будущем раздираемой смутами Орды. К началу XV в. ясно обозначился процесс её распада: некоторыми частями уже управляли независимые ханы²⁴. Тегине, конечно, осознавал и предстоящий окончательный развал, и появление на подведомственных ему территориях нового ханства. Проступали его контуры с центром в Крыму²⁵ и подвластными ему русскими землями²⁶. Ширинский бей мог размыш-

²⁰ Брак Свидригайло с родственницей Бориса Александровича заключён в период между 9 ноября 1430 и 29 декабря 1431 г. (*Полехов С.В.* Наследники Витовта... С. 256).

²¹ *Коцебу А.* Указ. соч. С. 190–191; *Полехов С.В.* Браки князя Свидригайла... С. 238.

²² *Пилипчук Я.* Гедиминовичи и Джучиды в 1380–1480 гг. (украинский и молдавский аспекты) // Крымское историческое обозрение. 2015. № 1. С. 63–65.

²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

²⁴ *Греков И.Б.* Указ. соч. С. 119.

²⁵ В.П. Гулевич считает, что «говорить о намерении крымских правителей создать отдельное от Золотой Орды ханство для конца XIV — первой трети XV в. будет преувеличением», но вместе с тем признаёт, что для этого «не хватало катализатора», и им стала ордынская знать (*Гулевич В.П.* Северное Причерноморье... С. 118–119).

²⁶ Об административной связи русских земель великого княжества Литовского с Крымским улусом см.: *Коцебу А.* Указ. соч. С. 127, 196; *Беспалов Р.А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI веков // Средневековая Русь. Вып. 11. М., 2014. С. 283, 285, 286–287. После отделения Крымского ханства его правители выдавали ярлыки на русские земли Литовского княжества и получали с них дань. Выплачивали дань крымским ханам и московские государи (*Флоря Б.Н.* Орда и государства Восточной Европы... С. 181, 183, 184; *Беспалов Р.А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 гг. и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории Антич-

лять о том, как и когда осуществится самоопределение нового государства, и был озабочен обеспечением превосходства в нём своего рода над другими²⁷. У Тегине уже сложились связи с правящими кругами Литвы²⁸. Утверждение на московском престоле его ставленника ещё более увеличило бы политическую значимость бея. Это позволило бы ему не только усилить своё влияние в Сарае, но и при необходимости поспособствовать успеху удобного кандидата на крымский престол в привлечении союзников в борьбе за независимость и сохранение суверенитета над русскими землями. В этом случае род Тегине мог рассчитывать на главенство среди знати нового ханства. Эти обстоятельства, видимо, Всеволожский просчитал и изложил окружению Улуг-Мухаммада.

Московский престол не достался союзнику Тегине, но тот не смирился и продолжал отстаивать интересы Юрия Дмитриевича. События, последовавшие за принятым на суде решением, лучше реконструируются по Холмогорской летописи²⁹, чей текст ближе других к оригиналу³⁰: «Царь даст великое княжение Василию Васильевичу Московское и повеле князю Юрию Дмитриевичу под великим князем Василием конь повести. Князь же великий Василей Васильевич не восхоте тем дяди своего, князя Юрья, обесчестити, а Ширин Тегиня ста о том же противу царя и хоте отступить от него, поне же бо в то время пошел бяше на Махметя Кичиахмет царь. Князь же великий Василий Васильевич убоявся того сотворити по Тегиневу слову, да придал дяде своему князю Юрию к его вотчине Дмитров»³¹. Видно, что отказ Василия II от церемонии, призванной подчеркнуть подчинённый статус дяди как великокняжеского вассала, связан не только с проявлением уважения к нему. В защиту Юрия Дмитриевича выступил Тегине, и Василий II «убоявся». Передача Дмитрова, похоже, также произошла под давлением влиятельного бея, так как по возвращении на Русь Василий II город у дяди отобрал. Действуя в интересах Юрия Дмитриевича, Тегине избавил его не только от публичного унижения. С передачей Дмитрова союзник Тегине и Свидригайло получал дополнительные материальные и людские ресурсы.

Василий II вернулся в Москву 29 июня 1432 г., но лишь 5 октября представитель хана царевич Мансур («Мансырь Улань») совершил обряд посажения на стол³². Черепнин ошибочно написал, что представитель хана прибыл на Русь только через три месяца, но это неверно. Летописи зафиксировали его

ного и Средневекового Крыма. Вып. V. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30, 34; Беспалов Р.А. Реконструкция dokonчания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года // Очерки феодальной России. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 22–23.

²⁷ В последнем Тегине, несомненно, преуспел: все крымские ханы, включая родоначальника династии Гиреев, избирались по воле Ширинских беев, а сами Ширины оставались знатнейшим крымским родом (Лашков Ф.Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Отдел второй: документы беев // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Т. 23. Симферополь, 1895. № 55. С. 37).

²⁸ Думин С.В. Литовская ветвь князей Ширинских // Дворянские роды Российской империи. Т. 3. М., 1996. С. 200; Гулевич В.П. Северное Причерноморье... С. 119.

²⁹ Памятник середины XVI в., в основе которого лежит общерусское летописание (Лурье Я.С. Холмогорская летопись // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 25. М.; Л., 1970. С. 135–149).

³⁰ Только в этой летописи при упоминании побратимства Юрия и Свидригайло уточняется, что оно связано с первым браком удельного князя. Деталь, очевидно, как незначительная при позднейшем редактировании московского летописания опущена ради сокращения текста.

³¹ ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 98.

³² Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 64.

приезд вместе с Василием II, но, думается, историк верно связал задержку интронизации с борьбой за власть в Орде³³. Посланник, похоже, ждал её исхода: при поражении Улуг-Мухаммада его решение утратило бы силу и могло быть пересмотрено.

Итак, при выборе Ордой кандидата на великое княжение Московское в 1431–1432 гг. легитимность прав кандидатов, на которой акцентировали внимание исследователи, в расчёт не принималась. Решающими стали соображения геополитического порядка. Хотя в Сарае ещё шла борьба за верховную власть, всё больше проявлялась тенденция к распаду Золотой Орды. В Литве, которая активно вмешивалась в её дела, началась династическая война. В этих условиях Московское княжество рассматривалось соседями в качестве потенциального союзника, способного оказать существенное влияние на исход борьбы. Глава Орды хан Улуг-Мухаммад сначала решил передать московский престол родственнику поддержанного им претендента на великое княжение Литовское Свидригайло — удельному князю Звенигородскому и Галицкому Юрию Дмитриевичу, но тесные политические связи с правителями обоих великих княжеств бея Тегине, курировавшего часть Орды с центром в Крыму, создали угрозу отпадения ряда территорий с выводом из-под суверенитета Сарая и всех русских земель. В сложившихся условиях кандидатура Василия II оказалась предпочтительнее, что и определило выбор хана.

³³ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства... С. 754.

«Выходы ордынские» духовных и договорных грамот московских князей конца XV — первой трети XVI в.

Антон Горский

The «Vychody ordynskie» in testaments and treaties of Moscow princes of the end of the 15th — first third of the 16th century

Anton Gorsky

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24010031, EDN: CPDJEN

Выходом в эпоху ордынской власти назывался главный налог с русских земель в пользу Орды. Слово является переводом арабского названия налога — «харадж» (что дословно и значит «выход»)¹. «Выход» представлял собой налог, исчисляемый на основе сведений о количестве податного населения². Наиболее ранние упоминания термина содержатся в летописных источниках и относятся к событиям 1321 и 1339 гг. Под 1321 г. упоминается «сребро выходное», переданное тверскими князьями великому князю владимирскому Юрию Даниловичу³, а под 1339 г. — собственно «выход»: «Ко князю же Ивану (великому князю Ивану Даниловичу Калите. — А.Г.) послаша (новгородцы. — А.Г.) Селивестра Волошевича и Федора Оврамова с выходом. Князь же присла послы свои, прося другого выхода: “а еще дайте мне запрось цесаревъ; чого у мене цесарь запрошалъ”»⁴; «А князь Александръ Михайловичъ Пронский пошелъ быть въ Орду ко царю с выходомъ»⁵.

В актовом источнике первое упоминание фиксируется в договорной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича с тверским князем Михаилом Александровичем (1375): «Ни выходом не надобѣ тобѣ ко Тфери Кашину тянути»; «А будет нам дати выход, по думѣ же, а будет не дати, по думѣ же»⁶. Впоследствии термин «выход» постоянно встречается в духовных и договорных грамотах князей Северо-Восточной Руси⁷. Его продолжали применять и в конце XV — первой трети XVI в., когда, по общепринятому представлению, зави-

© 2024 г. А.А. Горский

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 271; *Добродомов И.Г.* Выход, туска, харадж и другие фискальные термины в языках Среднего Поволжья // *Диалекты и топонимия Поволжья*. Вып. 3. Чебоксары, 1975. С. 43–44; *Golden P.* Vychod: Aspects of Medieval Eastern Slavic-Altaic Culturo-Linguistic Relations // *Golden P.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. București; Brăila, 2011.

² *Горский А.А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 81–82.

³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 41.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 350.

⁵ *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 363 и примеч. 2; ср.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.; Л., 1950. № 9. С. 26.

⁷ Там же. № 11. С. 31; № 12. С. 36; № 13. С. 39; № 17. С. 49; № 27. С. 71; № 29. С. 74; № 30. С. 7, 80; № 34. С. 88; № 35. С. 90, 93, 96, 98–99; № 38. С. 108, 111, 113, 116; № 41. С. 122; № 42. С. 124; № 43. С. 126; № 44. С. 127–128; № 45. С. 131, 134, 137, 139; № 48. С. 147; № 52. С. 157, 159; № 55. С. 165–166, 168; № 56. С. 170–171, 173–174; № 58. С. 181, 185; № 61. С. 197; № 64. С. 209,

симости Московского государства от ордынских ханов уже не существовало. Приведём случаи такого употребления:

— договор Ивана III с братом Андреем Углицким, 1481 г.: «А въ выход ти мнѣ давати, въ тысячу рублей, сто рублей и тритцать алтын и три денги»⁸;

— договор Ивана III с братом Борисом Волоцким, 1481 г.: «А въ выход ти мнѣ давати, въ тысячу рублей, шестьдесят рублей с рублем да десять алтын з денгою»⁹;

— договор Ивана III с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем, 1482 г.: «А в выход ми у тебя имати и у твоего сына по старым дефтерем, по крестному целованию. А коли яз, князь велики, выхода в Орду не дам, и мнѣ у тебя не взяти и у твоего сына»¹⁰;

— договор Ивана III с Михаилом Андреевичем, 1483 г.: «А въ выход ми имати у тебя по старым дефтерем, по крестному целованию. А коли яз, князь велики, в Орду выхода не дам, и мнѣ и у тебя не взяти»¹¹;

— договор Ивана III с Борисом Волоцким, 1486 г.: «А въ выход ти нам давати, в тысячу рублей, шестьдесят рублей с рублем да десять алтын з денгою»¹²;

— договор Ивана III с Андреем Углицким, 1486 г.: «А въ выход ти нам давати, в тысячу рублей, сто рублей и полшеста рубля и польосма алтына»¹³;

— духовная грамота Ивана III, 1503 г.¹⁴: «А дѣти мои, Юрьи з братьею, дают сыну моему Василью съ своих уделов в выходы в ордынские, и въ Крым, и в Азтарахань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в ыные цари и во царевичи, которые будут у сына моего у Василья въ землѣ, и в послы в татарские, которые придут къ Москвѣ, и ко Тѣфѣри, и к Новугороду к Нижнему, и къ Ярославлю, и к Торусе, и к Рязани къ Старои, и къ Перевитску ко княж Феодоровскому жеребью рязанского, и во всѣ татарские проторы, въ тысячу рублей... (далее распределение сумм между сыновьями, включая наследующего великое княжение старшего Василия, и племянником. — А.Г.). А будет того болѣ или менши татарской протор, и сынъ мои Василей, и мои дѣти, Юрьи з братьею, и братанич мои Феодоръ, дают по розочту»¹⁵;

— договор Василия III с братом Юрием Дмитровским, 1504 г.: «А въ выходы ми, господине, въ ординьские, и въ Крым, и в Асторокань, и в Казань, и во Царевичевъ городок, и в ыные цари и въ царевичи, которые будутъ у тебя въ землѣ, или у твоего сына, у великого князя, и въ всѣ татарские проторы давати ми тобѣ и твоему сыну, великому князю, со всѣи моеи вотчины по тому, какъ отецъ нашъ, князь велики, въ своеи духовной грамотѣ написал»¹⁶;

— договор Василия III с Юрием Дмитровским, 1531 г.: «А въ выходы ти в ордынские, и в Крым, и в Азторокань, и в Казань, и во Царевичев городок, и в ыные цари и в царевичи, которые будут у меня в землѣ и у моего сына Ива-

211; № 65. С. 214; № 66. С. 215; № 67. С. 218, 220; № 69. С. 226, 228, 231; № 70. С. 234, 236, 238, 240, 244, 246, 249.

⁸ Там же. № 72. С. 254, 256, 259, 262, 265, 267.

⁹ Там же. № 73. С. 270, 272, 274.

¹⁰ Там же. № 75. С. 279, 282.

¹¹ Там же. № 78. С. 295.

¹² Там же. № 81. С. 318, 321.

¹³ Там же. № 82. С. 325, 328.

¹⁴ О датировке грамоты см.: *Кашианов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 198–202.

¹⁵ ДДГ. № 89. С. 362.

¹⁶ Там же. № 90. С. 365, 367, 369.

на, и во всё татарские проторы давати мнѣ и моему сыну Ивану со всеѣ своей отчины по тому, как отецъ нашъ, князь велики, въ своей духовной грамоте написал»¹⁷.

Сохранение упоминаний «выхода» в данную эпоху не прошло мимо внимания исследователей¹⁸, и данный факт иногда вводит учёных в заблуждение. А.Л. Хорошкевич сделала на основе наличия пункта о «выходе» в завещании Ивана III вывод, что великий князь не был уверен, что его сыновья сохранят независимость от Орды¹⁹. В.А. Кучкин констатировал противоречие между статьёй о «выходах» в грамоте 1531 г. и тем фактом, что с зависимостью от Большой Орды (главного наследника бывшего единого улуса Джучи) покончили за полвека до того, но ограничился расплывчатым суждением: «По всей видимости, “выход” с населения Руси в 30-е годы XVI в. продолжал взиматься в тех же размерах, что и раньше, но прекратил считаться обязательной выплатой и расходовался великим князем по своему усмотрению в зависимости от того, кто из измельчавших чингизидов был в дружественных отношениях с Русским государством, а кто не был»²⁰. Оставлено без внимания, что начиная с завещания Ивана III произошла смена единственного числа термина на множественное — «выходы», и ни о каком взимании «с населения Руси» «выхода» (и соответственно о сохранении его размеров), в источниках речь не идёт: там оговариваются вклады родственников великого князя в общую сумму «выходов», определённую в духовной грамоте Ивана III в тысячу рублей с оговоркой, что она может оказаться (в тот или иной год) больше или меньше.

Зависимость от Большой Орды прекратилась в результате череды событий 1470-х гг. Иван III перестал платить в неё «выход» в 1472 г. (на этот счёт имеется прямое известие достоверного источника)²¹, и впоследствии только однажды выслали дань — зимой 1501/02 г., перед падением Орды сына Ахмата Шейх-Ахмета (и это было не более чем ходом в дипломатической игре)²². Если воспринимать применение термина «выход» в грамотах, появившихся после 1480 г., в привычном смысле (главный налог, олицетворяющий зависимость), то, исходя из перечней духовной Ивана III и договоров Василия с Юрием 1504 и 1531 гг., где названы в качестве получателей «выходов» Крым, Казань, Астрахань и Городец Мещерский (Касимов), придётся признать, что «иго» не только не прекратилось (ни в 1480 г., когда произошло «стояние на Угре», ни в 1502 г., когда под ударом крымского хана Менгли-Гирея пала Большая Орда), но усилилось: ведь теперь вместо одного «сюзерена» стало несколько, включая касимовского царевича (и даже «иных», которые могут оказаться на Руси). Можно предполагать, что размер выплат был меньше, чем в прежние времена, но дело ведь не в размерах, а в принципе — если платится «выход», значит, признаётся зависимое положение.

¹⁷ Там же. № 101. С. 417, 419.

¹⁸ См.: Горский А.Д. Отражение русско-ордынских отношений в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV — начала XVI в. // Горский А.А. Москва и Орда. М., 2016. С. 186 (работа А.Д. Горского написана в 1987 г.).

¹⁹ Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // Отечественная история. 1994. № 3. С. 40, примеч. 22.

²⁰ Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход» // Русь в XIII—XV веках: новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 32–33.

²¹ Горский А.А. Москва и Орда. С. 155–159.

²² Там же. С. 175–176.

В действительности дело здесь — в особенностях терминологии. Разумеется, никакой политической зависимости Московской Руси от постордынских государств в конце XV — первой половине XVI в. не существовало. Касимовский царевич состоял на службе московского князя. Казанское ханство с 1487 г. находилось в зависимости от Москвы, Иван III сажал там своих ставленников (при Василии III это положение не всегда сохранялось, главным образом из-за противодействия Крымского ханства). Крымским ханам выплачивали «поминки» (дары), но не фиксированную дань²³.

«Выходы» в договорных и духовных грамотах конца XV — первой трети XVI в. — это обобщающее название трат на контакты с постордынскими государствами. Под данное понятие подходили и жалование правителю, служащему московскому князю (как это было с касимовскими царевичами и «царями»), и обеспечение послов из татарских ханств, и «поминки» их правителям, направляемые с русскими послами — всё это обобщённо именовалось «выходами ордынскими и проторами». Следовательно, помимо прежнего узкого значения понятия «выход» — главный ежегодный платёж, выражающий зависимость, появилось понятие «выходов» в широком смысле. И переход с традиционного единственного числа («выход») к множественному («выходы»), наблюдаемый с завещания Ивана III, отображал изменение значения термина²⁴.

Но естественно задаться вопросом — коль скоро в Москве называли одним в основе термином и платёж, символизировавший ранее зависимость от Орды, и расходы на взаимоотношения с постордынскими государствами, может быть, разница между этими выплатами ясно не осознавалась, и правящие круги Московского великого княжества полагали, что некая зависимость по-прежнему сохраняется? Нет, разница осознавалась вполне чётко. Данный вывод следует из того факта, что в великокняжеской канцелярии для платежей, связанных с зависимостью, стал применяться иной, специальный термин. Это следует из посольских документов периода установления союзнических отношений Москвы с Крымским ханством.

В трёх представленных московской стороной в 1474 г. проектах текста «докончального ярлыка» (документа, закрепляющего с крымской стороны отношения союза) хана Менгли-Гирея Ивану III повторяется формула: «А пошлинамъ даражскимъ и инымъ пошлинамъ всѣмъ некоторымъ не быти». С ней связана другая повторяющаяся норма: «А коли мой посол от меня пойдет к тобѣ, къ великому князю, и мнѣ его к тобѣ послать безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей»²⁵ (последнее положение присутствует и в документах посольств 1477 и 1480 гг.)²⁶. «Пошлинами» именовались издавна установленные подати²⁷. А что подразумевалось под «пошлинами даражскими»?

²³ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. М., 2001. С. 225–258; Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 862–864.

²⁴ В договорах Ивана III с братьями 1480–1490-х гг. единственное число термина сохранялось, поскольку они составлялись по образцу более ранних договорных грамот между теми же контрагентами.

²⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884. № 1. С. 1–2, 4–6.

²⁶ Там же. № 3. С. 13–14; № 5. С. 20.

²⁷ Горский А.А. Русское средневековое общество... С. 277.

«Даруги (дороги, дараги)» — ордынские чиновники, ведавшие подвластными территориями, в том числе сбором податей²⁸. В 1498 г. Менгли-Гирей писал Ивану III по поводу одоевских князей, чьи владения ранее входили в состав Великого княжества Литовского, а по московско-литовскому договору 1494 г. перешли под московскую власть²⁹: «Из старины одоевских городов князи, по старине к нам, что давали ясаку тысячу алтын, а дарагамъ другую тысячу алтын давали, по той пошлине дарагу их Бахшейша послал есми. Как есть писан ясакъ нашъ две тысячи алтын (60 руб. — А.Г.) пошлину нашу безубыточно и дати нам не похотят, и ты бы, взяв на них, да дал»³⁰. Иван III в ответном послании (1500 г.) просил: «А ты бы одоевским княземъ вперед свою пошлину отложил, да и дараг бы еси их к ним не посылал по свою пошлину, меня де-ля»³¹. Таким образом, «пошлина», взимаемая ранее с одоевских князей даругами, отождествляется с «ясаком». Последний термин (в переводе — «дань», «подать»³²) обозначал в Орде и постордынских государствах совокупность налогов, включая «харадж» — «выход»³³. Следовательно, «пошлины даражские» — это «выход» (в старом, узком смысле)³⁴. При установлении отношений Московского великого княжества с Крымским ханством стороны оговаривали, что платежей, связанных с прежней зависимостью от Орды, с московской стороны не будет. Соответственно под «выходами» (в том числе предназначенными в Крым) в позднейших духовной Ивана III и договорных грамотах имеется в виду иное — окказиональные, а не постоянные выплаты.

Таким образом, между фактом прекращения выплаты выхода с 1472 г., знаменующим освобождение от зависимости, и сохранением понятия «выходы ордынские» для обозначения расходов на отношения с постордынскими государствами нет противоречия, и употребление последнего термина не должно вызывать недоумения. Использование слова «выходы» во множественном числе для именованя трат на отношения с ханствами, сложившимися на развалинах Орды, не считалось в конце XV — первой половине XVI в. унижительным или подвергающим сомнению суверенитет формирующегося Российского государства, потому что для платежей, подчёркивающих зависимость платящего, стал применяться в это время другой термин — «пошлины даражские».

²⁸ В XV в. под 1432 г. упоминаются «дорога московский» и под 1471 г. «дорога рязанский» (ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 249; Т. 18. СПб., 1913. С. 224). О даругах см.: *Маслова С.А.* Даруги и баскаки: соотношение должностей // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014. № 4(58). С. 23–36; *Золотая Орда в мировой истории*. С. 152.

²⁹ ДДГ. № 83. С. 330.

³⁰ Цит. по новейшей публикации: *Беспалов Р.А.* История Новосильско-Одоевской земли до начала XVI века в контексте международных отношений в Восточной Европе. М.; СПб., 2021. Приложение № 12. С. 577.

³¹ Там же. № 13. С. 578.

³² *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 564.

³³ *Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 127–129; *Золотая Орда в мировой истории*. С. 182, 859. См. также ретроспективное именование в Устюжской летописи XVI в. дани с русских земель «ясаком» (под 1262 г.): ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 30, 70.

³⁴ С русских земель Великого княжества Литовского, в числе которых до 1494 г. находилось Одоевское княжество, «выход» в Орду традиционно выплачивался (*Русина О.* Україна під татарами і Литвою. Київ, 1998. С. 58–61; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым... С. 230–231).

Спорные проблемы истории закрепощения и миграций в России конца XVI — первой половины XVII в.

Владимир Аракчеев

Controversial problems of the history of enserfment and migration in Russia at the end of the 16th — first half of the 17th century

Vladimir Arakcheev

*(Russian State Archive of Ancient Acts; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X24010042, EDN: CNVMMY

Публикация дискуссионной статьи К.Ю. Ерусалимского о взаимосвязи крепостного права и миграционной политики — знаковое явление, обозначающее возвращение в научный дискурс ключевой проблемы истории России раннего Нового времени¹. Нижеследующие полемические заметки представляют собой не только ответ на критику уважаемого автора, но и свод аргументов, призванных уточнить обоснованную мною ранее концепцию².

К.Ю. Ерусалимский поставил своей задачей выявить «истoki новаций в праве на крестьянские души и их собственность» и категорически выступает против того, чтобы искать их «в особенностях феодальных порядков, классовой природе эксплуатации тяглого населения феодалами и в интересах крестьянского “мира”». Автор полагает, что российской историографии о крепостном праве свойственно «научное забвение» таких сопровождавших его развитие факторов, как «дипломатические договорённости и многолетняя война, вызвавшая разруху и ухудшение жизни низших слоёв российского общества и усиление податного бремени»³. Одним словом, Ерусалимский убеждён в невозможности объяснить генезис крепостного права в России эндогенными факторами, настаивая на экзогенном характере причин происходивших сдвигов.

Автор выдвинул ряд гипотез, обоснованных с разной степенью убедительности. Прежде всего он подверг ревизии умозаключения историков о «заповедных годах», и с рядом его заключений следует согласиться. Не подлежит сомнению обоснованный мною ранее и поддержанный Ерусалимским вывод об отсутствии документальных свидетельств издания «указа о закрепощении» 1592 г., доказательству существования которого посвятил свои труды В.И. Корецкий⁴. Столь же очевидно ключевое значение миграций населения, приводивших в конце XVI в. к сокращению налогооблагаемой базы государства и ставивших под угрозу его обороноспособность. Миграционный поток на юж-

© 2024 г. В.А. Аракчеев

¹ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право и миграционная политика в России в конце XVI — начале XVII в. // Российская история. 2023. № 1. С. 3—25.

² Аракчеев В.А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII в. Екатеринбург, 2014. С. 282—362.

³ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 16—17.

⁴ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 308—319; Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 4—5.

ные и восточные границы государства до середины XVII в. неисчислимы ввиду отсутствия источников, но о его значительных масштабах можно судить по темпам освоения «Дикого поля», Поволжья, Урала и Сибири.

Вразрез с двухвековой историографической традицией Ерусалимский выдвинул и попытался обосновать гипотезу о том, что в указах о «заповедных летах» и урочных годах подразумевался запрет на выход крестьян, посадских людей и холопов за западную границу государства, а предметом расследований были нарушения запрета на приграничные «выходы» и побег за границу. «Ограничение выходов за государственные границы и отражено в международных договорах Российского царства и связанных с ними указах, известных как предвестие крепостничества, и именно с этими договорами прямо коррелируют по времени своего возникновения и содержащимся в них санкциям известные ныне указы и приговоры 1597–1618 гг.»⁵. Для обоснования этого предположения автор проанализировал договоры России с Великим княжеством Литовским (Речью Посполитой) с 1449 по 1619 г. Клаузулу договоров о выдаче договаривающимися сторонами друг другу «холопа, робы, должника, поручника, татя, розбойника, беглеца, рубежника» Ерусалимский понимает как обязательство возвращения в том числе и «жителей приграничных районов», уходящих «от своего тягла и со службы»⁶.

Вышеперечисленные гипотезы покоятся на двух методологически небезупречных концептуальных основаниях. Во-первых, представления Ерусалимского об административной системе и социальной структуре России конца XVI – XVII в. не вполне отвечают достижениям современной исторической науки. Автор является сторонником теории «закрепощения всех сословий» в России; его вывод о «частичном закрепощении служилого и тяглового населения»⁷ соотносится с архаичной концепцией К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, пересмотренной уже в трудах русских историков, работавших на рубеже XIX–XX вв., – В.О. Ключевского и М.А. Дьяконова. Ключевский определённо писал о крепостном состоянии крестьян с конца XVI в., в то время как применительно к служилым людям говорил об их «государственных обязанностях» по службе, выполнение которых порождало «сословные права по состоянию», и главное из них – личное землевладение с правом владения крепостным населением⁸.

Во-вторых, правовое положение крестьянства в Московском государстве в конце XVI – середине XVII в. оставалось не вполне определённым. Ерусалимский пишет о крестьянах вообще, не делая разницы между крестьянами поместными, вотчинными, монастырскими, черносошными, дворцовыми. Между тем их правовое положение и формы закрепощения в описываемое время существенно различались. Даже в Соборном уложении 1649 г. процедуры возврата беглых дворцовых, черносошных и частновладельческих крестьян не были одинаковыми: если первых следовало свозить на «старые их жеребьи», используя процедуру сыска без суда, то вторых – «отдавать» на земли прежних владельцев «по суду и по сыску»⁹.

⁵ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 7, 25.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 14, 24.

⁸ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 363–374.

⁹ Аракчеев В.А. Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй половине XVII в. // Российская история. 2023. № 1. С. 37–38.

В гипотезе Ерусалимского важное место занимает вопрос о крепостном праве на холопов. Ключевский ещё в конце XIX в. установил, что «крепостными людьми» изначально в XV–XVI вв. назывались холопы, и именно документы на владение холопами (полные грамоты, кабальные записи) в русском делопроизводстве именовались «крепостями». Видимо, основываясь на этом представлении, автор посчитал, что закрепостительные мероприятия конца XVI – начала XVII в. касались также и холопов, тем более что в то время были приняты важные указы о холопстве¹⁰. Однако Ерусалимский не учёл, что холопы составляли отдельную страту общества, пополнявшуюся представителями практически всех других сословий, но столь же резко отделённую от них. Внешне в указах о холопах рассматривались некоторые проблемы, сходные с проблемами крестьян, например, вопрос об их бегстве от господ. Но этот вопрос никак не связан с ключевой проблемой крестьянского «выхода» – холопы в отличие от крестьян не несли тягла, а интерес государства в сыске холопов был исключительно гражданско-правовым и состоял в защите интереса собственника-холоповладельца. Вопросы истории холопства в науке как правило рассматриваются изолированно от проблемы закрепощения крестьян, и Е.И. Колычевой не удалось доказать, что «задворные люди» уже в XVI в. составляли столь значимую страту, что их положение предопределило этот процесс¹¹.

В-третьих, Ерусалимскому свойственно фантастическое представление о системе органов власти в России конца XVI – начала XVII в. Недоразумением является утверждение автора, что «Новгородская земля была полунезависимым государством, через которое осуществлялись дипломатические отношения с Шведским королевством». Последним по времени посольством к королю от наместника Великого Новгорода стало посольство А.Ф. Тушина 1562 г., а уже с марта 1565 г. дипломатические отношения со Швецией осуществлялись ливонским наместником. После этого дипломатические контакты велись непосредственно между государями, в частности, посла И.М. Воронцова в 1569 г. король Иоганн отпустил к царю¹².

Ерусалимский полагает, что в 1580–1590-х гг. договорами России и Речи Посполитой «устанавливалась двухступенчатая система приграничных судов: украинные суды князей, наместников и волостелей на первом этапе». Но дело в том, что современными исследованиями доказано, что к концу XVI в. институты наместников и тем более волостелей уже не существовали: с 1580-х гг. власть на местах находилась в руках приказных людей и воевод, и даже если последние обладали княжеским титулом, называть их «князьями» неверно¹³.

Обнаружив контроль Посольского приказа и его главы А. Щелкалова за исполнением законов об ограничениях выхода крестьян в пограничном Ельце и в Новгородской земле, Ерусалимский делает вывод о «межгосударственном

¹⁰ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 17–20.

¹¹ Колычева Е.И. Холопство и крепостничество. М., 1971. С. 54–75; Панях В.М. Холопство в XVI – начале XVII в. М., 1975. С. 48–71.

¹² Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 8; Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). Т. 129. СПб., 1910. С. 123–124; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. С. 407.

¹³ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 13–14; Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 383–397.

значении» режима «заповедных лет». Далее он приводит ещё более фантастическую версию о том, что «вопрос перемещения крестьян... не закрепился за каким-то приказом, а контролировался непосредственно царём и Боярской думой при помощи биричей»¹⁴. Между тем в дореволюционных и современных исследованиях убедительно показано, что Посольский приказ управлял «польскими городами» (в том числе Ельцом) как высшая административно-судебная инстанция, а участие судьи Посольского приказа в администрировании вопросов перехода тяглого населения в Новгородской земле обусловлено тем, что территориальный приказ Новгородская четверть в 1580–1590-х гг. пребывал в стадии формирования и находился под управлением дьяка Посольского приказа¹⁵. В первой половине XVII в. сыск беглых перешёл в непосредственное ведение приказов-четвертей.

Во-вторых, понимание Ерусалимским комплекса источников по истории закрепощения не вполне соответствует новейшим достижениям исторической науки, а выводы исследователей трактуются им зачастую превратно. Так, говоря о праве крестьянина на смену места жительства в Юрьев день, автор подразумевает, в полном соответствии с представлениями советских историков, что нормы ст. 88 Судебника распространялись исключительно на частновладельческих крестьян. «Договор с господином и являлся “крепостью”, предполагающей взаимные обязательства между ним и подданным»¹⁶. В этом предложении содержится в явной и подразумеваемой формах, как минимум, сразу три спорных утверждения. Во-первых, автор проигнорировал результаты моего исследования о крестьянских переходах в XV–XVI вв., в котором доказывается, что нормы ст. 57 и 88 Судебника, описывающие процедуру отказа, распространялись на все категории крестьян, включая черносошных¹⁷. Во-вторых, функцию «крепости», закрепощавшей крестьянина за землевладельцем, порядные грамоты стали выполнять лишь в XVII в., когда документы этого типа включались в записные книги приказных изб¹⁸. И, наконец, даже крепостные крестьяне никогда не были «подданными» своих землевладельцев, оставаясь таковыми лишь для государства.

В центре внимания Ерусалимского предсказуемо оказался феномен «заповедных лет», с которым в историографии увязаны первые шаги правительства по закрепощению крестьян. Вопреки суждениям предшественников (хотя персонально автор упоминает лишь Д.Я. Самоквасова), Ерусалимский полагает: «Заповедь полностью лишала крестьян права на несанкционированный уход от господина, что было тесно связано с запретом на уход за пределы России, поскольку движение свободного крестьянина, оставившего своего господина, выходило из-под контроля и воспринималось как нарушение дипломатических соглашений»¹⁹. Это общее определение дополняется частными. Так, говоря о «заповедных годах» и ссылаясь на мою работу, автор пишет, что «обыски

¹⁴ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 7, 22.

¹⁵ Павлов А.П. Эволюция четвертных приказов в конце XVI – начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 217–227; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 190–198; Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 390–397.

¹⁶ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 17.

¹⁷ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 147–164.

¹⁸ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. Л., 1962. С. 224–230.

¹⁹ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 23–24.

велись в поместьях, запустевших или утративших владельцев»²⁰. Проверим обоснованность суждений автора.

В моём исследовании указано, что запустевшими или утратившими владельцев были поместья, где проходило большинство известных обысков второй половины 1580-х гг. (64). Если же говорить об 11 обыскных записях с упоминанием «заповедных лет», то они как раз проводились в поместьях отнюдь не запустевших (почти всегда указывается, что крестьяне ушли с тягла) и не утративших владельцев, ибо именно помещики подавали иски в суд²¹.

Проверка обоснованности общего определения Ерусалимского потребует установления возможной связи режима «заповедных лет» с трансграничными миграциями крестьян и внешнеполитическими договорённостями российского правительства. Феномен «заповедных лет» известен из упоминаний в 13 документах 1585–1592 гг., большинство из них относятся к Деревской пятине Новгородской земли. Если исключить наиболее раннее (1585) и поздние (1590/91 и 1592) упоминания, то основной комплекс известий об этом феномене относится к весне 1588 г.: это материалы семи обысков, проведённых губными старостами Мусиным и Бунковым с 30 марта по 16 апреля. Рассмотрим обстоятельства проведения обысков в погостах Деревской пятины весной 1588 г.

Поместья кн. Богдана Кропоткина располагались в Михайловском и Березайском погостах. За четыре года помещик лишился 12 крестьянских дворов: в 1584 г. от него вышли три крестьянина, в 1585 г. — ещё три, в 1586 г. — один, в 1587 г. — пять. Все 12 крестьян ушли в соседний Жабенский погост Деревской пятины и порядились во владения местных детей боярских. Волостные крестьяне Михайловского, Березайского и Коломенского погостов заявили, что беглецы ушли «в государевы заповедные годы с тяглые пашни, а у тех детей боярских, которые в сем обыску писаны, живут в пустых деревнях, а не на тяглых землях». В то же время жители отдалённого Боровицкого погоста, подтвердив факт ухода крестьян в «заповедные годы», не смогли точно указать, «за ково вышли имянем, и живут на тяглых ли землях, или не на тяглых»²². Исследователи единодушны в признании, что выход крестьян из тягла был главным основанием для их сыска и возвращения. Аналогичной процедуре обыска подверглись жители Сеглинского, Млевского погостов и Березовского ряда 11–13 апреля 1588 г. В 1582 г., когда помещик И. Непейцын находился на службе, участвуя в войне с Швецией, из его поместья деревни Крутец в Сеглинском погосте в Никольский монастырь соседнего Михайловского погоста сбежали два крестьянина. Непейцын подал челобитную с жалобой «на старца на Стахия на Николского монастыря Едровского в беглых крестьянех: на Васку, да на Трешку на Гавриловых детей, что они збежали в заповедные годы»²³. По царскому указу и грамоте дьяка С. Емельянова губные старосты Мусин и Бунков провели обыски в Сеглинском погосте, где жили крестьяне, а также в двух соседних — Млевском погосте и Березовском ряду.

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 286–289.

²² Дьяконов М.А. Заповедные и выходные лета // Известия Петроградского политехнического института. 1915. Т. XXIV. С. 3–4; Антипов Г.Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 415–418; Самокасов Д.Я. Архивный материал. Т. 2. М., 1909. С. 451.

²³ РГАДА, ф. 1209, оп. 3, кн. 16935, л. 287–287 об.

Три последних обыска были предприняты приказчиком Едровского яма Посником Скобеевым в ноябре 1589 г. также по царскому указу и грамоте новгородских воевод. Предметом обыска стали крестьяне, которых в 1583 г. вывезли из поместья, позднее пожалованного Т.Г. Пестрикову. Осенью 1589 г. Пестриков в очередной раз обращался к властям по поводу вывоза крестьян; впервые он бил челом ещё до 14 сентября 1585 г., когда губные старосты П. Есипов и Г. Скрыплев спрашивали крестьян Березайского погоста о судьбе жителей сельца Заостровья. Из обстоятельств дела следует, что бывший владелец сельца кн. М.И. Кропоткин в 1584 г. после праздника Покрова Богородицы вывез трёх крестьян, посадив двух из них в своём поместье в сельце Велье, а одного отдал родственнику кн. П.И. Кропоткину в деревню Липское. Окрестные помещики и крестьяне подтвердили, что Кропоткин не только вывез крестьян, но и не пускал в поместье нового владельца Пестрикова, и сжал посеянную им рожь. Спустя 8,5 месяцев, 30 мая 1586 г., губные старосты приехали в поместье Кропоткина в Рютинском погосте, которое он к тому времени уже променял своему зятю Б. Белеутову, и вывезли двух крестьян «в старые их дворы»²⁴. В материалах этого раннего дела 1585–1586 гг. термин «заповедные лета» не употреблялся. Спустя три года Пестриков вновь обратился с жалобой на прежнего владельца сельца Заостровья М. Кропоткина, в Великий пост 1583 г. вывезшего трёх крестьян из дворов церковного причта в вышеназванное сельцо Велье Рютинского погоста, которое впоследствии перешло к Б. Белеутову. По информации жителей Великопорожского погоста, крестьяне первоначально жили в Велье, затем в 7091 г. (осенью 1582 г.?) Кропоткин перевёз их в церковные дворы (на погост) сельца Заостровья, а весной 1583 г. вновь перевёл в Велье. Вывезенные крестьяне в Велье жили «не на тяглой земле, в захребетниках, и в книгах деи те его крестьяне за Борисом не написаны»²⁵.

Открытое и изученное В.И. Корецким дело Д.И. Языкова 1590–1591 гг. позволяет заключить, что материалы обысков, проводившихся губными старостами с целью поиска беглых и вывезенных крестьян, предназначались для суда. По делу Языкова можно реконструировать движение документации и основные этапы сыска крестьян в новгородских пятинах. Дело начиналось по челобитной, причём неоднократной, служилого человека. Челобитные дважды подавал Т. Пестриков (до 14 сентября 1585 г. и до 24 ноября 1589 г.), И. Непейцын (до 11 апреля 1588 г.), четыре челобитных подал сам Языков в 1590–1591 гг. Новгородские дьяки выдавали губным старостам обыскные грамоты, на основании которых и проводились обыски. Обычно староста или приказчики осуществляли обыски в трёх–четырёх погостах, и, если «обыскные люди» подтверждали факт бегства или вывоза крестьян, это служило достаточным основанием для передачи дела в суд. Как показывают материалы по сыску крестьян Языкова, судебные решения выполнялись не сразу, и губные старосты предприняли не менее трёх неудачных попыток вывоза беглых крестьян. Тем не менее по сохранившимся источникам можно заключить, что по суду крестьян отдавали прежним владельцам. В 1586 г. губные старосты отвезли в старые дворы крестьян Пестрикова, в 1587 г. — рядовичей Березовского ряда, в 1592 г. — крестьян В.З. Скобелыцына в Шелонской пятине²⁶.

²⁴ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. № 12. С. 444; № 42. С. 482.

²⁵ Дьяконов М.А. Заповедные и выходные лета... С. 3–4; Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 452, 453; Анпилов Г.Н. Новые документы... С. 418–420.

²⁶ Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 482–484; Анпилов Г.Н. Новые документы... С. 422–423.

Режим «заповедных лет» по сохранившимся источникам предстаёт как система возвращения беглых и вывезенных крестьян по инициативе самих землевладельцев и по суду, введённая в начале 1580-х гг. и действовавшая по меньшей мере до начала 1590-х гг. Срок давности по таким делам, видимо, не был установлен, и власти принимали челобитные о крестьянах, бежавших с 1581/82 г. Однако главный акцент в указе о «заповедных годах» делался не на запрет перехода, а на розыск беглых по челобитью землевладельца. Этим обстоятельством объясняются ставившие в тупик многих исследователей факты переходов крестьян в новгородских пятинах в 1580–1590-х гг. 20 марта 1585 г. новгородский Духов монастырь получил льготную грамоту на вотчины в Обо-нежской и Деревской пятинах; в последней из них безусловно действовал режим «заповедных лет». «Оживление» запустевших вотчин предполагалось осуществить за счёт отказа крестьян: «И называти ему на те пустые на льготные деревни крестьян нетяглых, з деревень от отцов детей, и от дядь племянников, и от братии братию, а с тяглых ему мест крестьян на те на льготные деревни не называти»²⁷. Кроме того, известны порядные Вяжищского монастыря 1590-х гг., по которым переход крестьян видится заурядной процедурой, осуществляемой в строгом соответствии со ст. 88 Судебника 1550 г. По всей видимости, «заповедные годы» представляли собой мероприятия, направленные против переходов тяглых крестьян, ответственных налогоплательщиков. Именно такие переходы сами крестьяне называли «выход побегом», и именно таких «выходцев» искали землевладельцы, объявляя их в «заповедь», т.е. в розыск.

Формуляр и содержание документов с упоминанием «заповедных лет» не оставляет сомнений, что действовавший порядок сыска беглых никак не связан с уходом крестьян за границы страны, тем более что «заповедные годы» упомянуты в акте Никольского Карельского монастыря, чья вотчина находилась в далёком от внешних границ Поморье²⁸. Ещё важнее следующее, отмеченное выше обстоятельство: обыщикам XVI в., как и историкам, хорошо известны владения, где находили пристанище беглые. Это, как правило, соседний монастырь или помещик, которые переманивали крестьян, предоставляя им льготу за счёт того, что они не учитывались в писцовых и платёжных книгах, и налогов с них платить было не нужно. Режим «заповедных лет» действовал только на поместно-вотчинных землях и предполагал возвращение беглых по суду. Мотивация утрачивавших крестьян землевладельцев и налогоплательщиков государства слишком очевидна, чтобы предполагать здесь ещё и межгосударственные интересы.

К глубокому сожалению, Ерусалимский не обратил внимания на узловой элемент моей концепции, состоящий в том, что установление крепостного права в России в 1580-х гг. не ограничивалось введением «заповедных лет». Вопреки мнениям Корецкого, Скрынникова и ориентирующегося на их труды Ерусалимского, я пришёл к выводу об осуществлении в начале царствования Фёдора Ивановича (март 1584 — июнь 1585 г.) параллельно с установлением в ряде регионов режима «заповедных лет» комплекса мероприятий по сыску и возвращению беглых посадских людей, черносошных и дворцовых крестьян²⁹. Выше мне уже пришлось опровергнуть построения Ерусалимского о единой страте

²⁷ Анпилогов Г.Н. Новые документы... С. 414.

²⁸ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). Т. XIV. СПб., 1894. С. 137.

²⁹ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 283–308.

закрепощаемых крестьян, под которыми он понимает исключительно крестьян частновладельческих.

Правовые нормы в отношении «чёрных» тяглецов действовали односторонне: они обязывали осуществлять сыск беглых дворцовых и «чёрных» крестьян «где ни буди», в том числе и на частновладельческих землях, но не предполагали сыск частновладельческих крестьян на посадах и в чёрных волостях. Наиболее раннее известное мне распоряжение о сыске беглых черносошных крестьян и посадских людей содержится в древнейшем сохранившемся писцовом наказе Галичского, Чухломского и Солигаличского уездов, датированном 30 июня 1585 г. Наказ предписывал писцам не просто выводить и сажать беглых «на старые дворы», но и непременно («однолично») прикреплять их системой поручительств и налоговой развёрстки: «А однолично Юрью Ивановичю и Леонтью тех городов посацких беглых людей и волостных крестьян сыскав где-нибудь, вывести назад, посадских людей на посад, а волостных крестьян в волости, и записи по ним поручные поимати, чтоб им жить по прежнему в старых своих дворах и государевы подати платить по своим жеребьям по сошному писму ровно, и вон не выходити без государева указу ни за кого»³⁰.

Упоминание «заповедных лет» в Торопецкой уставной грамоте 1590/91 г. вопреки мнению Скрынникова и других исследователей отнюдь не свидетельствует, что «заповедь» распространялась на посадских людей. В Торопецком уезде сложилась следующая ситуация: посадские люди Торопца вышли с посада ещё до введения «заповедных лет» и поселились в частновладельческих землях. С установлением режима «заповедных лет» в торопецких поместьях в 1580-х гг., как и в новгородских землях, их лишили права перехода. Записанные в писцовой книге 1583/84 г. тяглецы уже не могли быть вывезены «на старинные места», поскольку это нарушало введённый порядок. Поэтому по уставной грамоте 1590/91 г. посадская община Торопца получила в качестве одной из привилегий право вывоза своих «старинных» тяглецов из помещичьих и монастырских земель, не взирая на введение там «заповедных лет». Таким образом, есть основания полагать, что в писцовых наказах, составлявшихся в царствование Фёдора Ивановича, декларировалось прикрепление волостных (черносошных) крестьян и посадских людей к своим тяглым общинам. Практика прикрепления посадских людей к тяглу первоначально не осмыслялась как неизменная: по наказу 1585 г. посадским людям и волостным крестьянам предписывалось жить в своих старых дворах и «не выходити без государева указу ни за кого», что предполагало возможность отказа от такой практики «по государеву указу»³¹.

Указы об «урочных летах» Ерусалимский также увязывает со сроками действия договоров между Россией и Речью Посполитой, для чего делает ряд допущений: предполагает, что пятилетний сыск беглых действовал с 1586–1587 гг., а указ не позднее 1594 г. «был вызван судебными делами о побегах во время войны и предполагал амнистию для крестьян, сменивших господина без договора и уплаты “пожилого” во время Ливонской войны». Одновременно, предположил исследователь, «покидать без договора и оплаты своё место после заключения мира запрещалось». Автор отождествляет практики «заповедных лет» и указы об «урочных летах», когда, по его мнению, действовала «система

³⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. I. М., 1997. № 190. С. 158.

³¹ Там же. С. 156–158.

запретов на пересечение границ» в течение «10-летнего срока действия мирного договора, т.е. на урочные лета». Более поздние указы об урочных годах от 1 февраля 1606 г. и от 15 марта 1607 г. автор также соотносит с датами продления Ям-Запольского договора в 1591 и 1602 гг.³²

Совершенно неверно Ерусалимским трактуется положение указа от 24 ноября 1597 г. о пятилетнем сроке сыска крестьян. В указе сказано о «засуженных», но не «вершенных» «делах в беглых крестьянех» следующее: они будут завершены «по суду и по сыску», что свидетельствует о гражданско-правовом характере дел о беглых крестьянах. Автор же рассматривает гражданские иски по делам о беглых крестьянах «в одном ряду с амнистиями середины 1590-х гг. в отношении российских эмигрантов в Речь Посполитую». С точки зрения Ерусалимского, указами 1597 г. о крестьянах и холопах «опосредованно предполагалось создание льготных условий для возвращения в страну изменников, которым гарантировалась свобода и нераспространение на них крепостных обязательств»³³. Несостоятельность такого отождествления очевидна. Во-первых, амнистии могли быть подвергнуты лишь государственные или уголовные преступления, к числу первых, согласно статье Судебника, относилась государственная измена в форме побега служилого человека за рубеж. Во-вторых, и самое главное, произвольное распространение на представителей служилого сословия норм права, относящихся к крестьянам и холопам, предполагает ничем не доказанные представления о русском обществе как об аморфном неструктурированном целом.

В действительности, как показано в исследованиях автора этих строк, принятый в практике заповедных лет способ сыска и возвращения беглых оказался крайне громоздок и неудобен в применении, поскольку предполагал подачу судебного иска землевладельцев, «обыск» местного населения и саму судебную процедуру. Выполнение решений судов также было сопряжено с многими препятствиями, начиная от открытого сопротивления вывозимых и их соседей. Накопление судебных исков землевладельцев привело правительство к мысли об ограничении срока сыска крестьян, предпринятом на северо-западе России по указу, изданному ранее 3 мая 1594 г. Указ процитирован в тексте двух судебных дел из фонда Новгородской приказной избы 1593–1595 гг. Первое дело возбудили по поданной 5 июня 1594 г. челобитной помещика Обонежской пятины П. Арцыбашева, обвинявшего помещика А. Бухарина в свозе из общей деревни Телицыно Раменье крестьян и бобылей, утаённых от писцов. В ответной челобитной Бухарин изложил суть дела иначе, заявив, что он назвал крестьян и бобылей в пустую деревню ещё в 1583 г., 11 лет назад. Поэтому Бухарин требовал оставить за ним вывезенных крестьян на основании царского указа: «А ныне твой государев указ: старее пяти лет во владенье и в вывозе суда не давати и не сыскивати». Аналогичная формулировка содержалась в выписке из царской грамоты по делу помещика С.Т. Молеванова от 3 мая 1594 г.: «Да и вперед бы всяким челобитчикам о крестьянском владенье и вывозе давати суд и управу за пять лет, а старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати по таким челобитьям»³⁴.

³² *Ерусалимский К.Ю.* Крепостное право... С. 14, 11.

³³ Там же. С. 20–21.

³⁴ *Корецкий В.И.* Новгородские дела 90-х гг. XVI в. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 316, 318.

Положения этого регионального указа развиты в общегосударственном указе от 24 ноября 1597 г.: «Которые крестьяне из-за бояр, и из-за дворян, и из-за приказных людей, и из-за детей боярских, и из-за всяких людей из поместий, из вотчин, и из потриарховых, и из митрополичьих, и из владычных, и из монастырских вотчин выбежали до нынешняго 106-го году за пять лет, и на тех крестьян в их побеге, и на тех помещиков, и на вотчинников, за кем они, выбежав, живут, тем помещиком и вотчинником, из-за кого они выбежали, и патриаршым, и митрополичьим, и владычным детям боярским, и монастырских вотчин прикащиком и служкам давати суд и обыскивати всякими сыски накрепко, а по суду и по сыску велети тех беглых крестьян з женами и з детьми и со всеми их животы возити назад, где хто жил»³⁵. Из текста указа с несомненностью следует лишь то, что крестьяне, бежавшие из вотчин и поместий после 24 ноября 1592 г., по результатам процедуры опроса обыскных людей и суду подлежали возврату на прежние места жительства, в то время как крестьяне, бежавшие до этой даты, сыску и возвращению не подлежали. Действие данной правовой нормы проявилось в ситуации, сложившейся в ходе конфликта Никольского Вяжищского монастыря и помещицы А.Г. Борковой. Монастырский крестьянин Игнатий Ананьин «вышел вон из-за Николы побегом в прошлом в девяносто девятом году», т.е. в 1590/91 г. Пожив некоторое время в бобылях за помещиком Борковым, крестьянин стал объектом разбирательства, и после челобитья, поданного игуменом в 1598/99 г., Боркова с сыном крестьянина «за собою искали, и сыскав, да не ходя на суд, Николы Чюдотворца з братиею отдали»³⁶. Видимо, впервые дело было «засужено» сразу после побега, и повторное челобитье монастыря обесмыслило судебную защиту помещицы.

Значение указа от 24 ноября 1597 г. состояло в том, что правительство подтвердило особый порядок разрешения конфликтов о крестьянах, живших на частновладельческих землях. В указе рассматривались исключительно они и ни слова не говорилось о крестьянах дворцовых и черносошных, а также посадских людях, чьё положение в то время менялось в направлении государственного закрепощения. В современной историографии сущность указа 1597 г. объясняется именно тем, что он предопределил различия правового положения этих двух больших групп тяглых людей, закрепощение которых в дальнейшем, вплоть до середины XVII в., шло различными путями: через подачи судебных исков в отношении частновладельческих крестьян и в ходе избирательного государственного сыска в отношении дворцовых и черносошных, а также тяглов посад³⁷.

Одним из аргументов Ерусалимского о связи «между внешним и внутренним выходом, пересечением границ имений и государства» стали договорные статьи тушинцев и боярской комиссии с польскими властями от февраля и августа 1610 г. Действительно, этими статьями однозначно запрещался выход крестьянам как из Речи Посполитой в Россию и обратно, так и внутри страны: «Крестияном в Литву выходу, а из Литвы на Русь меж себя выходу не давать»; «Торговым и пашенным хрестиянам в Литву з Руси и з Литвы на Русь выходу

³⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 48. С. 66.

³⁶ Архив П.М. Строева. Т. 2. Пг., 1917. № 11. Стб. 7–8.

³⁷ Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 320–332.

не быть; также и на Руси промеж себя крестияном выходу не быти»³⁸. Ерусалимский усматривает аналогию между этими постановлениями и практикой «заповедных лет», понимая «выход» и как уход горожан и пахотных людей от своего владельца в нарушение «крепостей», и как пересечение государственной границы, т.е. «измену»³⁹. Вряд ли, однако, договорные статьи 1610 г. можно отождествлять с закрепостительной политикой правительства: договоры с Сигизмундом III и С. Жолкевским готовились в расчёте на интронизацию Владислава в Москве, результатом чего мог бы стать переход русских служилых людей на службу в Речь Посполитую, а шляхты — в Россию, тем более, что последнее подразумевалось статьями договора от 4(14) февраля 1610 г. Во избежание конфликтов, связанных с возможным переходом тяглых людей вслед за землевладельцами в пределы союзных государств, и составлялись цитированные договорные статьи. Уникальные статьи договоров 1610 г. не могли быть постановлены ни до, ни после этого краткого периода попыток создания династической унии Кракова и Москвы⁴⁰.

Резко отличается от сложившихся в историографии концепций и гипотеза Ерусалимского о «старине». Автор полагает, что «старина стала не обозначением глубокой традиции или прикрепления к собственнику, общине или земле, а правовым рычагом, позволявшим искать ближайшие по времени источники права»⁴¹. В моём исследовании введены в научный оборот дела о беглых, датируемые апрелем—декабрём 1613 г., позволяющие высказать более определённые суждения о времени издания и содержании несохранившегося указа 1613/14 г.⁴² Первое и самое важное наблюдение состоит в том, что методы сыска и идентификации беглых крестьян остались теми же, что использовались в 1580-х гг., в период издания указов о заповедных годах. Основная форма этого метода — повальный обыск — использовалась ещё раньше, во время обысков о запустевших землях в новгородских пятинах, и в судах общей юрисдикции. В ходе повального обыска земским или церковным дьячком составлялся протокол, используемый приказным дьяком для издания указной грамоты или, при необходимости, в суде.

Последняя возможность всегда подразумевалась приказными, о чём свидетельствует их ремарка в указной грамоте от 4 октября 1613 г. по поводу челобитья кн. И. Голицына: «А будет в тех крестьянех каков спор учинитца, и ты б о том отписал к нам к Москве». Второе наблюдение обнаруживает острейший парадокс, ставший ещё в 1970-х гг. камнем преткновения в дискуссии Г.Н. Анпилогова с концептуальными построениями Б.Д. Грекова. В четырёх из семи дел, по которым приказные судьи приняли положительные, удовлетворяющие просьбы землевладельцев о возвращении беглых решения, срок бегства крестьян не превышал пяти лет. Из пятого дела ясно, что землевладельцы могли пытаться вернуть крестьян, некогда живших у них, и через 12 лет. Челобитчик кн. В. Туренин аргументировал свою просьбу не превышением указного срока, а тем, что его крестьяне в 1601 г. жили в вотчине кн. Черкасского не

³⁸ Сборник ИРИО. Т. 142. СПб., 1913. С. 68; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. Ч. II. М., 1819. С. 396.

³⁹ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 12.

⁴⁰ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 214–221.

⁴¹ Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 25.

⁴² Аракчеев В.А. Власть и «земля»... С. 353–362.

на тягле, а в «подсоседниках». Таким образом, содержание пяти изученных дел о беглых за апрель–октябрь 1613 г. убеждает, что норма об урочных годах в виде пятилетнего срока в 1613 г. не использовалась⁴³.

Но значит ли это, что в начале XVII в. имел место бессрочный сыск беглых крестьян в том смысле, как об этом писал Анпилогов, т.е. возникший вследствие прикрепления крестьян совокупностью крепостных документов в период реализации указов о заповедных годах? Анпилогов считал, что бессрочный сыск в дальнейшем подтвердили указы 1597 и 1607 гг., отсчитывавшие давность на будущее время с 1592 г.⁴⁴ Но приказные, судя по делам о беглых 1613 г., руководствовались в первую очередь концептом, более ста лет назад изученным Дьяконовым, но с тех пор незаслуженно отодвинутым на периферию проблемы⁴⁵. Речь идёт как раз о понятии «старины» и «старых дворов, доль, жеребьев», куда следовало возвращать беглых крестьян. Крепостной порядок в начале XVII в., видимо, восстанавливался именно на основе этого концепта, понимаемого не вполне определённо. Если удавалось доказать, что на «старых дворах» жили ещё отцы и деды нынешних крестьян, это служило неоспоримым аргументом, однако в условиях массового перемещения населения во времена Смуты данный аргумент использовался далеко не всегда. Землевладельцы, как правило, тоже искали крестьян, ушедших в «последнее разорение», чьи следы ещё удавалось найти; этим, видимо, и объясняется, что сроки бегства крестьян в большинстве судебных дел 1613 г. не превышают пяти лет. Таким образом, в закрепостительных практиках российского правительства невозможно обнаружить признаки их связи с трансграничными миграциями населения.

Поскольку в центре концептуальной структуры Ерусалимского оказались подразумеваемые миграции населения на русско-польской границе, для разрешения проблемной ситуации автору следовало бы задаться вопросом о целесообразности внешнеполитических договорённостей между Россией и Речью Посполитой, учитывавших или не учитывавших интересы шляхты как владельцев крепостных, а для этого сопоставить направленность и темпы закрепощения крестьян в упомянутых восточноевропейских государствах. Коль скоро столь необходимая операция автором не проделана, возьму на себя труд суммировать имеющиеся в распоряжении историков данные. Становление крепостного права в Великом княжестве Литовском и позднее в Речи Посполитой, во-первых, опережало соответствующие процессы в России, во-вторых, совершенно не учитывало пограничные конфликты с восточным соседом.

Гораздо актуальнее для шляхты «коруны» (Польша) и «князства» (Литва) было минимизировать внутренние конфликты между «панствами» из-за владения крепостными. Уже в ответе короля участникам Виленского сейма 1551 г. говорилось о многочисленных жалобах «от княжат, панят и от земян пограничных о кривдах их незносных, которые мают от панов поляков и от панов мазовшан»⁴⁶. В 1554 г. Сигизмунду Августу пришлось принять закон о беглых, переходивших из одного его государства в другое, запрещавший их приём. За нарушение запрета виновные подвергались штрафу в 20 гривен: «А от того

⁴³ РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 24, д. 37624, л. 3; д. 37537, 37570, 37571, 37592, 37600, 37631.

⁴⁴ Анпилогов Г. Н. К вопросу о законе 1592–1593 г., отменившем выход крестьянам, и урочных летах в конце XVI – первой половине XVII в. // История СССР. 1972. № 5. С. 170.

⁴⁵ Дьяконов М. А. Очерки истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1898. С. 20–30.

⁴⁶ РИБ. Т. XXX. Юрьев, 1914. С. 149.

часу так с коруны, яко и с князства не мают вжо на обе стороне збег и шкодни- ки прыймованы быть под виною судьям преречоным двадцать грьвен, а стороне шкоду и наклад мает заплатити, абы вже болш добрый покой и суседство межи тыми паньствы ничым не нарушалось»⁴⁷.

Конфликты у литовской шляхты возникали и с магистратом Вильно, который, руководствуясь нормами «немецкого» права, не выдавал землевладельцам сбежавших от них «людей отчизных», и «непохожих», и «паробков невольных». В «отказе» Сигизмунда Августа депутатам Виленского сейма вводился трёхлетний срок для сыска беглых, пришедших в Вильно до сейма, и 10-летний срок для бежавших после 18 октября 1551 г.⁴⁸ На Виленском сейме 1565–1566 гг. вопрос о выдаче «пошедших прочь» отчичей приобрёл новые коннотации: депутатов сейма интересовало, как можно добиться выдачи отчичей, осевших «на кгрунте, волях господарских и теж князских, панских и земянских, тут в Литве и на Волини». Федеративное устройство Великого княжества Литовского явлено в этом запросе в полной мере; землевладельцы — как «волынцы», так и литвины — платили за «людей, задержанных на неделю, по шести грошей», а избобленным в удержании отчичей надлежало их выдать, либо включать в фискальные реестры для выплаты «серебшизны на оборону земскую». Впрочем, конфликты из-за беглых крепостных — лишь один из аспектов «кривд», которые претерпевали «панове волынцы», требовавшие у короля «обороны у кривдах их от панов поляков»⁴⁹.

Главной проблемой, разумеется, были незаконные переходы «отчичей» разных владельческих категорий, которых к середине XVI в. делили на «вольных, похожих», т.е. имевших право перехода, и отчичей «господарских», «князских» и «панских» в пределах одной «земли». Статус «господарских» (государственных) крестьян фактически приравнивался к статусу частновладельческих крепостных: в «Уставе на волоки» 1557 г. о «господарском» крестьянине сказано, что «кметь и вся его маетность наша есть»⁵⁰. В привилегиях на пожалования господарских имений частным лицам указывалось, что их можно заселять лишь «людьми вольными, похожими, а не отчичами нашими, господарскими, ани теж князскими и панскими».

Судебные дела о бегстве «отчичей заседелых» (крестьян, живших в имении более 10 лет) свидетельствуют, что постановления Статута 1588 г. о выдаче беглых «отчичей» выполнялись. При этом 10-летний срок нахождения крепостного на одном месте в системе крепостного права Великого княжества Литовского функционально действовал так же, как и «урочные» годы в России: «засидеть» земскую давность можно было и в имении, куда крепостной убежал. Отсутствуют свидетельства об уходе крепостных за рубеж. В суды, во всяком случае, такие дела не поступали; сами же крестьяне, как и в Русском государстве, чаще всего уходили в другое имение того же повета или в соседний город⁵¹. Беглый обзор системы крепостного права Великого княжества Литовского однозначно свидетельствует, что проблема удержания крестьян

⁴⁷ Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М., 1900. С. 82.

⁴⁸ РИБ. Т. XXX. С. 150–152.

⁴⁹ Там же. С. 336–337, 372.

⁵⁰ Там же. С. 570.

⁵¹ Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Минск, 1993. С. 135, 124, 107–108.

на восточных границах «князства» в сеймовых дебатах и его законодательстве отсутствовала.

Но, пожалуй, главным упущением Ерусалимского является то, что он не смог привлечь к исследованию ни одного источника, характеризующего массовую миграцию крестьян пограничных регионов. Тем не менее автор изобразил апокалиптическую картину тотального разорения и бегства населения России (включая вотчинников) на окраины и за рубеж, картину, сочетающуюся с авторским представлением о закрепощении, распространявшимся на все страты русского общества. Документы о порубежных спорах и миграциях на западной границе России, начисто проигнорированные автором, позволяют привлечь факты, которым решительно не соответствует созданная автором картина. Ерусалимский интерпретирует клаузулы из Ям-Запольского мира 1582 г. и бумаг А. Поссевино как «клаузулу о нарушении границ»⁵². В цитированных им статьях говорится, однако, о противозаконных действиях среди пограничных жителей с обеих сторон, в действительности именовавшихся «малыми делами порубежными», или делами «о грабежи и кривды порубежные», но ни одного примера таких «дел» автор не приводит. Для проверки его утверждений проанализируем три разновременных комплекса источников.

Наиболее ранним из них, синхронным времени действия «заповедных лет», является статейный список посольства А.Д. Резанова от 10 июля 1592 г. — «список обидным делам» на русско-польском рубеже от Путивля до Пскова⁵³. В реестре приграничных конфликтов зафиксированы более 60 случаев разбойных нападений польских подданных на русские пограничные земли и грабежей, осуществлённых ими, и более 20 случаев грабежей русских купцов на территории Речи Посполитой. Предмет нашего интереса составляет первая категория конфликтов. В течение нескольких лет станичники кн. А. Вишневецкого убили в Путивльском и Черниговском уездах 234 бортников и ограбили бортные деревни на 1700 руб. Большой жестокостью отличались нападения «черкас» на дворцовые села Брянского уезда в 1589—1590 гг. Они захватили крестьянские пожитки на сумму 5 тыс. руб., а также взяли в плен и побили более 200 крестьян⁵⁴.

Не меньшей ожесточённостью отличались нападения атамана Мухорта на пограничные волости Невельского и Пусторжевского уездов; от них пострадали более 40 крестьянских и помещичьих дворов. У крестьян и землевладельцев захватывали скот, хлеб, одежду, инвентарь; под пытками «вымучивали» спрятанные деньги и другие ценности. Сами крестьяне разбойников из-за рубежа в большинстве случаев не интересовали: лишь дважды они стали объектом посягательств. В 1590 г. в поместье С. Дубровского его крестьяне, бежавшие ранее за рубеж и вернувшиеся в качестве разбойников, захватили и увели с собой «16 деловых людей и женок». Одновременно атаман Мухорт захватил на усадище помещика И. Маврина «женку с детьми» ранее бежавшего за рубеж крестьянина⁵⁵. Столь незначительное количество уведённых за границу помещичьих холопов и крестьян, а, самое главное, упоминание самих фактов бегства крестьян за рубеж как подлежащих расследованию и урегулированию

⁵² Ерусалимский К.Ю. Крепостное право... С. 8.

⁵³ Антилогов Г.Н. Новые документы... С. 80—109.

⁵⁴ Там же. С. 83—84, 80.

⁵⁵ Там же. С. 97.

между властями пограничных территорий, убеждает в том, что Русское государство не увязывало миграции за рубеж с режимом «заповедных лет».

Не происходило этого и после окончания Смутного времени, хотя имеющиеся данные свидетельствуют о существенной интенсивности и однозначной направленности миграционных потоков. После заключения Деулинского перемирия 1618 г. и передачи Речи Посполитой значительных приграничных территорий на северо-западе, в частности, Невельского, Себежского и Красногородского уездов, в пределы Русского государства хлынул поток «выходцев из-за литовского рубежа». Среди них были как люди, захваченные во время Смуты польско-литовскими отрядами в плен и вывезенные из России, так и жители уездов, отошедших в состав Польши. Пик выхода в Россию зафиксирован двумя видами источников: летописью и «записными книгами выходцев». Под 1631/32 г. в Псковской третьей летописи содержится пространная характеристика миграции: «Выходили выходцы многие из литовские земли, всякие люди русские з женами и з детми, для великие нужи, и правежу, и гладу, и литовского насильства, православные христиане; и тех власти многих насильством отдавали детям боярским во крестьянство, а многие скованы ходили по граду милостыни просили, а кои не хотели, тех в тюрьмах держали, чтобы к ним шли служить с кабалами»⁵⁶.

Для регистрации пленных в приказных избах Великих Лук и Заволочья составлялись специальные «записные книги». Сохранились лишь четыре из них за 1630–1631 гг., но и они позволяют представить масштабы миграции⁵⁷. Только за период с 16 апреля 1630 г. по 13 октября 1631 г., т.е. за полтора года, в Великолукской приказной избе были зафиксированы 224 «выходца». Если учесть, что записные книги велись и в Великих Луках, и в Заволочье на протяжении 1620–1630-х гг., то масштабы миграции «из-за литовского рубежа» за 20 лет могут быть приблизительно определены в 6–7,5 тыс. человек.

Вышедшие из-за границы не всегда являлись регистрироваться в приказную избу, многие жили «в наймех» у крестьян и лишь впоследствии подавали челобитные о позволении им жить «за» тем или иным помещиком в крестьянах и холопах. В тех случаях, когда выходцы ранее жили в Великолукском или Пусторжевском уездах, они передавались «по старому крестьянству» прежнему помещику. Старое крестьянство сохраняло действие и в тех случаях, когда выходец был «взят в плен мал», или «взят в полон во 119 году», т.е. за 20 лет до выхода из-за границы. За полтора года 31 крестьянина, часто во главе семьи, вернули «по старине» прежним помещикам. Незначительное количество выходцев (четыре человека) были переданы «по старому холопству» во двор к своим прежним господам.

Многие выходцы прежде жили на территории Речи Посполитой или Невельского уезда, отошедшего от России в 1618 г. Таким людям «по государеву указу» давалась воля, и они имели право порядиться в крестьяне, бобыли или поступить в качестве холопа во двор к тому или иному помещику. 34 крестьянина, часто во главе семьи, получая «волю», поряжались к новым помещикам, казакам, а один выходец поселился в стрелецкой слободе. Но наибольшее количество выходцев (145 человек, включая жён и детей), являвшихся прежними жителями перешедших в состав Речи Посполитой уездов, посе-

⁵⁶ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 181–182.

⁵⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 6в, д. 2, л. 3–106 об.

лили «во крестьяне со всеми их животы» во дворцовой Спасо-Никольской волости⁵⁸.

Исследование «записных книг выходцам» на русско-польской границе даёт убедительное объяснение соотношению процессов закрепощения и миграции. Очевидно, что действовавшие в это время пятилетние урочные годы не связаны с миграциями из-за рубежа: никакие сроки, в течение которых прежние владельцы могли бы претендовать на возвращение беглых и полоняников, не действовали. Вопреки мнению Ерусалимского, «старинное (прежнее) крестьянство» являлось главным основанием для возвращения людей прежнему помещику; в случае его отсутствия выходец переходил на землю другого владельца или «осаживался» в дворцовой волости. Нет следов каких-либо договорённостей с властями пограничных польских уездов о возврате бежавших крестьян и холопов; впрочем, в условиях практически однонаправленного миграционного потока из Литвы русское правительство совершенно не было заинтересовано в таковых.

Но, пожалуй, наиболее представительную информацию о трансграничных миграциях содержат документы 1620–1649 гг. о перебежчиках на русско-шведской границе⁵⁹. Согласно статьям Столбовского мирного договора, в течение двух «выходных» недель после его заключения местное население могло добровольно и свободно перейти на жительство в границы любого государства. Из документов 1620–1630 гг. недвусмысленно следует, что, во-первых, уже в 1617 г. шведские власти задерживали записывавшихся в «ропись» и желавших перейти в Россию, в их числе, в частности, оказались ивангородец Ф. Лебедь «с товарищи» в количестве 351 человека. Во-вторых, в отличие от единичных случаев миграции русских подданных в шведскую Ингрию, им навстречу шёл поток православных выходцев, оседавших на русской территории. Руководствуясь царскими указами, воеводы ставили на границах «заставы» с «запрещеньем под смертной казнью, чтоб однолично в твою государеву сторону из-за рубежа с свейские стороны перебежников русских и немецких людей нигде никто не принимали никоими делы, а хто учнет перебегати, и тех велено отсылати назад за рубеж»⁶⁰.

Местные общины и землевладельцы, невзирая на запросы воевод, отказывались их выдавать, оказывая сопротивление, и подьячие с понятыми вынужденно составляли «отбойные записи». В записи протоколировался факт сопротивления крестьян: «Тое волости староста... да волостные люди... и все крестьяне Кимашозерские волости у подьячего перед понятыми тех перебежников выбили, и на поруки давать их не стали, и государева указу и наказу не слушали, и подьячево лаяли и с наказом, и приходили на него с копыи, и с самострелы, и с топоры». Крестьяне аргументировали сопротивление тем, что они «присуду московского, а не новгородцкого, и новгородцких наказов, и вас посланников ни в чем не слушаем, а которые у нас в волости есть перебежики, латыши и русские люди, и тех принимал и порядил на деревни данщик Рудак Фопков»⁶¹. Правовое регулирование проблемы перебежчиков осуществлялось царскими указами и «разменами», а их ход протоколировался в статейных спи-

⁵⁸ Там же, л. 90–106 об.

⁵⁹ Селин А.А. Русско-шведская граница (1617–1700): формирование, функционирование, наследие. СПб., 2016. С. 138–268.

⁶⁰ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. СПб., 1897. С. 166, 287.

⁶¹ Там же. С. 286–287.

сках. Судя по указу от 17 июня 1624 г., воеводам на местах следовало руководствоваться статьями Столбовского мира, составлять ссыльные листы и росписи перебежчиков, на основании которых осуществлять сыск и размен подданных. В многочисленных документах нет никаких намёков на урочные лета и возвращение перебежчиков прежним владельцам.

Исследование размена перебежчиками в апреле 1636 г. осуществлено А.А. Селиным. Статистика этого обмена свидетельствует о несопоставимо более многочисленном их потоке в пределы России: по данным статейного списка посольства, во время обмена 1636 г. на Осиновой Горке с территории России шведским властям передали 442 человека, на «корельском рубеже» — 316. Но даже после этого на русской стороне оставались 109 жён и детей перебежчиков, ещё 12 человек были выявлены дополнительно. Шведы объявили «царского величества перебежчиков 200 человек», из них отдали одного, а во время первого обмена выдали всего 24 человека. В отчёте в Посольский приказ о проведённом обмене от 9 апреля русские послы сообщили об обнаруженных в Новгороде и уезде 341 человеке, также перешедших из-за шведской границы, но не упомянутых в росписях. Московские власти отдали категорическое распоряжение о возвращении шведским властям всех, о выполнении указа 7 июня новгородский воевода доложил в Москву⁶².

Проблему перебежчиков решило посольство Б. Пушкина 1648–1649 гг., специально посвящённое урегулированию этого вопроса. Шведские переговоры заявили своим русским визави, что «в новгородских и во псковских местах за митрополиты и за монастыри королевского величества подданными земля наполнена»⁶³. В ходе переговоров 1648–1649 гг. послы констатировали, что «после мирного договору перебежчики на обе стороны переходили болши 30 лет», однако масштабы переходов несопоставимы. Русские послы первоначально предложили решить вопрос с перебежчиками на условиях *status quo*: шведских перебежчиков оставить на территории России, а русских — в Швеции. Шведские «думные люди» категорически возражали: «Царского де величества перебежчиков в королевина величества стороне оставливать неково; как де они... посмотрели в их роспись перебежчиком, какову они, царского величества великие послы, наперед сего в ответе оставили, и в той де росписи мало не все написаны королевского величества подданные, которые де с королевского величества стороны перебежали в царского величества сторону и, пожив немного, перешли назад, в королевского величества сторону, и у вас де в росписи и те написаны царского ж величества подданными». Шведы откровенно говорили, что «с королевина де величества стороны не толко что пашенные крестьяне, и салдаты де из Финские земли в царского величества сторону все вышли, чтоб им от службы отбыть»⁶⁴.

Есть основания полагать, что за 30 лет (1617–1649) в Россию перешло не менее 5 тыс. человек православных подданных шведской короны. Договор о выкупе за перебежчиков, перешедших на русскую сторону с 1617 по 1 сентября 1647 г., заключили в Стокгольме 19 ноября 1649 г. Было достигнуто компромиссное соглашение о выплате Россией за перебежчиков контрибуции в 190 тыс. руб. и закупке для Швеции 12 тыс. четвертей ржи по цене её про-

⁶² Селин А.А. Русско-шведская граница... С. 235–240.

⁶³ Якубов К. Россия и Швеция... С. 171, 178.

⁶⁴ Там же. С. 160, 162, 163.

даже на псковском рынке. Таким образом, русская сторона не возвращала ни перебежчиков, ни имущество, перенесённое ими на русскую сторону; равным образом, не подлежали возврату и перебежчики, перешедшие с имуществом с московской стороны на шведскую. Контрибуция и закупка ржи должны были компенсировать разницу в числе перебежчиков, перешедших на московскую сторону, по сравнению с перешедшими в Швецию⁶⁵.

Источники, позволяющие исследовать масштабы и направленность трансграничных миграций на западных границах России, свидетельствуют, что сама по себе проблема прикрепления крестьян к личности их владельца в ходе разрешения пограничных конфликтов не являлась предметом рассмотрения. Следов деятельности каких-либо «приграничных судов» также не обнаруживается: размен перебежчиками осуществлялся только со Швецией, что было обусловлено статьями Столбовского договора; отношения с Речью Посполитой, регулировавшиеся договорами о перемириях, даже если содержали обязывающие статьи о возвращении перебежчиков, конкретного механизма противодействия миграциям не предполагали. Изложенные факты и критическая аргументация Ерусалимского не убеждают в обоснованности его гипотезы; масштабы освоения русскими юго-восточных степных пространств показывают несопоставимость миграционных потоков на западе и юго-востоке страны в пользу последних. Когда во второй половине XVII в. был организован государственный сыск беглых, всё внимание государства сосредоточилось на юго-восточных уездах, в то время как на северо-западе сыщики действовали изредка и с мизерными результатами.

Критический анализ гипотезы К.Ю. Ерусалимского показал, что она сформулирована в нарушение общих логико-методологических стандартов. Автор не привёл ни единого факта массовых трансграничных миграций тяглого населения России на запад и даже не счёл необходимым рассмотреть проблему закрепощения в Речи Посполитой. Поскольку в распоряжении Ерусалимского не оказалось фактов, имеющих значение опровергающего свидетельства, то и его концепция на проверку оказалась искусственной. Поиск экзогенных факторов становления крепостного права в России, как и в других восточноевропейских странах раннего Нового времени, пока не приводит к другим результатам, помимо построения остроумных гипотез.

⁶⁵ Селин А.А. Русско-шведская граница... С. 266–267.

Организация нелегальной эмиграции на западных окраинах Российской империи в конце XIX — начале XX в.

Владимир Комаров

Organization of illegal emigration on the Western outskirts of the Russian Empire in the late 19th — early 20th century

Vladimir Komarov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24010059, EDN: CNSKOY

В конце XIX — начале XX в. аграрное перенаселение и крестьянское малоземелье, бедность, близость удобных для выезда портов, налаженные сетями агентов каналы пересылки эмигрантов, выгодные условия работы в сопредельных странах (в первую очередь, в Германии¹) способствовали превращению западных окраин Российской империи в главные ворота, через которые подданные покидали её пределы. В последнее время историки всё чаще обращают внимание на функционирование паспортной системы и пограничной стражи², направления миграционных потоков, численность и состав эмигрантов, особенности эмиграции отдельных групп населения³. Вместе с тем до сих пор не изучались формы организации нелегальной эмиграции и реакция на неё местных властей. А при попытках комплексного анализа общеимперских процессов практически не учитывается специфика конкретных участков государственной границы⁴. Между тем о положении, сложившемся на одном из них, позволя-

© 2024 г. В.С. Комаров

Статья подготовлена при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» факультета гуманитарных наук национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», проект «Восточноевропейские исследования в транснациональной перспективе».

¹ По словам Н.Л. Тудоряна, «в Германии заработная плата сельскохозяйственного рабочего примерно в полтора раза превышала существовавшую в северо-западных и юго-западных губерниях России, а в Америке — в 3 и даже 4 раза» (Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинёв, 1986. С. 27).

² Чернуха В.Г. Паспорт в России. 1719—1917. СПб., 2007.

³ Бескровный Л.Г., Пожарский Я.Е., Кабузан В.М. Миграции населения России в XVII — начале XX века // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980; Кукушкин В.Е. У истоков канадского православия: украинская иммиграция конца XIX — начала XX в. и возникновение первых православных приходов в западной Канаде // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2016. № 1(9); Дронов М.Ю. К истории первых контактов духоборцев и галичан в Канаде конца XIX — начала XX в. (по материалам русских авторов) // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII—XXI вв. Сборник статей. СПб., 2017; Дементьев А.А. Падение самодержавия и русские эмигранты в Аргентине // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 63. 2018. Вып. 4; Кимов Ю.Г. Самоорганизация традиционного общества в условиях иммиграции: русины в США и Канаде в последней трети XIX в. (некоторые аспекты) // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы XIV международной научно-практической конференции. Челябинск, 2018.

⁴ Тарле Г.Я. Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года (анализ источников) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX—XX вв. Сборник статей.

ют судить материалы государственных учреждений Варшавского генерал-губернаторства (и прежде всего документы канцелярии генерал-губернатора и его помощника по полицейской части), хранящиеся в ГА РФ и Государственном архиве древних актов в Варшаве.

Конечно, ещё в дореволюционное время признавали невозможность точного определения численности пересекавших западную границу, поскольку «многие, беря паспорта, не заявляют о желании выселиться из России... многие, особенно из политических эмигрантов, дезертиров и т.д., покидают Россию тайно»⁵. Данные статистических бюро зарубежных государств⁶, учитывавших всех въезжавших иностранцев, и фрагментарные сведения местных российских властей лишь частично отражали масштаб легальной и нелегальной эмиграции⁷. Количество выезжавших не было постоянным, оно росло во время голода 1890-х гг., революционных событий 1905–1907 гг., еврейских погромов, а также после начала военных действий на Дальнем Востоке, «когда запасные нижние чины и молодые люди призывного возраста, боясь быть призванными к действующей армии, стремились к нелегальному выходу за границу»⁸. По подсчётам В.В. Оболенского (Осинского), с 1890-х гг. пределы империи безвозвратно покинули 3,34 млн человек⁹. В.М. Кабузан насчитывал их более 3,5 млн¹⁰.

А.И. Воейков различал крестьянскую, рабочую и буржуазную миграции. Крестьяне в поисках свободных земель направлялись преимущественно в степные районы и Сибирь. Немногочисленные обыватели, располагавшие небольшими капиталами, а также рабочие, рассчитывавшие на увеличение заработка, устремлялись в Северную Америку. Для занятия сельским хозяйством, по подсчётам Воейкова, за океан переселялась лишь десятая часть мигрантов¹¹.

Согласно законам империи, всех эмигрантов следовало рассматривать как «временно покинувших русские земли». Находиться за границей разрешалось не более трёх лет. В исключительных случаях, например, при обучении в иностранных конторах, можно было продлить отсутствие в стране до шести лет. Тем, кто пропускал установленный срок, по возвращении предстояло выплатить штраф 15 руб. за каждое просроченное полугодие (размер пошлины за оформление паспорта)¹². С жителей приграничной полосы, имевших право на

М., 1997; *Куприн Д. О.* Эмиграция из России в конце XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017.

⁵ *Воейков А. И.* Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб., 1906. С. 58.

⁶ Например, сведения о населении США регулярно публиковались в специальных статистических сборниках: *Statistical Abstract of the United States*. Washington, 1878–2012.

⁷ Сведения о численности эмигрантов предоставлялись губернаторами по запросам МВД. Данные о легальной эмиграции фиксировались в книгах о пересечении границы российскими подданными. Представления о нелегальных потоках складывались на основании личных наблюдений местных чиновников и числа задержанных пограничной стражей.

⁸ *Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie* (далее — AGAD), *Kancelaria General-Gubernatora Warszawskiego* (далее — KGGW), 1904–1910, sygn. 260, k. 48.

⁹ *Оболенский (Осинский) В. В.* Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М., 1928. С. 11.

¹⁰ *Кабузан В. М.* Движение населения в Российской империи // *Отечественные записки*. 2004. № 4(19). С. 82–93.

¹¹ *Воейков А. И.* Указ. соч. С. 54.

¹² *Гольденев Д. М.* Устав о паспортах. По официальному изданию 1903 г., с сенатскими и министерскими разъяснениями и с приведением доп. узаконений и правил. СПб., 1905. С. 97.

получение льготных восьмидневных билетов, согласно Таможенному уставу, взимали рубль за первые десять дней просрочки и по два рубля за каждый следующий день¹³. Бессрочное проживание за рубежом дозволялось только по особому повелению императора (в основном его добивались высокопоставленные сановники).

Легальное оформление отъезда было сопряжено со сложной бюрократической процедурой, существенными денежными издержками и длительным ожиданием паспорта. Кроме того, считалось, что «простолыдину необходимо дать мзду в волости, а также, если не самому становому приставу, то уже, наверное, писарю. Уездные полицейские власти тоже не безгрешны по этой части, и потому стоимость паспорта с 15 руб. возрастает минимум до 25 руб., а иногда и до 30 руб.». Всё это побуждало пользоваться услугами частных агентов, хотя нелегальный переход границы наказывался штрафом от 4 руб. 50 коп. до 13 руб. 50 коп.¹⁴

Мотивы и категории эмигрантов. По сведениям Департамента полиции за 1902 г., партии эмигрантов, переходившие российско-германскую границу в Варшавском генерал-губернаторстве, формировались преимущественно из жителей Витебской, Минской, Виленской, Ковенской, Сувалкской, Гродненской и Ломжинской губерний¹⁵. Их регулярно останавливали в пограничных местностях, но обычно они обладали правильно оформленными внутренними паспортами, а потому после проверки освобождались как не совершившие чего-либо противозаконного и затем уже тайно покидали пределы империи¹⁶. Длительное задержание практиковалось только при полном отсутствии документов¹⁷. Те же немногие, кого всё-таки удаляли из приграничной полосы, просто отправлялись этапным порядком в места постоянного проживания, откуда, как отмечалось в официальной переписке, «они снова идут к границе и в этот раз, благодаря знанию всех условий, большей частью уже не попадают в руки пограничной стражи»¹⁸.

Все прибывавшие в приграничные районы объясняли своё появление «приисканием работы»¹⁹. Под этим предлогом запасные нижние чины могли свободно находиться там даже после начала военных действий на Дальнем Востоке. Правда, местные власти не без основания подозревали, что те «на самом деле выжидают лишь удобного момента для тайного перехода границы»²⁰. Число трудовых мигрантов постоянно росло: если в середине 1890-х гг. оно достигало 80 тыс., то уже в начале XX в. в среднем ежегодно выезжало около 400–500 тыс. человек²¹.

¹³ Свод законов Российской империи. Т. 6. СПб., 1857. С. 533.

¹⁴ ГА РФ, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 19 об.

¹⁵ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1360, л. 1.

¹⁶ AGAD, Pomocnik Warszawskiego Generał-Gubernatora do Spraw Policyjnych (далее — PWGGSP), 1900, sygn. 516, k. 15.

¹⁷ Так, 2 декабря 1906 г. циркуляр по войскам Отдельного корпуса пограничной стражи предписывал передавать полиции лишь тех из задержанных при нелегальном переходе, которые «не имеют установленных видов на жительство или же обладают сомнительными документами» (Сборник циркуляров Отдельного корпуса пограничной стражи за 1906 г. СПб., 1907. С. 119).

¹⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 15.

¹⁹ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1281, л. 117 об.

²⁰ AGAD, KGW, 1904, sygn. 187, k. 6.

²¹ Будницкий О.В. Другая Россия: исследования по истории русской эмиграции. М., 2021. С. 14.

В агентурных донесениях эмигранты делились на «уклоняющихся от воинской повинности... уголовных и политических преступников и лиц, едущих за границу для приискания труда»²². В делопроизводстве к их числу относили также паломников, отправлявшихся к святым местам²³. За нелегальный переход политических деятелей проводники брали большую плату (до нескольких десятков рублей)²⁴.

При этом мотивы тех, кто покидал страну, оценивались по-разному. Польский социолог Ф. Знанецкий ещё до 1914 г. отрицал влияние экономики на масштабы эмиграции и призывал исследователей искать иные причины²⁵. Непосредственно боровшийся с нелегальными переходами начальник Вержбовловского пограничного отделения Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр С.Н. Мясоедов в своём пространном отчёте в МВД в мае 1903 г., наоборот, склонен был объяснять отток населения преимущественно экономическими обстоятельствами²⁶. Начальник жандармского управления Влоцлавского, Нешавского и Гостынского уездов Варшавской губ. ожидал в 1908 г. сокращения числа выезжающих за границу, «ввиду начатой постройки в имении Доброе гмины Сендзин свекло-сахарного завода, а также и узкоколейной железной дороги от этого имения до станции Нешава»²⁷. Ф. Стасик, объясняя эмиграцию прежде всего экономическими причинами, отмечал в своём исследовании, что для входивших в состав Российской империи польских земель был важен и религиозно-политический фактор²⁸.

На местах наиболее опасными считали тех, кто ранее выступал против государства. Представителей власти в 1907 г. беспокоило то, что «огромное большинство правонарушений приняло характер политических преступлений, и тайный переход границы зачастую объясняется стремлением скрыться от преследования за эти именно преступления»²⁹. Характеризуя же тех, кто уходил на заработки, начальник Радомского губернского жандармского управления сообщал, что «эмиграция подобного рода совершается одновременно несколькими лицами, при этом низшим слоем крестьян, выходцами из одной и той же местности, недалёкой от границы»³⁰.

Вынужденно покидали Россию представители различных национально-религиозных групп — евреи, поляки, немцы, духоборы, старообрядцы и др. По подсчётам В.М. Кабузана, после 1871 г. в США переехали 1 млн 446 тыс. евреев, 880 тыс. поляков, 150 тыс. немцев, тогда как русские, белорусы, украинцы составляли лишь около 8% всех эмигрировавших из империи³¹. Как писал Мясоедов, «чисто русские крестьяне стремятся переселиться в Азиатскую Россию, в Америку же идут только, если так можно выразиться, сепаратист-

²² ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1368, л. 2.

²³ AGAD, KGGW, 1904, sygn. 191, k. 7.

²⁴ ГА РФ, ф. 215, оп. 1, д. 494, л. 2.

²⁵ *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.)*. Warszawa, 1984. S. 238.

²⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 18 об.

²⁷ Там же, ф. 1662, оп. 1, д. 61, л. 33.

²⁸ *Stasik F. Polska emigracja zarobkowa w Stanach Zjednoczonych Ameryki, 1865–1914*. Warszawa, 1985. S. 15, 32.

²⁹ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1365, л. 19.

³⁰ Там же, л. 19 об.

³¹ *Кабузан В.М. Движение населения... С. 90.*

ские элементы, как напр[имер], евреи, составляющие 40%, а также литовцы, католики белорусы и поляки, в общем от 50 до 60%»³².

Особенно активно шла эмиграция евреев. На её пике в 1901–1910 гг. только в США выехали 704,2 тыс. человек³³. Опасаясь антисемитизма военных и злоупотреблений администрации, многие евреи предпочитали пересекать границу нелегально. При этом их мотивация могла быть различной. Депутат Государственной думы поляк Я.С. Гарусевич говорил, что знает прецеденты, «когда единственный сын в семье, еврей, убегает за границу, в Америку, только потому, чтобы содержать эту семью»³⁴. По мнению У. Фуллера, на выезд евреев повлияло введение в 1894 г. казённой монополии на водку, разорившее десятки тысяч мелких торговцев³⁵. А.А. Иванов и А.Э. Котов указывают на то, что политические и экономические причины эмиграции инородцев тесно переплетались³⁶. Так или иначе, спрос на услуги посредников, помогавших добраться до пункта назначения, оставался чрезвычайно велик.

Трансграничные сети нелегальной эмиграции. В 1900 г. командир Отдельного корпуса пограничной стражи уведомил МВД, «что тайный переход границы лицами, желающими выехать из пределов России без надлежащего разрешения, не может быть окончательного прекращён средствами пограничной стражи до тех пор, пока... будут существовать эмиграционные конторы»³⁷. В дальнейшем ситуация лишь усложнялась. Так, в феврале 1911 г. генеральное представительство Русского Восточно-Азиатского пароходства подало начальнику Варшавского губернского жандармского управления жалобу на развитие нелегальной эмиграции. В губерниях Царства Польского отправкой переселенцев занимались тогда всего три легальные конторы, которые находились в Варшаве, Сохачеве и Люблине и принадлежали пароходству. Его сотрудники указывали, что «все мероприятия правительства направлены к использованию эмиграционного движения в интересах отечественного торгового мореходства», тогда как «каждые 100 000 эмигрантов, уезжающих не из русского порта не под русским флагом, оставляют заграничным пароходным обществам 8 миллионов рублей», и требовали, чтобы местные власти старались «тормозить деятельность тёмных эмигрантских агентов и препятствовать тайному переходу нелегальных эмигрантов через границу»³⁸.

По сути, на российской территории без официального разрешения вели свой бизнес иностранные компании — главные бенефициары всего движения. Крупнейшие из них — Северогерманский Ллойд и Гамбургско-Американская линия — содержали по несколько эмиграционных контор в приграничных районах Германии и финансировали их контрагентов в Варшавском генерал-губернаторстве³⁹.

³² ГА РФ, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 21.

³³ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. С. 175.

³⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия V. Заседание 86. 7 марта 1912 г. СПб., 1912. Стб. 245.

³⁵ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 28.

³⁶ Иванов А.А., Котов А.Э. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Новейшая история России. Т. 10. 2020. № 1. С. 71.

³⁷ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 1.

³⁸ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 455, л. 6–6 об.

³⁹ Там же, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 5. Так, Гамбургско-Американская линия имела представительства в прусском Просткине на границе с Ломжинской губ. и в Млаве Плоцкой губ. (Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1364, л. 5).

Картельные соглашения позволяли фирмам увеличивать доходы. В 1892 г. они договорились о разделе прибыли от перевозки палубных пассажиров⁴⁰, а в 1894 г. учредили совместную эмиграционную контору на железнодорожной станции Иллово. Находясь под покровительством германского правительства, которое не вмешивалось в её внутренние дела и лишь осуществляло за ними контроль, носивший «чисто наружный характер», она предоставляла властям статистические данные и следила за гигиеническими условиями в содержавшихся ею домах и карантинах⁴¹. Эмиграционные конторы создавались при контрольных станциях, устроенных в начале 1890-х гг. для противодействия распространению инфекционных заболеваний. Эмиграционные агенты заявляли, что «пройти мимо них нельзя ни тайно, ни явно»⁴². Совместно эти станции и конторы вполне легально контролировали потоки эмигрантов⁴³.

В Германии все издержки по перевозке эмигрантов, включённые, несомненно, в общую стоимость, брали на себя пароходные общества. Они несли финансовую ответственность «в случае заболевания эмигрантов и расходы на излечение их по госпиталям», а также если «эмигрант, признанный не удовлетворяющим условию эмиграции, подлежит обратной высылке из пределов Германской империи»⁴⁴. При отказе американской стороны во въезде эмигрант за счёт конторы возвращался на российскую границу⁴⁵. Как указывал помощник начальника Курляндского губернского жандармского управления в Гробинском уезде и Либавском порту, после эпидемии холеры в Гамбурге в 1892 г. Германия благодаря созданию контрольных станций установила надзор за эмиграционным движением по своей территории, что позволило пропускать только тех, кто купил билеты на немецкие пароходы или купит таковые на границе⁴⁶. Таким образом, функционирование контор приносило выгоду германскому правительству.

Вместе с тем И. Кацинеленбоген, занимавшийся сопровождением нелегально отъезжавших, свидетельствовал на допросе в 1912 г., что контрольными станциями на границе и конторами, нанимавшими желающих на сельскохозяйственные работы в Германии, «германский Генеральный штаб пользуется как разведочными бюро, в распоряжении которых [со]стоит большая часть наших эмиграционных агентов как явных, так и тайных»⁴⁷. Начальник Варшавского жандармского губернского управления писал, что на контрольной станции в Просткине по соседству с российским Вержболовым сидит барон фон Кайзерлинг — «заслуженный военный офицер прусской армии, который ведёт разведку»⁴⁸. Впрочем, и Мясоедов в Вержболове вербовал среди эмигрантов осведомителей военной разведки⁴⁹.

⁴⁰ *Восленский М.С.* Тайные связи США и Германии. Блок империалистов против Октября (1917–1919). М., 1968. С. 22.

⁴¹ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 5–5 об.

⁴² Там же, ф. 217, оп. 1, д. 457, л. 32.

⁴³ *Пуятлова Э.Г.* Роль пароходных компаний в транспортировке российских эмигрантов в Южную Америку (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2009. Вып. 2. С. 282.

⁴⁴ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 5.

⁴⁵ Там же, л. 12 об.

⁴⁶ Там же, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 6.

⁴⁷ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 457, л. 32.

⁴⁸ Там же, л. 7 об.

⁴⁹ *Фуллер У.* Указ. соч. С. 35.

Подозреваемых в шпионаже регулярно ловили. Так, в июне 1901 г. задержали мужчину и женщину с паспортами жителей г. Коло, которые якобы больше месяца жили во Львове у родственников. Обрато через российскую границу их провёл лесом австрийский жандарм. Между тем никаких вещей и одежды, необходимых для столь длительного пребывания вдали от дома, у них при себе не оказалось⁵⁰.

В заграничной конторе у эмигранта спрашивали лишь имя, фамилию, вероисповедание и место рождения⁵¹. Тем, кто не приобрёл заранее у агентов шифскарты⁵², предоставлялись документы для дальнейшего следования. Цены на них в разных местах варьировались и иногда достигали нескольких сотен рублей. Например, служащие Ллойда в Торне брали за путь до Нью-Йорка 174 марки (т.е. 80 руб. по курсу тех лет)⁵³. Билет Илловской конторы в Америку или Лондон обходился в 75 руб. и более, «смотря по классу и удобствам вагонами 3[-го] и 4[-го] класса через Гамбург или Бремен»⁵⁴. Если эмигрант не мог оплатить проезд или, имея билеты негерманского пароходного общества, отказывался покупать их на германские линии, его возвращали в Россию германские жандармы⁵⁵.

Говорили, что в погоне за выгодой конторы выкупали эмигрантов, арестованных в приграничных российских районах. Однако начальник Ломжинского губернского жандармского управления сомневался в достоверности подобных слухов, «так как ни одна иностранная компания, как бы она богата ни была, не станет рисковать капиталом в пользу каких-то выходцев, которые ничем не могут гарантировать возврата затраченного капитала»⁵⁶.

Иностранные эмиграционные конторы для обеспечения постоянного притока новых клиентов были вынуждены взаимодействовать с российскими. Например, в Иллове сотрудничали с контрагентами из Варшавы, Бреста, Белостока, Минска и Вильны⁵⁷, а те, в свою очередь, имели собственных представителей как на окраинах, так и в центральных губерниях России. В делопроизводственной переписке властей эти структуры условно именовались «конторами», но в действительности они являлись законспирированной сетью во главе с генерал-агентами, которые за установленную плату, доходившую до 500 руб. в месяц, организовывали наплыв эмигрантов в иностранные пароходные общества⁵⁸. Только генерал-агенты регулярно и напрямую контактировали с заграничными филиалами этих компаний, тогда как остальные посредники довольствовались получением своих процентов за успешную работу⁵⁹. Как отмечалось в одном из донесений, «нормальная плата за провод каждого эмигранта через границу колеблется между 9 и 10 рублями», генерал-агент оставлял из неё «в свою пользу 4 или 5 рублей». Высокие вознаграждения объяснялись

⁵⁰ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1358, л. 16–17.

⁵¹ Там же, д. 1357, л. 6.

⁵² Шифскарта (нем. *Schiffekarte*) — билет пароходных компаний для проезда эмигрантов из Европы, как правило, в Америку, обычно приобретавшийся родственниками уезжавших и пересылавшийся в страну предполагаемого отъезда.

⁵³ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1358, л. 12 об.

⁵⁴ Там же, л. 6.

⁵⁵ Русь. 1905. 26 марта. № 77.

⁵⁶ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1362, л. 31 об.

⁵⁷ Там же, д. 1357, л. 6 об.

⁵⁸ AGAD, KGGW, 1904–1910, sygn. 260, k. 69–70.

⁵⁹ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1360, л. 2.

необходимостью общения с носителями власти: коррупционная составляющая закладывалась в них изначально⁶⁰.

Ниже в иерархии стояли извозчики, «встречающие, по указаниям генерал-агентов, отдельных эмигрантов, а также целые их партии», которые требовалось доставить до границы, где уже ждали проводники. Те, «проведя эмигрантов через границу, передают их ожидающим на прусской территории своим товарищам по профессии», занимавшимся организацией перемещения по Германии. Из уплаченной эмигрантом суммы извозчик получал полтора рубля, проводник — два рубля, принимающий по другую сторону границы агент — 50 копеек. Ещё один рубль предназначался для нижних чинов пограничной стражи⁶¹.

В делопроизводственных документах российских ведомств часто отмечалось, что подавляющее большинство агентов составляли евреи. Местные чиновники утверждали, что именно «свойственная евреям изворотливость»⁶² позволяла преступникам оставаться безнаказанными и развивать свой промысел. Однако немаловажную роль в нём играла пограничная стража, которая попустительствовала и нередко даже содействовала нелегальной эмиграции. Кроме того, иногда её члены сами становились эмиграционными агентами. Но в Царстве Польском в ней служили почти исключительно уроженцы центральных губерний империи православного вероисповедания (90% офицеров и 95% нижних чинов)⁶³, тогда как евреев в её ряды не допускали вовсе⁶⁴.

Несмотря на постоянные контакты между эмиграционными агентами, большинство из них предпочитали действовать в одиночку, дабы не подвергнуться обвинению в причастности к тайному сообществу. Индивидуальная же деятельность не преследовалась судебным порядком, поскольку «такое преступление не предусмотрено Уложением о наказаниях»⁶⁵. Поэтому в агентурных сетях отсутствовали формализованные связи, хотя их участники договаривались об общих принципах ведения дел.

Делалось это по-разному. Агенты-евреи Кольненского уезда Ломжинской губ. в 1904 г. принесли «хейрим» (торжественная клятва, нарушение которой каралось отлучением от синагоги), обещая согласовывать свои действия, ничего не скрывая друг от друга, и не красть у партнёров по бизнесу⁶⁶. Жандармское управление Варшавского, Новоминского и Радиминского уездов информировало начальство о том, что для выработки правил нелегальной эмиграции агенты начали проводить тайные съезды. Первый из них состоялся в 1909 г. в Кёнигсберге, второй — в 1910 г. в Петербурге⁶⁷.

Для конспирации использовались псевдонимы. Например, в Плоцкой губ. «еврей по прозвищу Волк оказался Вульфом Аргентштейном, Ястреб, Коза, Кидка, Мигдаль и прочие оказались совершенно другими лицами по фамилиям, и их розыск являлся делом весьма сложным, а иногда подобные лица оста-

⁶⁰ AGAD, KGGW, 1904–1910, sygn. 260, k. 70.

⁶¹ Ibid.

⁶² ГА РФ, ф. 102, оп. 71, 1914, д. 8, ч. 4, л. 49.

⁶³ *Latawiec K.* Rosyjska straż graniczna w Kryleństwie Polskim w latach 1851–1914. Lublin, 2014. S. 91, 131.

⁶⁴ *Лятавец К.* Поляки в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: история и современность. Краснодар, 2007. С. 82.

⁶⁵ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 8 об.

⁶⁶ Там же, д. 1362, л. 78.

⁶⁷ Там же, ф. 1661, оп. 1, д. 73, л. 5.

вались и невыясненными»⁶⁸. Стремясь скрыть истинные цели частых отлучек за границу, агенты маскировали свою деятельность легальными заработками. Так, З. Анкшетейн, преуспевший сперва в Плоцкой, а потом в Ломжинской губерниях, числился купцом 2-й гильдии, хотя не скрывал, что работал исключительно в эмиграционной конторе в Просткине и использовал сословный статус для получения многократных заграничных паспортов⁶⁹. Гутман в г. Коло Калишской губ. продавал за рубеж птицу, а в фургонах для её перевозки укрывал нелегалов⁷⁰.

Организаторы процесса поддерживали между собой постоянную связь. Жандармы знали, что после пересечения эмигрантами границы сопровождавшие их посредники «дают телеграммы своим компаньонам в России о благополучном проезде. Эти телеграммы в одно слово, так, например: “продано” или “здоровы” или “хорошо”, что означает: перешли границу»⁷¹. В них также могли шифроваться сведения о численности группы и о том, кем она отправлена. Если сообщалось, допустим, «“ожидайте товар 125” или “136” — это означает, что следует партия эмигрантов в числе 25 или 36 человек, а не 125 или 136», поскольку первой цифрой обозначался номер отправителя, «под которым он значится по списку агентов эмиграции»⁷². Расшифровать подобную переписку властям удавалось не всегда.

В приграничных пунктах действовали лица, «на обязанности которых лежит отправлять эмигрантов через границу, распределяя их на легальных, имеющих документы, и нелегальных»⁷³. Нередко эти агенты помогали наладить проезд легальных эмигрантов через официальные пограничные пункты («рогатку»). Тем не менее основной доход им приносили именно те, кто покидал страну нелегально.

Способы переправки постепенно совершенствовались. Наличие у прибывающих для «приискания работы» шифскарт рассматривалось местными властями как признак желания эмигрировать, а отсутствие при этом заграничного паспорта указывало на намерение сделать это нелегально. Препятствуя этому, полиция стала изымать при задержании шифскарты, однако агенты пересылали их по почте в заграничные конторы⁷⁴.

В Седльце подпольно печатались легитимационные билеты, которые заверялись подложной печатью начальника пограничного уезда⁷⁵. Одновременно агенты занимались переправкой в Россию политической и иной контрабанды, зарабатывая таким образом на нелегальном переходе границы дважды. Так, С. Пинкерт действовал по всей территории Привислинского края, выдавая себя за офицера штаба военного округа, жандармского управления и охранного отделения⁷⁶.

⁶⁸ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 7.

⁶⁹ Там же, д. 1364, л. 5.

⁷⁰ AGAD, PWGGSP, 1900, sygn. 516, k. 38.

⁷¹ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1368, л. 2 об.

⁷² Там же, ф. 1661, оп. 1, д. 73, л. 5.

⁷³ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 455, л. 54 об.

⁷⁴ Там же, д. 463, л. 17.

⁷⁵ Там же, ф. 1661, оп. 1, д. 73, л. 1а. Получать эти особые бесплатные паспорта на 8,5 месяцев, 10,5 месяцев и 3 дня имели право исключительно жители приграничной полосы (не более 21 версты в глубину).

⁷⁶ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1367, л. 6.

По тем же каналам нередко шла и торговля «живым товаром», связанная с отправкой (зачастую с помощью обмана) «девушек и красивых женщин в публичные дома Америки» (прежде всего — в Гватемалу и Аргентину)⁷⁷. За их доставку агенту платили 100 и более марок, тогда как за обычного эмигранта — от одного до семи рублей, т.е. до 15 марок (но столько получали лишь руководители заграничных контор)⁷⁸. В Варшаве «нелегальной эмиграцией и по большей части отправкой женщин на продажу в Буэнос-Айрес» занимались Д. Розенберг, Л. Шнайдерман, С. Пинкерт и И. Герц⁷⁹, этим же промышлял житель Новоминска Э. Плеве, имевший, по-видимому, не только постоянных корреспондентов, но и сообщников в разных частях империи⁸⁰. В Бреслау М. Вольштейн сначала переводил через границу крестьян, направлявшихся в Америку, «а после с целью ещё большей материальной наживы вошёл в соглашение со специальными заграничными агентами, занимающимися торговлей женщинами»⁸¹. Он нелегально переправлял девушек через границу в Торн, откуда их тайно, по большей части парами, чтобы не привлечь внимание полиции, доставляли сначала в Берлин или Париж, а затем уже в Аргентину, где обманом помещали в бордели. Когда Вольштейна разоблачили, германские власти запретили ему находиться на территории рейха. Но он, опасаясь за своё благосостояние, согласился на предложение стать шпионом и собирать сведения о российских войсках⁸², сохранив возможность переходить границу.

В соответствии с Парижскими конвенциями 5(18) мая 1904 г. о мерах по пресечению торговли женщинами, государствам следовало бороться с подобной практикой⁸³. Однако у пограничных чиновников были иные приоритеты. Начальник Калишского губернского жандармского управления в 1912 г. писал помощнику варшавского генерал-губернатора: «Паспортная часть находится в руках таможенных чинов; но так как чины эти главное своё внимание обращают на досмотр товаров и пассажирских вещей (это им очень выгодно, ибо при обнаружении при досмотре контрабанды они получают 50% стоимости обнаруженного товара), то к проверке паспортов они относятся крайне поверхностно и редко обращают внимание на то, имеет ли право лицо переходить границу»⁸⁴.

В октябре 1904 г. ломжинский губернатор отметил усиление эмиграционного потока после начала военных действий на Дальнем Востоке. В августе, узнав о том, что администрация проводит расследование ситуации, агенты притаились, и «эмиграция почти прекратилась», однако «с открытием действий присутствия по воинской повинности... они вновь восстановили в прежних размерах свой преступный промысел»⁸⁵.

Видя безуспешность борьбы с деятельностью эмиграционных «контор», правительство попыталось поставить её под контроль. С 1909 г. им разрешалось после регистрации продавать билеты на пароходы на определённой тер-

⁷⁷ Там же, д. 1357, л. 7; ф. 217, оп. 1, д. 455, л. 69.

⁷⁸ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 7.

⁷⁹ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 455, л. 62.

⁸⁰ Там же, д. 463, л. 7.

⁸¹ Там же, д. 455, л. 68 об.

⁸² Там же, л. 69.

⁸³ Там же, л. 62.

⁸⁴ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1371, л. 2–2 об.

⁸⁵ AGAD, KGGW, 1904–1910, sygn. 260, k. 12.

ритории. Выход же за её пределы дозволялся лишь при официальном размещении в новых пунктах специальных агентов и субагентов, разумеется, с согласия губернских властей⁸⁶. Но данное нововведение почти ничего не изменило, поскольку сети посредников не нуждались в легализации, а санкции, предусмотренные за незаконные операции, выглядели ничтожными по сравнению с доходами наиболее востребованных правонарушителей. К тому же в большинстве своём они оставались неуловимыми, «особенно ввиду подкупленности нижних чинов пограничной стражи агентами тайной эмиграции»⁸⁷.

Коррупционная составляющая нелегальной эмиграции. Как констатировал Мясоедов, «полиция и пограничные чины пограничной стражи, не имея силы воли противиться постоянным искушениям, в конце концов поддаются соблазну, берут взятки и потворствуют эмиграционному движению»⁸⁸. Неудивительно, что число дел, заводившихся против пограничников и жандармов, росло. Содействие эмиграции, несомненно, было выгодным занятием. В 1902 г. в Сувалкском окружном суде «слушалось дело об утверждении в правах на 100 000 р[ублей] наследников умершего вахмистра пограничной стражи»⁸⁹. Очевидно, что унтер-офицерское жалованье не позволяло составить такой капитал.

В Сувалкском губернском жандармском управлении полагали, что «офицер бессилен в борьбе с этим злом в силу следующих обстоятельств: солдат с поступлением в пограничную стражу знает, что за всякого рода поимки он получает крупный процент деньгами, так, например: тридцать процентов без проносителя и восемьдесят с проносителем. Таковое крупное вознаграждение, по-видимому, должно было бы быть поощрением к ревностному исполнению, на практике же это и служит развращением солдат, так как за задержанный товар деньги он получает не при задержании, а через несколько лет, часто даже после ухода в запас, благодаря волоките судопроизводства этих дел, при том никогда в том количестве, как ему причитается при задержании, так как товар, лёжа несколько лет, портится и после неоднократных переоценок оценивается в гроши. За задержание эмигрантов солдат ничего не получает. Солдат же, пропуская нелегально через границу эмигранта и способствуя проносу контрабанды, получает деньги тотчас же по условию, при этом зная, что его никто не выдаст, и факт участия его в злоупотреблении остаётся скрытым. Ввиду существующей солидарности в этом случае среди солдат задержание солдат с поличным случается крайне редко, в большинстве случаев лишь только оговор, не поддающийся к выяснению при самых тщательных расследованиях, и ввиду существующего взгляда высшего начальства, приписывающего такого рода положение нерадению офицеров. Последние, спасая личность свою, всегда стараются обелить солдат»⁹⁰.

Тем не менее уличённым в содействии нелегалам грозило заключение под стражу, удаление со службы или перевод во внутренние губернии империи⁹¹. Впрочем, множество прецедентов подобного рода не мешало тем, кто замещал открывавшиеся вакансии, продолжать дело предшественников. Более того, изгнанные со службы могли сами стать эмиграционными агентами. Так, в Вол-

⁸⁶ Ibid., sygn. 1306, k. 17, 19.

⁸⁷ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1281, л. 117 об.

⁸⁸ Там же, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 20 об.

⁸⁹ Там же, л. 16.

⁹⁰ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1366, л. 3 об.—4.

⁹¹ Там же, д. 1364, л. 26 об.

ковышском уезде Сувалкской губ. солдат пограничной стражи В. Воробьёв, по слухам, содействовал нелегальной эмиграции. Причины его увольнения со службы неизвестны, однако уже после отставки он был задержан при переводе эмигрантов через границу. Прося сувалкского губернатора выселить нарушителя, начальник Волковышского уезда утверждал: «Проживание и эмиграционная деятельность Василия Воробьёва на самой пограничной полосе является особенно вредной по тем причинам, что как бывший солдат пограничной стражи хорошо знаком со способами охранения границы и, пользуясь знакомствами в среде прежних сослуживцев, склоняет их подкупам к нарушению присяги и долга службы»⁹².

На границе агенты напрямую договаривались с рядовыми. Делалось это довольно просто: «За условленную... плату начальник кордона (нижний чин) назначает доверенного часового в условленное... место, о чём даёт им (агентам. — *В.К.*) знать, и граница, таким образом, становится свободна для прохода её»⁹³. Подкупив отвечавших за пограничные посты младшего унтер-офицера и ефрейтора, а также их подчинённых, агенты обеспечивали отсутствие в нужное время контроля, «благодаря чему часовые смело входили в сделку с проводниками эмигрантов»⁹⁴. Правонарушители понимали, что «начальник кордона из нижних чинов легко может вести наблюдение за жизнью офицера и для умышленного пропуска лиц за границу выбрать, по условию с контрабандистами, удобное время, когда упомянутый офицер отдыхает или отвлечён исполнением каких-либо неотложных служебных обязанностей»⁹⁵. Отмечалось также, что «офицерский состав в лучшем случае или терроризирован нижними чинами, или даже находится у них в руках»⁹⁶. Не стоит, однако, думать, будто офицеры были абсолютно неподкупны. Представителям контор удавалось вовлекать в свои дела достаточно высокопоставленных лиц. Какого-то единого тарифа тут не существовало — всё зависело от местных условий, интенсивности эмиграции и статуса взяточника. Помощник начальника белостокского отделения Киевского жандармского полицейского управления железных дорог сообщал о предложенных посулах: «Мне — 1 000 рублей, начальнику Щучинского уезда — 600 руб., войтам — 400 руб., старшему жандарму — 200 руб., но может, и больше, и младшим жандармам от 15 до 25 руб.»⁹⁷. Часть этих служащих, судя по записке офицера, уже была подкуплена. Чаше всего в делах упоминалась плата за перевод одного эмигранта (от 50 коп. до рубля). Договорившись с чинами пограничной стражи, агенты компенсировали расходы на оплату их услуг, переводя несколько партий за одну ночь: «Проводник сам границу не переходит, а возвращается для привода следующей группы, пользуясь временем, пока стоит известный часовой»⁹⁸.

За особые услуги организаторы нелегальной эмиграции соглашались платить довольно крупные суммы. Так, Мысливицкая эмиграционная контора Вайхмана собиралась предложить сосновицкому приставу 25 тыс. марок

⁹² AGAD, KGGW, 1904, sygn. 167, k. 1–2.

⁹³ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1372, л. 18 об.

⁹⁴ Там же, л. 18 об.

⁹⁵ Там же, д. 1362, л. 10–10 об.

⁹⁶ Там же, д. 1281, л. 118.

⁹⁷ Там же, д. 1364, л. 6 об.

⁹⁸ Там же, д. 1372, л. 3 об.

(11,5 тыс. руб.) за уничтожение документов о её деятельности⁹⁹. А жительница деревни Пекелко Ю. Мужинская не только подкупала солдат пограничной стражи деньгами, но и оказывала им интимные услуги¹⁰⁰.

Стремление нижних чинов к лёгкому заработку стимулировало процесс. В Департамент полиции поступали сведения о том, что «чины сами обращаются к агентам эмиграции с просьбами дать им возможность что-нибудь заработать»¹⁰¹. Заведовавшего паспортной частью на станции Млава ротмистра Дунина к сделке склонила жена, лично согласовавшая условия с агентом¹⁰². Нижние чины могли заменять проводников, указывая эмигрантам места для перехода границы, или выполнять роль посредников, забирая нелегалов из перевалочных пунктов¹⁰³.

Вступая в сговор с представителями власти, агенты разрабатывали мошеннические схемы, позволявшие получить максимальный доход. Например, в Новоминске Плеве подсылал подкупленного полицейского на квартиру, где эмигранты ожидали выезда из империи. Арестовав подозреваемого, служитель закона отпускал его за плату, составлявшую всю наличность, о которой знал агент¹⁰⁴.

При задержании агенты старались откупиться. На пограничном пункте Гербы-Русские И. Шпрингер предлагал задержавшему его К. Ковальчуку 10 руб. и цепочки для часов¹⁰⁵. Унтер-офицеру жандармского управления Бендинского уезда Петроковской губ. Ф. Соколову обещали дать 12 руб.¹⁰⁶ Более крупные дельцы могли напрямую договариваться с властями уезда. В Млаве М. Захарьяш добивался освобождения арестованных эмигрантов, делясь полученными после их отправки за границу деньгами с начальником земской стражи Млавского уезда ротмистром П.К. Граббе и делопроизводителем полицейского отделения млавского уездного управления губернским секретарём С.В. Музолевским¹⁰⁷.

Напротив, отказ от сотрудничества и попытки противодействовать нарушителям были сопряжены с известным риском. Старшему стражнику С. Пивнюку, служившему близ Келче-Копского кордона, нижние чины грозили убийством, если тот будет им мешать¹⁰⁸. Вахмистра вержболовского отряда Автаева убили его сослуживцы¹⁰⁹.

Тем не менее многие оставались верны своему долгу. Тот же унтер-офицер Соколов, приняв взятку в 12 руб., сразу же передал деньги своему непосредственному начальнику ротмистру Е.К. Климовичу, который отправил их в Петроков, в приют имени св. Софии. Помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части объявил Соколову благодарность за честную службу¹¹⁰. В 1907 г. появился даже специальный циркуляр, согласно которому жандарм-

⁹⁹ Там же, л. 6.

¹⁰⁰ Там же, д. 1357, л. 8.

¹⁰¹ Там же, д. 1281, л. 118.

¹⁰² AGAD, PWGGSP, 1909, sygn. 263, k. 6.

¹⁰³ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1278, л. 5; д. 1360, л. 2.

¹⁰⁴ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 463, л. 12.

¹⁰⁵ Там же, ф. 215, оп. 1, д. 494, л. 2.

¹⁰⁶ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1361, л. 22.

¹⁰⁷ Там же, д. 1356, л. 6.

¹⁰⁸ Там же, д. 1362, л. 73.

¹⁰⁹ Там же, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 16.

¹¹⁰ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1361, л. 22–23.

ским чином в обязательном порядке объявлялась благодарность, если полученная ими взятка сдавалась в казну¹¹¹. Унтер-офицер пункта Граево Азаров, приняв 10 руб. от М. Беренштейна, сразу же сообщил об этом жандармам, объяснив свои действия намерением усыпить бдительность агентов, собрать против них улики и установить наблюдение за контрабандистами, занимавшимися в том числе ввозом оружия¹¹². Кроме того, он предоставил начальнику Ломжинского губернского жандармского управления список известных ему агентов. Начальник Щучинского уезда Ломжинской губ. заявил агенту, склонявшему его к сотрудничеству, что готов уйти в отставку, если подтвердятся сведения о подкупе его непосредственного начальства¹¹³.

В.Ф. Джунковский вспоминал, как будучи товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов решил, возвращаясь в Россию через Вержболово, проверить работу приграничной стражи и попытаться перейти границу с нарушением установленного порядка. Однако не узнавший генерал-майора жандармский унтер-офицер остановил его и угрожал ему арестом, удостоившись похвалы за правильное понимание службы и получив 5 руб.¹¹⁴

Впрочем, не всегда можно было с уверенностью отделать радение о службе от попытки скрыть свою причастность к противоправной деятельности. Командир Келче-Копского отряда пограничной стражи ротмистр С.И. Хомяков запретил в приграничной полосе выпас лошадей и скота, под прикрытием которого переправлялись эмигранты. Однако, оставляя на время отряд, Хомяков прямо напутствовал подчинённых, чтобы до его возвращения те не «стеснялись пропуском за границу лошадей и эмигрантов». Несмотря на это, в его отсутствие «пропуски значительно уменьшились». И хотя выдвинутые против ротмистра обвинения не подтвердились, в Ломжинском губернном жандармском управлении считали, что следствие проводилось формально и недостаточно тщательно, а полученные при повторном разбирательстве сведения оказались противоречивыми. В результате Хомякова перевели на другое место службы¹¹⁵.

В подобных действиях обвинялся и начальник Слупецкого уезда Л.В. Степанов, который в разговорах с начальником жандармского управления Калишского, Конинского и Слупецкого уездов ротмистром Н.Н. Аплечевым, направленным в Слупецк для расследования, заявлял о своей непримиримости к нелегальной эмиграции. Между тем вскоре выяснилось, что он был в ней материально заинтересован и освобождал задержанных эмигрантов¹¹⁶.

Мясоедов утверждал, что в своей борьбе с нарушениями границы натолкнулся на противодействие местной полиции и состоявшего на жалованьи у агентов начальника Волковышского уезда Сувалкской губ. статского советника А.А. Линка, который «прямо-таки старался уничтожить результаты моих действий и пользовался всяким случаем, чтобы выпустить на свободу задержанных мною эмигрантов». Со своей стороны Линк многократно жаловался

¹¹¹ Лаврёнова А.М. Жандармский надзор в Вержболово накануне Первой мировой войны // Транспортные коммуникации Российской империи в годы Первой мировой войны. М.; СПб., 2014. С. 175–176.

¹¹² ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1363, л. 12–12 об.

¹¹³ Там же, д. 1364, л. 7.

¹¹⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания / Под ред. А.Л. Паниной. Т. 2. М., 1997. С. 185.

¹¹⁵ AGAD, KGGW, 1904–1910, sygn. 260, k. 2, 4; ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1362, л. 69, 79.

¹¹⁶ AGAD, PWGGSP, 1900, sygn. 516, k. 39–41.

сувалкским губернатору и прокурору на якобы незаконные задержания подчинёнными Мясоедова прибывавших в Вержболово лиц. Однако Мясоедов легко опровергал эти упрёки, ссылаясь в 1903 г. на то, что, «несмотря на кажущийся произвол в наших действиях, за последние годы не было ни одного случая принесения основательной жалобы на противозаконное задержание мной кого-либо, имевшего законный вид на жительство»¹¹⁷.

Департамент полиции, расследовав обвинения Линка во взяточничестве и пособничестве эмиграции, установил его причастность к незаконным операциям. Агенты Браунштейны выплачивали ему и полицейскому надзирателю Бердовскому 300 руб. в месяц, причём деньги они получали преимущественно лично, выезжая за границу в Эйдкунен. Подкуп начальника уезда способствовал большей сговорчивости двух местных жандармских унтер-офицеров, которым ежемесячно платили по 15 руб. Уликой служило распоряжение Линка, запрещавшее «задерживать лиц при наличии у них паспортов и заявлений о розыске работы, ограничивая... действия лишь наблюдением»¹¹⁸.

В итоге Линка уволили. Однако впоследствии, когда репутация Мясоедова как офицера, не берущего взятки, оказалась скомпрометирована, и он сам попал под подозрение, появились свидетельства, объяснявшие его конфликт с Линком тем, что одному платили Браунштейны, а другому — конкурировавшая с ними контора С. Фрайдберга в Либаве¹¹⁹.

Борьба с нелегальной эмиграцией. Несмотря на не прекращавшиеся попытки власти изменить ситуацию, местные жители по многим причинам не спешили поддерживать эти усилия. «Пограничное же население, — отмечали в Департаменте полиции, — положительно испорчено тайной эмиграцией, так как одни состоят в эмиграционной агентуре работниками и получают известный процент, другие работают самостоятельно, проводя ночью через границу двух-трёх эмигрантов, а третьи занимаются переправкой всякого рода контрабанды»¹²⁰. В 1907 г. в Сувалкском губернском жандармском управлении констатировали, что сопровождение нелегалов приносило огромные доходы, а агенты делались «на глазах всех в какие-либо десять лет из нищих помещиками»¹²¹. Неудивительно, что вмешиваться в подобный бизнес было небезопасно. Один из тайных осведомителей настаивал на том, что «нужно проводить следствие под присягой, т[ак] к[ак] местные боятся от шайки краж и поджогов»¹²². Жители посада Кибарты неоднократно сообщали о расправах, которые устраивали агенты¹²³.

Правдивость обращений к властям не без оснований вызывала сомнения. Взаимные обвинения часто практиковались в среде агентов: «На почве материальной конкуренции группы эти подают друг на друга анонимные доносы, но благодаря покровительству местных жителей к результату расследования не приводят»¹²⁴. В изрядном количестве поступали жалобы и на пограничных офи-

¹¹⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 17–17 об.

¹¹⁸ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1360, л. 1 об., 12.

¹¹⁹ Фуллер У. Указ. соч. С. 23, 33–34.

¹²⁰ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1360, л. 2.

¹²¹ Там же, д. 1366, л. 2.

¹²² Там же, ф. 215, оп. 1, д. 471, л. 11.

¹²³ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1361, л. 29.

¹²⁴ AGAD, KGGW, 1904–1910, sygn. 260, k. 63.

церов, мешавших преступному промыслу. Сообщаемые в них сведения обычно не находили подтверждения¹²⁵.

Предметом бурного обсуждения стал случай, произошедший на станции Ивангород. 26 апреля 1906 г. начальник Ивангородской крепостной жандармской команды подполковник А.А. Арцыбашев распорядился задержать состав, в котором, по его данным, находились несколько десятков потенциальных нелегальных эмигрантов. Среди пассажиров действительно обнаружили подозрительных лиц, однако «оцепление войсками пассажирского поезда и притом по делу, не имевшему никакого политического характера», да ещё «почти накануне открытия Государственной думы, вызвало разнообразные и едва ли желательные толки в местном обществе». Повод к столь жёстким действиям дала анонимная телеграмма, которая, «по-видимому, была послана эмиграционным агентом с целью повредить своему конкуренту, перевозившему задержанную партию». Арцыбашев оправдывал своё решение тем, что упомянутые в ней беспаспортные беглецы могли оказаться «спасающимися от преследования политическими убийцами»¹²⁶. В июне 1912 г. сходным образом обосновывал свои меры и начальник Варшавского жандармского губернского управления, указывавший на то, что «все преступники и вообще люди, убегающие из России из-за боязни преследований, русскими агентами по тайной эмиграции направляются через пограничный пункт Вержболово»¹²⁷.

Но нередко подобная борьба приводила к совсем иным результатам, нежели ожидалось. К примеру, начальник жандармского управления Млавского, Праснышского и Цехановского уездов Плоцкой губ. в 1900 г. не без удивления обнаружил, что после того, как за три года из приграничной полосы выдворили 20 агентов, «перевод эмигрантов не только не уменьшился, а напротив, увеличился, причём только все агенты стали более осторожными»¹²⁸. Главный начальник соседнего с Царством Польским Северо-Западного края В.Н. Троцкий, основываясь на опыте своего генерал-губернаторства, признавал, что «ловили же в большинстве случаев “работников”, получавших за труды эти от 1 руб. Сколько известно, главных воротил за отсутствием улик не трогали, и потому борьба с такими агентами была нелёгкою»¹²⁹.

Командующий калишской бригадой пограничной стражи полковник Я.В. Червинка указывал на бесперспективность сдерживания нелегальной эмиграции законными методами: «Фактически пограничная стража бессильна воспрепятствовать эмиграции, так как задерживать лиц до перехода границы они не могут, а если и задержат, то таможня освободит ввиду отсутствия состава преступления; также не может пограничная стража принимать каких-либо действий в то время, когда эмигрант перешёл [на] прусскую сторону, а следовательно, единственным законным случаем к принятию мер представляется тот момент, когда совершается переход границы, но для этого нужны всего лишь две-три секунды, так как граница с Пруссией открытая и видимым знаком её служит пограничная дорожка. Таким образом, переход за границу чрезвычайно лёгкий, и меры, предпринимаемые к задержанию политических эмигрантов,

¹²⁵ Ibid., к. 33.

¹²⁶ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1364, л. 18–18 об., 20–20 об.

¹²⁷ Там же, ф. 217, оп. 1, д. 457, л. 7.

¹²⁸ Там же, ф. 265, оп. 1, д. 1357, л. 8–8 об.

¹²⁹ Цит. по: *Иванов А.А., Котов А.Э.* Экономическое значение и попытки регулирования... С. 72.

не могут быть достигнуты»¹³⁰. По словам помощника варшавского генерал-губернатора по полицейской части Л.К. Утгофа, «эмигрантов, переходящих сухопутную границу, нельзя приравнять к тем, кто эмигрирует через порты, где момент вступления лица на пароход, отходящий за границу, устанавливает признак, по которому его можно признать за эмигранта»¹³¹. Следовательно, даже фиксация статуса эмигранта являлась проблематичной.

Приходилось считаться и с тем, что «лица, занимающиеся в виде промысла тайным переводом эмигрантов через границу, совершенно неуловимы, так как задержание их близ границы не даёт ещё оснований для привлечения их к законной ответственности, которая возможна или в случае задержания их во время самого перехода границы... или при доказанности наличия подговора к эмиграции»¹³². Но тот же Мясоедов в 1903 г. видел, что «раньше агенты подстрекали, а теперь уже и не надо», поскольку у крестьян имелось достаточно информации из-за рубежа от тех, кто покинул насиженные места ранее¹³³. К тому же в 1906 г. соответствующая статья «Уложения о наказаниях» получила новую редакцию: отныне каралось только распространение «заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу»¹³⁴.

На практике это ещё более осложняло борьбу с агентами. Высылка их по распоряжению генерал-губернатора вглубь страны являлась крайней мерой. Обычно сначала всё ограничивалось удалением из приграничной полосы или помещением под надзор полиции. Так, жители Млавского уезда В. Вышомирский и С. Вашковский ещё в 1898 г. обвинялись в организации нелегальной эмиграции. Первому из них воспрещалось жить ближе, чем за 100 вёрст от границы, второй находился под надзором полиции. Однако ничего не помогало, и вскоре они снова попали под подозрение. Местные власти ходатайствовали о выселении обоих из Привислинского края, но достаточных доказательств собрать не удалось, и дело закрыли¹³⁵. Впрочем, большинство из тех, кого всё же выслали в административном порядке, смогли воспользоваться объявленной в октябре 1905 г. амнистией¹³⁶. Те же Браунштейны, сосланные в Якутию в 1903 г., через несколько лет вернулись к прежней деятельности¹³⁷.

На местах выдвигались самые разные инициативы. Помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части в 1901 г. ходатайствовал о посылке за границу под видом нелегального эмигранта доверенного лица, способного раскрыть механизм преступного бизнеса¹³⁸. Ломжинский губернатор в 1908 г. рекомендовал предоставить местной администрации право получать из почтово-телеграфных контор копии телеграмм, поступивших на имя лиц, заподозренных в тайном переводе эмигрантов¹³⁹. Начальник Варшавского губернского жандармского управления в 1912 г. предлагал изымать на пограничных переходах письма, адресованные контрольным станциям, поскольку в них

¹³⁰ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1364, л. 11–11 об.

¹³¹ Там же, д. 1372, л. 21 об.

¹³² Там же, д. 1281, л. 117 об.

¹³³ Там же, ф. 102, оп. 60, д. 19, ч. 5а, л. 14.

¹³⁴ Цит. по: *Тарле Г.Я.* Эмиграционное законодательство... С. 35.

¹³⁵ AGAD, KGGW, 1904–1905, sygn. 185, k. 11, 14.

¹³⁶ Ibid., 1904–1910, sygn. 260, k. 63.

¹³⁷ ГА РФ, ф. 265, оп. 1, д. 1364, л. 26.

¹³⁸ Там же, д. 1357, л. 18, 20.

¹³⁹ AGAD, KGGW, 1904–1910, sygn. 260, k. 67.

всегда можно обнаружить тайные шифры и имена агентов, деньги, шифскарты и т.п.¹⁴⁰ Но такие явно паллиативные меры не могли радикально исправить ситуацию, вызывавшую всё бóльшую критику как в правительственных сферах, так и в обществе.

Нелегальная эмиграция из Российской империи к началу XX в. достигла поистине колоссального размаха, и её организация сделалась исключительно доходной сферой деятельности. Сотни и даже тысячи подданных царя ежедневно переходили границу с нарушением предусмотренного законами порядка. Представители власти пытались не только остановить поток эмигрантов, но и осмыслить происходившие процессы. Единства мнений о причинах усиления эмиграционного движения в чиновничьей среде не было, наиболее часто оно объяснялось экономическими мотивами, но учитывались и «подговоры» лиц, заинтересованных в росте перевозок и создававших ложный образ прекрасного будущего за границей. Вина возлагалась также на агентов-евреев, чему немало способствовали широко распространённые антисемитские настроения. Спрос на услуги посредников стимулировал возникновение целых конспиративных сетей, взаимодействовавших со служащими (от рядовых пограничников до уездных начальников) и побуждавших их к преступлениям. Перспектива лёгкого, быстрого, а главное, безопасного заработка являлась для многих исключительно притягательной.

Борьба с нелегальной миграцией не имела успеха. Высланных агентов сменяли новые, а вовлечённость в их бизнес жителей приграничных районов обеспечивала круговую поруку. Кроме того, руководство сетями осуществлялось иностранными фирмами, контролировать которые российское правительство не могло. Высокая материальная заинтересованность различных структур, корпораций и социальных групп в процветании противоправного промысла способствовала дальнейшему раскручиванию маховика эмиграции.

¹⁴⁰ ГА РФ, ф. 217, оп. 1, д. 457, л. 7 об.

Новые тенденции в изучении стрелецкого восстания 1682 г.

Степан Шамин

New trends in the study of the Streltsy uprising of 1682

Stepan Shamin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24010066, EDN: CNNEZR

В 2022 г. научная общественность отмечала 350-летний юбилей Петра Великого и 340-летнюю годовщину стрелецкого восстания 1682 г. В 2021 г. в Штутгарте на немецком языке вышла монография Г.М. Казакова¹, в России являющаяся библиографической редкостью (книга представлена лишь в Российской государственной библиотеке и библиотеке Германского исторического института в Москве).

События Хованщины освещены в большом числе научных исследований, первые из них увидели свет ещё в XVIII в. Несмотря на огромный объём литературы по данному вопросу, Казаков сумел найти для своей монографии новый ракурс. Сразу отмечу, что книга разочарует тех, кто хочет точно знать, что «на самом деле» происходило в Москве в 1682 г. Учёный рассматривает восстание как объект международной коммуникации, стремясь изучить сети распространения информации; охарактеризовать участников процесса; показать, как наблюдатели интерпретировали те или иные события; проанализировать восприятие восстания в публичном пространстве; подробно рассмотреть практику использования полученных знаний политиками и дипломатами разных стран. Если раньше бесконечное число повествовавших о восстании источников были для авторов монографий средством поиска исторической истины, то теперь перетекающие друг в друга сообщения становятся центральным объектом анализа.

Подобная постановка вопроса кажется характерной для исследователей, работающих в рамках исторических подходов эпохи постмодерна. Вслед за блуждающими по Европе шпионскими донесениями, рукописными «авизиями» и «летучими листками», политическими памфлетами, реляциями дипломатов, газетными статьями, отписками гонцов, курантами, купеческими письмами и т.д. автор совершил путешествие по архивам Москвы и Петербурга, Варшавы, Берлина, Стокгольма, Уппсалы, Гааги, Вены, Парижа. Однако Казаков далёк от характерной для постмодерна погони за бесконечной чередой искажённых отражений, называемой некоторыми коллегами «интеллектуаль-

© 2024 г. С.М. Шамин

¹ *Kazakov G. Die Moskauer Strelitzen-Revolte 1682: diplomatische Espionage, Nachrichten verkehr und Narrativentransfer zwischen Russland und Europa. Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 91. Stuttgart, 2021. (Казаков Г. Московское стрелецкое восстание 1682 года: дипломатический шпионаж, распространение новостей и обмен нарративами между Россией и Европой. Источники и исследования по истории Восточной Европы. Т. 91. Штутгарт, 2021.).*

ным алкоголизмом»². В первую очередь перед нами предстаёт добротное источниковедение, характерное как для российской, так и немецкой классической исторической науки. Уже это делает новую книгу полезной для коллег по цеху. В работе подробно расписано, где какие комплексы документов хранятся, но главное, на мой взгляд, достижение автора в том, что он показывает, как возникают конкретные нарративные источники и, соответственно, даёт возможность исследователям принципиально оценить их изначальную достоверность. Теперь мы гораздо лучше представляем себе, что и откуда мог знать автор конкретного документа. В этом состоит основной вклад книги в фактографическое изучение восстания 1682 г.

Предпринятое Казаковым исследование информационных сетей не менее интересно, чем конкретные данные о восстании. Это направление научных изысканий переживает бум с конца 1980-х гг. Работавшие в рамках данного дискурса учёные показали, как важно изучать не только сами сети, но и точки связи между региональными коммуникационными пространствами. Автор последовательно разыскивает людей, через которых проходили линии пересечения, связывавшие российское информационное поле с Европой.

Уже в начале книги Казаков поставил вопрос о том, какие именно политические нарративы, концепции и представления о восстании 1682 г. перемещались между Европой и Россией. Он показал, что по характеру оценок произошедших событий русские нарративы в хронологическом отношении делятся на три периода — «повстанческий», времени правления царевны Софьи, а также эпохи Петра Великого и его преемников. Они принципиально различаются политической позицией и, следовательно, оценкой происходящего³. В дальнейшем в центре внимания автора остаются в основном материалы периода восстания. Однако оказывается, что и на этом узком хронологическом отрезке один и тот же фактографический сюжет мог быть подан по-разному.

В первых главах даётся обзор событий 1682–1698 гг., помещённый в европейский политический контекст, освещаются различные традиции повествования о стрелецком восстании, сложившиеся в 1682–1750 гг. Однако для русского читателя, как мне кажется, особый интерес представляет четвёртая глава, где Казаков показывает, каким образом сведения о восстании распространялись в международной дипломатической среде. Эта часть книги занимает больше трети общего объёма монографии. Она начинается с эпизода отправки из Москвы гонцов с извещением европейских государей о вступлении на престол после кончины Фёдора Алексеевича его братьев — Ивана и Петра. Предпринятый исследователем комплексный анализ подобной миссии с точки зрения истории русской дипломатии соответствующего периода интересен сам по себе. Под комплексностью здесь понимается не только всестороннее описание каждой миссии по материалам РГАДА (что уже делалось предшественниками), но и обращение к источникам, оставленным принимающей стороной⁴. Для развиваемого в главе сюжета важно, что куда бы русские ди-

² Филюшкин А.И. Постмодернистский вызов и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. Философско-культурологический журнал. 2000. № 3. С. 69.

³ Здесь исследователь опирается на наработки российских учёных. См.: Богданов А.П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 77–108.

⁴ Отдельные наблюдения по данному сюжету изложены Казаковым в специальной статье: Казаков Г.М. Поездка подьячего Никиты Алексея в Швецию и Данию в 1682 г. // Российская

пломаты не приезжали, они везде сталкивались с тем, что правительства европейских стран уже имеют перед глазами ту или иную картину происходившего в России.

В следующих разделах главы Казаков отвечает на вопрос, откуда конкретно появились эти знания. Материал расположен по странам. Первой следует Дания, правительство которой снабжал сведениями «фактор» (торговый представитель) датского короля Христиана V в Москве Генрих Бутенант фон Розенбуш (его донесения с 1679 по 1698 г. хранятся в Копенгагенском архиве), а также побывавший в Москве в 1681 и 1682 гг. дипломат Гильдебрандт фон Горн. Оба они неоднократно привлекали внимание учёных. Розенбуш и Горн смотрели на события через призму главной заботы датской внешней политики того периода на российском направлении — заставить московское правительство вступить в войну со Швецией. Казаков отметил, что весной 1682 г. Дания, Франция и Бранденбург-Пруссия договорились направить представителей в Москву, чтобы склонить Россию к антишведскому демаршу. Датчанам отводилась ведущая роль, поэтому фон Горн отправился в Россию в самый разгар восстания и приложил много усилий, ища расположения московских властей.

Разобрав «датский» сюжет, Казаков перешёл к анализу процесса формирования голландской точки зрения на события 1682 г. В тот период коалиции Дании, Франции и Бранденбурга противостоял шведско-голландский союз. Главным противником фон Горна при царском дворе автор монографии считает резидента Нидерландов в Москве Иоганна ван Келлера. В беспокойном 1682 г. он отправил домой 21 корреспонденцию. Голландец имел в России хорошие контакты как в Посольском приказе, так и среди представителей обеих политических группировок московского двора. Казаков, вслед за американским историком Эндрю Лосским, называет ван Келлера «самым информированным иностранным дипломатом в России».

В разделе «Бранденбург—Пруссия» автор монографии уделяет большое внимание хранящемуся в Берлинском архиве комплексу «русских» информационных материалов 1681–1683 гг., связанные исследователем с деятельностью агента бранденбургского двора Германа Дитриха Гессе. Значительную часть этих текстов можно условно определить как «*Geschriebene Zeitungen*» («рукописные газеты») из русских городов. Немецкое слово «*Zeitung*», сегодня используемое в значении «газета», изначально означало «новость», т.е. в данном контексте речь идёт о рукописных сообщениях-новостях. Читатель книги Казакова должен понимать, что письма с новостями, поставлявшие материалы для газет, стадильно были их предшественниками. Иногда такие тексты называют «авизами». Газеты в современном понимании этого слова, даже рукописные, в рассматриваемом регионе тогда не выходили.

Как показал Казаков, Гессе, назначенный курфюрстом на должность тайного секретаря, получал новости о России, находясь в Кёнигсберге. Выбор этого города как места сбора материалов представляется естественным, поскольку именно сюда приходила почта из Риги и Москвы⁵. Собранные Гессе «авизы» происходили из Москвы (15 писем), Новгорода (3), Риги (3) и Ревеля (2). Корреспондентами Гессе автор монографии считает местных купцов немецкого происхождения; анонимного московского корреспондента Казаков идентифи-

история. 2018. № 3. С. 121–133.

⁵ Кёнигсберг оставался почтовым хабом для России вплоть до конца 1860-х гг.

цировал как почтмейстера А.А. Виниуса⁶. В самый острый момент восстания 1682 г. этот информатор материалы пересылать перестал, что неудивительно — в обстановке острой политической борьбы за рассылку новостей в чужие страны можно было лишиться головы. Гессе пришлось довольствоваться менее информированными источниками.

Материалы, помещённые Казаковым в разделе «Франция», почти не представлены в русской историографии. Интерес Парижа к российским новостям связан с вовлечением Людовика XIV в союз с Данией и Бранденбургом против Швеции и Нидерландов. Весной 1682 г. французский дипломат де ла Пикетьер⁷ направился в Данию для обсуждения деталей плана совместных дипломатических усилий на московском направлении. Дальнейшее развитие проекта затормозилось из-за смерти царя Фёдора Алексеевича и начавшегося восстания. Однако совсем от идеи не отказались. Планировалось, что ла Пикетьер поедет в Москву через Литву. Официально ему предстояло добиваться установления торговых отношений между Францией и Россией. В Москве французского дипломата ожидали не позднее чем через 15 дней после прибытия датского и бранденбургского посланников. Сношения с Парижем предстояло поддерживать при посредничестве французских послов в Дании и Польше или через французского резидента в Гамбурге. В итоге ла Пикетьер застрял в датской столице, и дипломатическому ведомству Франции пришлось запрашивать сведения о восстании через своих представителей в Швеции и Речи Посполитой. Последняя стала основным источником новостей. Находившийся при дворе Яна Собеского маркиз де Витри усвоил польскую точку зрения на положение дел в Москве. Он пришёл к выводу, что из-за непрекращающихся беспорядков с «москвитами» договариваться о конкретных действиях бессмысленно.

В разделе «Швеция» Казаков показывает, что Стокгольму удалось выстроить эффективную систему сбора информации благодаря работе шведского агента Кристофа Коха (в русской историографии известен также как Христофор Кохен или Кокен). Материалы данного раздела частично представлены в русскоязычных публикациях автора монографии⁸, а также в его совместной с А.С. Лавровым книге⁹.

Последней из стран Казаков рассматривает Речь Посполитую. Он отмечает, что именно здесь к новостям из России относились с особым вниманием, поскольку восприняли их как сигнал о возможном разделе страны. К несчастью для Польши, её шанс на успех в борьбе с погрузившимся в политическую смуту Московским государством сводила на нет активизировавшаяся Осман-

⁶ См. об этом: *Казаков Г.М.* Почтмейстер Андрей Андреевич Виниус как информант бранденбургского курфюршеского двора // Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века. Материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 68–71.

⁷ Информация о миссии ла Пикетьера содержится в статье Д.О. Манина. Однако исследователь работал в архиве с недатированной инструкцией ла Пикетьера и отнёс её к 1683 г. Из-за этого он не смог правильно интерпретировать выявленные данные (*Манин Д.О.* Развитие торгового проекта и его роль в русско-французских отношениях начала 1680-х гг. // История: Факты и символы. 2023. № 3(36). С. 84–85).

⁸ *Казаков Г.М.* Великий Новгород во время стрелецкого восстания 1682 г. по донесениям шведских агентов // Valla. 2017. Т. 3. № 6(13). С. 13–18; *Казаков Г.М.* Шведские донесения о московском стрелецком восстании 1682 г. // Valla. 2018. Т. 4. № 1–2(14). С. 93–102.

⁹ Донесения шведских агентов о Хованщине, 1682–1683 гг. / Подгот. Г.М. Казаков, А.С. Лавров. СПб., 2022.

ская империя. Ввиду роста турецкой угрозы Польша так и не рискнула пустить в ход войска на восточном направлении.

Казаков показал, что в Речь Посполитую приходило большое число известий из России, однако польскому правительству были неясны многие детали происходившего в Москве, к примеру, остался ли в живых царь Пётр, или его убили восставшие. Анализируя представленные исследователем материалы, рискну предположить, что проблема поляков состояла не в недостатке данных, а в их избытке — имея множество каналов связи, особенно в приграничье, польское правительство захлебнулось в потоке слухов. Кроме того, полякам, десятилетиями воевавшим против России, психологически хотелось видеть московские события в максимально мрачном ракурсе. Ориентируясь на самые негативные сообщения, польские власти в какой-то мере сами себя обманывали.

В дальнейшем правительство Речи Посполитой приняло серьёзные усилия для того, чтобы разобраться в происходящем. В связи с этим Казаков внимательно проанализировал деятельность королевского секретаря Станислава Бентковского, отправленного Яном Собеским в приграничное село Кадино для сбора точных сведений о происходящем в России. Автор отметил, что главным информатором для Бентковского стал шляхтич Назарий Краевский. Он действовал в интересах Москвы, передавая сведения о своих контактах с Бентковским в Посольский приказ. Донесениям Краевского в российскую столицу в «польском» разделе отведено много места. Представлены в работе и данные об огромных выплатах Краевскому от польской короны, а также сведения о его связях с литовскими магнатами, недовольными политикой Собеского.

Однозначных выводов, в чьих же интересах на самом деле действовал Краевский, в монографии Казакова не сделано. Данные о том, что он одновременно служил как российской, так и польской стороне, присутствуют и в работе К.А. Кочегарова¹⁰. Мне представляется, что Краевский действовал в интересах литовских магнатов, а его патроном был Марциан Александр Огинский. Утверждать это позволяют отложившиеся среди курантов материалы Посольского приказа, которые свидетельствуют о том, что Краевский впервые приехал в Россию в 1678 г. Он объявил, что послан троцким воеводой Огинским предупредить о намерениях польского короля вместе с турками заключить союз против цесаря, якобы правитель Речи Посполитой для войны с цесарем обещал пропустить через свою территорию шведов. В этом деле польский король не советовался с Речью Посполитой, поэтому магнаты во главе с Огинским решили организовать конфедерацию и просили Москву поддержать их. Краевский привёз с собой в Москву польские письма, переведённые в Посольском приказе 8 мая 1678 г.¹¹ Служа Огинскому, Краевский мог «честно» шпионить и против Яна Собеского в пользу московского правительства, и наоборот. Поскольку война с Россией не соответствовала интересам литовской шляхты, Краевскому следовало опровергать слухи о глубине кризиса, чтобы не провоцировать польскую сторону на конфликт. Таким образом, польское правительство, имевшее массу возможностей для шпионажа в Москве, на практике стало объектом информационных манипуляций.

¹⁰ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 51–53, 59–62, 88–91, 123–124, 127, 128.

¹¹ РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1678 г., д. 4, л. 1–77.

Из рассмотренных Казаковым «польских» сюжетов наиболее интересной кажется история о визите в Речь Посполитую в период стрелецкого восстания шляхтича Павла Негребецкого, якобы приезжавшего к польскому королю от Н.К. Нарышкиной с просьбой о помощи против захватившей власть царевны Софьи. В связи с этим обращением польской стороной рассматривалась возможность бегства Натальи Кирилловны с Петром в Речь Посполитую. Позднее Негребецкий продолжал играть роль связного между польским двором и Нарышкиными. После перехвата одного из его посланий шляхтича схватили, пытали и казнили за участие в заговоре против царевны Софьи. Данный сюжет всё чаще привлекает учёных¹². Исследование Казакова является ещё одним шагом в его разработке. В историографии отмечалось, что в июле 1683 г. кн. Б.А. Голицын обращался к датскому королю Кристиану V с просьбой поддержать Петра, взамен обещая союз против Швеции¹³. Если объединить эти данные со сведениями о Негребецком, становится очевидным, что сразу по завершении острой фазы восстания партия Нарышкиных пыталась отстранить от власти царевну Софью, опираясь на внешние силы. Любопытно, что о желании уехать в чужую землю в разные моменты восстания публично объявляли как царевна Софья, так и царица Наталья Кирилловна, но это воспринималось исследователями исключительно как риторический приём¹⁴. Данных о конкретном содержании переговоров Нарышкиных с польскими властями нет, и вопрос, принимала ли польская сторона риторику за действительность, или возможность бегства за границу рассматривалась Натальей Кирилловной всерьёз, остаётся открытым.

В целом четвёртая глава книги Казакова позволяет по-новому оценить место Москвы в системе европейской политики того времени. Впервые стало очевидно, что уже к началу 1680-х гг. в Москве сталкивались интересы могущественных коалиций европейских держав, стремившихся перетянуть Россию на свою сторону. Поражает эффективность организации шведским агентом Кристофом Кохом передачи новостей из России в Стокгольм. Но ещё большее впечатление производят выявленные Казаковым данные об уровне развития информационного обмена в России 1680-х гг. Яркой иллюстрацией наличия здесь «информационного рынка» является то, что находившиеся в составе противоборствующих коалиций Кох и бранденбургский агент Гессе могли получать письма с новостями из одного источника в Новгороде. Между тем в историографии бытует мнение об информационной закрытости России в допетровскую эпоху, основанное на регулярных жалобах дипломатов, ни шагу не могущих сделать без приставов. Исследователям предстоит ответить на вопрос, как эти данные соотносятся с зафиксированным Казаковым активным новостным трафиком.

В пятой главе Казаков рассматривает вопрос о том, как сведения о восстании 1682 г. распространялись внутри европейской информационной системы. Кажется невероятным, насколько широко по Европе расходились новости о, казалось бы, ещё не вовлечённом в европейский мир регионе. Если брать не-

¹² Кочегаров К.А. Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг. // Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества. М., 2012. С. 45–88; Биргегорд У. Почему казнили Павла Негребецкого? // Slověne. 2020. Vol. 9. № 1. С. 232–260.

¹³ Бушкович П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 144–146.

¹⁴ Донесения шведских агентов о Хованщине... С. 32, 121–122.

мецкую прессу, то о московских событиях 1682 г. сообщали девять разных немецких газет.

Интересен вопрос о цензурировании российских новостей. Казаков отметил, что 8 августа 1682 г. вышел указ бранденбургского курфюрста, запрещающий издателям газет освещать события в России. Вопрос о причине появления такого указа в книге не рассматривается. Предположу, что это произошло по просьбе российских властей, переданной через почтмейстера Виниуса. Близкая ситуация имела место в период правления Алексея Михайловича, когда связанные с восстанием Степана Разина негативные материалы опубликовали в кёнигсбергской газете. Тогда московский почтмейстер П. Марселис угрожал кёнигсбергскому коллеге подачей жалобы курфюрсту. Официальных запретов в то время не появлялось (или мы о них не знаем), однако негативные публикации прекратились¹⁵. С учётом того, что в 1682 г. Бранденбург планировал договариваться о союзе с Москвой, курфюрсту следовало чутко реагировать на пожелания российских властей. Зафиксированный Казаковым факт введения цензурных ограничений в отношении негативных газетных статей о России закрывает хронологическую лакуну между дипломатическими демаршами времён Алексея Михайловича и целенаправленной политикой Петра Великого, стремившегося ограничить свободу европейской прессы в отношении публикаций негативных статей, посвящённых России.

Для понимания ситуации в Москве, на мой взгляд, наиболее важными являются наблюдения автора книги по поводу значения прессы в информационном обмене в целом. Специалистам по истории внешней политики России второй половины XVII в. зачастую представляется своеобразным курьёзом, что со времён Алексея Михайловича царь и бояре один или два раза в неделю выслушивали составляемые в Посольском приказе куранты — обзоры немецкой и голландской прессы. Произведённый Казаковым разбор конкретного материала показал, что в тот период граница между статьями газет и сообщениями дипломатов была очень размыта. Секретные донесения легко попадали в прессу, а газетные издания ложились в основу дипломатических отчётов и использовались при принятии важных политических решений. Сегодня это кажется странным, но в рассматриваемую эпоху подобное происходило повсюду. Члены правительства Алексея Михайловича, ориентируясь в принятии политических решений на газетные тексты, делали ровно то же, что и их европейские коллеги. Иногда дипломаты сами публиковали свои материалы. Так, Генрих Бутенант напечатал в 1682 г. отчёт о восстании, изначально составленный для датского королевского двора; письма ван Келлера анонимно издавались в голландских газетах, выдержки из них добирались до английской прессы; сводки писем Коха попадали в шведские газеты. Нет ничего удивительного в том, что московское правительство знакомилось по курантам с европейскими событиями и наблюдало за публикующимися в газетах статьями по «русской» тематике.

Собранные Кохом и отложившиеся в Стокгольмском государственном архиве материалы о Хованщине опубликованы Г.М. Казаковым и А.С. Лавровым в 2022 г.¹⁶ Обращает на себя внимание, что в заглавии книги говорится о «доне-

¹⁵ *Шамин С.М.* Иностранная пресса и русская культура конца XV — начала XVIII столетия. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. С. 486.

¹⁶ Донесения шведских агентов о Хованщине...

сениях шведских агентов», а не о «донесениях агента Коха». Такое наименование связано с тем, что Кох собирал сведения от разных информаторов. Степень его вмешательства в текст в рецензируемой работе подробно не анализируется. Из примечаний очевидно, что в ряде случаев он отправлял исходные материалы, не редактируя их. Отсутствие «редакторской правки» является положительным моментом, освобождающим источник от лишних субъективных оценок и предположений.

Для самого Казакова издание материалов Коха фактически является продолжением работы над монографией 2021 г. Его соавтор Лавров хорошо известен коллегам ставшей классической монографией о регентстве царевны Софьи¹⁷, рядом статей по данной тематике¹⁸, а также изданием записок де ла Невилля¹⁹. Высокая квалификация публикаторов определила прекрасное качество книги. Основу издания составляют документы на языке оригинала (на немецком и, частично, на голландском), а также их русские переводы. В числе рецензентов — известный шведский лингвист Ингрид Майер, что служит гарантией качества перевода.

Значимость публикуемого источника не вызывает сомнения. Ко времени восстания 1682 г. Кох стал опытным специалистом по России, имевшим многочисленные связи. Он вёл разведывательную деятельность с начала 1670-х гг.²⁰ Первым по достоинству оценил объём и содержание сообщений Коха датский посланник Фридрих фон Габель. Ещё в 1678 г. он сообщал российским властям об огромном объёме пересылаемых шведским купцом данных: «Его царское величество обнадежен быть может, что никогда на Москве такого лазутчика не бывало, которой таково обстоятельно и поспешно его царского величества дела проведати мог, и Московскому царству чрез свои пересылки и льстивое лукавство толикие шкоды учинил, нежели сей Кок. А естли попустит его царское величество ему вольность житие свое далее на Москве подождати, и оное больши шкоды от него одного имети будет, нежели как оное ж пятидесят явным послом и посланником свейским, турским и татарским на Москве пребывати поволит... А для ведомости известно буди, что он, Христофор Кок, изо всех грамоток, которые он пишет, имеет у себя подлинные списки, в книге записаны, но те тайные спискам своим из грамоток книги у себя в дому своем он не держит, но инде в сохранении утаивает»²¹.

¹⁷ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в Русском государстве в 1682–1689 годах. М., 1999.

¹⁸ Лавров А. С. Василий Васильевич Голицын // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 61–72; Лавров А. С. Изветное письмо и смертный приговор князьям Хованским // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. К 60-летию со дня смерти академика Н. П. Лихачёва. СПб., 1998. С. 185–194; Лавров А. С. Политическая борьба в России 1680-х годов в донесениях Хильдебрандта фон Горна (источниковедческие заметки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 1999. Вып. 3. № 16. С. 15–23; Лавров А. С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрельцком восстании 1682 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXVII. СПб., 2000. С. 191–199; Lavrov A. La Novanščina et la crise financière de la Russie moscovite. La notion de crise et l'histoire de la Moscovie // Cahiers du Monde Russe. Vol. 50. 2009. № 2–3. S. 533–556.

¹⁹ Невилль Фуа де ла. Записки о Московии / Предисл., подгот. текста и коммент. А. С. Лаврова. М., 1996.

²⁰ Казаков Г. М., Майер И. Иностранные известия о казни Степана Разина. Новые документы из стокгольмского архива // Slověne. Т. 6. 2017. № 2. С. 210–243.

²¹ Шамин С. М. Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М., 2011. С. 164–165.

Деятельность Коха русское правительство пыталось пресечь, выставив его в 1680 г. из России, однако он продолжал собирать сведения, находясь за рубежом. В результате возник огромный объём документов, очень медленно вводимых в научный оборот. На русский язык донесения Коха начал переводить около полутора столетий назад К.А. Висковатов²². О важности свидетельств шведского агента о Хованщине писал Г.В. Форстен²³. Более или менее систематически российские исследователи стали обращаться к эпистолярному наследию шведского шпиона после выхода книги П. Бушковича, активно цитировавшего этот источник²⁴. Трудно найти сколько-нибудь значимую тему по русской истории последней трети XVII в., о которой Кох не донёс бы шведским властям. У него подробно описаны даже проходившие при дворе Алексея Михайловича спектакли²⁵. Теперь же мы получаем полный доступ к письмам Коха с мая 1682 по начало 1683 г. Если говорить о всех его донесениях, это крайне мало. Если же о периоде восстания — перед нами полный комплекс выявленных историками текстов.

К сожалению, издание не имеет предисловия. Для узких специалистов по теме это не особенно важно. Однако для тех, кто не специализируется на вопросах, связанных с восстанием 1682 г., раскрывающее содержание книги предисловие было бы полезно. В какой-то мере его заменяют помещённые в «Приложение» статьи Г.М. Казакова и А.С. Лаврова, которые содержат необходимые источниковедческие пояснения. Казаков кратко осветил вопрос о месте шведских документов среди источников о Хованщине, а также историографию вопроса, подробно остановился на служебной биографии Коха, проанализировал имеющиеся данные о сети шведских информаторов в России (по состоянию на 1682 г.). Последний вопрос кажется наиболее интересным. Письма к Коху, по понятным причинам не подписанные, приходили из Москвы, Новгорода и Пскова, где имелись шведские торговые дворы. Это заставило Казакова предположить, что непосредственными информаторами были купцы. В числе возможного корреспондента Коха исследователь указывает Иоганна ван Келлера.

Статья Лаврова начинается с обширного историографического обзора работ о восстании 1682 г. Исследователя в первую очередь интересует концептуальная сторона вопроса. Большое внимание уделяется дискуссиям с А.П. Богдановым²⁶. Во втором разделе статьи автор сосредотачивается на вопросе о связи между стрелецким бунтом и финансовым кризисом в Московском государстве. Лавров утверждает, что перед восстанием «Московское государство оказалось на грани дефолта», а «финансовый кризис оказался ключевым фактором событий 1682 г.»²⁷. В третьем разделе Лавров останавливается на списках обречён-

²² Висковатов К.А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. Т. XXIII. 1878. Вып. 9–12. С. 121–129.

²³ Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века, 1648–1700 // Журнал министерства народного просвещения. 1899 (сентябрь). № 325. С. 47.

²⁴ Бушкович П. Пётр Великий...

²⁵ Дженсен К., Майер И. Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М., 2016. С. 98–108.

²⁶ Богданов А.П. Роспись «изменников-бояр и думных людей», казнённых и сосланных по требованию восставших в мае 1682 г. // Молодые обществоведы Москвы — ленинскому юбилею. М., 1982. С. 113–118; Богданов А.П. Нарративные источники... С. 77–108; Богданов А.П. В тени Петра Великого. М., 1998.

²⁷ Донесения шведских агентов о Хованщине... С. 186.

ных восставшими стрельцами на казнь «изменников». Их автор делит на три группы — «Нарышкины и их приближённые, бывшие фавориты царя Фёдора Алексеевича (Языковы и Лихачёвы) и приказная верхушка»²⁸. Однако сами списки Лавров считает гипотетическими. Основываясь на документах Коха, он пришёл к выводу, что списки появились не до восстания, а формировались заинтересованными в информации лицами на основе рассказов восставших об их противниках. Круг «изменников» расширялся по ходу развития событий. Особое внимание Ларов уделил «символике насилия», сформировавшейся во время восстания. В отличие от большинства спонтанных народных мятежей, стрельцы стремились к «ритуализации насилия»²⁹. Перед расправой над очередной жертвой стрельцы обращались к присутствующим с вопросом — любя ли эта казнь? Учёный считает, что восставшие старательно имитировали ритуал казни политических преступников.

Отдельно рассмотрен вопрос о «союзниках» или «попутчиках» стрельцов — холопах и старообрядцах. Собранные Кохом материалы подтолкнули Лаврова к выводу о том, что холопы воспользовались стрелецким восстанием в своих интересах. Стрельцы видели в действиях холопов незаконный бунт, который нужно подавить, и в итоге так и поступили. Вопрос об отношениях между старообрядцами и стрельцами представляется более сложным. Многие из сведений Коха, касающиеся религиозных вопросов, невозможно проверить по другим источникам. Лавров склоняется к мнению, что идею поддержать старую веру стрельцам навязали извне: «Представляется, что записанные Кохом слухи свидетельствуют о том, что отказ от литургической реформы Никона и возврат к “старине” всерьёз рассматривались в верхах как одна из возможностей. Именно здесь стрельцы и показали себя не защитниками “старой веры”, а манипулируемыми преторианцами. Всё это говорит об отсутствии у восставших политической воли и аморфности их движения»³⁰.

Данная точка зрения требует дополнительного анализа. Мне кажется, что какая-то (пусть небольшая) часть стрельцов искренне держалась старых обрядов, и это не воспринималось их сослуживцами как нечто чуждое и враждебное. При данной исходной позиции вопрос о том, почему стрельцы в целом сначала поддерживали старообрядцев, а потом отдали их на казнь, можно попытаться решить в другой плоскости. Предположу, что поскольку патриарх Иоаким являлся сторонником Нарышкиных, стрельцы искали возможности легитимно расправиться с ним. Обвинения в отступлении от «правильной веры» казались хорошим поводом для его отстранения от власти. Однако спровоцированный стрельцами разгул «старообрядческой стихии» дестабилизировал политическую ситуацию в столице, стрельцы же позиционировали себя сторонниками власти и порядка. В этой неоднозначной ситуации воззвания царевны Софьи могли склонить стрельцов к отказу от поддержки старообрядческого движения. Данная гипотеза позволяет объяснить «метания» стрельцов в «старообрядческом вопросе».

Важной частью анализируемой книги являются комментарии. Они занимают почти четверть от объёма издания. При комментировании использованы концевые ссылки, однако подстрочник в данном случае представляется более

²⁸ Там же. С. 191.

²⁹ Там же. С. 193.

³⁰ Там же. С. 204.

удобным. Не исключено, что публикаторы пошли на такой шаг из-за большого объёма отдельных комментариев. Некоторые из них похожи на самостоятельные исследования. Поскольку шпионские наблюдения агентов Коха разнообразны, комментарии издателей касаются самых разных сторон жизни русского общества. Среди поднимаемых проблем — работа Ответной палаты, подготовка нового Уложения, ложные слухи о беременности супруги умершего Фёдора Алексеевича, разговоры о заточении патриарха Иоакима и возведении на патриарший престол новгородского владыки Корнилия, восстание мусульманского населения в различных регионах Московского государства, появление самозванца, именовавшего себя сыном «Одышевские земли царя Дадияна», разгул разбойников, ситуация с богадельнями и многое другое.

Фигурирует даже один астрологический сюжет. К помещённому в письме из Новгорода от 10 сентября 1682 г. сообщению «вот уже 14 дней нельзя видеть комету, поэтому русские боятся, что с ними вскоре может приключиться новое несчастье»³¹, публикаторы сделали примечание: «Речь идёт о комете Галлея, перигей которой наблюдался в Париже и в Гринвиче в один и тот же день, 16(26) августа 1682 г. Именно появление кометы в 1683 г. дало Эдмунду Галлею повод просчитать её периодичность. К счастью, эти подсчёты остались неизвестны москвичам — иначе их мог серьёзно поразить тот факт, что они наблюдают ту же самую “хвостатую звезду”, которая уже появлялась в Смутное время (предыдущий перигей кометы Галлея пришёлся на 1607 г.)»³². Этот комментарий следует дополнить. 4 октября в Москву пришёл очередной комплект иностранных газет со статьями о комете. На основе доставленных изданий в Посольском приказе составили куранты и передали их членам правительства царевны Софьи. Вошедшие в сводку статьи про комету имели разный характер, в том числе содержали пророчества о нашествии турок и татар: «Из Бреслава (цесарской) города сентября в 3 день. Зде вновь видима комета по западе солнца, меж осмым и девятым часом, которая спешным шествием проходит востоком и полунощью к западу. Сохрани, Господи, чтоб не была гонцом объявления спешного нашествия турецких ратных людей, понеже уже и слышно, что татары великими силами чрез Польшу по указу салтана турецкого в Шлонско итти имеют». 5 октября с курантами ознакомились члены правительства, а уже 6 октября почтмейстеру Виниусу направили указ, запрещающий под угрозой смертной казни распространение западной астрологической литературы в России³³. Таким образом глава внешнеполитического ведомства кн. В.В. Голицын специально позаботился о том, чтобы измышления европейских астрономов не смущали умы русских людей в условиях политического кризиса.

Как видим, изданные Казаковым и Лавровым документы в определённой мере являются энциклопедическим источником, который можно использовать в исследовании самых разных вопросов истории России конца XVII в. В вопросе изучения восстания 1682 г. их значение трудно переоценить.

Если же попытаться охарактеризовать общие тенденции в исследовании Хованщины, становится очевидным, что на 1960-е — середину 1970-х гг. приходится пик привлечения к анализу вопроса приказной документации³⁴, а с кон-

³¹ Там же. С. 62.

³² Там же. С. 137.

³³ *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия... С. 219, 225.

³⁴ *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969; Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов / Сост. Н.Г. Савич, отв. ред. В.И. Буганов. М., 1976.

ца 1970-х гг. начинается период увлечения нарративными источниками³⁵. Безусловно, работа по введению в научный оборот материалов данного типа далека от завершения. Достаточно упомянуть прибывшие в Россию более полутора столетий назад копии писем неоднократно упомянутого ван Келлера³⁶. Многие ещё можно сделать для изучения уже опубликованных источников. Большой интерес для специалистов представила бы монография о распространении слухов в период восстания 1682 г., с которыми правительство царевны Софьи активно боролось. Однако если говорить об анализе фактографической стороны истории Хованщины, то, по моему мнению, после почти полувека преимущественного внимания к нарративным текстам настало время проверки присутствующих в них сведений по более широкому кругу приказных документов. Это позволило бы отделить факты от слухов и сплетен.

³⁵ *Богданов А.П.* Подённые записи очевидца московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979. № 2. С. 34–37; *Богданов А.П.* Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Московское восстание 1682 г. глазами датского посла / Ввод. статья и коммент. А.П. Богданова; пер. В.Е. Возгрина // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 78–91; «Склонны к страшному неистовству...»: Донесение Генриха Бутенанта фон Розенбуша о стрелецком восстании 1682 года в Москве / Публ. М. Галанова // Источник. 2003. № 1. С. 40–49.

³⁶ Научно-исторический архив СПбИИ РАН, кол. 40, № 55–58. О них см.: *Белов М.И.* Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947; *Белов М.И.* Письма Иоганна фан Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Труды ЛОИИ. Сборник статей, посвящённых 75-летию профессора С.Н. Валка. Вып. 7. М., 1964. С. 374–382.

Что знали при дворе польского короля о стрельцком восстании 1682 г.?

Глеб Казаков

What did the court of the Polish King know about the Moscow Streltsy uprising of 1682?

Gleb Kazakov
(Justus-Liebig University of Gießen, Germany)

DOI: 10.31857/S2949124X24010079, EDN: CLUYBG

События московского стрельцкого восстания 1682 г. вызвали большой интерес за рубежом Московского государства. В историографии хорошо известны донесения датского торгового приказчика Генриха Бутенанта о стрельцкой смуте, с которыми внимательно знакомились при датском королевском дворе¹. Обстоятельные донесения доходили в Стокгольм, Гаагу, новости из Москвы обсуждались в Вене². Безусловно, правящие круги самого близкого соседа Московского государства — Речи Посполитой — также не могли не получать информации о Хованщине. Ещё в XIX в. были обнаружены и изданы несколько польских донесений о стрельцкой смуте 1682 г. В 1834 г. Себастьян Чьямпи опубликовал латинский документ из Ватиканского архива, охарактеризованный им как донесение, присланное из Москвы папскому нунцию при дворе польского короля осенью 1682 г.³ Сведения о находке Чьямпи уточнил Августин Тайнер. Донесений в архиве оказалось два: первое, короткое, датировано 30 мая 1682 г.; второе, пространное (его и обнаружил Чьямпи) — 20 сентября. Тайнер опубликовал оба источника, описав их как «официальные донесения, посланные польскому королю его агентом в Москве о волнениях стрельцов

© 2024 г. Г.М. Казаков

¹ О письмах Бутенанта датскому королю за 1682 г. см.: *Лавров А.С.* Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрельцком восстании 1682 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XXVII. СПб., 2000. С. 191–199. Немецкий текст основного донесения Бутенанта из копенгагенского архива опубликован: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. I. СПб., 1858. С. 330–346. Русский, довольно неточный, перевод предложен М.М. Галановым: «Склонны к страшному неистовству...» Донесение Генриха Бутенанта фон Розенбуша о стрельцком восстании 1682 года в Москве // *Источник*. 2003. № 1. С. 40–49.

² Шведские донесения на языке оригинала (немецком) и в русском переводе опубликованы: *Донесения шведских агентов о Хованщине, 1682–1683 гг.* / Подгот. Г.М. Казаков, А.С. Лавров. СПб., 2022. Донесения нидерландского резидента в Москве барона Иоганна ван Келлера не опубликованы, однако их разбору посвящён ряд работ: *Белов М.И.* Нидерландский резидент в Москве барон Иоганн Келлер и его письма. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947; *Белов М.И.* Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // *Труды ЛОИИ*. Вып. 7. М., 1964. С. 374–382. Об эпизоде с расспросом русского гонца Никифора Венюкова в Вене о событиях стрельцкого восстания см.: *Казаков Г.М.* Поездка подьячего Никиты Алексеева в Швецию и Данию в 1682 г. // *Российская история*. 2018. № 3. С. 121–133.

³ *Ciampi S.* Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. Firenze, 1834.

и восшествии на престол братьев Ивана и Петра»⁴. Донесения сохранились в латинских копиях, по всей видимости, пересланных в Рим папским нунцием в Варшаве Опицио Паллавичини. В издании вместе с донесениями опубликованы и итальянские письма нунция, написанные с июня по декабрь 1682 г., где также затрагиваются события Хованщины⁵. Донесение от 20 сентября 1682 г. (которое в дальнейшем для краткости назовём «Повествование») было переведено на русский язык по поручению М.П. Погодина и опубликовано в 1835 г.⁶ Донесение от 30 мая на русский язык не переводили.

Другой польский источник — «Дневник зверского избиения бояр московских», написанный, вероятно, весной 1683 г. и ретроспективно повествующий о событиях Хованщины, опубликован в польском оригинале и переведён на русский язык в 1901 г. А. Василенко⁷. Е.Ф. Шмурло разобрал сведения, сообщаемые «Дневником», сопоставив их с информацией других источников и заключив, что «Диариуш имеет полное право быть зачисленным в ряд веских и ценных источников стрелецких волнений 1682 г.»⁸. Особенностью и «Повествования», и «Дневника» является акцент, сделанный авторами донесений на расприх и интригах внутри правящей элиты Московского царства как причине восстания 1682 г., что резко отличает эти источники от донесений Бутенанта и голландца фан Келлера — очевидцев событий, основное внимание уделивших жалобам стрельцов на притеснения со стороны полковников и бояр. В «Повествовании» главная интрига связана с кознями Артамона Матвеева, добившегося возведения на престол своего протеже Петра в обход старшего брата Ивана после смерти царя Фёдора Алексеевича. «Дневник» также упоминает о роли Матвеева в избрании Петра и о заносчивости вернувшихся из ссылки Нарышкиных, проявивших неуважение к потомству царицы Марии Милославской — умершему царю и его единоутробным родственникам — царевичу Ивану с сёстрами. Матвееву и Нарышкиным в обоих источниках противопоставит царевна Софья, подбившая стрельцов на бунт. В «Дневнике» Софья действует заодно с кн. И.А. Хованским, жаждущим богатства и власти.

Несмотря на вышеуказанные публикации, в исследовании польских источников о Хованщине осталось немало неразрешённых вопросов: кто автор донесений, какими путями информация о стрелецкой смуте поступала ко двору польского короля, неясен общий информационный контекст, в рамках которого информация из Москвы попадала в Польшу. Наличие донесений подталкивает к выводу, что в 1682 г. в Москве находился агент польской короны, хотя польскую резидентуру в Москве, возглавляемую Павлом Свидерским, ликвидировали ещё в 1677 г. в связи с кризисом в русско-польских отношениях. В декабре 1681 г. в русской столице побывал польский посланник Станислав Невестинский, однако за 1682 г. не известно никаких польских дипломатических миссий в Россию⁹.

⁴ Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de la Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome, 1859. P. 239–243.

⁵ Ibid. P. 236–239.

⁶ Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 5. С. 69–82.

⁷ Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и новизна. Кн. 4. СПб., 1901. С. 383–407.

⁸ Шмурло Е.Ф. Польский источник о воцарении Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 339. С. 425–448.

⁹ О миссии Невестинского в Россию см.: Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 82–88.

Ответить на перечисленные вопросы постарались М.М. Галанов и К.А. Кочегаров. Галанов, ссылаясь на исследование польского историка З. Вуйчика¹⁰, отметил, что в Россию для разведывания новостей о стрелецкой смуте в 1682 г. король Ян III Собеский отправил агента Станислава Бентковского. Именно его Галанов признал автором анонимных писем от 30 мая и 20 сентября 1682 г., опубликованных Тайнером¹¹. Историк обратил внимание на ещё один обоим вниманием источник — недатированную рукопись, опубликованную на польском языке в 1894 г. под заглавием «Реляция польского резидента в столице Московии о беспорядках среди московских жителей»¹². Авторство «Реляции», схожей по содержанию с латинским письмом от 20 сентября 1682 г., Галанов также приписал Бентковскому¹³. Миссия королевского секретаря Бентковского, как и другие эпизоды большой польской кампании по отправке лазутчиков и агитаторов в Россию и Украину летом 1682 г., получила подробное освещение в монографии Кочегарова о польско-российских отношениях в 1680-х гг.¹⁴ Учёный установил, что Бентковский выехал на русско-польскую границу в Кадино под Смоленском в июле 1682 г. и оставался там до октября, а в Москву прибыл как официальный посланник с верительной грамотой от польского короля только в феврале 1683 г. Ко двору Яна Собеского он вернулся весной того же года, что согласовывается с датировкой написания «Дневника», автором которого, по предположению Кочегарова, является ещё один шляхтич из окружения Бентковского — Иосиф Лядинский¹⁵.

Между тем Бентковский и Лядинский, безусловно, не единственные информаторы польского короля о Хованщине. Во-первых, Бентковский, добравшийся до Москвы лишь в феврале 1683 г., никак не мог быть автором короткого письма-донесения, отправленного из российской столицы 30 мая 1682 г. Во-вторых, уже в самой инструкции-наказе, составленной для шляхтича перед его отправлением в июле¹⁶, упоминаются слухи о стрелецком восстании и майской смуте. Нельзя не отметить, что польский король обладал обширной информацией о событиях в Москве, хотя некоторые вопросы и оставались открытыми. Не до конца ясной казалась ситуация в царской семье и подробности престолонаследования: «Откуда смерть и какова была его царскому величеству Феодору, и осталось ли что по нем отродия и какой плоти, где обретается и царица мати того отродия, что от колена Грушецких, каковою смертью умре, так

¹⁰ *Wójcik Z.* Jan Sobieski 1629–1696. Warszawa, 1983. S. 615.

¹¹ *Галанов М.М.* К вопросу о некоторых иностранных источниках по истории политической борьбы в России в 1682 г. // *Клио*. 1997. № 1. С. 38–43.

¹² *Relacya rezydenta polskiego w Moskwie o wypadkach z r. 1682.* Krakow, 1894. S. 8–16.

¹³ Вслед за Галановым донесением Бентковского из Москвы «Реляция» названа и в недавно вышедшей монографии: *Успенский Б.А.* Воцарение Петра Первого (Новый взгляд на старые источники). СПб., 2022. С. 86–87. Данная атрибуция ошибочна.

¹⁴ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 101–148.

¹⁵ Там же. С. 105. Тётка Лядинского была игуменьей московского Новодевичьего монастыря, что открывало шляхтичу доступ к информации, циркулировавшей при царском дворе. Подробнее о карьере Лядинского см.: *Кочегаров К.А.* Литовский дипломат Иосиф Лядинский и его роль в русско-польских отношениях 1680-х — первой половины 1690-х гг. // *Средневековая личность в письменных и археологических источниках: Московская Русь, Российская империя и их соседи. Материалы научной конференции*. М., 2016. С. 109–120.

¹⁶ Сохранилась польская копия инструкции в составе собрания Библиотеки Ординации Замойских (*Кочегаров К.А.* Литовский дипломат... С. 123), а также её русский перевод, сделанный с копии, попавшей в Посольский приказ через Назария Краевского (РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1682, д. 8, л. 4–17). Далее цитаты даны по русскому переводу.

же царица государыня второбрачная коково поведение по смерти блаженные памяти царя Феодора имеет, в каком призрении, какову имеет честь, колико крепки суть сродники ея. А что слышно, что царевич Петр от второго брака блаженные памяти царя Алексея Михайловича девятью или десятью на престол был посажен, от основания у всех проведати надобно, чьим то учинилось промыслом, и коль скоро то по смерти царя Феодора учинилось, которого дня смерть и как неначаемая, и какой поступок учинился, которые роды, которые бояря к тому делу пособни и которые тому были противни. И какие были советы прежде того неначаяния»¹⁷.

В Яворове уже знали о возвращении из ссылки и гибели А. Матвеева, однако весь размах стрелецких расправ оставался неясен: «И колико потерянных которые бояря, которого рода, которые столники, которые головы стрелецкие побиты, которого рода живы, живы ль Милославские, Одоевские, Хованские, Долгоруков убит ли или жив. Со многими ль Артемон убит и какими способы. При ком ныне начальства. Слышно, что Емельян Украинцов канцлером есть, до времени ль или всегда»¹⁸. О самом восстании Бентковскому велели разузнать, «откуда начался тот шум, о котором слышно, кто ево начал и кто начальник тои хитрости и кто утишитель», однако одновременно предположили: «Мнится, что Иоанн царевич премогл родной брат Феодора, которому Феодор, умирая, мнится, имел скипетр вруčiti, хотя его имети наследником, когда Петр его затерл насильными способы»¹⁹. Взаимоотношения между братьями-царевичами Иваном и Петром оставались загадкой для польского двора, как и судьба Петра и его матери-царицы: «Петр царевич жив ли, или мать его в полатах ли, или в старицах... А два ли на престоле согласны или несогласны братия, или толко один был на престоле, много ль имеет живых братии и сестр, имеет ли мачеху или мать»²⁰. Несмотря на недостаток информации, гибель Петра в результате смуты казалась возможной: «Хотя бы о смерти Петра царевича слышно было, и о смерти матери его, которая в Смоленску родилась, о том совершенно проведать естли их не утаили... а что многожды бывает на Москве, что смерти царевичей таят, а потом случаем их объявляют»²¹. Не исключалось и начало открытой междоусобицы в Московском государстве: «И то памятовать надобно, что когда два царевича живут, тогда прилучается междо бояры, что одни одного, другие другого любят, и не подобно, чтоб когда ни есть за пролитую кровь отместь не учинилась»²². Польского короля особенно интересовала ситуация на российских окраинах — насколько верны царскому правительству оставались смоленское дворянство, татарские царевичи, левобережные казаки, Войско Донское: «Проведывати и о донских казаках, естли не бунтуются, памятуя кровь свою, разлианную при Стенке Разине»²³. Подозрение в организации всей смуты, что особенно любопытно, в инструкции падало на царевну Софию: «Софию царевну полагаю в начале того дела, однако ж и о том с основания проведати надобно»²⁴.

¹⁷ Там же, л. 5–6.

¹⁸ Там же, л. 8.

¹⁹ Там же, л. 7.

²⁰ Там же, л. 8.

²¹ Там же, л. 12.

²² Там же.

²³ Там же, л. 9–12.

²⁴ Там же, л. 7.

Итак, к середине июля 1682 г., т.е. через два месяца после стрелецкого бунта 15–17 мая, при дворе польского короля уже располагали сведениями о событиях в Москве, пусть и не всегда верными и требующими уточнения. Вероятно, к тому времени в Польше получили короткое письмо-донесение из Москвы от 30 мая 1682 г., поскольку информация из инструкции во многом совпадает с некоторыми изложенными в нём сведениями. В письме упоминается разделение московской знати на две фракции вокруг царевичей Ивана и Петра, избрание младшего царевича на царство в обход старшего и вызванное этим недовольство противной партии. Впрочем, главной причиной восстания письмо называет денежные требования стрельцов («преторианцев») и их гнев на своих начальников²⁵.

Когда же именно и кто передал в Польшу новости о стрелецком бунте? Можем ли мы реконструировать нарратив о майских событиях, которым руководствовался летом 1682 г. Ян Собеский? Согласно королевской инструкции, отъезд Бентковского в Кадино состоялся 20 июля (по новому стилю, т.е. 10 июля — по старому). Папский нунций в Варшаве О. Паллавичини впервые сообщил о прибытии новостей о смерти царя Фёдора Алексеевича из Литвы и Кёнигсберга в письме от 21 июня (1 июля). Впрочем, о бунте в нём не говорится, фиксировался лишь слух о смерти Фёдора от яда и формировании партий вокруг трёх потенциальных кандидатов на престол: двух братьев умершего царя и его сына-младенца. Только в следующем письме от 29 июня (8 июля) Паллавичини довольно сумбурно изложил события середины мая: старший из братьев-царевичей якобы явился в «сенат» и опротестовал решение о передаче короны младшему брату, из-за чего на него набросились братья матери избранного царя. За старшего принца вступились некие «лучники», что и привело к общей резне. В письме от 5(15) июля к сказанному добавился слух о том, что за избранием младшего брата в обход старшего стояла мать первого²⁶.

Между информацией, изложенной в письмах папского нунция и сведениями о стрелецком бунте из инструкции Бентковскому заметны параллели: слух о наличии у Фёдора Алексеевича сына-младенца, рассказ о распре между партиями Петра и Ивана, слух об участии Натальи Нарышкиной в интригах вокруг престолонаследия. Однако существует ещё один источник, позволяющий более подробно восстановить нарратив о стрелецком бунте, обсуждавшийся при дворе польского короля летом 1682 г. Речь идёт о письмах французского посла в Польше маркиза де Витри в Версаль к королю, хранящихся сегодня в архиве французского Министерства иностранных дел²⁷. Де Витри на протяжении 1682 г. находился преимущественно при дворе Яна Собеского в Яворове и раз в неделю отправлял сообщения с новостями о текущих событиях во Францию. Хотя в письмах основное внимание уделено отношениям Польши с Веной и османской угрозой, летом 1682 г. де Витри зафиксировал новости из Москвы. В письме от 16(26) июня посол упомянул о том, что польский король якобы располагает информацией о смерти русского царя от яда и неких последовав-

²⁵ Среди жертв стрельцов в письме перечислены «генерал Долгоруков» с сыном, Аверкий с двумя сыновьями и старший дядя царя Петра (безусловно, Иван Нарышкин). Об Артамоне Матвееве письмо не упоминает, ограничиваясь оговоркой, что «некоторые были убиты на руках самого царя Петра Алексеевича».

²⁶ *Monuments historiques...* P. 236–237.

²⁷ *Centre des Archives diplomatiques du Ministère des Affaires Étrangères (Paris), Pologne, t. 73.*

ших за этим «больших смутах» («grands remuelements»)²⁸. В письме от 7(17) июля последовал более обстоятельный рассказ²⁹.

Де Витри сообщал, что около десяти дней назад из-под Киева пришли известия об «ужасных бунтах» в Московии, однако проверить эти слухи у посла не было возможности, и потому он решил подождать подтверждения. В итоге сам польский король в беседе с послом поведал о полученных новостях. Он рассказал, что мачеха последнего царя (Н.К. Нарышкина) оказалась причастна к его отравлению, желая посадить на престол своего сына — «ребёнка девяти или десяти лет от роду». Интригами ей удалось добиться своего, несправедливо лишив короны единоутробного брата умершего царя, обратившегося за поддержкой к «московским пехотным полкам, которые в этой стране обладают не меньшим влиянием, чем янычары у турок». Возмущённые солдаты ворвались в Кремль, где к ним из окна царского дворца обратился «великий канцлер», пытаясь успокоить. Но мятежники выломали дверь, схватили канцлера и выбросили его из окна на пики и алебарды, после чего начали избиение и остальных «великих господ», так что резню якобы смогли пережить «не более четырёх знатных родов». В итоге у власти оказались оба царя одновременно, причём каждый располагал собственными сторонниками. «Здесь рассматривают эту ситуацию как крайне выгодную для Польши: если бы мы только были в состоянии использовать эту смуту для того, чтобы вернуть все земли, занятые московитами», — резюмировал де Витри. В следующем донесении от 14(24) июля французский посол отметил, что польский король уже десять дней с нетерпением ждёт новых новостей из Московии. 21(31) июля де Витри с недоверием пересказал слух о смерти младшего брата-царя, но уже в следующем письме от 28 июля (7 августа) доложил о новом разговоре с королём, сообщившим, что оба царя в Москве живы и сумели договориться о совместном правлении³⁰.

В рассказе польского короля, как он приведён в донесении де Витри, нетрудно заметить многие элементы нарратива о майских событиях, распространённого в России сразу после восстания и получившего отражение в современных событиям летописных повестях и заметках, а также в июньской жалованной грамоте стрельцам³¹. Сюда относятся слухи об отравлении Фёдора Алексеевича, интригах Нарышкиных и обращении царевича Ивана к стрельцам за помощью. Интересно, что де Витри не сообщает о роли царевны Софьи, хотя именно её полагала зачинщицей смуты инструкция Бентковскому. Примечательно, что особенное внимание к Софье и её участию в интригах, приведших к стрелецкому восстанию, характерно и для других польских донесений — «Повествования» и «Дневника». При этом если «Дневник» написан весной 1683 г., т.е. уже после

²⁸ Ibid., fol. 235.

²⁹ Ibid., fol. 269–271.

³⁰ Ibid., fol. 278v, 285, 291v–292.

³¹ Повесть из Барсовского собрания ГИМ упоминает, что царевич Иван сказал стрельцам: «Меня хотели задавить до смерти Кирила Нарышкина дети» (*Буганов В.И.* Новый источник о московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей. М.; Л., 1964. С. 318–324). О признании убитых бояр, «будьто они прежних царей и царевичев таким зелием изводили, и многие пакости чинили», рассказывается в заметках земского дьячка Благовещенского погоста на Ваге (*Тихомиров М.Н.* Записки земского дьячка второй половины XVII в. // Исторический архив. Вып. II. М.; Л., 1939. С. 93–100). В жалованной грамоте стрельцам от 6 июня 1682 г. мотив отравления изменниками-боярами и иноземными врачами царя Фёдора используется как основной аргумент, легитимирующий стрелецкие расправы (Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 40–41).

возвращения миссии Бентковского и Лядинского из Москвы, то «Повествование» датировано 20 сентября 1682 г.

Существует, однако, источник, упоминаящий о вовлечённости Софьи в подготовку бунта, датированный августом 1682 г. Это несколько рукописных листов на немецком языке с новостями из польского Яворова, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия в Берлине в составе дела, озаглавленного «Рукописные известия из России 1681–1683 гг.»³². Новости из Яворова помещены на четырёх листах вместе с известиями из других европейских городов и представляют собой, видимо, выписки из показавшихся интересными правительству бранденбургского курфюрста рукописных газет, циркулировавших среди почтовых агентов. Польские новости датированы 7 августа; наиболее любопытную их часть считаю целесообразным привести в моём переводе целиком: «К нам пришло правдивое известие от одного горожанина из Ярославля, который полтора года прожил в Москве и пять недель назад уехал оттуда. Он был свидетелем этого бунта и рассказывает следующее, а именно, что возмущение произошло изначально из-за стрельцов, которые пожаловались на своих полковников, и тех по приказу царя Петра нещадно били плётками или кнутами и потом публично разжаловали с постановлением, что впредь никто из их рода не может быть отмечен на царской службе. После этого царевна София, сестра Ивана, вместе с Хованским, Голицыным, Одоевским и Милославским, дедом царя, составила бунт или партию против бояр, возглавляемых Нарышкиным, который хотел править вместо царя Петра, своего двоюродного брата. Он, а также другой Нарышкин, Ларион с сыном, Ромодановский, Артемон, Языков, Аверкий, Долгоруков с сыновьями и ещё другие знатнейшие бояре и князья — все они были изрублены алебардами или бердышами. Невинно был убит и Салтыков, а Шереметьев умер собственной смертью. Все они были невинно перебиты, так как их противники опасались, что они окажутся у власти и впоследствии отомстят. Покойный царь скончался не от яда, однако стрельцам был выдан царский указ или диплом, что они справедливо расправились с изменниками, с этой же целью была возведена и колонна — для увековечивания памяти о свершившемся. Стрельцов было 27 000 человек, среди дворовых людей или слуг погибло 60, и ещё три полковника. Уже после бунта был безвинно казнён юный царь Гродишки (Grodischka). После тяжёлой пытки были изрублены на куски один немецкий доктор, а также еврей Даниель, тоже лейб-медик. В итоге были выбраны два царя. Об Иване говорят, что он слеп, но это не так — у него большие нависающие брови, и если он их поднимет, то может видеть. Этот Иван — весьма набожный и умный господин, расположенный к иностранцам, а Пётр не столь добродетелен»³³.

³² Geheimes Staatsarchiv preußischer Kulturbesitz (Berlin) (далее — GStA PK), HA Geheimer Rat, Rep. XI, № 6582, fol. 32–36v. Большую часть содержания этой единицы хранения (fol. 1–31v) составляют письма секретаря бранденбургского курфюрста в Кёнигсберге Германна Дитриха Гессе с новостями, полученными им из России. Новости из Яворова не принадлежат перу Гессе. Все эти документы опубликованы (Loewenson L. 1681–1683. Geschriebene Zeitungen aus Rußland // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte VI. Neue Folge, Bd. II. 1932. S. 83–93, 231–237, 402–415, 552–585). О Гессе и его переписке с корреспондентом в России см.: Казаков Г. М. Почтмейстер Андрей Андреевич Вinius как информант бранденбургского курфюршеского двора // Жизнь в Российской империи. Новые источники в области археологии и истории XVIII века. Материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 68–71.

³³ GStA PK, HA Geheimer Rat, Rep. XI, Nr. 6582, fol. 33v–35v.

Хотя установить точное происхождение данного рассказа о стрелецком восстании невозможно, трудно представить, что новостей, попавших в Берлин из Яворова, не знал польский король. Из этого следует заключить, что если примерно в конце июня в Польше получили первые известия о событиях в Москве, упоминавшие об отравлении царя Фёдора и представлявшие дело как распрю между царевичами Иваном и Петром и их сторонниками, то не позднее чем в начале августа до Яворова дошла новая информация, указывавшая на подстрекательство царевны Софьи к бунту и расправам над боярами. Существует источник, дающий гораздо более полное представление о нарративе, связанном с ролью Софьи, чем короткое донесение из берлинского архива. Речь идёт об уже упомянутой «Реляции польского резидента в столице Московии о беспорядках среди московских жителей», на которую обратил внимание Галанов. Историк воспользовался малоизвестной польской публикацией текста и, проанализировав содержание «Реляции», пришёл к выводу, что она написана неким агентом польского короля летом или ранней осенью 1682 г. Наиболее вероятным автором текста он признал Бентковского, не приведя, однако, никаких данных о происхождении источника³⁴.

Публикация 1894 г. воспроизводила текст, сохранившийся в составе рукописного сборника XVII–XVIII вв. из Дрезденской библиотеки – «*Tragaedyä Moskiewska In Anno Domini 1678*»³⁵. Как следует из содержания первых двух листов, текст записан в начале XVIII в., во время правления Августа II. В коротком вступлении неизвестный автор бегло рассмотрел историю правления русский царей от Ивана Грозного до Фёдора Алексеевича, однако затем на л. 11 об. повествование автора XVIII в. прерывается, и в рукописи тем же почерком оказывается записан самостоятельный текст, озаглавленный как «*Relacya Residenta polskiego na ten czas w Moskiewskiej stolicy będącego, o tych tumultach moskiewskich y okrutnej a prawie niesłychanej między niemi rzezi*». Остановлюсь на некоторых особенностях «Реляции». По своему содержанию она наиболее близка к «Повествованию», но в ряде моментов существенно отличается от него. В «Реляции» отсутствует вступительная часть, рассказывающая историю возвышения, ссылки и возвращения Артамона Матвеева. Она открывается коротким утверждением, что причиной смерти Фёдора Алексеевича стала его любовь к польской одежде и католической вере. Эти склонности царя вызывали неприязнь бояр, задумавших его отравить. Исполнение плана поручили доктору Даниелю Жиду, преподнёсшему царю отравленное яблоко. После смерти Фёдора мать царевича Петра уговорила бояр избрать на царство её сына. Однако из-за малолетства нового царя его дядя из рода Нарышкиных стал вести себя вызывающе – облачался в царские одежды и сажался на трон. С Нарышкиным в перепалку вступил царевич Иван, а затем и старый боярин кн. Одоевский, которому Нарышкин во время ссоры вцепился в бороду³⁶. Наконец, на 20-й день после смерти Фёдора, во время поминок в рассказе появляется Софья. Желая отомстить за смерть брата, она тайно подмешала отраву в вино, которым партия Петра собиралась угостить стрельцов, при этом представляя дело так, будто именно бояре хотели их погубить. После внезапной смерти

³⁴ Галанов М. М. К вопросу... С. 40.

³⁵ Sächsische Landesbibliothek – Staats- und Universitätsbibliothek (Dresden), Varia Polonica, Mscr. Dresd. G.43, fol. 10–15v.

³⁶ Этот эпизод с участием тех же трёх действующих лиц, произносящих лишь несколько иные реплики, присутствует и в «Повествовании».

одного из сослуживцев стрельцы взбунтовались и расправились с неугодными боярами, включая кн. Г.Г. Ромодановского, И.М. Языкова, А.М. Матвеева, кн. Ю.А. Долгорукова и двух братьев царицы Натальи. Доктора Даниеля пытали, и он признался в отравлении не только Фёдора, но и его жены, сына и даже отца — царя Алексея Михайловича. Стрельцы угрожали даже самой матери-царице, но их остановила Софья возгласом «Полно!». «Реляция» заканчивается упоминанием о новом брожении среди донских казаков и о походе на Москву татарского царевича Булака во главе девяти татарских орд. Стрельцы настаивали на выплате им жалованья за десять лет и выбрали своим предводителем обещавшего удовлетворить все их требования кн. Хованского. Выжившие бояре разбежались из Москвы, а калмыцкие, казанские и астраханские татары подняли восстание.

Многие из пересказанных фрагментов «Реляции», например, эпизоды с отравленным яблоком и вином, отсутствуют и в «Повествовании», и в «Дневнике». Более того, последний источник напрямую подчёркивает, что слух об отравлении Фёдора оказался неправдой, в то время как смерть царя от яда и последовавшая затем месть его сестры Софьи составляют основную сюжетную линию «Реляции». Таким образом «Реляцию» следует признать не поздней редакцией «Повествования» или «Дневника», а самостоятельным источником.

Представляется возможным установить примерное время составления этого донесения. В номере немецкой берлинской газеты «Eingekommener Zeitungen Dienstagische Fama» от 11 августа 1682 г. обнаружен текст, представляющий собой сокращённую и несколько отредактированную версию «Реляции»³⁷. В газетной статье присутствуют все основные сюжетные ходы польского донесения: предпочтение Фёдором польского костюма, отравление царя его лекарем при помощи яблока, ссора царевича Ивана с Нарышкиным, хитрость Софьи с отравленным вином и даже упоминание похода татарского царевича Булекса. «Реляция», таким образом, составлена в первой половине или середине лета 1682 г., не позднее начала августа с ней ознакомились в Яворове, после чего её текст каким-то образом попал в руки издателя берлинской газеты. Не исключено, что содержание «Реляции» было известно при дворе Яна Собеского ещё до составления инструкции Бентковскому. Во всяком случае, нельзя не отметить ряда совпадений между её пунктами и изложенными в «Реляции» сведениями.

Новости о бегстве царского двора из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, казни Хованских и капитуляции стрельцов осенью 1682 г. также попадали в Речь Посполитую. «Повествование», написанное 20 сентября, сообщало об отъезде всего царского семейства в Коломенское, но его составителю ещё ничего не было известно о падении Хованского. Известие о казни предводителя стрельцов достигло Польши не позднее середины октября. Русский подьячий Семён Дядкин, отправленный гонцом в Польшу в августе 1682 г., сообщал в статейном списке о беседе со своим приставом Дылевским: «Дылевской сказывал ему, Семену, что на Москве бояр князя Ивана Андреевича и сына его князя Андрея Ивановича Хованских казнили за земляным городом в Марьино Роще, а великих государей, их царского величества, в то время на Москве не было, а были в походе. И будто стрельцы с ыными всяких чинов служилыми и торговыми людьми меж себя учинили бой, и на том бою будто побито с обеих сторон большаи четырех тысячь человек, и будто стрельцы, запершись в го-

³⁷ В газете текст помещён под заглавием «Из Нарвы от 17 июля».

роде Кремле, сидели в осаде с пушками и с мелким ружьем трои судки. А та де ведомость учинилась ему, Дылевскому, через почту из Дубровны октября в 19-м числе»³⁸.

Другой пристав — Окраса — добавил к сказанному, что «казнены де они, Хованские, за то, что князь Иван Андреевич пожелал того, чтоб ему быть и з детьми в Московском государстве владетелеми»³⁹. О якобы имевших место новых убийствах бояр, занятии стрельцами Китай-города и последовавшей битве между ними и «большим количеством простолюдинов» упоминал в письмах от 11(21) октября и 25 октября (4 ноября) О. Паллавичини. Лишь в письме от 29 ноября (9 декабря) папский нунций сообщил об окончании «бунта преторианцев», которых якобы перебили до 3 тыс. человек, прочих простили, но отправили в ссылку на границу с Литвой и Ливонией⁴⁰.

Можно ли установить автора описанных выше польских донесений? Как упоминалось, королевский секретарь Станислав Бентковский добрался до пограничного Кадино лишь к сентябрю 1682 г. и потому не может быть кандидатом на авторство. Упоминание де Витри, что известия об «ужасных бунтах» в Московии пришли со стороны Киева, заставляет предположить, что некоторую информацию могли пересылать отправленные польским королем летом в украинские земли лазутчики⁴¹. Вероятно, кого-то из них имел в виду в своём письме от 1 июля Паллавичини, сообщая о том, что польский король «послал в Московию своего человека». В том же письме папский нунций упоминал, что новости из Москвы от своего доверенного лица получал и «вице-канцлер Литвы». О том, что «к Москве де к стрелцам в смутное время от гетмана литовского от Сапеги подлинно была подсылка с обнадеживанием всяких волностей и свобод шляхетских», рассказывал в феврале 1683 г. в Москве и польский шляхтич Станислав Коменский, приехавший в российскую столицу в свите Бентковского⁴². Вероятно, сообщения могли приходить от нескольких информаторов совсем не обязательно шляхетского происхождения. Новости, сохранившиеся в берлинском архиве, сообщены неким безымянным жителем польского Ярославля, оказавшимся свидетелем бунта в Москве. Ещё об одном информаторе упоминает в отписках в Посольский приказ смоленский шляхтич Назарий Краевский, выполнявший в 1680-х гг. роль агента московского правительства на русско-польской границе⁴³. Осенью 1682 г. Краевский несколько раз встречался с Бентковским⁴⁴ и ещё одним шляхтичем, доверенным лицом воеводы литовского Троцка Августином Константиновичем. Поскольку в разговорах неоднократно затрагивалась тема недавнего московского восстания, Краевский, поинтересовавшись, откуда его собеседники получают новости о событиях в России, получил ответ, что «есть на Москве мещанин ис Копыси, а поехал он к Москве с товарами и с лошадми продажными. Тот Копышенин

³⁸ РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 206, л. 12–13.

³⁹ Там же, л. 19–19 об.

⁴⁰ *Monuments historiques...* Р. 238.

⁴¹ *Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия...* С. 105–123.

⁴² Там же. С. 132–133.

⁴³ Биографию Краевского см.: Там же. С. 50–54, 128–131.

⁴⁴ В инструкции Бентковского Краевский назван самым верным по отношению к польской короне шляхтичем в Смоленске, из-за чего королевский секретарь настойчиво искал с ним контакта.

пишет к нам вести, и мы де лутче вас все ведаем»⁴⁵. Любопытно, что и сам Назарий Краевский был, по всей видимости, не столь предан русскому правительству, как представлял в отписках, и, вероятно, поставлял новости обеим сторонам. В статейном списке уже упомянутого подьячего Семёна Дядкина сообщалось о беседе в Вильно со шляхтичем Микулаем Плосковицким, тайно поведавшим Семёну, что «про московские всякие ведомости чинитца ведомо королевскому величеству и всем сенатором чрез письма от Назарья Краевского да от Фадея Крыжевского, а пишут они в Кадино х Костянтиновичу и в иные порубежные города»⁴⁶.

Перечисляя возможных информаторов польского короля в России, нельзя обойти вниманием фигуру Павла Негребецкого. О роли, сыгранной им в русско-польских отношениях и политических интригах, вышло несколько статей⁴⁷. Православный шляхтич из Перемышльского повета, он служил в конце 1660-х — начале 1670-х гг. в Варшаве в Надворной Коронной канцелярии писарем. В 1674 г. Негребецкий сблизился с Василием Михайловичем Тяпкиным, русским резидентом в Варшаве, и стал снабжать того важной информацией. Когда же Тяпкину пришлось покинуть Варшаву и вернуться в Россию, Негребецкий уехал с ним. В 1677 г. его приняли на царскую службу. К началу 1680-х гг. Негребецкому через посредничество Сильвестра Медведева удалось войти в доверие к Фёдору Алексеевичу и оказаться среди его новых молодых советников⁴⁸. Однако после смерти Фёдора Алексеевича в биографии шляхтича появляется много пробелов. В 1682/83 г. имя Негребецкого пропало из «Списка кормовщиков московского чину», появившись в нём снова год спустя⁴⁹. Хорошо известно лишь о кончине шляхтича в июле 1684 г. Сведения о ней сохранились в описаниях сразу трёх оказавшихся в Москве иностранцев: шведского учёного и путешественника Юхана Габриеля Спарвенфельда, саксонского врача и авантюриста Лаврентия Рингубера и датского посла Хильдебрандта фон Горна. Все три источника сходятся: Негребецкого схватили и казнили за намерение переслать в Польшу некое письмо с описанием состояния дел в Российском государстве.

Шведская исследовательница Улла Биргегорд обратила внимание на ещё одно место в дневнике Спарвенфельда, где швед пересказывает содержание беседы со своим приятелем фон Горном. Тот рассказал, что якобы во время пребывания царского двора в Троице-Сергиевом монастыре осенью 1682 г. Негребецкий вместе с ним и другими сторонниками Петра принимал участие в обсуждении заговора, согласно которому планировалось устранить царя Ивана и клан Милославских от управления, передав всю полноту власти Петру и его матери Наталье Нарышкиной. Заговор не привели в исполнение из-за нерешительности последней⁵⁰. Нельзя не упомянуть ещё один любопытный

⁴⁵ РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1682, д. 2, л. 66–67.

⁴⁶ Там же, д. 206, л. 46–46 об.

⁴⁷ *Биргегорд У.* Почему казнили Павла Негребецкого? // *Slověne*. 2020. Vol. 9. № 1. С. 232–260; *Кочегаров К.А.* Борьба боярских группировок вокруг планов женитьбы царя Петра и русско-польские отношения в 1684–1689 гг. // *Россия, Польша, Германия в европейской политике: исторический опыт взаимодействия и императивы сотрудничества*. М., 2012. С. 45–88.

⁴⁸ *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 399–403.

⁴⁹ *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия... С. 136–137.

⁵⁰ *Биргегорд У.* Почему казнили Павла Негребецкого? С. 243–244.

источник, обнаруженный польским историком З. Вуйчиком в Архиве древних актов в Варшаве. Документ имеет заглавие «*Relatia Nehrebeckiego ze stolicy*» и датирован 5 сентября (без указания года)⁵¹. В нём польскому королю передана просьба о помощи от царицы, жаловавшейся на двоевластие, которое установилось в результате стрелецкого бунта, и сообщавшей о притеснениях со стороны Софьи⁵². Опираясь на данные источников, Биргегорд предположила, что в 1682 г. Негребецкий мог на короткое время оказаться в Польше в качестве доверенного лица и посольного Н.К. Нарышкиной. В таком случае можно продолжить цепочку предположений и гипотетически допустить, что Негребецкий мог быть автором одного из польских донесений лета—осени: «Реляции» или «Повествования». За неимением веских доказательств, такое предположение остаётся лишь гипотезой.

Таким образом, первые сведения о смерти царя Фёдора Алексеевича и сложной ситуации с престолонаследованием в России дошли до польского короля к середине июня. К началу июля в Яворове, по всей видимости, получили первое донесение, описывающее события стрелецкого бунта. Оно во многом повторяло нарратив о восстании, распространявшийся в мае—июне самими восставшими стрельцами, включая такие его элементы, как рассказ о смерти Фёдора Алексеевича от яда, интригах Нарышкиных и обращении царевича Ивана к стрельцам за помощью. Полученная информация сформировала при королевском дворе представление, что в России знать раскололась на две партии, поддерживающие каждая своего кандидата в цари — Ивана и Петра. Не исключалась даже гибель одного из царевичей в результате распри. Однако в течение июля было получено новое донесение (или донесения), в больших подробностях описывающее события, жертв бунта и требования стрельцов. Вместе с тем особое внимание в нём уделялось роли царевны Софьи, представленной главной зачинщицей расправы над Нарышкиными и их союзниками. В июле же на русско-польскую границу под Смоленск для проверки и уточнения полученных новостей отправился королевский секретарь Станислав Бентковский. В новом сентябрьском донесении («Повествовании») главным противником Софьи в борьбе за власть назван Артамон Матвеев, якобы стоявший за всеми попытками посадить на престол Петра. В «Повествовании» вслед за предыдущими реляциями подчёркивалась особая расположенность Фёдора Алексеевича к польской культуре, вызвавшая неприязнь бояр, но опровергался слух об отравлении царя. О казни Хованских в Польше узнали к 20-м числам октября, а об усмирении стрельцов — не позднее конца ноября.

Примечательно, что польские донесения лета 1682 г. фиксируют наиболее раннее упоминание нарратива об участии Софьи в заговоре против Нарышкиных и Петра. Видимо, слух об интригах Софьи появился сразу после майских событий. Безусловно, в польских донесениях присутствует немало фантасти-

⁵¹ Негребецкого казнили летом 1684 г., и данная реляция могла быть составлена в 1682 или 1683 г.; наиболее вероятной кажется первая дата.

⁵² «Я, царица Наталья Кирилловна, мой сын — царь Пётр, сперва бояре его посадили на царство. Второй царь — Иван, чернь из злости посадила его на царство. Этот Иван глупый, слепой, страдает параличом, править не может. Его сестра Софья всем сама заправляет. Я сирота, никто меня с моим сыном не почитает из-за того, что я польского роду, не на кого мне надеяться, только на тебя, король польский... чтобы ты, король, имел для меня и для этого дитя милосердие, чтобы мой сын мог стать царём с твоей королевской помощью» (цит. по переводу К.А. Кочегарова с польского: *Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия... С. 135*).

ческих эпизодов, отражавших атмосферу ядомании, царившую в охваченной восстанием Москве. К таковым следует отнести рассказ про хитрость с отравленным вином, приведённый в «Реляции»⁵³. Вместе с тем некоторые детали, упомянутые в донесениях, находят подтверждение в других источниках: эпизод из «Реляции» с Иваном Нарышкиным, вцепившимся в бороду боярину Одоевскому, перекликается с рассказом Генриха Бутенанта о том, как «Иван Нарышкин (который всё время озорничал по-юношески) мало уважал старых господ и некоторых дергал за бороду (что считается в этой стране величайшим позором), о чём стрельцы узнали от пришедших к ним с жалобой пострадавших господ»⁵⁴. В целом в польских донесениях о заговоре царевны Софьи не стоит видеть одни лишь домыслы.

Что касается автора или, скорее, авторов донесений, то новости поступали в Польшу, вероятно, от нескольких информаторов. Среди них могли быть представители купечества, мещанства и служилых людей. Совсем не обязательно в авторе каждого донесения видеть непременно дипломатического резидента. Не исключено, что дальнейший поиск в польских архивах позволит дополнить данные о рецепции новостей о Хованщине в Речи Посполитой, включая имена конкретных информаторов.

⁵³ Несмотря на явно легендарный характер этого рассказа, слух о том, что «бояре-изменники» собирались травить стрельцов, вероятно, действительно курсировал во время восстания. О нём упоминается в заметках дьячка Благовещенского погоста на Ваге Аверкия, записанных по горячим следам майских расправ: «И удумали они, изменники, вражым научением, чтоб царьский род извести, а стрельцов и солдат опоить лютым зельем и змеями» (*Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 99*).

⁵⁴ «Склонны к страшному неистовству...»... С. 44.

Черноморские проливы во внешней политике России в конце XVIII — начале XX в.: трансформация подходов к решению проблемы

Ирина Рыбачёнок

**The Black Sea Straits in Russia's foreign policy
in the late 18th — early 20th centuries:
transformation of approaches to solving the problem**

Irina Rybachenok

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24010083, EDN: CJFEOY

На протяжении веков в ходе многочисленных кризисов на Балканах и на Ближнем Востоке споры держав о режиме судоходства в Черноморских проливах заметно влияли на международные отношения¹. По образному выражению маркиза А. де Коленкура, обострение борьбы за «ключи от Чёрного и от Мраморного моря» неоднократно грозило масштабным военным конфликтом. Не случайно Черноморские проливы долго оставались в центре жгучих дипломатических, а затем и научных дискуссий, которые не иссякают и поныне. При этом возникавшие в разное время коллизии до сих пор освещены неравномерно. В их изучении имеется ещё немало «белых пятен», противоречивых трактовок и оценок, связанных как с несхожими позициями историков, так и с неисчерпанными возможностями источников. Поэтому тема не теряет своей актуальности, и дальнейшее её познание требует новых усилий. В частности, необходимо показать, как именно с конца XVIII до начала XX в. менялись подходы тех, кто формировал внешнюю политику России, к определению судьбы Проливов.

Выход России к северным берегам Чёрного моря в конце XVIII в. создал новую геополитическую ситуацию в регионе. Статус Босфора и Дарданеллы приобрёл огромное стратегическое, политическое и экономическое значение. Оставаясь для двух прибрежных империй — России и Турции — вопросом государственной безопасности, режим судоходства в Проливах получил и международный характер, а сами они стали объектом соперничества.

© 2024 г. И.С. Рыбачёнок

¹ Историография проблемы огромна, назову лишь наиболее значимые исследования: Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Чёрное море в XVIII веке. Очерки дипломатической истории Восточного вопроса. М., 1883; Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896; Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Гос[ударственном] и С[анкт]-Петербургском главных архивах. СПб., 1907; Гагарин С. Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4; Миллер А.Ф. Турция и проблемы проливов. М., 1947; Дранов Б.А. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978; Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994; Лаврова Т.В. Черноморские проливы (исторический очерк). Ростов н/Д, 1997; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999; Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010.

Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. открыл Чёрное море для торговых судов России, разрешив им проходить через Проливы, что было подтверждено в 1783 г. А после Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ясский мир закрепил право России иметь флот на Чёрном море и свободно проводить свои корабли через Босфор и Дарданеллы, что поразило Европу. Западные державы увидели в этом потенциальную возможность усиления России в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Подобные опасения нашли отражение в публицистике и даже в карикатурах. Так, поражение Турции стало поводом для появления английского офорта «Имперский шаг», выставленного в апреле 1791 г. в витрине гравюрной лавки в Лондоне и изображавшего Екатерину II, которая одной ногой отталкивалась от скалы с надписью «Russia», а второй касалась полумесяца на минарете в Константинополе; за этим стремительным движением на рисунке с тревогой наблюдали правители других государств.

В общественном мнении Европы уже в XVIII в. был создан жупел «русской угрозы». Укрепление положения Российской империи на международной арене, её намерение проводить независимую внешнюю политику, опираясь на мощные военно-морские силы, финансовые ресурсы и успехи дипломатии, вынуждало западноевропейские страны считаться с этим новым для них фактором. Вместе с тем они всячески противились осуществлению интересов появившегося соперника.

В Петербурге добивались благоприятного режима Проливов, желая обеспечить развитие торговли и безопасность государственных границ. Вместе с тем в XIX — начале XX в. в правящих верхах существенно трансформировались представления как о масштабе задачи (от воспреещения прохода в Чёрное море иностранных военных эскадр до установления российского контроля над Босфором и Дарданеллами), так и о соотношении политико-дипломатических и силовых методов, которые предполагалось использовать для её решения. Впрочем, тут практически никогда не было единства мнений между сторонниками «европейского концерта» и «независимых» действий. Противоположные тенденции отчётливо проявились ещё на рубеже XVIII–XIX вв. в записках видных дипломатов. Так, если по мнению гр. Ф.В. Ростопчина, русские интересы обеспечил бы только раздел османских владений между Россией, Францией и Австрией (с предоставлением Пруссии соответствующей компенсации), то гр. В.П. Кочубей полагал, что турки — соседи спокойные, и «сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно быть коренным правилом нашей политики»².

4 сентября 1829 г. (ещё не зная о заключении Адрианопольского мира) бывший статс-секретарь гр. И.А. Каподистрия, считая неизбежным крах Османской империи, рекомендовал Секретному комитету по восточным делам превратить Константинополь с небольшой прилегающей территорией в вольный город, демилитаризовав зону Проливов. Управлявший МИД гр. К.В. Несельроде, напротив, тогда же утверждал, что сохранение Турции «более полезно, нежели вредно действительным интересам России». Схожих взглядов придерживался и товарищ министра юстиции Д.В. Дашков, в 1817–1821 гг. служивший в константинопольской миссии, а в 1822–1824 гг. (после разрыва отношений между царём и султаном) управлявший ею из Петербурга. Ещё в 1823 г. он предсказывал, что распад Турции неминуемо приведёт к общеевро-

² Цит. по: *Дранов Б.А.* Указ. соч. С. 61–62.

пейской войне, а вытеснение турок в Малую Азию нанесёт ущерб безопасности владений России на Кавказе³.

Превращение турецкой столицы в «вольный город» казалось Дашкову невыгодным и ненадёжным. По его словам, «в случае падения Оттоманской империи, если Россия не будет обладать Константинополем, то ей нужен верный залог, который обеспечивал бы невредимость южных её областей, и никто не мог бы справедливо укорять её в каких-либо тайных замыслах, если бы она тогда потребовала себе два каменистых уголка на обоих берегах Босфора у северного его устья для построения крепостей, способных защитить сей проход в случае неприятельского нападения»⁴. Комитет согласился с этим, постановив, что в случае прекращения турецкого владычества в Европе русское правительство обязано предотвратить захват входа в Чёрное море какой-либо великой державой⁵. В 1866 г. с протоколом заседания комитета ознакомился кн. А.М. Горчаков, а в июне 1902 г. записку Дашкова читал министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф⁶, что свидетельствовало о постоянном внимании к идеям, изложенным в этих документах.

Таким образом, к концу 1830-х гг. в Петербурге сочли, что переход контроля над Проливами в руки какой-либо державы, прежде всего Англии, недопустим. Лучше до поры, до времени сохранять слабеющую Турцию в роли «сторожа» Проливов, но желательно добиться свободного прохода через них русских военных кораблей. Осуществить замысел представлялось возможным дипломатическим или военным путём. Предпочтение отдавали первому, но в случае развала Османской империи в ходе международных осложнений готовились и ко второму.

Ункяр-Искелесийский союзный договор с Турцией 1833 г. создал наиболее благоприятный для России режим судоходства в Проливах⁷. По его условиям Дарданеллы закрывались для военных кораблей третьих стран, тогда как русские могли проходить их без ограничений. Но из-за фатальной ошибки Николая I, опасавшегося роста влияния западных держав на политику турецких властей и желавшего вбить клин между Францией и Англией, Россия отказалась от столь выгодных для неё условий. Лондонские конвенции, подписанные 3(15) июля 1840 г. и 1(13) июля 1841 г., изменили международно-правовой статус Проливов: теперь в мирное время они закрывались для всех иностранных военных кораблей. Тем самым то, что ранее регулировалось в рамках двусторонних русско-турецких отношений, превращалось в общеевропейскую проблему, а в международное право вводилось понятие коллективной гарантии держав по поддержанию существования Османской империи⁸. В итоге фактически выиграл Лондон⁹. По точной оценке С.М. Горяинова, договор оказался

³ Текст записки частично опубликован: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. I. СПб., 1878. С. 438–440.

⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 1098, л. 109 об.

⁵ См.: *Дранов Б.А.* Указ. соч. С. 85–86. Текст протокола заседания см.: АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 1098, л. 5–11 об.

⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 1098, л. 84–84 об.

⁷ См.: *Киняпина Н.С.* Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. М., 1958. № 2.

⁸ *Дранов Б.А.* Указ. соч. С. 98–107.

⁹ Как современники, так и историки высказывали об этих договорённостях диаметрально противоположные мнения: *Михайлов Б.В.* Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. В преддверии революций 1848–1849 годов // История внешней политики России. Пер-

«применим только во время мира; при возникновении осложнений он никуда не годится»¹⁰. Несостоятельность Лондонских конвенций стала очевидной, когда в середине июля 1853 г. соединённая англо-французская эскадра бросила якоря у входа в Дарданеллы, а в середине сентября, ещё до объявления Турцией войны России 22 сентября (4 октября), вошла в Босфор.

Парижский трактат 1856 г., подписанный после поражения России в Крымской войне, подтвердил международно-правовой режим Проливов. Он носил дискриминационный характер по отношению к России, запрещая ей держать флот на Чёрном море и строить крепости на его побережье. Воспользовавшись разгромом Франции германскими войсками, Россия в одностороннем порядке отказалась соблюдать эти унижительные условия, о чём было объявлено в циркуляре, подписанном канцлером кн. А.М. Горчаковым 19(31) октября 1870 г. Однако, избегая осложнения отношений с Англией, Александр II согласился на предложение кн. О. Бисмарка юридически оформить пересмотр норм 1856 г. на международной конференции, открывшейся в Лондоне в январе 1871 г. Западные державы настаивали на нейтрализации Проливов, но согласно конвенции, подписанной 1(13) марта того же года, они оставались закрытыми для военных кораблей всех держав. Об ограничении суверенных прав России на Чёрном море и его берегах уже не упоминалось, а султан имел право в мирное время открывать Босфор и Дарданеллы для «дружественных» и «союзных держав», если бы это требовалось «для обеспечения исполнения постановлений» 1856 г.¹¹

Нездолго до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. молодой чиновник МИД Н.В. Чарыков привлёк внимание руководства ведомства к своим соображениям, предусматривавшим заключение соглашения с Англией о ликвидации турецкого владычества в Европе, после чего англичане оккупировали бы два пункта на южной оконечности Дарданелл, а русские — два пункта на Верхнем Босфоре. Некоторые идеи Чарыкова позднее излагались в составленной в МИД записке, где анализировались гипотетические варианты мирного договора¹².

В Секретном архиве МИД сохранилась также анонимная недатированная рукопись, подготовленная, судя по содержанию и стилю, генерал-лейтенантом Н.Н. Обручевым для совещаний, проводившихся Александром II в мае 1877 г. В ней последовательно рассматривались три пути изменения действовавших тогда договорённостей: предоставление устья Босфора России при свободном для всех проходе через Дарданеллы; размещение на севере Босфора русско-го, а в Дарданеллах — английского (или другого иностранного) гарнизонов;

вая половина XIX века / Отв. ред. О.В. Орлик. М., 1995. С. 325–346; Кудрявцева Е.П., Пономарёв В.Н. Закрытие Проливов для военных судов: от Лондонских конвенций до Берлинского трактата (1840–1878 гг.) // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). С. 121–221; Кудрявцева Е.П. Лондонские конференции 1840 и 1841 годов // Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века / Отв. ред. А.В. Виноградов. М., 2021. С. 263–299.

¹⁰ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы... С. 79.

¹¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Сост. И.В. Козьменко. М., 1952. С. 107–110.

¹² Подробнее см.: Рыбачёнок И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX века // Вопросы истории. 2000. № 4–5; Рыбачёнок И.С. Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2007. С. 266–307.

оставление обоих проливов открытыми и лишёнными каких-либо укреплений. Первый из этих вариантов Обручев признавал наиболее выгодным, поскольку «он делает нас неуязвимыми в обороне и сохраняет в то же время за нами свободу наступления»: «Владея устьем Босфора (а для этого достаточно иметь хоть небольшой его угол на европейском берегу), мы будем спокойны за весь юг России и не будем вынуждены тратить на развитие громадного военного флота, ибо несколько больших пушек на твёрдой земле, усиливаемые в случае войны торпедными заграждениями, могут противостоять каким угодно флотам... Подобное решение вопроса действительно явится величайшим благодеянием для России, отстранит многие войны и на веки упрочит её судьбы». Выдвигалась даже идея обороны Босфора смешанным русско-турецким контингентом, что возвращало бы империи к сотрудничеству, намечавшемуся в 1833 г., но «но в более серьёзной и ненарушимой форме». По мнению генерала, полная открытость Проливов была «не только не желательной, но положительно вредной» для безопасности южных границ. «Пусть лучше проливы остаются за турками, — заключал автор, — до них мы можем ещё добраться, тогда как против Европы будем совершенно бессильны»¹³.

В октябре 1877 г. А.Е. Смельский, служивший чиновником для особых поручений при канцлере, представил по его поручению «Исторический очерк права прохода военных судов через Босфор и Дарданеллы», охватывавший целое столетие с 1774 по 1871 г. Указав на неизменное стремление русской дипломатии «поддерживать принцип замкнутости Чёрного моря» и соблюдать международные договоры, дабы не давать повода к их нарушению другими, Смельский рекомендовал при заключении мирного договора добиваться свободного плавания через проливы для военных кораблей (число их могло оговариваться особо) прибрежных государств — России и Турции. При угрозе со стороны неприятельской эскадры Босфор следовало перекрыть минами¹⁴.

Предварительные условия мира, подписанные в Адрианополе русскими и турецкими уполномоченными 19 января 1878 г., предусматривали, что «его величество султан войдёт в соглашение с его величеством императором всероссийским для сохранения прав и интересов России в проливах Босфорском и Дарданельском»¹⁵. Но решительные возражения англичан заставили Россию отступить, и в результате ст. 63 Берлинского трактата подтвердила положения Лондонской конвенции 1871 г., закрыв Проливы для военных судов всех держав, кроме Турции¹⁶. Это до известной степени устранило угрозу вторжения британского флота в Чёрное море, но одновременно «запирало» там русскую эскадру, не позволяя использовать её на других морских театрах. Между тем уже в феврале 1878 г. Англия, объявив себя «дружественной» Порте державой, нарушила условия договора 1871 г. и без разрешения султана ввела свои корабли в Мраморное море, где они находились до сентября. В Петербурге хорошо понимали, что в случае нового кризиса британский флот может войти и в Чёрное море.

¹³ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, 1877 г., д. 36/37/39, л. 44–67. Подробнее об атрибуции и датировке текста см.: Рыбачёнок И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов... С. 58. О взглядах Обручева см. также: Рыбачёнок И.С. «Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе» // Армия и флот в геополитических интересах. М.: СПб., 2019. С. 95–142.

¹⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 70, 1877 г., д. 76, л. 136–163.

¹⁵ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах (1875–1878) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1978. С. 360.

¹⁶ Сборник договоров... С. 208.

После Особого совещания, проведённого в Ливадии в сентябре 1879 г., Александр II поручил разработать план действий, которые позволили бы перекрыть иностранным военным кораблям доступ в Чёрное море. Морское ведомство приступило к созданию в Одессе «Особого артиллерийского запаса»¹⁷. 21 августа (2 сентября) 1881 г. новое Особое совещание признало необходимым исподволь, но неуклонно и последовательно готовиться к проведению десантной операции, нацеленной на то, чтобы овладеть устьем Босфора и укрепиться на обоих его берегах, оградив их от всякого посягательства¹⁸.

С осени 1881 г. возобновилось изучение гидрографических, метеорологических и топографических условий, которые требовалось учитывать при осуществлении данного замысла. В мае—июле 1883 г. прошли первые совместные манёвры армии и флота, предусматривавшие отработку некоторых элементов операции. Но специальный учебный десант в 1885 г. и результаты учений 1886—1887 гг. показали, что войска нуждаются в дальнейшей практике, а их высадка окажется крайне рискованной, если не удастся обеспечить её внезапности. Многие просчёты в подготовке этой акции, а также отсутствие должной координации мероприятий военного и морского ведомств, как пишет Р.В. Кондратенко, заставляли «сомневаться в возможности успешного захвата Верхнего Босфора российскими вооружёнными силами как в 1880-е, так и в начале 1890-х годов»¹⁹.

В ходе Ближневосточного кризиса 1894—1898 гг. и разрастания национальных движений вновь замаячила угроза краха Османской империи. После беспорядков в Константинополе осенью 1896 г. британская эскадра крейсировала у входа в Дарданеллы, а Лондон и Париж предложили провести коллективную морскую демонстрацию, чтобы заставить султана осуществить обещанные им ранее реформы. В этих условиях в памятной записке, сообщённой всем российским послам 21 октября (2 ноября) 1896 г., МИД признавал, что следует сосредоточить не более чем по два судна от каждой державы поблизости от Проливов, однако подчёркивалось, что «вход столь значительного количества иностранных военных кораблей в Дарданеллы представит очевидное посягательство на гарантии, которые нам даёт закрытие проливов, обусловленное существующими трактатами. Вследствие этого Россия может счесть себя обязанной заменить эти необходимые гарантии материальным залогом, обеспечивающим её безопасность на Чёрном море»²⁰.

23 ноября (5 декабря) Особое совещание в присутствии Николая II обсудило предложение посла в Константинополе А.И. Нелидова в случае возникновения в Турции критической ситуации действовать изолированно и, если суда других государств войдут в Дарданеллы, высадить десант и занять Верхний Босфор. В итоге Нелидову было предоставлено право «в крайнем случае», т.е. при неожиданном появлении перед Константинополем иностранных военных кораблей, «непосредственно предупредить секретною телеграммой главного командира Черноморского флота о необходимости немедленной высылки эскадры с десантом в Босфор, уведомив о том же одновременно императорское

¹⁷ Цывинский Г.Ф. 50 лет в Императорском флоте. Рига, [б.г.]. С. 143—145.

¹⁸ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 27; Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 20.

¹⁹ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 85, 119—128, 261—269, 273—274.

²⁰ ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 159, л. 80.

правительство». Это вполне взвешенное решение носило, по сути, оборонительный характер, хотя и предусматривало применение силы²¹.

Но, несмотря на интенсивную подготовку операции, продолжавшуюся до весны 1897 г., в Петербурге осознавали, что её осуществление, крайне рискованное из-за недостатка военно-технических ресурсов, даже при удачном стечении обстоятельств грозит серьёзными международными осложнениями. При этом союзная Франция отказала России в какой-либо поддержке.

Тем временем дипломатическая развязка кризиса позволила отложить реализацию намеченных планов, которые к тому же приходилось корректировать с учётом существенного укрепления в Турции позиций Германии. Непременный член Совета МИД Ф.Ф. Мартенс в записке, составленной в январе 1897 г., утверждал, развивая прежние идеи Дашкова и Обручева, что в сложившихся условиях Россия должна обеспечить свою безопасность, которую гарантировали бы два укрепленных пункта у входа в Босфор. Но резолюция Николая II на этом документе впервые зафиксировала новую постановку задачи: «Пока только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах и захват Дарданеллов, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть этой цели — этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств»²².

В последующие годы многочисленные проекты и предложения ответственных лиц морского и сухопутного ведомств ясно свидетельствовали: задача овладеть Проливами оставалась актуальной, а конкретные варианты её решения, отличавшиеся в деталях, в основе имели общие черты. Характерно, что на совещаниях в феврале 1899 г. обсуждались принципы устройства минного заграждения при входе в Босфор со стороны Чёрного моря, а манёвры флота в Севастополе в августе 1899 г. имитировали высадку русского десантного корпуса²³.

Результаты учений и сведения, поступавшие от военно-морских агентов в Турции, в марте 1901 г. обобщил в специальной записке начальник штаба Одесского военного округа генерал-лейтенант А.П. Протопопов. По его мнению, Восточный вопрос касался уже не только судеб Турецкой империи, но «захватил весь Азиатский материк от берегов Чёрного и Средиземного морей до берегов Тихого океана»²⁴. Тесное переплетение интересов держав по всему свету грозило перерастанием любого регионального конфликта в мировой. Стремление закрепиться на Тихом океане «увлекло» Россию, и она как бы «позабыла» о Ближнем Востоке, где новая соперница — Германия «совершила уже экономический захват почти всей Малой Азии», и вскоре создаст «серьёзную конкуренцию нашему хлебному экспорту». Протопопов полагал, что в случае внезапных беспорядков в Турции державы могут «приступить к разрешению давно назревших мировых вопросов», и тогда «Россия должна готовиться защищать свои интересы с оружием в руках, дабы не быть обделённой при этом грандиозном и возможном в самом недалёком будущем событии».

²¹ Текст записки Нелидова и заключение совещания см.: *Хвостов В.М.* Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4–5(47–48). С. 50–70. Историки оценивали заключение Особого совещания по-разному: *Хвостов В.М.* Проблемы захвата Босфора в 90-х годах XIX века // Историк-марксист. 1930. № 20; Восточный вопрос во внешней политике... С. 268–273; *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 114–134.

²² См.: Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И.С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 86–96.

²³ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 2014, л. 4–4 об.; д. 2340, л. 2, 3–4, 6.

²⁴ Там же, д. 2340, л. 8–10.

Между тем он констатировал, что подготовка десантной операции «идёт несравненно медленнее, чем возникают и чередуются события, могущие повести к неожиданной развязке», и Россия ещё не способна выполнить намеченное²⁵. Командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант гр. А.И. Мусин-Пушкин переслал записку Протопопова управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову, оставившему в тексте пометы, которые подтверждали, что для проведения экспедиции многого не хватало²⁶. В апреле 1901 г. на основе материалов архива Главного морского штаба (ГМШ) была составлена справка о подготовке десанта в 1897 г.²⁷

Для военно-морской стратегической игры «Занятие русскими силами Верхнего Босфора», устроенной в ГМШ осенью 1902 г., капитан 1-го ранга А.П. Угрюмов представил план действий, которые позволили бы «занять Верхний Босфор во что бы то ни стало и утвердить его за собою на вечные времена», используя «наличные силы и резервы государства». Подробно рассмотрев способы овладения проливом и его последующей обороны, автор рассчитал необходимые для этого людские и материальные ресурсы, пытался указать наиболее удобное по погодным условиям время и т.п. Воспользоваться этими соображениями предполагалось «при первой возможности, но с соблюдением совершенной неожиданности для неприятеля»²⁸. Эта неопределённость отражала не только сугубо теоретическую постановку вопроса в ходе игры, но и отсутствие в ГМШ и на более высоком уровне ясного представления о масштабах операции и о тех международно-политических условиях, при которых она могла бы состояться. Обсудив отчёт об этой игре, показавшей «слабую подготовку к выполнению известной экспедиции», требовавшей значительных финансовых затрат и многих лет работы, военный министр генерал А.Н. Куропаткин и Тыртов в совместном всеподданнейшем докладе ходатайствовали о создании специальной комиссии для выработки программы дальнейших мероприятий²⁹. В конце января 1903 г. Николай II одобрил их предложение, а в марте 1903 г. комиссия под председательством Протопопова провела шесть заседаний, уточнив в итоговой ведомости сумму предстоящих затрат на несколько лет.

Но ещё до того, как она собралась, свои мнения высказали гр. Мусин-Пушкин и вице-адмирал Н.И. Скрыдлов, незадолго до того назначенный главным командиром Черноморского флота и портов. В «Записке по вопросу занятия Босфорского и Дарданелльского проливов», поданной в январе 1903 г., граф констатировал ослабление морского могущества России и её переход «от наступательной тенденции, от желания иметь свободный доступ в бассейн Средиземного моря, — к обороне, к стремлению создать наиболее надёжные условия, гарантирующие нашу безопасность на Чёрном море и от ударов со стороны Проливов». Как в своё время Обручев, он полагал, что занятие Босфора и Дарданелл — задачи совершенно разные и решать их нужно не одновременно, а поэтапно³⁰. В июне, ознакомившись с выводами комиссии Протопопова, гр. Мусин-Пушкин предсказывал, что захват Россией Верхнего Босфора «будет только началом длинной и упорной борьбы за прочное обладание этим

²⁵ Там же, л. 10.

²⁶ Там же, л. 34–36.

²⁷ Там же, л. 38–40.

²⁸ Там же, д. 2684, л. 171–178.

²⁹ Там же, д. 2514, л. 6а–6а об., 8.

³⁰ Там же, д. 2868, л. 2–6.

пунктом», поскольку, даже если удастся парализовать противодействие западных держав, турки увидят в этом «начало борьбы за изгнание их из Европы и низведение на степень слабого азиатского государства. Они будут драться с отчаянной решимостью и сосредоточат на данном театре все силы для упорной и долгой борьбы»³¹.

Скрыдлов по результатам стратегической игры проанализировал в феврале 1903 г. состояние Черноморского флота, не улучшившееся с 1901 г., убедился в невозможности обеспечить внезапность отправки десанта и решительно утверждал: «Экспедиция в том виде, как она задумана и существует, совершенно немыслима, а также немыслима и в близком будущем, если мы в числе противников будем иметь англичан». Изменить ситуацию могло лишь значительное увеличение флота, однако финансовые затраты в таком объёме были непосильны для империи³². Но адмирал вовсе не призывал отказаться от опасного замысла, а напротив, ратовал за продуманную им систему мер, способных, как ему казалось, привести к успеху. Так, следовало срочно перевооружить имеющиеся броненосцы и значительно увеличить их число, причём строить новые корабли непосредственно на черноморском побережье, дабы не зависеть от разрешения Турции на их проход через Проливы. Кроме того, ежегодные пробные мобилизации и плавания эскадры обеспечили бы необходимую практику и проверку боеготовности, а также усыпили бы бдительность противника.

Осенью 1903 г. вновь прошли учебные десантные манёвры, выявившие слабые места, в том числе недостаточность ассигнований, отсутствие общего руководства всеми силами экспедиции и предназначенными для неё ресурсами, необученность личного состава. Все эти проблемы в ноябре нашли отражение в совместном всеподданнейшем докладе Куропаткина и адмирала Ф.К. Авелана, с марта 1903 г. управлявшего Морским министерством. Вместе с тем экспедиция на Босфор рассматривалась как начальный акт, который изменит отношения с державами: «Приступая к завершению Восточного вопроса утверждением на берегах Босфора, Россия должна будет готовиться в то же время к возможности борьбы на западе»³³.

Однако начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война заставила приостановить наращивание сил на Чёрном море. Находившаяся там русская эскадра не могла быть переброшена на Дальний Восток, так как для военных кораблей Проливы оставались закрытыми. Убедившись в негативных последствиях применения данного принципа, в Петербурге задумались о целесообразности его сохранения.

В конце июля стало известно о том, что Лондон, руководствуясь секретной статьёй в англо-японском договоре, намерен блокировать Дарданеллы, если Порты разрешит проход русского флота³⁴. Послу в Константинополе И.А. Зиновьеву предписали проверить достоверность этой информации и узнать, нельзя ли провести броненосцы с согласия султана или с помощью подкупа и тайных договорённостей с местными властями. А послу в Лондоне гр. А.К. Бенкендорфу было поручено осторожно зондировать возможность договориться о проходе русских судов в обмен на «те или иные преимущества на другой почве»³⁵.

³¹ Там же, д. 2683, л. 26–44 об.

³² Там же, л. 14–22 об.

³³ Там же, л. 26–44 об.

³⁴ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 454/472, л. 10–11.

³⁵ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 2989, л. 29–30.

При этом речь шла лишь о конкретной сделке, а не о всеобъемлющем соглашении с Англией о размежевании интересов, которое в инструкции, составленной для гр. Бенкендорфа в 1902 г., допускалось только «при обоюдной доброй воле и когда вопрос не касается существа исторически сложившихся задач»³⁶.

В конце октября Зиновьев сообщил, что «турецкое правительство во всех вопросах, где интересы наши окажутся в открытом антагонизме с интересами Англии, принуждено будет считаться со взглядами лондонского кабинета». Гр. Бенкендорф к середине ноября установил, что «идея воспользоваться проходом наших военных кораблей, не отказываясь от принципа закрытия Проливов, полностью нереализуема»³⁷.

В русской печати завязалась полемика, противоречивые мнения высказывались и в правящих кругах³⁸. Размышляя о политических последствиях попытки Петербурга вступить в сепаратный стовор с султаном, Мартенс 24 ноября (7 декабря) 1904 г. твёрдо отстаивал обязательность закрытия обоих проливов как норму действующего международного права, отмену которой называл шагом «не только опасным, но и безрассудным». Нелидов, в то время уже посол в Париже, в записке, датированной 26 ноября (9 декабря), доказывал, что нельзя вывести русский флот из Чёрного моря, опираясь только на разрешение Турции, без согласия всех держав, подписавших Берлинский трактат. Нарушение его Россией, по мнению дипломата, дало бы Англии право действовать в духе заявления, сделанного на Берлинском конгрессе Р. Солсбери, т.е. признать принцип закрытия Проливов обязательством, данным только султану. Изменить существующее положение Нелидов считал допустимым и желательным лишь тогда, когда ключ от Чёрного моря окажется в руках России, после чего можно было бы согласиться даже на открытие Дарданелл, плучив доступ в Средиземное море. Поэтому с пересмотром режима следовало подождать, строго исполняя трактаты и опираясь на заявление гр. П.А. Шувалова на Берлинском конгрессе о коллективной обязательности принципа закрытия Проливов для всех держав. Изменение же стеснительного для России порядка Нелидов откладывал до благополучного для Петербурга окончания войны с Японией, когда, стоя во всеоружии, можно будет добиться нового взаимного соглашения держав, опираясь на союз с Францией, дружбу с Германией, совместные действия с Австрией на Балканах и даже на сближение с Англией³⁹. К сожалению, реальных оснований для подобных надежд не наблюдалось.

Позиция руководства МИД была сформулирована в составленной в ноябре «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота»⁴⁰, обобщавшей доводы и мнения Зиновьева, Мартенса и Нелидова. Все они категорически настаивали на соблюдении международных трактатов, хотя, как и министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф, признавали, что те «заржавели» и требуют пересмотра. «Записка» была разослана в основные посольства и некоторым государственным деятелям.

³⁶ Коренные интересы... С. 357.

³⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 2989, л. 62–65.

³⁸ Гришина М.И. Черноморские проливы во внешней политике России в 1904–1907 гг. // Исторические записки. Т. 99. М., 1977. С. 140–182; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 260–291.

³⁹ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 455/473/474, л. 7–13.

⁴⁰ Её отпечатали тиражом 300 экземпляров, один из них см.: Там же, ф. 340, оп. 574, д. 43, л. 2–8.

Откликаясь на неё, известный дипломат, член Государственного совета П.А. Сабуров 3(16) марта 1905 г. изложил собственные суждения в записке «По вопросу об изменении трактатных постановлений, касающихся Проливов»⁴¹. Он решительно высказался против мысли о преимуществах для России закрытия Проливов и предлагал вступить в прямые переговоры с Лондоном, предварительно определив, что выгоднее Петербургу: оставаться на позициях, заявленных в 1878 г. гр. Шуваловым, признать толкование, предложенное Солсбери, или вовсе открыть Проливы для военных кораблей всех держав? Мартенс, ознакомившись с мнением Сабурова, счёл его лишённым юридического обоснования, и напомнил, что принцип закрытия Проливов обязателен для России и Англии на равных основаниях⁴².

Иную позицию занял начальник военно-морской походной канцелярии контр-адмирал Свиты гр. А.Ф. Гейден. В пространной записке «Какой флот нужен России?», датированной 2(15) мая 1905 г. и направленной в МИД, он указывал на возрастающее политическое значение военного флота, ставшего потребностью всякого культурного государства и воплощением его мощи, и справедливо утверждал, что Россия не в состоянии иметь на Балтике, в Чёрном море и на Дальнем Востоке три достаточно сильных эскадры. Выход же виделся ему в том, чтобы открыть Босфор и Дарданеллы для свободного прохода военных судов всех государств в мирное и военное время, дабы иметь возможность сосредотачивать их там, где этого потребует обстановка в конкретный момент⁴³.

Идея гр. Гейдена вызвала в МИД возражения. По просьбе гр. Ламздорфа ученик Мартенса профессор международного права барон М.А. Таубе в мае–июне 1905 г. подготовил «Записку по вопросу о проходе военных судов через Босфор и Дарданеллы», в которой проанализировал нормы 1841, 1856, 1871 и 1878 гг. и пришёл к выводу, что Россия имеет основания добиваться международного признания её права выводить из Чёрного моря боевые корабли с согласия одного султана, не нарушая при этом выгодный ей принцип закрытия Проливов. В отличие от своего учителя, барон считал одинаково юридически корректными оба толкования конвенции 1841 г., высказанные на Берлинском конгрессе гр. Шуваловым и лордом Солсбери. Поэтому теоретически неясное и практически неудовлетворительное для России, по его мнению, положение подлежало пересмотру и должно было стать предметом переговоров. Однако при этом не следовало забывать, что интересы России «продолжают требовать закрытия Проливов ещё на долгие годы»⁴⁴.

Записку Таубе отпечатали небольшим тиражом в виде отдельной брошюры, причём сначала с указанием фамилии автора (в серой обложке), а затем без неё, но под грифом МИД и в оранжевой обложке, как все официальные публикации дипломатического ведомства⁴⁵. В августе гр. Ламздорф направил её военному и морскому министрам, возможно, рассчитывая выработать консолидированный подход к проблеме. Однако в ноябре Совет государственной обороны счёл «желательным оставить этот вопрос без движения до того вре-

⁴¹ Там же, ф. 138, оп. 467, д. 455/473/474, л. 27–29 об.

⁴² Там же, ф. 151, оп. 482, д. 2989, л. 130–131 об.

⁴³ Коренные интересы... С. 383–422.

⁴⁴ Там же. С. 423–436.

⁴⁵ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 455а/475, л. 40–61.

мени, когда общая политическая и стратегическая обстановка будет выяснена более определённо»⁴⁶.

Вскоре после окончания русско-японской войны Лондон начал зондировать то, как в Петербурге отнесутся к урегулированию спорных вопросов на Ближнем и Среднем Востоке. До марта 1906 г. политика МИД оставалась достаточно взвешенной. Гр. Ламздорф, инструктируя гр. Бенкендорфа и очерчивая рамки возможных соглашений, не видел «практических оснований, которые побуждали бы нас поставить вопрос о проливах на очередь, тем более, что военное и морское ведомства не находят желательным возбуждать его в настоящее время»⁴⁷. Он призывал к крайней осторожности на переговорах, охотно предоставляя инициативу англичанам. Но когда министром стал А.П. Извольский, сторонники компромисса с Англией активизировались. Зиновьев в специальной «Записке» предложил вернуться к обсуждению режима Проливов, надеясь «ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном... обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение которых особенно важно с точки зрения политических интересов России». Учитывая усиление соперничества великих держав и перспективу новой их группировки, а также рост национальных движений на Балканском полуострове, грозивший осложнениями в Турции, Зиновьев опасался, что «Россия останется со своей ничтожной флотилией Средиземного моря в невыгодном положении». Он одобрял пересмотр конвенций 1871 г., «если нам удастся заручиться искренним содействием Англии», но вместе с тем отвергал принцип нейтрализации Проливов и желал, чтобы Россия, воспользовавшись благовидным предложением, утвердилась на севере Босфора и добилась права отправлять свои корабли в Эгейское море⁴⁸. Новым в такой постановке вопроса была лишь зыбкая надежда на соглашение с Лондоном⁴⁹. За неё-то и ухватился Извольский.

Глава МИД представил записку Зиновьева Николаю II и участникам Особого совещания по персидским делам. Извольскому казалось ошибочным не воспользоваться желанием Лондона «положить конец вековой англо-русской розни», что позволило бы России, «когда наступит время, приложить силы к решению тех великих исторических задач, которые мы можем иметь на Ближнем Востоке и которые не сегодня завтра могут быть поставлены на очередь ходом событий». Проекты соглашения с Англией, обсуждавшиеся в Особом совещании 1(14) февраля 1907 г., напрямую Проливов не касались⁵⁰. Но о них шла речь в частных беседах гр. Бенкендорфа и министра иностранных дел Э. Грея в феврале—марте 1907 г. Итогом стали памятные записки, зафиксировавшие различное понимание сторонами не только рамок, но и сути предполагаемо-

⁴⁶ Цит. по: *Гришина М.Н.* Черноморские проливы... С. 152.

⁴⁷ Цит. по: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 126.

⁴⁸ К истории англо-русского соглашения 1907 г. / Публ. С. Пашуканиса // Красный архив. Т. 2—3(69—70). 1935. С. 5—18.

⁴⁹ Схожие иллюзии питал тогда и военный атташе в Лондоне генерал-майор Н.С. Ермолов, полагавший, что Англия может согласиться на открытие Проливов для России, если та гарантирует безопасность Индии. Подробнее см.: *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние Русско-японской войны и революции 1905—1907 годов на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов, 1977. С. 213—233.

⁵⁰ К истории англо-русского соглашения 1907 г. С. 19—25; *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года... С. 213—233.

го договора, поскольку Лондон отстаивал возможность прохода флотов всех держав через Дарданеллы до входа в Чёрное море. Тем не менее Извольский счёл результат обмена мнениями удовлетворительным, почему-то решив, что Англия согласится с исключительным правом России проводить свои корабли через Проливы в обоих направлениях при закрытом для других держав Чёрном море. Устранить сохранявшиеся разногласия стороны сочли целесообразным в более благоприятное время⁵¹.

Как отмечают исследователи, в Лондоне использовали разговоры о Проливах лишь для того, чтобы ускорить заключение соглашения по персидским делам. По едкому замечанию английского историка, «это был целиком и полностью вопрос престижа. Россия не имела на Чёрном море флота, и закрытие Проливов её вполне устраивало. Но Извольский надеялся получить в конечном счёте теоретическое разрешение на проход через Проливы теоретических военных кораблей России»⁵².

Между тем новый морской министр адмирал И.А. Диков выдвинул план воссоздания и развития русского флота. Значительный опыт, приобретённый им в бытность помощником начальника Главного морского штаба, командующим Практической эскадрой Чёрного моря, председателем Морского технического комитета и членом Адмиралтейств-совета, позволял компетентно судить о ближайших задачах, стоявших перед империей. 25 октября 1907 г. в «весьма секретном» письме Извольскому адмирал утверждал, что экономический потенциал России способен дать ей преимущества в мировой конкуренции, если удастся обеспечить продвижение отечественных товаров из Чёрного моря к портам Африки, Малой Азии, Абиссинии, Аравии и в Индийский океан. А поскольку спутником торгового флота всегда являлся военный, «то необходимо заблаговременно принимать меры для развития морской силы», и прежде всего на магистральном торговом пути из Европы на Восток — Средиземном море, где надлежало создать систему угольных станций и баз. Между ними предстояло наладить и поддерживать постоянную связь, что, в свою очередь, «вызывает стратегическую необходимость для нашего флота иметь свободное плавание проливами». Семидесятилетний моряк ясно понимал и то, насколько Россия нуждалась в сохранении мира, и то, что это зависит не только от её воли. Констатируя антагонизм между Германией и Англией и указав на неизбежность их столкновения в 1914 г., Диков заявлял, что участие России в этом конфликте, чью бы сторону она ни заняла, станет для неё бедствием. Но для того, чтобы избежать втягивания в эту борьбу и выдержать в недалёком будущем испытания, связанные с кризисами на Балканах и в Австро-Венгрии, «Россия должна быть сильна, как на суше, так и на море». Соответственно ей требовался современный Черноморский флот, способный действовать в открытом океане. И как в XVIII в. был приобретён стратегический пункт в устье Невы, так в XX в. «движение к проливам аналогично предыдущему упрочивает наше положение на берегах системы южных морей и даёт выход в Средиземное море, откуда наша морская сила может быть сосредоточена по любому направлению»⁵³.

⁵¹ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 456/475, л. 2–11; *Гришина М.И.* Черноморские проливы... С. 170–172.

⁵² *Тейлор А.* Борьба за господство в Европе. 1918–1948. М., 1958. С. 449.

⁵³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3140, л. 9–12.

В первую очередь империи предстояло получить станцию вблизи Дарданелл (наиболее подходящим пунктом считался остров Лемнос), приобрести право стоянки флота на рейде Буюк-лиман в Верхнем Босфоре, а на случай войны обеспечить себе стоянки в портах Каверна и Бургас. Рассуждения Дикова очевидно перекликались с идеями Обручева и Мартенса о необходимости закрепиться на Босфоре, но он заметно расширил круг желательных приобретений. Правда, при обсуждении его программы на заседании Особого совещания и Совета государственной обороны вновь оказалось, что ни флот, ни армия не готовы к проведению десанта⁵⁴. Неудивительно, что в начале 1908 г., незадолго до младотурецкой революции, Совет государственной обороны, трезво оценивавший силы Черноморской эскадры, рекомендовал избегать «таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения»⁵⁵. Оставалось рассчитывать только на дипломатию.

Быстрота, с которой обострялась международная обстановка, требовала неотложного обсуждения «мер, которые могли бы быть приняты с русской стороны при наступлении в Турции известных политических конъюнктур»⁵⁶. Пытаясь согласовать действия в случае краха империи султана, А.П. Извольский созвал 21 июля (3 августа) 1908 г. в МИД экстренное совещание, в котором приняли участие И.М. Диков, помощник военного министра А.А. Поливанов, начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын, временно исполнявший обязанности начальника Морского генерального штаба М.И. Каськов, постоянный член Совета государственной обороны Н.И. Иванов, государственный контролёр П.А. Харитонов, товарищ министра финансов М.В. Чистяков, А.И. Нелидов и И.А. Зиновьев. Во всеподданнейшем докладе Извольский сообщал, что на заседании сочли возможным при необходимости участие России в совместном с другими державами сосредоточении судов в Средиземном море. Кроме того, его участники признали желательным поручить военному и морскому ведомствам «безотлагательно разработать план десантных операций, имеющих целью занятие и удержание Верхнего Босфора, при предположении, что сопротивление... может исходить лишь со стороны Турции». При этом им рекомендовалось «принять в соображение выработанный в своё время план Босфорской экспедиции». Николай II, судя по оставленной им резолюции, был с этим «вполне согласен»⁵⁷.

Однако в справке, составленной в МИД по итогам совещания, картина рисовалась менее благобно. Прежде всего «выяснилось с достаточной очевидностью, что мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление... а для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно подготовиться лишь в будущем». Если бы Турция оказала сопротивление, способность русских войск захватить нужные позиции и удержаться на них, по общему мнению, была более чем сомнительной. Поэтому совещание постановило продумать план мирного занятия Босфора «при условии соблюдения всех мер предосторожности, дабы турки не узнали преждевременно о наших намерениях»⁵⁸.

⁵⁴ Там же. См. также: Россия и Черноморские проливы... С. 260.

⁵⁵ Три совещания // Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 23–25; Константинополь и Проливы по секретным документам [бывшего] Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. Т. 1. М., 1925. С. 10.

⁵⁶ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3140, л. 54–55.

⁵⁷ Турецкая революция 1908–1909 гг. // Красный архив. 1930. Т. 6(43). С. 44–45.

⁵⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3140, л. 56–57.

После младотурецкой революции 1908 г. Извольский вновь попытался добиться выгодного для России пересмотра режима Проливов. Он ошибочно рассчитывал на то, что его инициативы встретят поддержку в Лондоне и в Вене, где тогда собирались аннексировать Боснию и Герцеговину (турецкие провинции, оккупированные австрийцами по решению Берлинского конгресса). Извольский опрометчиво решил, что это станет поводом для созыва международной конференции, которая изменит нормы трактата 1878 г. и предоставит определённые компенсации Турции, России и балканским странам. Он выработал проект пересмотра режима Проливов, принципиально новым положением которого стало закрепление за причерноморскими государствами права проводить свои военные корабли через Босфор и Дарданеллы. Состоявшийся обмен памятными записками и личная встреча с министром иностранных дел Австро-Венгрии бароном А. Эренталем в Бухлау 2–3(15–16) сентября создали у Извольского иллюзию взаимопонимания⁵⁹. Но пока он объезжал европейские столицы, согласовывая программу конференции и её предполагаемые решения, Вена 25 сентября (8 октября) в одностороннем порядке объявила об аннексии, вызвав острый международный кризис. Протесты российского правительства после закулисных переговоров о сделке звучали неубедительно.

Но самым глубоким разочарованием для Извольского стал секретный меморандум, полученный 1(14) октября от Э. Грея. В нём недвусмысленно выражалась позиция британского кабинета: «Английское правительство согласно на открытие Проливов при условии, что Проливы будут открыты для всех одинаково и без исключения. Русское предложение (открыть их “для России и прибрежных государств”) идёт вразрез с общественным мнением Англии, которое было бы крайне разочаровано, если бы Россия, протестовавшая против действий Австрии, воспользовалась случаем обеспечить для себя преимущество в ущерб Турции или с нарушением статус-кво к невыгоде других»⁶⁰. Более того, британцы предупредили о замыслах России Порту и отправили, несмотря на её протесты, свою эскадру в турецкие воды.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. имел ряд последствий⁶¹. В результате капитуляции перед германским ультиматумом о признании аннексии Боснии и Герцеговины престиж России на Балканах был подорван. С другой стороны, из-за ухудшения отношений с Берлином и Веной в Петербурге усилилась тенденция к сближению с Лондоном и Парижем. Наконец, Порта приняла меры для усиления флота. Заказанные ею в Англии новые современные корабли планировалось спустить на воду в 1913 г., что обеспечило бы Турции превосходство на Чёрном море. Россия не могла ни приостановить вооружение соседки, ни в краткие сроки модернизировать собственный флот, ни ввести в Чёрное море закупленные за границей суда.

Хотя кризис разрешился дипломатическим путём, обстановка накалилась. В этих условиях советник МИД А.А. Гирс весной 1911 г. составил записку, предложив отказаться от принципа закрытия Проливов⁶². Дипломат размышлял

⁵⁹ Там же, л. 60–61; Материалы по истории франко-русских отношений. Сборник документов. М., 1922. С. 529.

⁶⁰ Проливы. Сборник / Под ред. Ф. Ротштейна. М., 1923. С. 80–81.

⁶¹ Подробнее см.: *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 г. Пролог Первой мировой войны. М., 1964.

⁶² Царское правительство о проблеме Проливов в 1898–1911 гг. / Публ. В.М. Хвостова // Красный архив. 1933. Т. 6(61). С. 135; АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3026, л. 7–11.

о том, что выгоднее: охранять Турцию от крушения, видя, что за спиной султана стоит германский кайзер, или предоставить её собственной участи? Стоило ли в этих условиях отстаивать нормы трактатов, которые могут быть пересмотрены против воли России в неблагоприятное для неё время, и тогда придётся «пойти уже не на добровольные, заблаговременно предусмотренные, а на вынужденные уступки»? При этом выдвигая непопулярную идею нейтрализации (открытия) Проливов, Гирс рассчитывал на единство Франции, Англии и России, заинтересованных в противодействии Германии. Данная записка Гирса, доложенная Николаю II и отправленная на заключение военному министру В.А. Сухомлинову и морскому министру И.К. Григоровичу, обсуждалась затем в Совете министров. В Морском генеральном штабе замысел сочли рискованным, поскольку в случае его реализации неприятельская эскадра могла появиться в Чёрном море до объявления войны и раньше, чем Россия установила бы в Босфоре минное заграждение. Поэтому единственно правильное решение проблемы по-прежнему виделось в занятии и укреплении Босфора, как только флот будет на это способен. Военный министр, напротив, поддержал Гирса, ссылаясь на то, что Черноморскую эскадру нужно усилить новыми кораблями, закупленными за границей, а для этого придётся открыть Проливы⁶³.

Два разных подхода порождали споры до начала осенью 1911 г. Итало-турецкой войны⁶⁴. Тогда товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов и посол в Константинополе Н.В. Чарыков задумали договориться с Турцией о проходе русских военных кораблей через Проливы в обмен на некоторые финансовые уступки⁶⁵. Чарыков ошибочно считал, что наметившееся сближение Порты с державами Тройственного согласия облегчит переговоры⁶⁶. Нератов 20 октября (2 ноября) попытался получить от Лондона и Парижа письменное подтверждение их готовности открыть Проливы для России и зондировал позицию Берлина и Вены. Эренталь не скрывал, что «ключ положения в руках Англии»⁶⁷, а та противилась каким-либо сепаратным русско-турецким контактам.

Тем не менее 14(27) ноября Чарыков официально вручил турецкому министру иностранных дел проект декларации о политическом соглашении между Россией и Турцией, затрагивавшем и режим Проливов (перед этим он самовольно изменил редакцию одного из пунктов)⁶⁸. Однако из Лондона, позицией которого заинтересовались в Константинополе, сразу же последовало заявление о неуместности подобного шага в сложившейся обстановке. 2(15) декабря министр иностранных дел С.Д. Сазонов предписал прекратить переговоры, а неделю спустя турки официально отклонили предложение Петербурга, заявив, что «для защиты своей независимости Турция должна сама оставаться хозяином Проливов, не связывая себя договорами с другими странами»⁶⁹. Таким образом, поспешный и непрофессиональный демарш Чарыкова, просочившаяся информация о переговорах, а также противодействие Лондона и Парижа свели затею на нет.

⁶³ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. (далее – МОЭИ). Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. М., 1939. С. 250, 314–315.

⁶⁴ См.: Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967.

⁶⁵ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. М., 1938. С. 60–61.

⁶⁶ Там же. С. 219.

⁶⁷ Там же. Т. 19. Ч. 1. М., 1938. С. 36.

⁶⁸ Там же. С. 112–114.

⁶⁹ Цит. по: Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 294.

После бомбардировки Италией Дарданелл и попытки её кораблей проваться в Мраморное море Турция в апреле 1912 г. закрыла Проливы, что нанесло русскому экспорту хлеба серьёзный ущерб. В ноте Сазонова 7(20) апреля указывалось на «несоответствие обеспеченного трактатами права свободной нейтральной торговли как в мирное, так и в военное время с... распоряжением о полном запрете прохода иностранных судов через Дарданеллы»⁷⁰. Спустя месяц Турция открыла Проливы и уже не закрывала их после нового нападения Италии в июле 1912 г. В октябре условия итало-турецкого мирного договора зафиксировали утрату султаном североафриканских владений. Очередной этап распада Османской империи делал её обладание Проливами всё более проблематичным.

Балканские войны 1912–1913 гг. выявили значительный рост территориальных претензий Болгарии, Сербии и Черногории. В сентябре 1912 г. союз этих государств, направленный против Турции, окончательно оформился. В России сочувствовали созданию такого блока, рассчитывая с его помощью обеспечить себе решающее влияние на положение дел в регионе. Вместе с тем неготовность к общеевропейскому столкновению побуждала МИД избегать обострения международной обстановки. Предпочтительным казалось коллективное воздействие держав на Турцию, которое убедило бы её провести реформы ради сохранения мира. Но уговоры оказались тщетны, и 18(31) октября вспыхнула Балканская война. Успехи болгарской армии обеспокоили Петербург. Сазонов осознавал, что «захват Константинополя Болгарией не соответствует нашим интересам»⁷¹. Григорович 26 октября (8 ноября) предложил срочно подготовить пятитысячный десант для занятия Буюк-Дере на европейском берегу Босфора. В Морском генеральном штабе исходили из того, что «оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго, и тогда легче будет нам остаться навсегда. Твёрдое же занятие Верхнего Босфора уже наполовину разрешит наболевший вопрос о Проливах»⁷². Впрочем, от этого плана, одобренного Николаем II, вновь пришлось отказаться из-за неготовности Черноморского флота и решительных возражений Лондона и Парижа, активно поощрявших действия Софии, которые создавали повод для дискуссий о международной охране Константинополя и Проливов. Со своей стороны, Англия сосредоточила в Безикской бухте четыре броненосца, два крейсера и миноносца. России пришлось выступить в роли «защитника» Турции⁷³. 31 октября (13 ноября) Сазонов предложил Англии и Франции формулу посредничества, одним из условий которого являлось сохранение суверенитета султана над Константинополем и Проливами.

Предложение британского правительства обсудить возможность нейтрализации Проливов и превращения Константинополя в свободный порт под международным контролем не встретило поддержки в Петербурге. Сазонов утверждал, что «основные интересы России не могут быть защищены в Проливах никакими договорными гарантиями и статьями, так как последние всегда могут быть обойдены». Вместе с тем позиция великих держав исключала в тот момент и заключение русско-турецкой сделки⁷⁴.

⁷⁰ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. М., 1939. С. 433.

⁷¹ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 459/478, л. 22.

⁷² Константинополь и проливы / Публ. Я. Захера // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 51–52.

⁷³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 84.

⁷⁴ Константинополь и проливы / Публ. Я. Захера. С. 49, 51.

Захватив 13(26) марта 1913 г. Адрианополь, болгары вплотную приблизились к Константинополю. 21 марта Сазонов писал посланнику А.В. Неклюдову, находившемуся при царе Фердинанде, что «стремление Болгарии иметь выход к Мраморному морю встретило бы с нашей стороны решительное противодействие. Мы не можем допустить, чтобы свобода плавания через проливы могла зависеть от усмотрения Болгарии... и подвергать первостепенные наши интересы какому-либо риску в зависимости от случайного направления того или другого кабинета, который встал бы у власти в Софии»⁷⁵. С одобрения Николая II и с ведома Григоровича министр предоставил послу в Константинополе М.Н. Гирсу право в случае необходимости вызвать эскадру Черноморского флота, а сам делал всё возможное, чтобы остановить болгарские войска⁷⁶. Крушение Турции российские дипломаты считали уже «преждевременным»⁷⁷. Теперь Петербург стремился восстановить *status quo*, чтобы оградить Проливы от захвата какой-либо державой. В 1912–1913 гг. МИД и Морской генеральный штаб разработали проект, предусматривавший занятие Босфора и Дарданелл в 1918–1919 гг.⁷⁸

Между тем противоречия между Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией привели ко Второй Балканской войне, в ходе которой болгары, выступив против бывших союзников, потерпели поражение, а турки вернули себе Адрианополь. Бухарестский договор 10(23) августа лишил Османскую империю европейских территорий за исключением Адрианополя и Константинополя с прилегающим районом. Значительно ослабленная, озабоченная укреплением и реорганизацией армии, она обратилась за содействием к Германии. В ноябре 1913 г. в её столицу прибыла военная миссия немецкого генерала О. Лимана фон Сандерса, по сути, получившая контроль над зоной Проливов⁷⁹. Сазонов, опасавшийся захвата этих морских коммуникаций Германией, истолковал случившееся «как акт явно недружественный по отношению к нам»⁸⁰. Позднее он писал, что миссия Лимана фон Сандерса развеяла сомнения «относительно истинных целей германской политики на Ближнем Востоке» и «положила конец всяким неясностям и недоразумениям»⁸¹. Как верно отметил Б.М. Туполев, конфликт из-за прибытия на Босфор немецкого генерала «оказался едва ли не первым прямым русско-германским столкновением на Ближнем Востоке, причём в районе Черноморских проливов, являвшихся объектом наибольшей геополитической и экономической заинтересованности России»⁸². Но склонить Лондон и Париж к коллективному протесту Петербургу не удалось.

Вновь встал вопрос о форсировании подготовки десантной операции. 23 ноября (6 декабря) Сазонов доложил царю, что России необходимо отсрочить развал Османской империи и не допустить перехода Босфора и Дарданелл в руки сильного европейского государства⁸³. Принцип нейтрализации

⁷⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3048, л. 104.

⁷⁶ Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. С. 190–192.

⁷⁷ Константинополь и проливы. По секретным документам... Т. 1. С. 56.

⁷⁸ Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 66.

⁷⁹ См.: Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения...

⁸⁰ Материалы по истории франко-русских отношений... С. 635.

⁸¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 145.

⁸² Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 47–48.

⁸³ Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 69–76.

Проливов им категорически отвергался. Морское ведомство присоединилось к взглядам министра иностранных дел, о чём И.К. Григорович его информировал⁸⁴. Но Сазонов надеялся, что трансформация Тройственного соглашения Англии, Франции и России в военный союз будет сдерживать притязания Германии. Совещание представителей трёх держав 6(19) февраля наметило подходы, устранявшие разногласия между ними⁸⁵.

Одновременно следовало укреплять военно-морские силы империи. Особое совещание 8(21) февраля 1914 г. постановило, что в случае войны Россия должна занять Проливы⁸⁶, хотя было ясно, что в одиночку ей с этим не справиться, и многое будет зависеть от общего хода боевых действий. Позднее Сазонов сетовал: «Между определением цели и её достижением у нас лежит целая бездна. Это величайшее несчастье России»⁸⁷.

Таким образом, в Первую мировую войну Россия вступила, не имея достаточных военных и материально-технических ресурсов для проведения десантной операции по овладению Проливами. В помощь союзников Сазонов мало верил. Поэтому он добивался от Лондона и Парижа формального письменного согласия на передачу Проливов России после заключения победоносного мира. На его памятную записку об этом английский и французский послы в Петербурге Дж. Бьюкенен и М. Палеолог в марте 1915 г. дали положительный ответ⁸⁸. И всё же в российских правящих кругах не было стопроцентной уверенности в том, что в решающий момент Лондон и Париж полностью и безоговорочно выполнят свои обязательства. В марте 1915 г. Николай II утвердил карту, на которой обозначались территориальные претензии России в зоне Проливов⁸⁹. Союзники оговаривали только сферу собственных интересов в азиатских владениях Турции⁹⁰. Эти договорённости укрепили антигерманскую коалицию.

В целом, в XIX — начале XX в. позиция Петербурга отчётливо сместилась от стремления получить укреплённые базы, которые позволили бы закрыть вход в Чёрное море, сохранив слабую Турцию, как «сторожа» у Проливов, до намерения захватить как Босфор, так и Дарданеллы. Вместе с тем применить силу — провести десантную операцию — мешала военно-техническая слабость. На разных этапах русские дипломаты рассматривали различные комбинации и варианты решения проблемы, упорно искали договороспособных партнёров. Но усиление военно-политического влияния России не устраивало другие державы, и она не имела надёжных союзников в борьбе за Проливы. Поэтому намерение Петербурга достичь установления там выгодного ему режима было сродни вычислению квадратуры круга.

⁸⁴ Константинополь и проливы / Публ. Я. Захера // Красный архив. 1924. Т. 7. С. 33–35.

⁸⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 18.

⁸⁶ Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 33–42.

⁸⁷ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 151.

⁸⁸ Васюков В.С. «Главный приз». С.Д. Сазонов и соглашение о Константинополе и проливах // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 355–372.

⁸⁹ Карта опубликована в виде приложения к книге: Константинополь и проливы. По секретным документам... Т. 2.

⁹⁰ Цит. по: Россия и Черноморские проливы...С. 328–329.

Русские журналы и внешняя политика России в период японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Максим Медоваров, Юрий Соколов

Russian journals and the foreign policy of Russia during the Sino-Japanese War of 1894–1895

Maxim Medovarov, Yuri Sokolov

(both – Institute of International Relations and World History,
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24010095, EDN: CIKKKE

Японо-китайская война 1894–1895 гг., совпавшая с восшествием на трон Николая II и поворотом внешней политики империи на Дальний Восток, вызвала в русском обществе немалый интерес, отражавшийся в периодической печати и публицистике. При этом речь шла не только о самом конфликте, но и о положении Китая и Японии, о влиянии России в Корее и Маньчжурии и т.п. И хотя пресса в то время ещё не оказывала прямого воздействия на курс МИД, её роль в формировании общественного мнения и настроений как читающей публики, так и правящих кругов, постоянно росла и заслуживает специального изучения.

Между тем публикации о японо-китайской войне, появлявшиеся на страницах газет и журналов конца XIX в., практически не используются в современных фундаментальных монографиях о действиях России на Дальнем Востоке¹ и в обобщающих трудах². Правда, ещё в 1930-х гг. ученик М.Н. Покровского А.Л. Попов, пытаясь вписать позицию русской буржуазии и царизма в контекст мировой борьбы за ресурсы и торговые пути, включая Транссибирскую магистраль, доказывал, что активизацию дальневосточной экспансии поддерживала вся элита империи, а не отдельные лица и группы³. Принципи-

© 2024 г. М.В. Медоваров, Ю.В. Соколов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10006, <https://rscf.ru/project/22-78-10006/>

The present research was funded by the RSF, project number 22-78-10006, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10006/>

¹ См., в частности: Розалиев Ю.Н. Из истории российско-корейских отношений. М., 1998. С. 27; Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI вв. М., 2007. С. 96–140; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб., 2008. С. 234–239.

² Игнатъев А.В., Мелихов Г.В. Дальний Восток в планах и политике России. Происхождение русско-японской войны // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 133–136; Нарочницкий А.Л. Обострение борьбы за раздел мира между капиталистическими странами на Дальнем Востоке (1871–1898 гг.) // Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973. С. 161–178; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 415–423; Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. В 4 т. Т. 4. М., 2018. С. 11–19.

³ Попов А. От Босфора к Тихому океану // Историк-марксист. 1934. № 3. С. 3–28; Попов А. Дальневосточная политика царизма в 1894–1901 годах // Историк-марксист. 1935. № 11. С. 38–57.

ально не рассматривая консервативные издания как «официозные», он отметил прояпонскую позицию «Вестника Европы» («лейб-органа русского либерализма») и выпады против Японии «Русских ведомостей» и «Русской мысли». Приведённые Поповым цитаты затем не раз повторялись другими авторами, как и сделанный им вывод о том, что «военное и политическое могущество Японии в ту пору в царской России недооценивалось»⁴.

А.Л. Нарочницкий уделил освещению японо-китайской войны (до Симоносекского мира) в русской прессе несколько страниц. Однако он опирался преимущественно на материалы газет, не проводя сплошного анализа журнальных публикаций⁵. Как полагал исследователь, «Русская печать во время китайско-японской войны ясно показала, что агрессивная внешняя политика русских помещиков и капиталистов определялась поисками новых рынков, желанием приобрести новые порты, выходы к морям и стратегически важные пункты». При этом все монархические газеты и журналы придерживались будто бы «официозной и биржевой» позиции (что не соответствовало действительности), тогда как ««Русские ведомости» и другие буржуазно-либеральные издания восхваляли “просвещение” и “европеизацию” Японии, превозносили до небес её ограниченную и архиреакционную на деле конституцию, стараясь хотя бы таким трусливым и иносказательным способом выразить свою жалкую и ничтожную “оппозицию” российскому самодержавию. В отношении Китая и Кореи русские либералы стояли на агрессивных позициях “европейских”, “цивилизованных” буржуазных консерваторов». Между тем, вопреки утверждениям Нарочницкого, далеко не все либералы, надеясь достичь соглашения с Англией за счёт Китая, возражали против захвата Россией незамерзающих портов на Дальнем Востоке. В частности, это требование поддерживали С.Н. Южаков в «Русском богатстве», «Неделя» П.А. Гайдебурова, а с оговорками — и Л.З. Слонимский в «Вестнике Европы». А в середине 1895 г. либералы в «Русском вестнике» начали сближаться на почве экспансионизма с правыми («Новое время», «Гражданин», «Московские ведомости»), которые были решительнее робкого правительства. Тем самым «“общественное мнение” реакционных помещиков и буржуазии поддерживало как охранение устоев самодержавия внутри страны, так и его захватническую внешнюю политику»⁶.

А.А. Штейнгауз показал пробуждение интереса периодической печати, а также «русской буржуазии и капитализированного дворянства» к противостоянию с Японией и к проникновению в Корею в 1870–1880-х гг.⁷ Н.Е. Кутищев, анализируя статьи С.С. Татищева, С.Ф. Шарапова, К.А. Скальковского и других публицистов, проследил противостояние сторонников ближневосточной и дальневосточной политики России, за которыми, по его мнению, стояли интересы различных групп промышленного и торгового капитала⁸.

⁴ Попов А. Дальневосточная политика... С. 43.

⁵ Характерно, что на «Русское обозрение» Нарочницкий ссылался всего один раз, на «Русскую мысль» и «Русское богатство» — по два раза, на «Вестник Европы» — трижды, а о «Северном вестнике» не упоминал вовсе.

⁶ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. М., 1956. С. 647–652, 707–710.

⁷ Штейнгауз А.А. Китай и Корея в русско-японских отношениях в освещении русской прессы и публицистики // Россия и страны Востока в середине XIX — начале XX в. Иркутск, 1984. С. 19–32.

⁸ Кутищев Н.Е. Восточный вопрос в последней четверти XIX в. и российская печать. Иркутск, 1992. С. 3–7, 72.

И.С. Рыбачёнок охарактеризовала позицию трёх правомонархических газет («Московские ведомости», «Гражданин» и «Санкт-Петербургские ведомости»)⁹, а В.М. Хевролина — публикации о событиях 1894–1895 гг. «Нового времени» и «Вестника Европы». Исследовательница отметила, что поражение Китая, обладавшего огромными ресурсами, воодушевило русских либералов, увидевших в успехе Японии доказательство превосходства вестернизированных институтов. Однако «Вестник Европы» «допускал ошибку, пренебрегая такими факторами, как быстрое экономическое развитие Японии, рост её военного потенциала, агрессивность её военно-политической доктрины», тогда как «остальная либеральная пресса» будто бы «уже видела в Японии потенциального противника России и призывала к сближению с Англией для противостояния японской активности»¹⁰. Между тем до 1894 г. обозреватели «Вестника Европы» и «Русской мысли» А.Я. Максимов и В.С. Соловьёв наивно рассматривали Японию как союзницу и крайне враждебно относились к Китаю¹¹. При этом в монографии Хевролиной использовались лишь три журнальные статьи собственно о японо-китайской войне. Отмечалось, что «Новое время» изначально выступало за русско-китайское сближение и совместный протекторат над Кореей, хотя газета часто печатала и статьи сторонников русско-японского союза¹².

Б.Б. Пак обратила внимание на то, что российская дипломатия, вопреки призывам некоторых органов прессы, никогда не ставила своей целью приобретение незамерзающего порта в Корее¹³. В Петербурге «проглядели начальный этап японской экспансии, с неоправданным доверием отнеслись к мирным заявлениям правительства Японии относительно Кореи, выпустили из внимания захватнические планы японской военщины в Корее в начале 90-х гг. XIX в.» и лишь в начале 1895 г. стали ей противодействовать¹⁴. Впрочем, Пак писала преимущественно о военных и дипломатах, лишь вскользь упоминая о газетных и особенно журнальных материалах¹⁵. Китайский историк Сунь Чжинцин констатировал, что в России либеральная печать симпатизировала Японии и презирала Китай, запугивая читателей «жёлтой опасностью», тогда как консерваторы, опасаясь поспешного раздела Цинской империи между великими державами, видели «особую миссию» Петербурга в спасении китайцев от западной эксплуатации¹⁶. Но, несмотря на обстоятельное знакомство автора с российской периодикой, в своей книге он указал всего четыре журнальные статьи 1890-х гг. В диссертации Я.С. Гузей на основе 28 газет и журналов (среды которых, правда, нет «Русского обозрения» и «Северного вестника») рас-

⁹ Рыбачёнок И.С. Дальневосточная политика России 90-х гг. XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. Сборник научных трудов. М., 1988. С. 125–146.

¹⁰ Хевролина В.М. Проблемы внешней политики в общественной мысли страны // История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1999. С. 332.

¹¹ Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999. С. 302–303.

¹² Там же. С. 125–128.

¹³ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1876–1898). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 14, 29.

¹⁴ Там же. С. 20, 30–33.

¹⁵ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Книга вторая. 1888–1897. М., 2004. С. 87–115.

¹⁶ Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX века: «жёлтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008.

крывается формирование образа «жёлтой угрозы», якобы исходившей от Китая в послевоенный период (1895–1905 гг.)¹⁷.

Д.Б. Павлов осветил вклад российских военных агентов в осмысление итогов японо-китайской войны в 1896–1898 гг.¹⁸ В работах зарубежных (англо-американских, корейских и японских) историков, посвящённых политике России на Дальнем Востоке в 1890-е гг., публикации русских журналов также практически не рассматривались¹⁹.

Таким образом, реакция отечественной печати на японо-китайскую войну до сих пор исследована лишь фрагментарно, что затрудняет анализ взаимовлияния внешней политики и общественного мнения. Неудивительно, что историки обращались прежде всего к газетам: на их страницах с июля 1894 по июль 1895 г. появились десятки, если не сотни, корреспонденций, связанных с борьбой на Дальнем Востоке и, как правило, сухо передававших военные и дипломатические новости. Особенности газетной деятельности заставляли формулировать позицию редакции по возможности ёмко и просто и не располагали к пространным рассуждениям о сложных предметах. В каждом из крупных журналов в тот же период вышло от 5 до 11 материалов, так или иначе затрагивавших дальневосточную проблематику. Но это были обстоятельные страноведческие статьи, формировавшие у читателей представления о Китае, Корее, Японии, а также об интересах и возможностях России в регионе. Конечно, не следует преувеличивать значение этих публикаций, до 1905–1908 гг. печать не оказывала особого воздействия на внешнеполитические решения, но со времён М.Н. Каткова её роль постепенно росла, и правительству всё чаще приходилось считаться как с пишущими идеологами и публицистами, так и с настроениями читающей публики. Среди журналов конца XIX в. наиболее заметны были консервативные «Русский вестник» Ф.Н. Берга и «Русское обозрение» А.А. Александрова, славянофильская либерально-консервативная «Русская беседа», либеральный «Вестник Европы», либерально-народнические «Северный вестник», «Русское богатство» и «Русская мысль». Впрочем, иногда типологически близкие к журнальным статьи выходили и в таких газетах, как «Гражданин» кн. В.П. Мещерского или «Русский инвалид».

«Русское обозрение» до 1894 г. сообщало преимущественно о культуре, религии и внутренней жизни Китая и Японии, а также о путешествиях по этим странам, но не об их текущей политике. После начала японо-китайской войны

¹⁷ Гузей Я.С. «Жёлтая опасность»: представления об угрозе с Востока в Российской империи в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 19–20.

¹⁸ Павлов Д.Б. Японо-китайская война и дальневосточная политика России: взгляд российских военных // В поисках истины. Сборник статей и воспоминаний памяти профессора Н.В. Блинова. М., 2016; Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2; Павлов Д.Б. Д.В. Путята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае // Труды Института российской истории РАН. Вып. 15. М., 2019.

¹⁹ Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy 1881–1904 with Special Emphasis on the Causes of Russo-Japanese War. Berkeley, 1958; Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884/1899. Vol. 1. Tallahassee, 1982. P. 194–228; Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895–1898. М., 1993; Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997; Чой Док Кю. Россия в Корее: 1893–1905 гг. (политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996. С. 12–15, 85–92; Ким Чжон Хон. Русско-корейские дипломатические отношения в 1884–1904 гг. М., 2001; Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. Cambridge, 2003; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 192–210; Вада Х. Политическая история России. Избранные труды. 1960–2017. М., 2018. С. 467–469.

за год в журнале появилось 11 публикаций, так или иначе касавшихся актуальных событий. Л.А. Тихомиров в декабре 1894 г., ссылаясь на многовековую корейскую историю, предсказывал, что успехи японской экспансии будут непрочны, а Китай вернёт себе влияние на Корею²⁰. Славянофилу С.Ф. Шарапову казалось, что неожиданно вспыхнувший конфликт продлится долго, но это ничем не грозит «христианской цивилизации». Сам обозреватель предпочитал «иметь дело с Кореею независимо и, следовательно, до известной степени слабою, чем с Кореею, усилившею собою Японию или Китай». Поначалу он критиковал британскую поддержку Китая, но когда в Лондоне решили сделать ставку на Японию, позиция «Русского обозрения» изменилась. Шарапов одобрял безуспешную мирную инициативу Петербурга и возмущался тем, что «Вестник Европы» поддержал якобы «цивилизованную» и «парламентарно-конституционную» Японию в ущерб интересам России²¹.

В журнале с самого начала войны резко критиковали японскую вестернизацию. Секретарь русского посольства в Токио Г.А. Де-Воллан с сожалением предсказывал, что по мере модернизации страны «исчезнут хорошие черты японской жизни», «изменится и самый характер народа», восторжествует «бесцеремонная наглость людей, желающих эксплуатировать иностранцев»²². А французский офицер П. Лоти был удивлён слепым копированием в японском высшем обществе западных балов, обычаев, архитектуры²³. Правда, тут же, в стихотворении гр. Г.А. Ностица, чувствовалась симпатия к Японии²⁴.

В.А. Грингмут в октябре 1894 г., вскользь упомянув о начале японо-китайской войны, сетовал на равнодушие к ней обывателей в Европейской России, где, по его мнению, ничего не знали о положении дел на Дальнем Востоке²⁵. Публицист опасался, что Россия «прозевает» появление нового «восточного вопроса» в Корее подобно тому, как она уже «прозевала» его возникновение в Турции. Грингмут считал, что победа и усиление как Китая, так и Японии не соответствуют российским интересам, поскольку тогда с ними будет труднее договариваться. Отстаивая то, что либералы из «Русской мысли» именовали «государственным эгоизмом», Грингмут восклицал: «Наивность этой либеральной формулы поистине изумительна. Чего же Россия должна была бы желать с точки зрения государственного „альтруизма“? Чтобы Китай и Япония не ослабевали, а являлись постоянною угрозой мирным трудам России на Дальнем Востоке? Чтобы китайцы и японцы не топили взаимно своих броненосцев, а чтоб они соединили свой флот для того, чтобы осаждают *наши* восточные форты и топить *наши* корабли? Неужели либеральные идеи настолько затемняют логическое мышление людей, что они перестают понимать такую простую истину... Неужели можно упрекать государство или, что то же самое, государя в „эгоизме“, если он заботится не о себе лично, а о своих подданных?»²⁶. Эти соображения разделялись тогда всеми консервативными органами.

²⁰ Тихомиров Л.А. Япония и Китай в Корее // Русское обозрение. 1894. № 12. С. 1050–1053.

²¹ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 8. С. 901.

²² Де-Воллан Г.А. В Стране восходящего солнца // Русское обозрение. 1895. № 7. С. 109.

²³ Лоти П. Бал в Иеддо. Очерк // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 257–269.

²⁴ Ностиц Г.А. Гора Никко // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 355.

²⁵ Спектатор [Грингмут В.А.] Современные вопросы. I. Россия на распутии // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 841–842, 848.

²⁶ Там же. С. 849–850.

Вместе с тем публицисты пытались определить, в чём именно заключались интересы России при столкновении её восточных соседей. Причём делать это им приходилось, не имея необходимой информации, в частности, без точных сводок с театра войны и указаний из дипломатических кругов. Шарапов передавал слух, будто Россия жёстко заявила, что «не допустит никаких изменений в политическом статусе Кореи»²⁷. В ответ на это Китай якобы подтвердил статус «верного друга и союзника» Петербурга, а Япония ограничилась напоминанием о «старинной дружбе». Представители микадо уверяли, что он не стремится к аннексии Кореи, но хочет спасти её «от вредного и варварского влияния Китая» и обеспечить свободу тихоокеанской торговли. В марте 1895 г. Шарапов приветствовал гипотетическое выступление русского флота против японского, предупреждая: «Позволить Японии разгромить окончательно Китай — значило бы создать чрезвычайно опасную силу на Востоке». Западные державы, по его мнению, воспользуются модернизацией японцами Кореи и Северного Китая, который «оказался совершенно гнилым и истлевшим», для России же закрепление Японии на континенте создаст серьёзную угрозу. Поэтому не случайно из всех правителей только Николай II принял китайское посольство и призвал его «если не к дальнейшему сопротивлению, ставшему, по-видимому, безнадежным, то хотя бы к возможно твёрдым переговорам о мире». Между тем приходилось учитывать то, что «дорога на Пекин открыта, у богдыхана нет ни войск, ни флота, ни оружия, ни денег». Шарапов ожидал, что японцы потребуют при заключении мира установления своего протектората над Кореей, передачи Тайваня и части Маньчжурии, оккупации Ляодунского полуострова и целого ряда экономических преференций. Анализируя британскую прессу, он убеждал в том, что Лондон добьётся некоей «компенсации» для себя, а другие державы, включая Россию, не осмелятся вмешаться²⁸. После фактической капитуляции Китая и сближения Англии с Японией «Русское обозрение» очень сдержанно высказалось за невмешательство России. Анонимный обозреватель (вероятнее всего, тот же Шарапов) теперь советовал Токио не посягать на китайские территории на материке и не мечтать «о том времени, когда японские армии будут сражаться с европейскими за обладание не только Китаем, но и всем миром»²⁹. Подводя итоги 1895 г., «Русское обозрение» рекомендовало Японии оставить планы подчинения Кореи, освободиться от влияния англичан и вступить в союз с Россией³⁰.

Условия Симоносекского договора, подписанного 17 апреля 1895 г., Шарапов признал унижительными для Китая и неприемлемыми для России, которая «не может допустить ни порабощения кем-либо Кореи, ни чрезмерного усиления Китая или Японии насчёт друг друга». Публицист допускал, что теперь придётся действовать «даже и вооружённой рукой», дабы «получить на океане незамерзающий порт, построить угольные станции и исправить свою пограничную черту». Предполагалось, что этими портами могли бы пользоваться также Франция и Германия. Публицист приветствовал совместную морскую демонстрацию трёх держав, вынудившую Японию пойти на уступки — отка-

²⁷ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 455.

²⁸ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1895. № 3. С. 517–518.

²⁹ Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1895. № 4. С. 989.

³⁰ То же // Русское обозрение. 1895. № 11. С. 498–500.

заться от Ляодунского полуострова, снизить размер контрибуции с Китая, смириться с перспективой строительства КВЖД³¹.

«Русский вестник» поначалу скупотзывался на японо-китайскую войну. В октябре 1894 г. журнал опубликовал подробное географическое и экономическое описание Кореи, в котором обосновывалась мысль, что России выгодна независимая от Китая и Японии Корея и не нужны никакие территориальные приобретения³². В том же номере С.В. Петров-Батурич изложил действующие русско-корейские договоры и раскрыл международно-правовой статус Кореи³³. С.С. Татищев лишь после Симоносекского мира кратко упомянул об интересах России в регионе³⁴. Однако в мае–июне 1895 г. в журнале внезапно забили тревогу, опасаясь объединения под властью микадо 500 млн азиатов. Теперь Ляодунский полуостров рассматривался как ключ к господству над всем Китаем и Кореей, а японские амбиции объяснялись поддержкой Лондона. Неудивительно, что редакция всецело одобряла русский ультиматум Японии, поддержанный Францией и Германией³⁵.

Ещё более своеобразную эволюцию проделал в 1894–1895 гг. «Гражданин» кн. В.П. Мещерского, выходивший тогда в формате ежедневной газеты, получавшей сводки с фронта и первоначально пользовавшейся информацией из японских источников. Всего за год на его страницах вышло около 50 статей о событиях на Дальнем Востоке. При этом сотрудники князя передавали самые невероятные слухи, утверждали, будто окончание войны уже предрешиено европейскими державами, которые не отдадут Корею ни Китаю, ни Японии, и т.п. Автор одной из статей, не скрывая, что имеет крайне смутные представления о воюющих странах, легкомысленно заявлял: «Пусть дерутся. И в Китае, и в Японии прямо-таки бессовестный процент рождаемости. Обе жёлтые нации плодятся, как саранча, и маленькое кровопускание для них даже полезно... Японо-китайская война — это ведь не наша европейская бойня, где бьют на шести верстах расстояния и одним залпом уничтожают батальоны. Тут всё пойдёт по японо-китайскому церемониалу — тихо, медленно и чинно. Будут стрелять из луков, пугать неприятеля гримасами и разрисованными масками, вынесут ему на встречу ужасные знамёна с тиграми и чертями. И потом — танцы. Какой-то знаток уверяет в “Московских ведомостях”, что китайцы перед залпом всегда танцуют. Делается это столько же для устрашения врага, сколько и для собственного ободрения». Точность военных прогнозов «Гражданина» держалась на том же уровне: авторы статей всерьёз думали, что китайцы победят просто в силу высокой численности населения³⁶.

В целом до весны 1895 г. в «Гражданине» симпатизировали скорее японцам, что даже выплеснулось в полемику с «Новым временем»³⁷. При этом говорилось про раздел Китайской империи, о целесообразности инспирировать

³¹ С.Ш. [Шарапов С.Ф.] Иностранное обозрение // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 539.

³² Вебель Ф.М. Поездка в Корею // Русский вестник. 1894. № 10. С. 115–153.

³³ Петров-Батурич С.В. Исторический очерк возникновения корейского вопроса (по японским источникам) // Русский вестник. 1894. № 10. С. 212–237.

³⁴ Татищев С.С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1895. № 6. С. 318–326.

³⁵ То же // Русский вестник. 1895. № 5. С. 272–286; Обозрение иностранных журналов // Русский вестник. 1895. № 6. С. 292.

³⁶ Скеттик. Вслух // Гражданин. 1894. 30 июля. № 207. С. 2.

³⁷ А.К. По поводу событий в Корее // Гражданин. 1894. 2 августа. № 210. С. 1–2.

восстание монголов и затем присоединить Монголию к России и т.п.³⁸ Лишь в одном «Гражданин» демонстрировал последовательность и серьёзность: его авторы категорически настаивали на том, что Корея должна относиться к сфере влияния России, и нельзя смириться с её подчинением Китаю, Японии или европейским державам³⁹. После Симоносекского договора в газете решили, что его выполнение фактически передаст китайскую территорию на границе с Сибирью под контроль японцев, а независимость Кореи сделает фикцией. Поэтому «Гражданин» приветствовал русско-французско-германское давление на Токио и даже предлагал установить предельный срок ответа на предъявленный микадо ультиматум⁴⁰.

Осознание опасности для Российской империи нарушения баланса сил в Корее ярко проявилось в статье генерал-майора Д.В. Путяты, опубликованной в газете военного ведомства. В ней констатировалось, что «сопоставляя сумму японских требований с количеством затраченных на войну сил, средств и энергии, они кажутся столько же неумеренными, сколько и неудобными по своим последствиям для заинтересованных на Дальнем Востоке европейских государств». При этом отмена ограничений на международную торговлю с Китаем, контрибуция и передача Японии Тайваня не вызывали возражений, но японская аннексия Ляодуна, Кореи и Пескадорских островов (ныне — Пэнху-ледао) признавались совершенно недопустимыми. Впрочем, опираясь на японские источники, генерал полагал, что Тайвань (Формоза) — крайне прибыльный остров, тогда как обладание Маньчжурией и Ляодунским полуостровом заведомо убыточно. Для России же гораздо важнее было то, что «уступка Ляодуна с портом Артур предоставляет Японии полное и нераздельное командование Чилийским заливом, экономическое господство во всей Маньчжурии, изолирует с севера русские владения от Китая, обращает заявление о самостоятельности Кореи в фикцию и наносит в общем чувствительный ущерб политическому равновесию всех держав, имеющих интересы на крайнем Востоке»⁴¹. Эту фразу сразу же подхватила вся консервативная печать.

С января 1895 г. левые славянофилы (А.В. Васильев, С.Ф. Шарапов, Ф. Четыркин), порвав с консервативным большинством Славянского благотворительного общества, объединились вокруг нового журнала «Русская беседа». В первом же номере его обозреватель под псевдонимом Черноморец (возможно — И.И. Дусинский) отмечал: «Япония победит Китай — неподготовленный к войне, не имеющий дельных полководцев и офицеров»⁴². Однако Россия, по мнению журналиста, должна была воспрепятствовать захвату японцами частей Китая, Кореи или прилегающих островов. Вступать в войну «Русская беседа» не предлагала, надеясь, что и без этого удастся добиться ослабления и Японии, и Китая, и они не превратятся во «вторую Германию»⁴³. После Симоносекского мира анонимный обозреватель журнала, сравнивая потенциал Китая и Японии

³⁸ Русский врач, подозреваемый в агитации среди монгол // Гражданин. 1894. 4 октября. № 273. С. 1–2; Раздел Китая // Гражданин. 1894. 15 января. № 13. С. 1.

³⁹ Иванюшенков И. К корейскому вопросу // Гражданин. 1894. 31 июля. № 208. С. 1–2; По поводу событий в Корее // Гражданин. 1894. 8 августа. № 216. С. 1.

⁴⁰ Ультиматум Японии // Гражданин. 1895. 14 апреля. № 101. С. 3.

⁴¹ Путята Д. К событиям на Дальнем Востоке. Условия мира между Китаем и Японией // Русский инвалид. 1895. 23 апреля. № 89. С. 2–3.

⁴² Черноморец. Китай, Япония и Россия // Русская беседа. 1895. № 1. С. 141.

⁴³ Там же. С. 141–143.

и, в частности, статистические данные, отражающие развитие их промышленности, размышлял, «не станет ли Япония для многочисленной жёлтой расы тем, чем была Македония для греческого мира, Пруссия для германского — преобразователь и властелин»⁴⁴. Эту тревогу лишь усиливали цитаты из статьи японского офицера, предрекавшего господство микадо над обширными территориями Китая и восхвалявшего панмонголизм. Между тем очередное избиение европейских миссионеров китайцами воспринималось как наглядное свидетельство провала католических и протестантских проповедников в Поднебесной⁴⁵. На фоне быстрого экономического роста Японии и Китая, сулившего им скорое превращение в мощные финансовые и промышленные государства, всё это и впрямь выглядело угрожающе⁴⁶. Корею в «Русской беседе» желали видеть русским протекторатом⁴⁷.

Либеральных журналов в России в конце XIX в. насчитывалось больше, чем консервативных, и их внешнеполитические предпочтения заметно различались. К примеру, «Вестник Европы» долго занимал прогерманские и антифранцузские позиции, противостоя «Русской мысли», «Северному вестнику» и «Русскому богатству». Не менее существенные разногласия возникли между либералами и при оценке японо-китайской войны. Л.З. Слонимский высказывался о конфликте на Дальнем Востоке с явным высокомерием: «Великим европейским державам остаётся только следить за ходом возникшей борьбы, наблюдая, как японцы топят китайцев и как последние режут японцев, по правилам ли военного искусства или без всяких правил»⁴⁸. Публицист с самого начала изображал «более культурную Японию» как оплот цивилизации, и не сомневался, что корейцам и китайцам необходима её опека. Он сожалел о том, что в Европе не видели необходимости в расчленении Цинской империи, хотя, как ему казалось, Россия только выиграла бы, если бы граничила не с огромным Китаем, а с более мелкими государствами тибетцев, уйгуров, монголов и маньчжур. Слонимский полагал, что европейцам не стоит предоставлять Китаю займы и посылать туда военных инструкторов, укрепляя тем самым деспотизм и неэффективную бюрократию, далёкую от «истинной человеческой культуры» Запада⁴⁹. Не изменяя себе, в январе 1895 г. обозреватель прославлял «решительное торжество возрождённой Японии над неподвижным, самобытным и самодовольным Китаем»⁵⁰. Подобные характеристики повторялись буквально в каждом номере «Вестника Европы».

В конце 1894 г. журнал опубликовал большое исследование В. Черевкова, проследившего путь, пройденный Японией с древнейших времён до современности⁵¹. Детально и с явной симпатией он рассказывал про реформы Мэйдзи, конституцию и парламент страны. Правда, тут же говорилось о том, что России нужно поставлять на Японские острова промышленные товары, дабы спасти

⁴⁴ Политическое обозрение // Русская беседа. 1895. № 8. С. 126.

⁴⁵ Там же. С. 128–129.

⁴⁶ Там же. С. 129–137.

⁴⁷ То же // Русская беседа. 1895. № 10. С. 155–156; Иностранное обозрение // Русская беседа. 1895. № 1. С. 145–146.

⁴⁸ [Слонимский Л.З.] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1894. № 9. С. 380.

⁴⁹ То же // Вестник Европы. 1894. № 10. С. 839–845.

⁵⁰ То же // Вестник Европы. 1895. № 1. С. 395.

⁵¹ Черевков В. Из новейшей истории Японии // Вестник Европы. 1894. № 11. С. 227–272; № 12. С. 477–524.

миллионы их кустарей от машинного труда и капитализма. В редакционном примечании М.М. Стасюлевич особо отмечал общее сочувствие сотрудников журнала к вестернизации Японии⁵². В том же номере приводились два стихотворения российского посла в Токио М.А. Дурново, восхвалявшего японский буддизм⁵³. Неудивительно, что Грингмут и его единомышленники яростно критиковали «Вестник Европы» за неспособность увидеть угрозу восточным рубежам России⁵⁴.

После Симоносекского мира Слонимский вступил в полемику с консерваторами, обвинявшими японцев в жестокости и варварстве. Он, вслед за А.Я. Максимовым⁵⁵, называл их рыцарским и благородным народом, дружелюбным союзником России, переживающим непростой период преобразований. Напротив, китайцев «Вестник Европы» описывал как кровожадных чудовищ, постоянно враждебных России и всегда готовых к войне с ней⁵⁶. Это был прямой вызов традиционному синофильству «Русского обозрения». Слонимский называл условия Симоносекского мира весьма умеренными и расхваливал объявлявший о них манифест, выдержанный в спокойном, примирительном по отношению к Китаю тоне. По словам либерала, «это воззвание японского императора могло бы служить образцом сознательной человечности и скромности не только для наших газетных патриотов, но и для государственных деятелей и публицистов Западной Европы». Как утверждал обозреватель, «наши патриоты, обвиняющие японцев в жестокосердии и неумеренном честолюбии, не могут говорить так миролюбиво и спокойно не только о чужих и враждебных народах, но и о племенах, входящих в состав Российской империи. И эти господа, неустанно проповедующие политику племенной злобы, берутся поучать других идеям гуманности и умеренности после победы»⁵⁷.

Пересмотр Симоносекского договора разочаровал Слонимского, сожалевшего о том, что японцам пришлось отказаться от Порт-Артура, критиковавшего франко-германо-российское вмешательство и одобрявшего политику Англии. Однако он надеялся, что Россия не станет больше выступать против Японии, а «голоса наших мнимых патриотов, толкающих нас в объятия Китая, не будут услышаны руководителями нашей дипломатии»⁵⁸. Месяц спустя Слонимский обвинил консервативную печать в безответственности, доказывая, что Россия не нуждается в приобретениях в Корее или Маньчжурии, а экспансионистские публикации в русской прессе и критика ею японского шовинизма лишь подрывают доверие к Петербургу на Западе и Востоке⁵⁹.

В других либеральных журналах японофильство проступало не столь резко, как в «Вестнике Европы». Либерально-народническое «Русское богатство», обычно искавшее в международных делах экономическую подоплёку, долго не замечало японо-китайскую войну. Вплоть до конца 1894 г. журнал публиковал

⁵² Там же. № 11. С. 228.

⁵³ *Хитрово М.А.* Японские мотивы // Вестник Европы. 1894. № 12. С. 781–782.

⁵⁴ *Спектатор [Грингмут В.А.]* Текущие вопросы международной политики. V. Японская цивилизация // Русское обозрение. 1891. № 5. С. 385–393; *Грингмут В.А.* Россия на Дальнем Востоке // Московские ведомости. 1900. 6 сентября. № 249. С. 1–2.

⁵⁵ См., в частности: *Максимов А.Я.* Наши задачи на Тихом океане. СПб., 1894.

⁵⁶ [*Слонимский Л.З.*] Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1895. № 5. С. 410–414.

⁵⁷ Там же. С. 417.

⁵⁸ Там же. С. 419–420.

⁵⁹ То же // Вестник Европы. 1895. № 6. С. 860–861.

слащавую повесть того же П. Лоти, который отличился антияпонской статьёй в «Русском обозрении»⁶⁰. Япония представлялась ему «ничтожной, мелкой, лишённой жизненности, лишённой будущего, мумией»⁶¹. Редакция напечатала также перевод написанной ещё до войны статьи германского социал-демократа П. Эрнста об экономике Страны восходящего солнца⁶². В ней реформы Мэйдзи рассматривались как пример развития капитализма под суверенным руководством императора. Эрнст, отмечавший «патриотическое одушевление японцев и нравственное растрепывание китайцев», считал Японию опасным конкурентом России, стремящимся к захвату новых рынков⁶³. В редакции, судя по сделанному примечанию, думали, что «предлагаемая статья, весьма интересная сама по себе, приобретает двойной интерес в виду крупных политических событий, ныне совершающихся на Дальнем Востоке. Вторжение капитализма в Японию разоряет японский народ, подрывает земледелие и создаёт пролетариат»⁶⁴.

В январе 1895 г. своё мнение о происходившей войне высказал обозреватель журнала, народник С.Н. Южаков, уверявший, что в Токио перешли к внешним захватам из-за невозможности продавать продукты питания на сокращающемся внутреннем рынке. Впрочем, и он писал, что «свободный японский гражданин одержал победу над отсталым китайцем»⁶⁵. В июне 1895 г. эту же мысль развивал в политико-юридическом очерке А. Фридман, изложивший ход реформ Мэйдзи и опубликовавший почти полный текст появившейся благодаря им конституции и краткий пересказ нескольких ключевых законов⁶⁶. Месяц спустя Южаков подвёл итог конфликта: «Экономическое развитие Японии по западноевропейскому капиталистическому образцу должно было и роковым образом привело к экономическому кризису; его разрешение и исцеление можно было искать во внутренних реформах, которые дали бы помощь народному хозяйству, или же в приобретении внешних рынков»⁶⁷. Видя желание Японии аннексировать Корею, публицист, однако, не сомневался, что европейские державы этого не допустят. В то же время, указывая на то, что Россия и Франция извлекли выгоду из совместной поддержки Китая, в журнале признавали Тайвань стратегически более важным, чем Порт-Артур и Маньчжурия, и не исключали возобновления боёв, поскольку японские войска оставались в Китае, а их флот и пограничные группировки готовились к войне. В отличие от «Вестника Европы», «Русское богатство» осуждало пренебрежительное отношение к азиатам, хотя и обращало внимание на физическую слабость японских и китайских работников, трудившихся в 5–8 раз меньше русского рабочего⁶⁸.

Другое либерально-народническое издание, «Северный вестник», с осени 1894 г. регулярно анализировало ход японо-китайской войны. Его обозреватель Л.А. Полонский занимал позицию, во многом близкую к «Вестнику Европы». Так, он с самого начала осуждал связи Англии с Китаем и настаивал на том,

⁶⁰ Лоти П. Госпожа Кризантэм. Рассказ о Японии // Русское богатство. 1894. № 10. С. 154–190; № 11. С. 180–200; № 12. С. 93–125.

⁶¹ Там же. № 12. С. 124.

⁶² Эрнст П. Экономическое развитие Японии // Русское богатство. 1894. № 11. С. 88–110.

⁶³ Там же. С. 89.

⁶⁴ Там же. С. 88.

⁶⁵ Южаков С.Н. 1894 год (Из современной хроники) // Русское богатство. 1895. № 1. С. 194–197, 210.

⁶⁶ Фридман А. Современная Япония // Русское богатство. 1895. № 6. С. 136–147.

⁶⁷ [Южаков С.Н.] Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 7. С. 145.

⁶⁸ Там же. С. 150–153.

что «симпатии европейцев должны бы быть на стороне Японии, так как настоящая война является борьбой на крайнем востоке европейской цивилизации, представляемой Японией, со своеобразной и косной китайской культурой». Вместе с тем его беспокоило чрезмерное усиление вооружённых сил Японии, открывавшее перспективу её превращения в великую державу⁶⁹. После Симоносекского мира Полонский не разделял возмущения японскими претензиями на Ляодун и доказывал, что Россия заинтересована в мире и не нуждается ни в Корее (кроме приграничной зоны), ни в Порт-Артуре⁷⁰. Как и Слонимский, он нередко сравнивал русских консерваторов с китайцами.

Л. Павлов знакомил читателей «Северного вестника» с климатом Японии, приводил этнографические сведения о японцах, уважительно отзываясь об их национальном характере, быте и особенностях вестернизации. Причину войны он усматривал во внутривосточном кризисе, выразившемся, в частности, в пятикратном роспуске императором парламента⁷¹. Граф Л.А. Камаровский, пытавшийся «глубже взглянуть на самую природу войны» и призывавший «уничтожить войну, сохранив борьбу», заключал (не упоминая, впрочем, о происходившем на Дальнем Востоке): «Белая раса, вероятно, ещё надолго удержит за собою высокое, первенствующее место в мире, на что ей даёт право её прошлое и её высшие пока свойства и цивилизация. По отношению же к цветным расам она должна стремиться не к порабощению их, а к их постепенному воспитанию в духе нашей, более глубокой и широкой культуры, насколько это позволяют особенности их природы. Но для такой многотрудной задачи и для того, чтобы не быть подавленными численным превосходством азиатов, европейским народам нужно прежде всего быть внутри себя самих крепкими, согласными и не расточать бесплодно свои богатые дарования и силы на одни лишь вооружения и перевооружения. Великие, ожидающие их в будущем задачи не таковы, чтобы рассекаться мечом, а требуют от них всех — более всего в интересах их же самосохранения — политики терпеливой, дальновидной, мирной, истинно-человечной»⁷².

Среди либеральных журналов чаще всего о японо-китайской войне писала «Русская мысль». Если в «Северном вестнике» сюжеты, связанные с конфликтом на Дальнем Востоке, рассматривались в 1894—1895 гг. в восьми публикациях, в «Вестнике Европе» — в семи, а в «Русском богатстве» — в пяти, то в «Рус-

⁶⁹ [Полонский Л.А.] Политическая летопись // Северный вестник. 1894. № 9. С. 87—91; № 10. С. 91—93; № 11. С. 79; 1895. № 3. С. 125—127; Областной отдел // Северный вестник. 1895. № 4. С. 14—15.

⁷⁰ [Полонский Л.А.] Политическая летопись // Северный вестник. 1895. № 5. С. 47—52.

⁷¹ Павлов Л. Страна восходящего солнца // Северный вестник. 1894. № 12. С. 25—41.

⁷² Камаровский Л. О значении войны для современного общества // Северный вестник. 1895. № 2. С. 128, 138, 141. Рассуждая о «белой расе — этой носительнице высшей христианской культуры», граф утверждал, что она «отличается, быть может, отчасти вследствие её тысячелетней культурной работы, наследственности и воспитания, многими особенностями пред людьми цветными: мозг европейца средним числом весит около 1 534 грамм, негра из Африки около 1 371 гр., а туземца из Австралии не более 1 228 гр. Самое развитие его, несмотря на значительные усилия, у низших рас останавливается на известной стадии, из-за причин чисто физиологических, лежащих в их организме». Однако, пояснял он, «этим, конечно, мы не хотим сказать, чтобы люди иных рас не имели такое же право, как и мы, на политическую независимость и развитие. Напротив. Почти все антропологи приходят в наше время к заключению, что племена, заселяющие ныне землю — общего происхождения и что лишь жизнь в разных условиях заставила их измениться и развиться в ту или другую сторону. На то же указывают и современные психологи и историки культуры» (Там же. С. 137—141).

ской мысли» их насчитывалось десять. Причём девять из них принадлежали перу В.А. Гольцева, фактически руководившего изданием. В первой же заметке о начале боевых действий он, выражая надежду на скорое их завершение, называл Японию «наиболее культурным», а Китай — «наиболее отсталым» государством региона⁷³. Месяц спустя его уже волновала судьба Кореи, подчинение которой Китаю или Японии признавалось нежелательным. Но не исключал он и то, что война «может принести России выгоду, ослабивши обе стороны»⁷⁴. Естественно, это не мешало ему возмущаться циничными замечаниями немецких газет о том, что японо-китайская резня и даже убийства европейцев в Китае выгодны Германии, поскольку дают ей повод как для вмешательства, так и для поставок вооружения. Со своей стороны, либеральный публицист декларировал пацифистские идеи и осуждал всякий милитаризм⁷⁵.

В следующем номере «Русской мысли» подробно рассказывалось об истории и географии Кореи, а также характеризовалось состояние китайской и японской армий⁷⁶. В октябре 1894 г. Гольцев вступил в полемику с Грингмутом, заявив о том, что не может «с точки зрения русского государственного эгоизма» желать продолжения кровопролития. Как ему представлялось, «государственный эгоизм далеко не тождествен с существенными интересами европейского христианского государства», а «Россия настолько велика и могуча, что может в международных отношениях служить святому делу мира и справедливости». И соответственно «штатские полководцы и государственные люди, заведующие тем или другим отделом “Русского обозрения”, заслуживают осуждения не только на основании современного международного права, но и на основании великих заповедей нравственности, которые они хотят изгнать из политики»⁷⁷. Сравнивая Грингмута с Бисмарком, Гольцев обвинял его в проповеди «грубой, кровожадной, антихристианской международной политики». Свою задачу либеральный обозреватель видел в ознакомлении читателей с текущими событиями, которым, разумеется, надлежало дать нравственную оценку, тогда как «захватывать территории, поддерживать внешний престиж нашего отечества — не наше дело, и соперничать в этом отношении с “Русским обозрением” мы отказываемся»⁷⁸.

Гольцев критически отзывался как о колониальных захватах Англии и Франции, так и о русском экспансионизме, но при этом надеялся на «полюбовное соглашение» Петербурга и Лондона, способное урегулировать их споры в Азии. В «Русской мысли» хвалили декларации японского командования о гуманном обращении с пленными, полагая, что «победы японцев являются результатом подъёма этого народа в духе европейского просвещения и учреж-

⁷³ [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. № 7. С. 134.

⁷⁴ То же // Русская мысль. 1894. № 8. С. 193.

⁷⁵ Там же. С. 194.

⁷⁶ То же // Русская мысль. 1894. № 9. С. 192–194.

⁷⁷ То же // Русская мысль. 1894. № 10. С. 206. Отвечая на подобные упреки, Грингмут впоследствии небезосновательно утверждал, что «все натяжки о служении какому-то “общему” благу вместо ясно определённой цели служения собственному Отечеству и его благу, представляют собой нагромождение софизмов, находящихся в противоречии с самыми основными началами государственного устройства, которые на практике, как и всё искусственное, могли бы привести к совершенно отрицательным результатам» ([Грингмут В.А.] Альтруизм или национальная политика? // Московские ведомости. 1898. 10 марта. С. 1).

⁷⁸ [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1894. № 10. С. 207.

дений»⁷⁹. Их успехи казались публицисту не только закономерными, но и выгодными для России: «Громадная империя... почти сокрушается под ударами энергичного сорокамиллионного народа, усвоившего себе основы европейской цивилизации. Грозная на вид Поднебесная империя — это пресловутое царство самобытного застоя — рассыпается, как плохо цементированная стена. Ослабление нашего соседа в Кульдже и на Амуре может принести значительную пользу нашим национальным интересам, устраняя опасность вооружённых столкновений с Китаем»⁸⁰. О том, что заполнит образующуюся пустоту и насколько новая обстановка будет способствовать стабильности российской границы от Восточного Туркестана до Маньчжурии, в журнале не задумывались. Полагаясь на мнение синолога Т. Уэйда, Гольцев с радостью предрекал не только скорое крушение китайской государственности, но и поражение Японии в её грядущем столкновении с европейскими державами. Ведь в «Русской мысли» не сомневались ни в полном совпадении в регионе интересов Англии, Франции и России, ни в том, что война 1894—1895 гг. «блистательно доказала превосходство европейского духа, громадную пользу своевременных заимствований из того, что создано многовековою цивилизацией»⁸¹.

Когда в марте 1895 г. начались мирные переговоры, Гольцев выразил надежду на то, что шовинизм немецкого или французского типа не заразит японцев, в чьих достижениях он усматривал «победу европейского просвещения и гражданственности над многовековым застоём». Впрочем, по словам публициста, и «для Китая, как это нередко бывало в истории, постигнувший его военный разгром может послужить причиною внутреннего обновления, может пробудить народ, усыпленный в закаменелых формах государственной жизни»⁸².

Узнав о Симоносекском договоре, Гольцев впервые обеспокоился усилением Японии. Вдруг оказалось, что «появление нового и сильного соседа для нашего Приамурья — это вопрос важный. Громадный, но слабый Китай не представлял для нас опасности; тот же Китай, который может пробудиться от своей самобытности под влиянием тяжких поражений, в соединении с Японией составляет уже большую опасность». «Русская мысль» по-прежнему настаивала на том, чтобы Англия, Франция, Германия и Россия совместно и единодушно обеспечили независимость Кореи от японского влияния. Тогда, уверял читателей Гольцев, «в случае уступок со стороны Японии европейским требованиям, для этой страны и для Китая наступит эпоха мирного и быстрого промышленного развития. В противоположном случае неизбежно военное столкновение с Японией, исходом которого при дружном действии европейцев будет неизбежное поражение Японии»⁸³. А затем, если и в Китае «начнут прививаться европейские учреждения и идеи», России неизбежно придётся ввести их у себя.

В апреле 1895 г., после предъявления Японии ультиматума трёх держав, «Русская мысль» солидаризировалась с «Вестником Европы», выступив против консерваторов: «Многие из наших повременных изданий яростно нападают на японцев и ищут чуть ли не войны с ними. Никаких оснований для подобного рода нападений и стремлений мы не видим. Японское правительство, после блистательных побед, держит себя с замечательным тактом, отличается редкой

⁷⁹ То же // Русская мысль. 1894. № 11. С. 203.

⁸⁰ Там же. С. 204.

⁸¹ В.А.Г. [Гольцев В.А.] Иностранное обозрение // Русская мысль. 1895. № 2. С. 187.

⁸² То же // Русская мысль. 1895. № 3. С. 212.

⁸³ То же // Русская мысль. 1895. № 4. С. 158.

умеренностью»⁸⁴. Впрочем, вскоре тот же Гольцев начал пересказывать своими словами идеи Э. Лависса: «На Дальнем Востоке поднялась Япония, которая может сыграть по отношению к жёлтой расе такую же роль, какую играла Македония в греческом мире, Пруссия в германском. И тогда произойдёт, в мире или войне, ужасная борьба между белой и жёлтой расами»⁸⁵.

На страницах «Русской мысли» появилась также пространная компилятивная работа Л.А. Кириллова, написанная ещё до войны на основании шести иностранных книг⁸⁶. Пренебрежительно отзываясь о Китае, Кириллов называл Японию «юным членом семьи цивилизованных народов», способным «проводить в жизнь основные начала европейской культуры». Она уподоблялась Англии, сумевшей перейти от феодализма к «требованиям времени», минуя абсолютизм. Предпосылкой её успешной вестернизации, согласно концепции Кириллова, явилось соединение в раннем средневековье китайско-корейской культуры и варварского, родового строя, приведшее к созданию самурайского феодализма. Два столетия мирной изоляции в эпоху Токугава позволили японскому обществу спокойно подготовиться к усвоению «европейской цивилизации»⁸⁷. Революция Мэйдзи напоминала автору реформы Александра II. В Японии также «все видели необходимость дальнейшего движения вперёд. Народный ум с жадностью осваивался с новым миром мыслей, который был принесён к нему с Запада, и дальнейшие преобразования во всех областях народной жизни продолжали производиться не из подражания иностранным образцам и страсти к нововведениям, а из сознания острой необходимости строить новое здание на развалинах старого порядка»⁸⁸. Кириллов не скрывал симпатии к либерализму, самоуправлению, парламенту, конституции 1889 г., независимым судам, реформам образования и т.д., хотя и указывал на противоречия, существовавшие, например, в аграрной сфере. Японскую армию публицист считал образцовой. В целом же, японский опыт в подобной интерпретации убеждал русских читателей в том, что «действительное и полное перерождение страны является лишь вопросом времени», а «изменившиеся формы общественных отношений должны неминуемо оказать влияние и на изменение их духа»⁸⁹. Наивность такого рода прогнозов вполне соответствовала духу и уровню либеральной журналистики конца XIX в.

В конце XIX в. Дальний Восток и японо-китайское соперничество оставались для русской общественности достаточно новым и малознакомым сюжетом. Поэтому органы печати широко пользовались возможностью настраивать читающую публику в том или другом направлении. Так, консервативные публицисты (Шарапов, Грингмут, Тихомиров, Татищев) открыто сочувствовали Китаю и предвидели неизбежный конфликт между Россией и Японией. Либералы (Слонимский, Полонский, Гольцев) зачастую пренебрежительно смотрели на «жёлтую расу», но приветствовали вестернизацию и потому склонны были идеализировать Японию и, наоборот, воспринимать Цинскую империю как символ застоя и консерватизма, ведущего к упадку и распаду. Либераль-

⁸⁴ То же // Русская мысль. 1895. № 5. С. 208.

⁸⁵ То же // Русская мысль. 1895. № 6. С. 171.

⁸⁶ Кириллов Л.А. Япония, её государственный, общественный и экономический строй // Русская мысль. 1894. № 10. С. 79–97; № 12. С. 113–129.

⁸⁷ Там же. № 10. С. 79, 81–90.

⁸⁸ Там же. № 12. С. 113.

⁸⁹ Там же. С. 127.

ные народники «Русского богатства» рассматривали войну 1894–1895 гг. как следствие капиталистического развития и поиска Японией внешних рынков. Характерно, что вся либеральная пресса преуменьшала значение для России Кореи, Ляодунского полуострова и Маньчжурии и либо вовсе отрицала целесообразность экспансии в данном регионе, либо сводила её к минимуму. Только после Симонсекского мира и в этих кругах начали осознавать опасность усиления Японии. В то время как консервативные издания и народническое «Русское богатство» пытались предложить собственную программу действий, «Вестник Европы», «Северный вестник» и «Русская мысль» предпочитали защищать не государственные интересы, а отвлечённые идеалы и нравственные ценности.

И всё же журнальные споры середины 1890-х гг. не пропали даром. В последующие годы дискуссия о целях и методах дальневосточной политики России только усиливалась. А мнения, звучавшие в печати, отражались затем в аналитических записках и размышлениях министров, военных и дипломатов в период переориентации центра тяжести российской внешней политики на Дальний Восток⁹⁰.

⁹⁰ См., например: Коренные интересы России глазами её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов: документальная публикация / Сост. И.С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 48–151.

«Малороссийские партизаны»: Белое движение и повстанцы на Киевщине (сентябрь 1919 — январь 1920 г.)

Антон Чемакин

«Little Russian partisans»: The White Movement and the rebels in the Kiev region (September 1919 — January 1920)

Anton Chemakin

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24010109, EDN: CHSUFC

Вечером 10 сентября 1919 г.¹ киевляне, проходившие мимо пересечения Музыкального переулка и Прорезной улицы, расположенных неподалёку от Крещатика, могли наблюдать необычную картину проводов на фронт 1-го Малороссийского добровольческого партизанского отряда. Торжественная церемония проходила около его штаба, который располагался в доме № 1 по Музыкальному переулку. Атаман И.Т. Струк произнёс напутственную речь, провозгласил здравицы в честь Добровольческой армии и её вождей, партизан и их предводителей. Слова его были покрыты криками «Ура!» и «Слава!». «После речей раздалась команда “на молитву”, — писал репортёр одной из правых газет Киева. — Седой крестьянин с характерными большими усами и мужественным лицом громко прочёл среди наступившей тишины молитву Господню (“Отче наш”)». Затем отряд двинулся за город, тепло провожаемый многочисленной толпой, ещё долго следовавшей за ним². Отчёты о проводах струковцев появились на страницах многих киевских изданий, причём единственное различие в этих описаниях состояло в том, что консервативная пресса именovala язык, на котором Струк сказал часть своей речи, «малорусским», а либеральная — «украинским»³.

Впрочем, далеко не все киевляне были рады включению партизан Струка в ряды Вооружённых сил Юга России (ВСЮР). Примерно в те же дни местная печать сообщала о погромах, совершённых различными армиями и бандами, и, в частности, о том, что струковцы разгромили 41 населённый пункт и убили около тысячи евреев. Большая часть этих погромов происходила в апреле 1919 г.: «Шайка свирепствовала в самом Чернобыле и разгромила Горностайполь и Иванков. В промежутках струковцы убивали и грабили в целом ряде

© 2024 г. А.А. Чемакин

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00071, <https://rscf.ru/project/23-28-00071/>

¹ Все даты в статье даны по юлианскому календарю.

² Атаман Струк в Киеве // Вечерние огни. 1919. 11 сентября. № 21. С. 2.

³ Атаман-полковник Струк // Русь. 1919. 11 сентября. № 26. С. 2; Атаман Струк // Киевлянин. 1919. 12 сентября. № 19. С. 2.

окрестных сёл и деревень, в особенности по берегам Днепра, где они останавливали пароходы и подвергали евреев утоплению»⁴.

Разговоры о подобных «подвигах» Струка заставили его опубликовать открытое письмо, опровергавшее распространившиеся слухи: «С начала занятия Украины большевиками я объединил вокруг себя весь благомыслящий элемент нашего крестьянства Чернобыльского и части Киевского уезда для всемерной борьбы с коммунизмом. Не отрицаю, что бывали случаи, когда еврейское население страдало от повстанцев, но это происходило лишь потому, что большинство солдат-красноармейцев состояло из евреев, уничтожавших и громивших наше имущество и наши семьи и проявлявших бесчеловечную жестокость в своих расправах». Атаман признавал, что «много тёмного элемента, изгнанного мною из моего отряда, пользовалось моим именем, производило бесчинства и бросало на меня тем тень плохой молвы», но утверждал, будто порою сами красноармейцы «глумились и бесчинствовали над еврейским населением и крестьянами и называли себя струковцами». Объявляя о том, что он со своим отрядом присоединился к Добровольческой армии и переформировывает его в регулярную часть для продолжения борьбы с большевизмом, Струк просил «во избежание недоразумений прекратить безответственную травлю и чернение партизан и меня и оставить столь приевшийся нам слог большевистских газет». Евреям предлагалось «не беспокоиться за свою судьбу и возвращаться в свои места»⁵.

Кем же был Струк и кто стоял за созданием Малороссийского партизанского отряда? Как получилось, что банда, за полгода до этого именовавшаяся Первым революционным партизанским отрядом имени Петлюры и устраивавшая многочисленные погромы, вдруг перекрасилась в «национально-русские цвета», как выражался еврейский общественный деятель Н.И. Штиф⁶, и влилась в Белое движение? Малороссийский отряд вскользь упоминается во многих исследованиях, хотя иногда его ошибочно именуют «Малороссийским конным полком»⁷ или смешивают с одесским «Отрядом священного долга»⁸. Сравнительно подробно о нём говорится в книге киевского публициста Р.Н. Ковалёва⁹, однако её автор увлёкся апологетикой атамана и пересказом его мемуаров¹⁰. Между тем, как справедливо отметил одесский историк В.А. Савченко, в воспоминаниях Струка «реальные события фальсифицированы настолько, что их зачастую просто трудно узнать». Неудивительно, что из-за недостатка источников и в работе самого Савченко встречается ряд ошибок¹¹.

Илья Тимофеевич Струк родился в декабре 1896 г. в деревне Грини Горностаепольской волости Радомысльского уезда Киевской губ. в семье крестьян-середняков. Сам он рассказывал, что выучился на народного учителя, преподавал в течение двух лет, а с 1914 г. будто бы служил на Балтийском флоте на яхте «Штандарт», затем в 18-м пехотном Вологодском полку, слушал курс

⁴ Погромы на Украине // Киевская жизнь. 1919. 7 сентября. № 11. С. 1.

⁵ Письмо атамана Струка // Киевлянин. 1919. 19 сентября. № 24. С. 2.

⁶ Штиф Н.И. Погромы на Украине (Период Добровольческой армии). Берлин, 1922. С. 56.

⁷ Тинченко Я.Ю. Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев; Львов, 1997. С. 21.

⁸ Гагуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 375.

⁹ Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю. 33 біографії. Київ, 1998. С. 385–393.

¹⁰ Текст воспоминаний Струка см.: Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далее — ЦДАВО України), ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 31–66.

¹¹ Савченко В.А. Авантюристы гражданской войны. Историческое расследование. Харьков; М., 2000. С. 247–248.

в Виленской юнкерской школе, снова оказался на фронте в 303-м пехотном Златоустовском полку (на самом деле часть имела № 330), несколько раз был ранен и лечился в Москве и Киеве. За боевые заслуги Струк якобы получил солдатские Георгиевские кресты всех четырёх степеней и чин капитана¹², что не подтверждается ни одним документом и, очевидно, является вымыслом. 1917 г. он встретил в 51-м запасном полку в Тверской губ., и лишь про это его место службы сохранилось свидетельство от одного из сослуживцев¹³.

После Февральской революции Струк активно занимался украинизацией армии и, в частности, организацией различных украинских частей, принимал участие в боях в Киеве осенью 1917 и в январе 1918 г.¹⁴ Весной 1918 г. его назначили инструктором Центральной рады на Чернобыльщине, но из-за гетманского переворота ему пришлось перейти на нелегальное положение¹⁵. В конце осени 1918 г., когда началось антигетманское восстание, он возглавил отряд, сформированный украинскими эсерами¹⁶. Первоначально повстанцы действовали в районе Иванкова и Горностайполя, а затем появились в Чернобыле, где присоединились к отряду имени Петлюры. Струк выпустил целый ряд ярких воззваний самостийнического характера, часто проводил манифестации, призывая к борьбе за «неньку-Украину». В то же время он вымогал «контрибуции» и арестовывал зажиточных людей, освобождая их за приличный выкуп. В конце января 1919 г. вышел приказ Струка, предписывавший перевести все вывески в Иванкове на украинский язык¹⁷. Атаман и прежде подчинялся властям Украинской народной республики (УНР) лишь условно, а после того, как большевики взяли Киев, решил перейти на сторону красных. Революционный отряд партизан имени Петлюры был переименован в Первый революционный партизанский повстанческий полк, в котором имелись полковой совет, комиссар и представитель Коммунистической партии¹⁸. Атаман, обращаясь к «товарищам беднякам», уверял их, что «все за порядок и поддержание наших борющихся бедняков в лице справедливой советской власти, которая единственно только пришла на помощь и выручку нас как братьев на Украине»¹⁹. Полк отправили на фронт в район Бородянки, но вскоре Струк вместе с несколькими своими приверженцами дезертировал и вернулся в Горностайпольскую волость²⁰. Порвав с красными, он собрал новый отряд и поднял восстание. К апрелю 1919 г. под его контролем находилась значительная часть севера Киевской губ., включая захваченный Чернобыль. Три недели пребывания Струка в городе превратились в непрекращающийся погром — евреев грабили, убивали, топили в реке²¹. В обращении к селянам Струк заявлял: «Мы не признаём жидов и коммунистов, а боремся за ваши права»²².

¹² ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 34–35 об.

¹³ Центральний державний архів громадських об'єднань та українців, ф. 263, оп. 1, д. 69671, т. 1, л. 135.

¹⁴ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 35 об.–40.

¹⁵ *С. Памяти І. Струка // Трудова громада. 1919. 17 серпня. № 40. С. 6.*

¹⁶ *Партизани // Вечерні вогні. 1919. 13 серпня. № 23. С. 2.*

¹⁷ Державний архів Київської області (далее — ДА КО), ф. 3050, оп. 1, д. 162, л. 22–22 об. Автор выражает признательность С.В. Машкевичу за возможность ознакомиться с данными материалами.

¹⁸ Там же, л. 26 об.

¹⁹ Там же, л. 28 об.

²⁰ ЦДАВО України, ф. 3204, оп. 1, д. 17, л. 1 об.

²¹ *Гусев-Оренбургский С. Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г. Пг., [1923]. С. 55–62.*

²² ЦДАВО України, ф. 1845, оп. 1, д. 1, л. 27.

Заметную роль в дальнейшей судьбе Струка сыграло так называемое Куренёвское восстание. 28 марта 1919 г. повстанцы захватили северные предместья Киева, в том числе Куренёвку, а некоторые их отряды доходили даже до центра города, и какое-то время нельзя было исключать, что его могут взять плохо вооружённые крестьяне. Весь день на окраинах Киева шли уличные бои, после чего повстанцев оттеснили в сторону Пуща-Водицы²³. Первоначально в газетах характеризовали восставших как «банду городских хулиганов», объединившуюся с «межигорскими кулаками»²⁴. В советское время организация восстания приписывалась петлюровской и деникинской разведкам, выполнявшим заказ их «иноземных хозяев»²⁵, а в украинской историографии — Струку²⁶, который в своих мемуарах утверждал, будто его армия насчитывала 35 тыс. человек и дошла до Крещатика, повесив на здании городской думы флаг УНР²⁷. В действительности же атаман находился в тот день в Чернобыле, хотя некоторые его люди могли участвовать в боях на Куренёвке (в одном из интервью осенью 1919 г. Струк говорил, что «большая наша группа случайно докатилась до самого Киева»²⁸).

На самом деле выступление готовили местные монархисты, сумевшие поднять крестьян нескольких волостей под лозунгами борьбы с коммуной и защиты православной веры. Их военным руководителем являлся полковник Ричард Ричардович Кейхель. Будущий лидер киевского монархического подполья происходил из немецкой лютеранской семьи потомственных почётных граждан. Он родился в 1890 г., окончил в 1911 г. Киевское военное училище, служил подпоручиком в Зарайске, но в декабре 1912 г. за пьяный дебош был уволен в отставку²⁹. Первая мировая война дала ему шанс вернуться в строй — Кейхель служил подпоручиком, а затем поручиком в 25-м сапёрном батальоне, был награждён несколькими орденами. В конце февраля — начале апреля 1918 г., будучи уже полковником в войсках УНР, он исполнял обязанности главноначальствующего в Фастове и его округе (Васильковский, Сквирский и Таращанский уезды). 15 мая 1918 г., вскоре после гетманского переворота, Кейхель был назначен старостой Ялтинского уезда, но в новую должность так и не вступил, поскольку в реальности Крым украинскими властями не контролировался. Проживая в своей усадьбе в Фастове, он в начале июля обратился к киевскому губернскому старосте с просьбой предоставить ему место Васильковского поветового (уездного) старосты, ссылаясь на желание «работать для создания и укрепления на Украине государственности и порядка», а также на то, что «хорошо ознакомился с положением этих уездов и особенно Васильковского»³⁰. Возглавив повет, полковник, по свидетельству очевидца, стал «насаждать порядок»³¹. В ноябре, перед самым началом антигетманского восстания, он

²³ Там же, ф. 1122, оп. 2, д. 3, л. 9–9 об., 14–15.

²⁴ Довольно церемониться! // Большевик. 1919. 11 апреля. № 2. С. 1.

²⁵ Голиченко В.Д. Вартові революції. Київ, 1966. С. 32.

²⁶ Коваль Р. Отамани Гайдамацького краю... С. 383–384.

²⁷ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 42–43.

²⁸ Год партизанщины (беседа с атаманом Струком) // Киевское эхо. 1919. 19 сентября. № 24. С. 2.

²⁹ РГВИА, ф. 400, оп. 15, д. 4045, л. 1–61.

³⁰ ДА КО, ф. Р-2797, оп. 1, д. 35, л. 1.

³¹ Драбкина С.М. Крах продовольственной политики германских империалистов на Украине (февраль–июль 1918 года) // Исторические записки Института истории АН СССР. Т. 28. М., 1949. С. 88.

попытался разоружить располагавшихся в Белой Церкви сечевых стрельцов, но в итоге его отряду пришлось отступить на Сквиру³². После захвата Киева петлюровцами Кейхель перешёл на нелегальное положение. По его словам, 1 декабря 1918 г. он был оставлен в городе «определённой группой государственных деятелей» (по-видимому, из Монархического блока) для политической работы³³.

После подавления Куренёвского восстания разбитые его участники присоединились к Струку, а полковник Кейхель, именовавший себя теперь атаманом Романом Романовичем Клименко, стал командиром Второго партизанского повстанческого полка³⁴ и начальником штаба струковской «армии»³⁵. Хотя в пропагандистских материалах повстанцев сохранялась риторика, направленная против «коммуны, московского и жидовского засилья»³⁶, их общий тон изменился. Некоторые листовки стали выходить одновременно на украинском и русском языках, а читатели призывались «на защиту нашей родины» и «опозоренной православной Церкви»³⁷. От имени обоих атаманов они обещали жителям, что «пройдёт самое короткое время, и под звон колоколов в Киев войдут крестьяне и рабочие, поднявшиеся защищать свою родную землю и православную веру»³⁸. Отряд Клименко, признавая руководство Струка, фактически действовал отдельно, грабя евреев на Днепре. Захватывая пароход, повстанцы делили пассажиров на русских и евреев, после чего последних или топили в реке, или требовали с них выкуп за спасение жизни. Руководил всем лично Клименко — «человек средних лет, здоровый... в красной военной форме»³⁹.

В мае 1919 г. партизаны, разбитые красными и вынужденные покинуть Чернобыль, рассеялись по лесам, откуда совершали вылазки разрозненными группами. Со временем Струку удалось восстановить отряд и перейти к активным рейдам⁴⁰. Кейхель в начале июня 1919 г. вернулся в Киев и занялся подготовкой нового восстания, но после ареста его матери и ближайшего друга и помощника кн. Н.Н. Касаткина-Ростовского вновь бежал из города и два месяца скрывался в Сквире. 27 августа он объявился в уже занятом белыми Киеве, надеясь на внимательное и радушное отношение, но узнал, что для бывших гетманцев должностей нет, а ему предстоит пройти реабилитационную комиссию. Не желая сидеть на месте, полковник послал своих людей к генерал-лейтенанту Н.Э. Бредову и получил от него приказ объединить все партизанские отряды и принять над ними командование. Считая себя хорошо знакомым с местными условиями и повстанческим движением, Кейхель полагал «крайне необходимым отвлечь крестьянскую массу от украинско-петлюровского дви-

³² Кучабський В. Корпус січових стрільців: воєнно-історичний нарис. Ювілейне видання 1917–1967. Чикаго, 1969. С. 149, 152.

³³ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 53, л. 1.

³⁴ ЦДАВО України, ф. 1845, оп. 1, д. 1, л. 40.

³⁵ Там же, л. 59.

³⁶ ДА КО, ф. 3050, оп. 1, д. 162, л. 31.

³⁷ Державна наукова архівна бібліотека, фонд «Україніка», № 13223сл, листовка «К рабочим города Киева».

³⁸ ДА КО, ф. 3050, оп. 1, д. 162, л. 27.

³⁹ Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и Европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг. Сборник документов / Отв. ред. Л.Б. Милякова. М., 2007. С. 94–98.

⁴⁰ РГВА, ф. 25860, оп. 1, д. 206, л. 215 об., 228.

жения и привлечь её к работе на пользу Добровольческой армии»⁴¹. «Зная точно настроение крестьянства в Малороссии, их особенности, — объяснял он впоследствии свой замысел главноначальствующему Киевской области генералу от кавалерии А.М. Драгомирову, — я и решил привлечь крестьянскую массу на нашу сторону путём использования повстанцев в интересах армии. Руководило мною также и стремление предотвратить могущие быть осложнения национально-политического характера. Вследствие сего мною был создан, благодаря сочувствию генерала Бредова, отряд, названный Малороссийским в предположении, что при нашем быстром продвижении вперёд мне удастся корректным отношением партизан к крестьянам всецело привлечь их симпатии на сторону Добрармии»⁴². Как вспоминал В.В. Шульгин, «атаман Клименко составил не украинский — малороссийский отряд и там, значит, существовал»⁴³. Именно к нему и присоединился Струк.

В воспоминаниях Струка, надиктованных в 1921 г., когда он вновь переориентировался на УНР, утверждалось, что его отряд перешёл на сторону белых лишь потому, что петлюровцы отошли от Киева, не уведомив об этом атамана, и он оказался зажат между большевиками и деникинцами. В то время он якобы находился в Дымере, и туда к нему для переговоров приезжали от Деникина два капитана Генерального штаба — Епифанцев и Москвин, тогда как повстанцев представляли сам Струк и его начальник штаба полковник Клименко. В итоге, по словам атамана, 22 сентября 1919 г. они подписали договор, согласно которому войско Струка под названием «Первой повстанческой украинской армии» становилось частью ВСЮР. При этом деникинцы будто бы согласились с тем, что всё делопроизводство струковцев, включая переписку с центральными органами, останется на украинском языке, а их офицеры и солдаты сохраняют украинскую символику — тризубы на шапках и ленты национальных цветов в петлицах и «жовто-блакитный» флаг над штабом. На занятых повстанцами территориях должна была устанавливаться украинская власть; белые объявляли амнистию всем арестованным украинцам. В обмен на это Струк обещал держать фронт от Десны до Днестра и от Днестра по Ирпеню до Ковельской железной дороги, посылать своих представителей для урегулирования недоразумений между деникинским командованием и местным населением, вести разведку за линией фронта⁴⁴. Разумеется, этот «договор», приведённый в воспоминаниях атамана, был полностью им выдуман для оправдания перед петлюровцами. Белые, находившиеся на пике своих успехов, конечно, не стали бы делать такие уступки, шедшие вразрез с их политикой, банде, насчитывавшей всего несколько сотен человек. В реальности, конечно же, условия ставили именно белые, а не Струк.

Согласно рассказу штабс-ротмистра Собоцкого (Субботского), после прихода добровольцев в Киев туда съехались все командиры партизанских отрядов, действовавших в окрестностях против большевиков: полковник Кейхель—Клименко, сам Собоцкий, капитан Закусило, поручик Кожа, полковник Радковский. Посовещавшись, они решили, что Струк, «не умевший в своё время сдерживать разнузданность партизанов, должен явиться лично к генералу Бредо-

⁴¹ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 53, л. 1 об.

⁴² Там же, л. 2.

⁴³ «...Я иду с тем, что придёт». Рассказ В.В. Шульгина о жизни в эмиграции / Публ. Д.Б. Спорова // Диаспора. Новые материалы. Т. IX. 2007. С. 464.

⁴⁴ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 43—45.

ву с повинной и рассказать всю правду о чернобыльском, иванковском и горностайпольском погромах». Руководители повстанцев готовы были принять Струка в свою среду и обещали контролировать его деятельность в том случае, если он будет прощён Бредовым⁴⁵.

В начале сентября в Киеве поселился, не особо скрываясь, и сам Струк, чем сильно удивил тех, кто помнил о его прежних похождениях. Ещё 5 сентября 1919 г. чернобыльский крестьянин П. Мельниченко подал Бредову заявление, в котором констатировал, что «преступления и проступки бандита Струка как против Добровольческой армии, [так] и государства вообще, не поддаются описанию»: участие в самостийническом движении, переход на сторону советской власти, разгром помещичьих усадеб, утопление русских офицеров, возвращавшихся из немецкого плена, устройство еврейских погромов. «По имеющимся сведениям, — писал Мельниченко, — Струк является агентом и разведчиком Петлюры и с этой целью он теперь находится в Киеве». Тут же указывалось, что Струк находился на Подоле вместе с известными разбойниками Черненко и Шпаком. Свидетельские показания против него обещали дать помещики Меснянкин и С.М. Богданов (бывший депутат Государственной думы), акцизный надзиратель Кочан и евреи из Горностайполя Ковенский и Лисица. Подав аналогичные заявления киевскому губернатору, прокурору Киевского окружного суда, начальнику киевской контрразведки, Мельниченко просил Бредова «принять срочные меры к аресту означенного бандита»⁴⁶.

Однако, не дожидаясь ареста, атаман сам посетил Бредова, предложив свои услуги для операций в лесистом пространстве к северо-западу от Киева⁴⁷. 9 сентября газета «Вечерние огни» поведала читателям, что на днях в приёмной Бредова к ожидавшему в очереди полковнику подсел молодой офицер, и, когда речь зашла про местных повстанцев, заявил, что «так называемые банды Струка не питают никакой вражды к Добровольческой армии». На последовавший вопрос, откуда ему это известно, он ответил, что «мы сами струковцы», указав на своего спутника-прапорщика. Полковник полюбопытствовал, знакомы ли они с атаманом, и услышал от собеседника: «Честь имею представиться, я сам Струк, а это — мой помощник»⁴⁸. Гостя приняли весьма радушно. Как вспоминал штабс-капитан Е.Э. Месснер, «его первое появление в штабе произвело отличное впечатление: красивое, открытое лицо, своеобразная, энергичная речь, интересный доклад о предыдущей борьбе с красными, борьбе, когда, за отсутствием оружия, приходилось пускаться в ход самодельные пики, по месяцам скрываться в лесах, выжидая случая напасть на большевиков — всё это создало представление о Струке, как о незаурядном, умном и, видимо, честном человеке, на которого можно возложить задачу поднять крестьян»⁴⁹. Либерально настроенный белый офицер, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета М.А. Циммерман вспоминал, что Струк произвёл на него «очень благоприятное впечатление», несмотря на ходившие тёмные слухи: «Одни упрекали его в том, что он устраивал еврейские погромы, другие утверждали, что в конце 1917 г. он собственноручно расстреливал офи-

⁴⁵ Партизаны Струка // Киевское эхо. 1919. 14 сентября. № 21. С. 2.

⁴⁶ YIVO Institute for Jewish Research (далее — YIVO), RG 80, folder 31, p. 2855–2866; folder 82, p. 6039–6040; folder 211, p. 19208–19208 back.

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 492, л. 7.

⁴⁸ Атаман Струк // Вечерние огни. 1919. 9 сентября. № 19. С. 3.

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 492, л. 7.

церов». Но, заключал Циммерман, «во всяком случае это был человек энергичный и храбрый, имевший сотни две приверженцев, людей, которые были готовы идти за ним в огонь и воду»⁵⁰. Журналистам, беседовавшим с атаманом, он также пришёлся по душе. Как писал сотрудник газеты «Киевское эхо», у Струка «выразительное, мужественное молодое лицо», говорит он «просто и сдержанно, литературно строит речь»⁵¹. Бывал Струк и у редактора «Киевлянина» В.В. Шульгина⁵².

Генерал Бредов простил Струка и прикомандировал его к «1-му Малороссийскому добровольческому партизанскому отряду по борьбе с коммуной и анархией», объединявшему всех местных повстанцев. Их командиром стал полковник Кейхель—Клименко, Струк, получивший чин зауряд-полковника, числился его помощником, политическим отделом заведовал штабс-ротмистр Собоцкий (Субботский), обязанности начальника штаба исполнял полковник Радковский⁵³ (по другим сведениям — полковник кн. А.А. Друцкой⁵⁴). Сам Струк писал в мемуарах, что белые называли его «атаманом-полковником»⁵⁵, но ни в одном официальном документе не встречается такого чина (обнаружить его можно лишь в заголовке одной из статей газеты «Русь»). На фотографии, сделанной в период службы Струка в Белой армии, он запечатлён в погонах зауряд-полковника⁵⁶.

Легализация отряда произошла до приезда и, по всей видимости, против воли главноначальствующего Киевской области генерала А.М. Драгомирова, которому пришлось с ней смириться. Впрочем, каких-либо иллюзий у него не наблюдалось. «Наибольшее зло — это атаманы, перешедшие на нашу сторону, вроде Струка, — писал он Деникину в сентябре 1919 г. — Это типичный разбойник, которому суждена несомненно виселица. Принимать их к нам и сохранять их отряды — это только порочить наше дело. При первой возможности его отряд буду расформировывать»⁵⁷. Однако, по свидетельству Циммермана, главноначальствующий «не решился принимать слишком решительных мер и предоставил этот вопрос исключительно на усмотрение генерала Бредова»⁵⁸.

Уже 13 сентября «Вечерние огни» уверяли, что части отряда вышли в тыл противника и устраивают там при поддержке крестьян налёты на штабы, склады и базы красных. Партизаны выступали под лозунгом «Долой анархию и коммунизм! Да здравствует Учредительное собрание!»⁵⁹. «Екатеринославский вестник» ликовал: «“1-й Малороссийский добровольческий отряд” уже на фронте, а с ним его “бацько” Струк в золотых погонах. Слава Струка в Киевском уезде велика. Отряд растёт, как снежный ком»⁶⁰.

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 724, л. 28.

⁵¹ Год партизанщины (беседа с атаманом Струком) // Киевское эхо. 1919. 19 сентября. № 24. С. 2.

⁵² Шульгин В. 1920 г. Очерки. София, 1921. С. 41.

⁵³ Партизаны Струка // Киевское эхо. 1919. 14 сентября. № 21. С. 2.

⁵⁴ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 53, л. 2 об.

⁵⁵ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 46.

⁵⁶ Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее — ГДА СБУ), ф. 5, оп. 1, д. 9334, т. 1, л. 33.

⁵⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 5. Вооружённые силы Юга России. Берлин, 1926. С. 134.

⁵⁸ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 724, л. 33.

⁵⁹ Партизаны // Вечерние огни. 1919. 13 сентября. № 23. С. 2.

⁶⁰ 1-й Малороссийский добровольческий отряд // Екатеринославский вестник. 1919. 19 сентября. № 104. С. 1.

Собоцкий рассказывал корреспонденту газеты: «Идут к нам, как мухи на мёд. Приходят и махновцы, и григорьевцы, и зеленевцы, и петлюровцы. Представьте себе, нацепит погоны — куда его и дикость девалась. Уже тянется в струнку, говорит “никак нет”, “так точно”». Впрочем, радуясь такому пополнению, журналисты осознавали и связанные с ним риски: «Шаг, безусловно, правильный. Ибо кто же не знает, сколько вреда партизаны причиняют своим врагам. Однако с этими отрядами нужно быть начеку, ибо украинский повстанец особенно дик, жесток и своенравен. Превращение украинских повстанческих отрядов в регулярные боевые единицы должно вестись осторожно, с полным знанием быта и особенностей повстанцев, а главное, регуляризация партизанского отряда должна быть начата немедленно по изъятии повстанцами желанная воевать рука об руку с Добармией. Партизаны — палка о двух концах»⁶¹.

В начале ноября 1919 г. отряд, формально включённый в состав 9-й пехотной дивизии ВСЮР⁶², состоял из четырёх батальонов и ещё только формировавшегося конного полка⁶³ и мог насчитывать до полутора тысяч человек. Советская разведка значительно преувеличивала численность противника. Так, 18 сентября в её сводке отмечалось, что по рассказам местных жителей, в районе деревень Ваховка, Злодеевка и Рудня Дымерская «действует бандит Струк с отрядом численностью около двух полков пехоты в пять тысяч штыков и кавалерии численностью 400 сабель» — заняв два моста через реку Здвиж, он собирался зайти в тыл красных частей⁶⁴. 24 октября поступили данные о том, что в Святошине гарнизонную службу несли 300 партизан⁶⁵. Впрочем, точное число повстанцев подсчитать сложно, так как часть из них действовала в тылу у красных, другие располагались по своим деревням. Отряд Кейхеля—Клименко и Струка, имевший во многом иррегулярный характер, никогда не представлял из себя единого формирования. Он состоял из небольших подразделений, во главе которых стояли атаманы (Закусило, Кожа, Приходько, Лазаренко, Осипенко, Богуш, Терешко, Остапчук и др.)⁶⁶. Большинство из них были второразрядными «ватажками», возглавлявшими от нескольких десятков до сотни бойцов. Так, например, под началом Жигоры, примкнувшего к малороссийским партизанам на Ирпеньском фронте, сражались 70 человек⁶⁷. В результате, благодаря Струку, на белых переориентировались основные повстанческие силы севера Киевской губ., а также прилегавших к ней районов Волынской и Минской губерний.

Кейхелю подчинялись также подручные штабс-ротмистра Собоцкого (Субботского) и Бориспольский партизанский отряд М.В. Фишера⁶⁸. Собоцкого современники характеризовали как «тёмную личность», связанную с уголовным миром, и подозревали, что на самом деле он был не армейским офице-

⁶¹ Там же.

⁶² ГА РФ, ф. Р-6217, оп. 1, д. 87, л. 6.

⁶³ РГВА, ф. 39668, оп. 1, д. 15, л. 77 об.

⁶⁴ Там же, ф. 1417, оп. 1, д. 168, л. 147 об.

⁶⁵ Там же, ф. 1489, оп. 3, д. 1, л. 1 об.

⁶⁶ Малороссийские партизаны // Киевская Русь. 1919. 25 ноября. № 5. С. 1; ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 53, л. 2; РГВА, ф. 39668, оп. 1, д. 15, л. 77 об.

⁶⁷ РГВА, ф. 39666, оп. 1, д. 43, л. 144а–144а об.

⁶⁸ Партизаны капитана Фишера // Молва. 1919. 18 октября. № 6. С. 4.

ром, а бывшим околоточным надзирателем⁶⁹. При этом газета «Киевское эхо», опираясь на слова штабс-ротмистра, изображала его крупным политическим и военным деятелем: «Это тот самый Субботский, который находился вместе с Корниловым в Быхове; он же — один из восьми офицеров, которые должны были арестовать Керенского»⁷⁰.

Михаил Владимирович Фишер, родившийся в 1889 г. в Петербурге, происходил из потомственных дворян Московской губ. Он окончил Алексеевское военное училище, провёл несколько лет в строю, после чего вышел в отставку в чине поручика и стал артистом русской драмы в Москве. С началом Первой мировой войны ушёл добровольцем на фронт, в 1916 г. получил тяжёлое ранение. В марте 1918 г. Фишер, называвший себя штабс-капитаном 307-го Спасского пехотного полка (хотя на момент ранения являлся поручиком), был освидетельствован в Петрограде врачебной комиссией и признан нетрудоспособным, нуждающимся в постоянном уходе и имеющим право на пенсию вследствие обстоятельств, связанных с прохождением военной службы. По его утверждению (которое трудно подтвердить или опровергнуть), в феврале 1918 г. он присоединился к Добровольческой армии, а летом 1919 г. возглавлял партизанский отряд, действовавший в Полтавской губ. в районе местечка Борисполь⁷¹.

Подразделения различных атаманов «малороссийских партизан» во многом сохраняли прежнюю организацию. Так, 4-й батальон формировался на базе Бориспольского отряда Фишера⁷². Струк непосредственно командовал 2-м батальоном, насчитывавшим в начале сентября 170 человек при двух пушках и нескольких пулемётах⁷³. При этом сам атаман, явно преувеличивая, утверждал, что при необходимости может собрать по деревням 8–10 тыс. крестьян⁷⁴.

В Киеве наиболее активно отряд рекламировали русские националисты. На страницах газеты «Киевская Русь» было размещено воззвание, отражавшее идеологию партизан: «Селяне! На православном храме гудит колокол: спасай родную страну и православную веру! Мы, атаманы, зовём вас: “Идите к нам, становитесь в ружьё под наши знамёна. С нами Бог, с нами правда. Нам помогают доблестные добровольческие полки. На нас с великой надеждой взирает вся трудовая Россия”. Селянство! Твои мозолистые руки должны сжаться в грозный кулак. Смерть Нахамкесам и Бронштейнам и всем татам, ворвавшимся в твой дом! Смерть китайским и латышским бандитам, щёлкающим зубами на крестьянское добро! Долой красную Иудову звезду! Все к оружию!»⁷⁵. По свидетельству И. Б. Шехтмана, это обращение, пропущенное цензурой и заключающее «ряд определённо погромных призывов», расклеивалось на стенах домов и усиливало «подавляющее впечатление», произведённое на еврейское население самим фактом присоединения к Добровольческой армии атаманов,

⁶⁹ Hoover Institution Archives (далее — HIA), P.N. Vrangeli' Collection, box 101, folder 3, p. 169 back.

⁷⁰ Партизаны Струка // Киевское эхо. 1919. 14 сентября. № 21. С. 2.

⁷¹ HIA, P.N. Vrangeli' Collection, box 101, folder 3, p. 181–181 back; РГВИА, картотека бюро учёта потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат), ящик 7533-Ф, карточка на Фишера М. В.; ЦГА СПб, ф. Р-1116, оп. 1–2, д. 6274, л. 1–1 об.

⁷² HIA, P.N. Vrangeli' Collection, box 101, folder 3, p. 181 back.

⁷³ ГДА СБУ, ф. 5, оп. 1, д. 10701, т. 2, л. 108 об.

⁷⁴ Атаман Струк // Вечерние огни. 1919. 9 сентября. № 19. С. 3.

⁷⁵ Малороссийские партизаны // Киевская Русь. 1919. 25 ноября. № 5. С. 1. Также см.: The National Library of Israel, the Central Archives for the History of the Jewish People, Elias Tcherikover Private Collection, P10a-451.

«вчера ещё объявлявших себя ярыми украинцами и самостийниками», «не имеющих никаких убеждений и готовых служить каждому, кто даст им возможность грабить и убивать евреев»⁷⁶.

«Киевлянин» рассказывал о том, как партизаны вписывают свою кровь «новую славную страницу в историю борьбы за единство русской земли»⁷⁷. В редакции надеялись, что «хорошо снабжённые и дисциплинированные малороссийские партизаны, воскрешающие традиции старого нашего казачества борьбой за православную веру и русскую народность, несомненно, явятся украшением Добровольческой армии. Пусть же растёт и ширится малороссийское партизанское движение на пользу общего русского дела»⁷⁸.

В информационных сводках, составлявшихся для властей Киевской области и командования ВСЮР и не предназначенных для широкой публики, А. И. Савенко, возглавлявший местный Отдел пропаганды, указывал: «Ряды партизан всё время пополняются, преимущественно крестьянами. Малороссийский партизанский отряд отличается многими чертами самобытности, во многом напоминающими былой уклад жизни запорожских казаков. Партизаны особенно подчёркивают свою преданность православной вере. У крестьянского населения этот отряд и его атаманы пользуются большой популярностью. Ныне отряд держит фронт под Киевом на протяжении от Ковельской жел[езной] дороги до Днепра». В целом отряд характеризовался как «очень интересное и заслуживающее внимания явление»⁷⁹. Связанные с Отделом пропаганды «Вечерние огни» и «Народная газета» также расхваливали партизан (в обоих изданиях видную роль играл будущий идеолог «народной монархии» И. Л. Солоневич).

В действительности всё было далеко не так благостно, как в докладах Савенко. Погромы не прекратились, хотя и не имели уже того масштаба, как весной, когда струковцы действовали самостоятельно. Например, 18 сентября, войдя в Дымер, расположенный к северу от Киева, они потребовали от жителей 18 птиц, тысячу папирос и 10 тыс. руб. Птиц и папиросы им тут же выдали, денег же нашлось только 5 тыс. Струк лично приказал собрать с каждого еврейского дома по тысяче рублей. Евреи, продав часть своего имущества местным крестьянам, вручили атаману 35 тыс. руб., но это их не спасло. По свидетельству очевидца, «после того, как Струк получил деньги, солдаты его рассыпались по местечку и начали разорять дома и лавки — выламывали двери и окна, рубили обстановку, из лавок и домов уносили товары, мебель и прочее. Этим не ограничились и перешли к насилиям и убийству. Так, в доме Корецкого Зуси была изнасилована жена Ицко Дымерыца. В этом преступлении участвовало трое казаков. Кроме того, было ещё несколько случаев изнасилования молодых женщин. Этими солдатами убит был Мордко Гершевич Лещинский, у которого предварительно забрали имевшиеся при нём три тыс[ячи] рублей». Затем убили ещё двух евреев и еврейку из колонии Рыкунь, один старик умер от волнения, другие подверглись издевательствам и избиению⁸⁰. В сентябре струковцы также устроили погром в Пуша-Водице, на северной окраине Киева. Всё еврейское

⁷⁶ Шехтман И. Б. История погромного движения на Украине 1917–1921 гг. Т. 2. Погромы Добровольческой армии на Украине. Берлин, 1932. С. 182; YIVO, RG 80, folder 63, p. 4829 back–4830.

⁷⁷ Малороссы // Киевлянин. 1919. 26 ноября. № 77. С. 1.

⁷⁸ Ольгин [Грушевский С. Г.]. Малороссийское партизанство // Киевлянин. 1919. 9 ноября. № 64. С. 1.

⁷⁹ РГВА, ф. 39668, оп. 1, д. 15, л. 77 об.

⁸⁰ Книга погромов... С. 276–277.

население разбежалось, и банда совместно с крестьянами грабила оставленные дома: солдаты забрали всё наиболее ценное и удобоносимое, крестьянам же достались подушки и перины. Проходящих через Пуца-Водицу евреев задерживали, унижали и обирали⁸¹. 16 сентября в дом № 87 по Юрковской улице на Подоле ворвались 15 вооружённых струковцев во главе с поручиком и под предлогом поиска оружия забрали у жильцов деньги, платье, табак, ценные вещи и хлеб⁸².

Партизаны плохо снабжались (Савенко сетовал в сводках на то, что отряд «терпит большую нужду во всём»⁸³), поэтому сразу же занялись грабежом, от которого страдало не только гражданское население. В начале октября 1919 г. начальник штаба Полтавского отряда полковник Г.А. Эверт требовал ареста штабс-ротмистра Собоцкого за то, что тот отобрал и продал принадлежавших штабу коров⁸⁴. «Рассказывая мне о бывших днях в Киеве, он очень бранил командование, — писал Шульгин о Кейхеле, с которым встречался в начале 1920-х гг. в эмиграции. — Голодные, будь они украинцы или малороссияне, будут грабить»⁸⁵. Сам Кейхель констатировал: «К глубокому сожалению, наше продвижение вперёд остановилось сейчас же за Киевом, вследствие чего крестьянская масса просочилась ко мне через большевиков лишь в числе нескольких десятков человек, и главный контингент отряда составили добровольцы г. Киева и его ближайших окрестностей. Эти добровольцы в огромном своём большинстве представляют из себя развращённую большим городом рвань (первоначально написано “сволочь”. — А. Ч.), и на отряд стали сыпаться жалобы и нарекания. Затем, с первого дня существования три четверти отряда находилось на позиции, разбросанные по нескольким деревням, в боях и сторожевой службе, что не давало возможности хоть сколько-нибудь регулярно спать людей и наладить хозяйственный аппарат... Неполучение от казны денег, продовольствия, вооружения, фуража, обмундирования и снаряжения повело к тому, что, находясь частью близ Киева, а частью в самом городе, тёмный элемент отряда производил грабежи среди еврейского населения»⁸⁶. Приказ Бредова «зачислить на довольствие Малороссийский партизанский отряд» поступил лишь 22 октября⁸⁷, и только после этого снабжение начало налаживаться.

У красных не было сомнений в том, что основная цель Струка — Чернобыль, но, по-видимому, ему не удалось дойти даже до Горностайполя⁸⁸. В начале октября 1919 г. Киевская военная реквизиционная комиссия направила старосте данного местечка служебную записку, подписанную «повстанческих войск атаманом полковником Струком» и заверенную «осаулом поручиком Ефимовым»: «Приказываю с получением сего мобилизовать всех мужчин от 18 до 45 лет, способных носить оружие для бородьбы с коммунистами и прочей нечестью большевицкой. Люди немедленно должны быть присланы мне в штаб

⁸¹ YIVO, RG 80, folder 231, p. 21371–21372.

⁸² Ibid., folder 214, p. 19447–19448.

⁸³ РГВА, ф. 39668, оп. 1, д. 15, л. 77 об.

⁸⁴ Там же, ф. 39694, оп. 1, д. 62, л. 26.

⁸⁵ Шульгин В.В. Тени, которые проходят / Сост. Р.Г. Красюков. СПб., 2012. С. 254.

⁸⁶ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 53, л. 2–2 об.

⁸⁷ РГВА, ф. 39694, оп. 1, д. 68, л. 34.

⁸⁸ Согласно «Истории городов и сёл Украинской ССР», в Горностайполе в сентябре–декабре 1919 г. «хозяйничали денкиинцы» (Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Київська область. Київ, 1971. С. 719), однако на самом деле белые это местечко никогда не занимали.

партизанских отрядов в м. Дымер». Впрочем, до адресата это распоряжение не дошло, поскольку его перехватил и доставил в Чернобыль начальник советской милиции Горностайполя⁸⁹.

В начале октября партизаны Струка приняли участие в боях за Киев, частично захваченный отступавшими от Одессы частями РККА. Профессор Н.В. Краинский 1 октября видел посланца от струковского патруля, но сам отряд атамана «не подавал признаков жизни». По городу даже ходили слухи об измене Струка, которые впоследствии не подтвердились. Вскоре выяснилось, что его отряд был отрезан от основных сил белых и оказался в тылу у неприятеля. Согласно воспоминаниям Краинского, его окружили и разбили в районе так называемого Черниговского (северного «Стратегического») моста⁹⁰. Прапорщик В.В. Завадский утром 2 октября с правого берега Днепра увидел за рекой чьи-то чёрные цепи: «Одни из них наступали к мосту, что вёл на Подол, другие — к Цепному мосту. Несколько человек присматривались к этим цепям. Одни говорили, что это большевики, другие, что — струковцы. Как я узнал впоследствии, это были, действительно, струковцы, производившие разведку»⁹¹.

В мемуарах атаман, серьёзно преувеличивая свои заслуги, описывал, как в ночь с 1 на 2 октября перешёл в наступление, занял Куренёвку, Подол и затем в течение четырёх дней вёл бои «за остальную Киев», чем дал возможность деникинцам, отошедшим на левый берег, вернуться в город. По словам Струка, его отряд потерял 80 человек убитыми и до 150 ранеными, лишившись также 75 коней. Зато большевиков погибло столько, что их трупы, лежавшие на насыпи между Стратегическим мостом и Межигорьем, «убирали две недели». «Деникинская пресса, — хвастался Струк, — была заполнена хвалебными статьями в адрес украинских партизан, а мой портрет с перевязанной раненой рукой был помещён в разных газетах. За храбрость нашу Деникин выдал нам семьдесят пять Георгиевских крестов для офицеров и казаков. Награды назначал и раздавал я сам в присутствии представителя от генерала Бредова... Я лично был награждён чином полковника и Георгиевским офицерским крестом второй степени (Приказ по армии, что-то около 15 октября). В приказе по деникинской армии объявлено, чтобы меня называли “атаман-полковник”»⁹². В действительности же никаких массовых награждений не проводилось, а зауряд-полковником Струк стал ещё в сентябре. Правда, портрет атамана и впрямь напечатали в газете «Молва» (пусть и без каких-либо указаний на ранение)⁹³.

Когда в ростовской прессе появились слухи о том, что Киев был взят из-за измены Струка, который якобы вместе со своим отрядом оставил фронт и ушёл то ли к петлюровцам, то ли к большевикам⁹⁴, киевская «Народная газета» выпустила опровержение, отметив, что «молодой, энергичный атаман Струк уже год сражается против большевиков» и всецело подчиняется командованию Добровольческой армии⁹⁵. Журналисты весьма комплиментарно отзывались о его «партизанах». «Очевидцы передают, — сообщали “Вечерние огни”, — что стру-

⁸⁹ РГА ВМФ, ф. Р-139, оп. 1, д. 60, л. 24–25.

⁹⁰ Краинский Н.В. Фильм русской революции в психологической обработке. Белград, б.г. С. 249–250, 255, 261, 268.

⁹¹ Корсак В. [Завадский В.В.] У белых. Париж, 1931. С. 75.

⁹² ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 45–46.

⁹³ Атаман Струк // Молва. 1919. 18 октября. № 6. С. 4.

⁹⁴ Т-нь Н. Киевское действо // Вечернее время. 1919. 15 октября. № 387. С. 4.

⁹⁵ Неделин Г. Грустная ошибка // Народная газета. 1919. 26 октября. № 18. С. 2.

ковцы, многие без сапог, кое-как одетые, несмотря на стужу и холод, буквально “лезли” вперёд, наводя панику на врага. Эти незаметные герои сдерживали на своих плечах натиск красных до самого последнего момента»⁹⁶. Героически действовал и отряд Фишера, сражавшийся в районе Еврейского базара, а затем Михайловского монастыря. Газета «Молва» именно ему приписывала решающую роль в освобождении города: «Ни рвавшиеся снаряды, ни ружейный, ни пулемётный огонь, ничто не могло остановить этих храбрецов, и, оставляя умирать своих сотоварищей тут же на улице, они смело шли вперёд»⁹⁷.

После очищения Киева от большевиков партизаны на несколько недель задержались в городе, и тут в полной мере раскрылись уголовные наклонности некоторых из них. «Словно нарочно, — отмечал И.Б. Шехтман, — добровольческие власти назначили именно Струка районным комендантом Подола, еврейской части Киева, что равносильно было отдаче на его гнев и милость всего еврейского населения района. Струк этой возможностью пользовался широко. Его штаб по Межигорской улице, номер 61, был форменным разбойничьим гнездом. В дни 1—5 октября он взимал огромные контрибуции с евреев; его повстанцы совершили бесчисленное число налётов. С 4 ч[асов] дня Подол замирал. Никто не решался показываться»⁹⁸. Непрерывные грабежи и разбои происходили на улице Нижний Вал, где беженцы из Чернобыля, Горностайполя, Иванкова и других мест «во многих из нападавших узнавали старых знакомых, участников былых ужасов на покинутой, разорённой родине». В гостиницу Бабушкиной в сопровождении нескольких солдат явился капитан Среда, адъютант Струка, и наложил на хозяев этого и соседних домов контрибуцию в 300 тыс. руб., которую следовало внести до двух часов ночи, в противном случае домовладельцам предстояло отправиться в штаб к атаману. Удалось собрать лишь 130 тыс., но эта сумма не удовлетворила капитана, и он потребовал заложников. Тогда кто-то из жильцов преподнёс Среде бутылку спирта. Тот сразу же начал её распивать и быстро захмелел. Благодаря этому некоторым из присутствовавших удалось спрятаться и сообщить о происходившем властям. Прибывший отряд уgomонил рассвирепевшего капитана и увёл его с собой. Однако оставшиеся струковцы продолжили требовать денежный выкуп, возмущаясь тем, «как смели вы, жидаы, жаловаться». Видя, что денег им не собрать, они решили взять с собой в качестве заложницы молодую еврейку, но полицейский начальник увёз её к себе на квартиру и тем самым спас. О произошедшем было сообщено городской думе, и в дальнейшем от Струка уже никто не приходил. Девушке же, спрятавшейся у полицейского начальника, пришлось присутствовать на проходившем у него дома застолье, устроенном атаманом для друзей и приближённых по случаю взятия Киева: «Полк[овник] Струк произнёс длинную речь, в которой рассказал о своих военных похождениях, о своей ярко вспыхнувшей военной звезде, о том, что он своей доблестью затмил историческую славу Богдана Хмельницкого. Он со своим отрядом борется только против большевиков, мирных жителей не обижает, всячески охраняя их интересы без различия национальности. Осмелевшая еврейская девушка вкратце передала о происходящем в их доме. Струк ответил, что это тёмные личности прикрываются его именем, и он произведёт по этому делу следствие. В этом пиршестве принимал участие

⁹⁶ Очищение Киева // Вечерние огни. 1919. 5 октября. № 39. С. 1.

⁹⁷ Партизаны капитана Фишера. С. 4.

⁹⁸ Шехтман И.Б. История погромного движения на Украине 1917—1921 гг. Т. 2. С. 183—184.

и капитан Среда, фигурировал как полковничий адъютант, на которого Струк в своей речи указывал как на человека, делившего с ним все военные тяготы»⁹⁹.

Крайне ожесточённый характер носили грабежи на Ярославской улице, где вымогательства денег и ценностей сопровождались побоями и истязаниями, а несколько человек погромщики забрали с собой. В погроме участвовали не только солдаты, но и офицеры, называвшие себя струковцами и говорившие, что задержанных евреев повели в штаб к атаману. Среди жителей ходил слух, будто сам Струк во время погрома произносил на пристани речи. Одного из потерпевших с Ярославской улицы ограбили на 75 тыс. руб., причём он сам, его сестра и шурины были сильно избиты¹⁰⁰. Э.И. Межирицкая, жившая в доме № 24 по Юрковской ул., рассказывала, что солдаты, обходя дома евреев, забирали кур и другую живность, и ей с трудом удалось отстоять единственную корову. Как землячка Струка, она обратилась к нему за помощью, и атаман обещал, что корову не возьмут¹⁰¹.

В грабежах особо отличился Василий Александрович Бореславский по кличке «Васька-Австриец» — 20-летний крестьянин, ранее проживавший в Австро-Венгрии в городе Дрогобыч и, по-видимому, ушедший из Галичины в 1915 г. вместе с отступавшими русскими войсками. В Киеве он работал ломовым извозчиком, при большевиках скрывался от мобилизации, а после прихода деникинцев, будучи безработным, по совету товарищей вступил в отряд Струка. Советские следственные органы впоследствии зафиксировали его участие в 15 преступных эпизодах. Всего же Васька украл около 50 лошадей, корову, 50 мешков овса, деньги, плащ и другую одежду, различные ценности. Некоторые из ограблений сопровождались избиениями и стрельбой¹⁰².

Запомнились струковцы и сотрудникам Центрального еврейского комитета помощи пострадавшим от погромов, помещение которого на Фундуклеевской улице они реквизировали для постоя. В один из дней члены комитета «застали картину полного загрязнения квартиры: уборные были загажены до невозможности, кухня была испачкана человеческими экскрементами, столы были перетасканы и, так как на них ночью валялись солдаты, были изломаны... Вообщем, квартира приняла вид конюшни и неубранного стойла». Впрочем, попытка ограбить находившийся там же вещевой склад была пресечена начальством, а один из подпоручиков Малороссийского отряда, оправдываясь за поведение своих подчинённых, заметил: «Что же я могу с ними поделать, когда 50% из них бандиты»¹⁰³.

В конце октября командование всё же решило отправить партизан Струка в тыл красных, занимавших линию реки Ирпень, где, по уверениям атаманов, всё было готово для грандиозного антибольшевистского восстания¹⁰⁴. Когда оно вспыхнуло, «наши партизаны Струка», как выразился начальник оперативного отдела штаба войск Киевской области полковник А.А. фон Лампе, были «высланы туда для руководства»¹⁰⁵. Первые донесения, приходившие в штаб с 31 октября по 4 ноября, по свидетельству штабс-капитана Е.Э. Месснера,

⁹⁹ Книга погромов... С. 314.

¹⁰⁰ Там же. С. 312.

¹⁰¹ YIVO, RG 80, folder 213, p. 19319–19319 back.

¹⁰² Ibid., folder 65, p. 5247–5253, 5255, 5256.

¹⁰³ Ibid., folder 211, p. 19199–19200.

¹⁰⁴ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 492, л. 11.

¹⁰⁵ Там же, ф. Р-5853, оп. 1, д. 1, л. 98.

звучали радостно: «Район Дымера очищен от красных», «восстание в тылу красных разрастается», «у д[еревни] Литвиновка красные разбиты», «восстание охватило район д[еревень] Ясногородка, Литвиновка», «партизанами занята Раковка». Но уже 7 ноября стало ясно, что всё кончено: «По данным войсковой разведки д[еревни] Козаровичи, Демидов, Раковка и Гостомель снова заняты частями 3-го Интернационального полка». Восстание было подавлено, а партизаны вернулись на исходные позиции¹⁰⁶.

В сводках киевского Отдела пропаганды и циркулярах «Прессбюро» также сообщалось, что в тылу большевиков, в районе Дымер–Демидовка–Козаровичи–Литвиновка, восстали доведённые до отчаяния крестьяне. Их поддержали партизаны Струка, уничтожившие батальон 3-го Интернационального полка и захватившие его штаб, одно орудие и два пулемёта. В начале ноября восстание разрасталось, охватив деревни Глебовка и Ясногородка, район рек Ирпень и Здвиг, причём отмечалось, что «малороссийские партизаны» «оказывают восставшим существенную поддержку»¹⁰⁷. В последующие дни о провале операции в сводках уже не упоминалось. Согласно докладной записке, составленной чекистом Ивановым, Струк действительно напал на части 58-й дивизии в районе Бородянки, захватил несколько трёхдюймовых орудий, пулемёты и пленных, но затем 3-й Интернациональный полк восстановил положение, отбив красноармейцев и артиллерию. Отряд Струка был «основательно разгромлен», но его ядру удалось скрыться¹⁰⁸.

На пике наступления струковцы дошли до Воздвиженска. 7 ноября командир черныбыльского гарнизона, «ввиду поступления сведений о намерении Струка занять Черныбыль», просил начальство разрешить ему «задержать при себе для лучшей обороны воздухотряд»¹⁰⁹. На борьбу с атаманом из Гомеля перебросили курсантов Минских советских пехотных курсов командного состава Красной армии. Батальон, сформированный из них и усиленный кавалерийским и артиллерийским взводами и двумя орудиями, перевели на станцию Бородянка, откуда он должен был «начать движение по ликвидации восстания». Курсанты получили приказ уничтожить повстанцев, «поймать главарей, [в] особенности Струка, и водворить спокойствие на левом фланге 58-й армии»¹¹⁰. Курсант Н.К. Семков позднее вспоминал о «ликвидации банды петлюровского полковника Струка» (примечательно, что мемуаристу запомнились именно петлюровцы, а не деникинцы): «На ст. Ворзель мы приехали к вечеру и сразу же вступили в бой с петлюровцами. Через два часа над нами нависла ночная тьма. Стало тихо, только кое-где слышались одиночные выстрелы. Враг под прикрытием ночи бежал в Бородянку. На поле боя осталось много раненых и убитых петлюровцев. Несколько наших товарищей не вернулось с поля боя. Утром наши товарищи во главе с Я. Братенковым отправились в разведку. Значительную помощь им дали местные жители, они указывали расположение врага. Нелегко нам далась победа, много товарищей погибло, но из Ворзеля и Бородянки националистическая банда была изгнана»¹¹¹.

¹⁰⁶ Там же, ф. Р-5881, оп. 2, д. 492, л. 11–12.

¹⁰⁷ Там же, ф. Р-4850, оп. 1, д. 1, л. 27, 32.

¹⁰⁸ ЦДАВО України, ф. 3204, оп. 1, д. 17, л. 1 об.

¹⁰⁹ РГА ВМФ, ф. Р-139, оп. 1, д. 4, л. 55.

¹¹⁰ РГВА, ф. 1489, оп. 1, д. 43, л. 21.

¹¹¹ Семков Н.К. Бойові дії білоруських курсантів на Україні // Український історичний журнал. 1967. № 12. С. 86.

10 ноября из Горностайполя сообщили по телефону в Чернобыль, что банды Струка разбиты в Новых Петровцах, а сам он бежал. Заняв Дымер, красные сожгли «семь домов главарей Струка», остальное население местечка отправило к победителям делегацию с хлебом-солью и просьбой о прощении¹¹². 11 ноября в оперативной сводке штаба чернобыльского гарнизона был подведён итог боям: «Со слов переходящих крестьян из Киева нашими войсками заняты Петровцы и Межигорье. Банды Струка, оперировавшие в районе Лютеж—Демидов, разбиты нашими войсками, причём у него захвачено два орудия, несколько пулемётов»¹¹³.

Месснер объяснял поражение тем, «что крестьяне, очень охотно помогавшие изгнать красных из своей деревни, дальше околицы не шли, предоставляя соседней деревне самостоятельно расправляться с сидевшими там большевиками. Само собой разумеется, что воинственный порыв, действительный лишь в пределах видимости родной колокольни, не имел никакой цены, поэтому партизаны возвратились обратно, не добившись никаких результатов, не оказав сколько-нибудь существенного влияния на ход операции»¹¹⁴. Циммерман всячески оправдывал атамана: «С того момента, как Струк перешёл на нашу сторону, он очень честно и добросовестно исполнял все возлагаемые на него задачи и храбро оборонял северные подступы к Киеву в печальные ноябрьские дни 1919 г. Лично я всегда защищал Струка от нападков как из левых, так и из правых кругов, потому что считал, что каждая сотня бойцов имеет для нас чрезвычайную цену, и мы не могли ещё позволить себе роскоши отказываться от людей, знакомых с местными условиями и бывших в состоянии увлечь за собой местных крестьян. Если бы у нас в распоряжении имелось бы больше винтовок, снаряжения и обмундирования, мы могли бы значительно лучше использовать эти партизанские крестьянские отряды, но при крайнем недостатке в оружии мы не могли совершать таких, по существу несколько рискованных, операций»¹¹⁵.

Несмотря на неудачи, Струк продолжал пользоваться определённой популярностью в северных районах Киевской губ. и на прилегавших к ним территориях. 17 ноября в Киев прибыл крестьянин села Олива, посланный к Струку односельчанами и жителями Базарской волости Овручского уезда Волынской губ. Гонец поведал атаману, что они «больше не хотят терпеть коммунистического засилия», поскольку все городские продукты (сахар, соль, керосин) достигли небывалой цены, а большевики «всех держат как в тюрьме, нельзя даже выйти на улицу», отбирают тёплые вещи, реквизируют и вывозят продовольствие. Крестьяне просили Струка прибыть к ним с оружием и принять на себя руководство новым восстанием, в котором готовы были принять участие до 5 тыс. человек, не считая тех, кто после подавления предыдущего выступления отсиживался в лесах. Правда, также выяснилось, что в Дымерской волости остались крайне недовольны Струком, который, отступая, бросил её на произвол судьбы, не предоставив своевременно оружие¹¹⁶.

На партизан продолжали сыпаться жалобы. В ноябре из-за «ложных донесений и сведений» генерал Бредов заявил Кейхелю, что его отряд будет расфор-

¹¹² РГА ВМФ, ф. Р-139, оп. 1, д. 31, л. 3.

¹¹³ Там же, л. 4.

¹¹⁴ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 492, л. 11–12.

¹¹⁵ Там же, д. 724, л. 28.

¹¹⁶ РГВА, ф. 39666, оп. 1, д. 43, л. 136.

мирован, а людей распределят по другим частям. Кейхель обратился к Драгомирову, доказывая, что желание Бредова невыполнимо, так как бойцы просто разойдутся по домам или же «растворятся по сёлам занятых Добрармией местностей и, на почве оскорблённого самолюбия, поднимая у нас в тылу восстания, будут мстить за поправление их хороших чувств и стремлений и этим готовить дорогу самостийному движению, ещё далеко не остывшему после ухода Петлюры». Кроме того, командир партизан жаловался на ограничивавшие его формальности: «Повстанцы, зная, что большинство атаманов находится у нас, просачиваются через фронт и являются ко мне за указаниями и инструкциями. Между тем я не могу им ничего дать, благодаря отношению власти, которая на все выдачи требует штаты, разрешения и проч., переписку и сношения ведёт с обычной казённой медленностью, а боевую работу требует от отряда, не считаясь ни с какими штатами». По мнению полковника, ситуацию могло бы исправить создание при Малороссийском отряде повстанческого штаба. Кейхель просил направить в его распоряжение несколько надёжных и опытных боевых офицеров для формирования и обучения партизанских частей, а также разрешить ему организацию подразделений из офицеров, старообрядцев, крымских татар и немцев-колонистов, которые стали бы «противовесом вредной и опасной для Добрармии агитации элементов ненадёжных в смысле уклона в самостийность». В таком случае Кейхель обещал создать в короткий срок «новую и хорошую дивизию, которую, сохраняя временно официально форму партизанства, постепенно превратить в дисциплинированную и мощную боевую силу, одухотворённую, спаянную традициями старого казачества и политически воспитанную в идеях Добровольческой армии». Однако Драгомиров не только отверг эти предложения, но и грозил отдать командира «малороссийских партизан» под суд, если верить тому, что позднее рассказывал Кейхель Шульгину¹¹⁷.

По мере того, как Белая армия начала терпеть поражения и отступать, некоторые её руководители стали пристальнее присматриваться к партизанам. Так, в конце ноября ими заинтересовался начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба войск Киевской области полковник В.М. Мельницкий. Желая привлечь на сторону ВСЮР как можно больше повстанцев, он обратился за советами к капитану Закусило, именовавшемуся атаманом отрядов Овручского, Мозырского и Речицкого уездов. Тот рекомендовал создать повстанческие штабы во главе с энергичными людьми, хорошо знающими местные условия и способными увлечь за собой других. Серьёзную проблему Закусило видел в том, что многие офицеры и добровольцы смешивали дружественных им партизан с бандитами, называли их разбойниками и «мужичьём». Следовало также работать с сельской интеллигенцией, особенно с учителями, которые нередко являлись идейными руководителями крестьянского движения. Тогда, писал капитан, «при сформировании в данной местности повстанческого отряда, не враждебного, а “союзного” с Добрармией, несомненно, изменится и вся ориентация деревни, в сторону, благоприятную делу возрождения единой и неделимой России»¹¹⁸.

Впрочем, командование, похоже, не ожидало ничего подобного. «Атаманы уверяют, что поднимут десятки тысяч народа, — скептически отмечал Мес-

¹¹⁷ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 53, л. 1, 2 об.—4.

¹¹⁸ РГВА, ф. 39666, оп. 1, д. 43, л. 161—161 об.

снер, — требуют денег и довольствия на тысячи партизан, при получении боевой задачи обещают выставить сотни бойцов, а в действительности вводят в бой десяток оборванцев. Но в погоне за лишней полусотней бойцов начальство вынуждено терпеть подобных господ, сквозь пальцы смотря на их небезгрешные шалости и даже осыпать милостями... Но, как и следовало ожидать, пользы от партизанских шаек не было никакой — сами по себе они были немногочисленны и малобоеспособны, а поднять восстание им не удалось»¹¹⁹.

К началу декабря положение ВСЮР под Киевом стало практически безнадежным. По воспоминаниям В.В. Завадского, пехоты у белых осталось мало — по сути, Киев от большевиков, наступавших с востока, защищали лишь отряд Струка, действовавший около Подола, и ещё один полк¹²⁰. Сам Струк утверждал, что покинул город последним. Дойдя до урочища Красный Трактир около станции Жуляны, он якобы повернул назад, захватил Демиевку, два дня вёл бой с красными и в конце концов вынужден был отойти под напором прибывших свежих сил противника (другими документами всё это не подтверждается). После того, как в начале декабря Киев был сдан красным, струковцы двигались вместе с белыми по маршруту Васильков—Белая Церковь—Елисаветград¹²¹; многие атаманы, вероятно, перешли к самостоятельным действиям.

Часть партизан успела эвакуироваться из Киева по железной дороге. Профессор Краинский вспоминал, что вместе с ним в поезде «ехали остатки какого-то малороссийского полка атамана Струка и полков[ника] Кейхеля»¹²². При этом большая часть повстанцев отступала своим ходом. В начале декабря штаб Кейхеля некоторое время стоял в Преображенском скиту в селе Нещеров около местечка Обухов Киевского уезда. Затем, согласно сохранившимся оперативным приказам, ему надлежало следовать к деревне Тростинка, Струк находился где-то поблизости¹²³. Впрочем, если верить боевому расписанию войск, 29 декабря Малороссийский отряд насчитывал всего 48 штыков¹²⁴.

В своих воспоминаниях Струк рассказывал про то, как в семи верстах от Елисаветграда его бойцы наткнулись на разведку атамана А.А. Гулого-Гуленко, командовавшего повстанческими войсками Херсонщины и Екатеринославщины. Разведчики вступили в перестрелку, один струковец был ранен, но дело закончилось миром. Гулый-Гуленко прислал Струку бутылку самогона, перевязанную национальной лентой, а тот в ответ передал бутылку «николаевки» с печатью своего отряда на этикетке. В ходе переговоров каждый атаман звал другого присоединиться к себе, но ни один из них на это не согласился¹²⁵. Вероятно, именно данный эпизод имел в виду бывший адъютант Петлюры А.С. Доценко, по словам которого, деникинцы, узнав, что около Елисаветграда расположились украинские повстанцы, начали с ними переговоры через «отаманчика-зрадника» Струка, но ничего не добились¹²⁶. Впрочем, трудно сказать, каким собственно мог быть их результат, если в то время Гулый-Гуленко,

¹¹⁹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 492, л. 7 об-8.

¹²⁰ Корсак В. [Завадский В.В.] Указ. соч. С. 160.

¹²¹ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 46 об.

¹²² Краинский Н.В. Указ. соч. С. 322.

¹²³ РГВА, ф. 39666, оп. 1, д. 72, л. 7, 8 об, 24, 26.

¹²⁴ ГА РФ, ф. Р-6217, оп. 1, д. 87, л. 8.

¹²⁵ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 46 об-47.

¹²⁶ Доценко О. Зимовий похід (6.XII.1919—6.V.1920). Варшава, 1932. С. СXXXVIII.

формально оставаясь под украинскими знамёнами, фактически сотрудничал с красными, а Струк сохранял верность белым.

28 декабря Струк с отрядом отправился из Елисаветграда на станцию Помошная, а оттуда — через Вознесенск в Одессу, куда прибыл 15 января 1920 г.¹²⁷ Во время отступления белые несколько раз принимали проходивших мимо петлюровцев за «своих» струковцев, и это позволяло им избегать столкновения. Так, например, в ночь на 11 января 1920 г. части УНР, совершавшие свой «Первый зимний поход», оказались одновременно с добровольцами у железнодорожного переезда в пяти верстах от местечка Малая Виска Елисаветградского уезда Херсонской губ. Добровольцы-драгуны помогли возницам перебраться через переезд, и только когда колонна уже почти прошла мимо них, спросили у сидевших на последней телеге, полагая, что там найдётся кто-то из начальников: «Господин полковник, какая это часть?». Им ответили: «Спросите, пожалуйста, впереди». Один из белых пошёл вперёд, где замёрзший, занятый своими делами казак сказал лишь: «Запорожцы» (т.е. Запорожская дивизия армии УНР). Драгун решил, что «это атаман Струк», и отъехал¹²⁸. Утром того же дня другой отряд запорожцев на марше в районе сёл Семенастое и Семёновка Елисаветградского уезда встретил кавалеристов-дроздовцев. Когда колонны разминулись, к украинскому полковнику И.К. Дубовому приблизился офицер-ординарец, которому в штабе поручили узнать, не малороссийский ли это полк? Получив утвердительный ответ, он вернулся к своим. Впоследствии дроздовцы, кажется, поняли, что их обманули, и выслали в погоню кавалерийский отряд, но рельеф местности и наступившая ночь помогли запорожцам избежать преследования и продолжить свой марш¹²⁹. Судя по этим историям, струковцы внешне напоминали скорее не белогвардейские, а петлюровские части.

За несколько дней до Струка в Одессу приехал и Кейхель, раненый в одном из боёв в руку. Газета «Единая Русь» по-прежнему называла его командиром малороссийских партизан, а Струка — командиром батальона¹³⁰. Однако Кейхель, возможно, из-за ранения, активного участия в дальнейшей судьбе отряда уже не принимал. В 1920 г. он эмигрировал в Германию и обосновался в Берлине, где вращался в кругах русской и украинской эмиграции правого толка, впутываясь во всевозможные интриги. Так, вместе с бывшим гетманским министром путей сообщения Б.А. Бутенко и экс-секретарём П.П. Скоропадского И.В. Полтавцем-Остряницей он работал на Вильгельма Габсбурга (Василя Вышиваного), одного из претендентов на гипотетический украинский престол, поддерживал связь с генералом от кавалерии В.В. Бискупским¹³¹, играл роль посредника между Полтавцем-Остряницей и советником А. Гитлера по внешней политике М.Э. фон Шойбнер-Рихтером¹³². Кроме того, Кейхель ока-

¹²⁷ ЦДАВО України, ф. 3504, оп. 1, д. 2, л. 47 об.

¹²⁸ *Омелянович-Павленко М.* Зимовий похід (6.XII.1919–6.V.1920 pp.) // У 50-річчя Зимового походу Армії УНР. N.Y., 1973. С. 90–91.

¹²⁹ *Омелянович-Павленко М.* Зимовий похід (6.XII.1919–6.V.1920 pp.). Ч. II // За державність. Матеріали до історії українського війська. Збірник 2. Каліш, 1930. С. 39.

¹³⁰ Прибытие командира партизан // Единая Русь. 1920. 15 января. № 125. С. 3.

¹³¹ *VIATOR.* Берлинські новинки // Українська трибуна. 1921. 30 жовтня. № 149. С. 2.

¹³² *Осташко Т.С.* Український козацький рух в еміграції (1919–1939) // Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Сер. Історія, економіка, філософія. Вип. 4 (Український консервативний і гетьманський рух: Історія, ідеологія, політика). Київ, 2000. С. 287.

зывал различные услуги. «Во время эмиграции, будучи в Берлине, — вспоминал Шульгин, — он занимался всякими делами в качестве некоего правозащитника. Он, например, выхлопотал нам (Василию Витальевичу и его будущей второй жене М.Д. Седельниковой. — *А.Ч.*) визу в Германию за скромное вознаграждение в несколько долларов. В то время в Берлине люди платили необычайно большие и всевозможные налоги. Полковник Кейхель находил способы, чтобы снизить эти налоги до возможного предела»¹³³. Впоследствии он перебрался в Париж, где 11 ноября 1924 г. скончался «после непродолжительной тяжкой болезни»¹³⁴.

К январю 1920 г. партизаны лишились и других командиров: Собоцкого белые расстреляли во время отступления из Киева (по слухам, за мародёрство). Фишер, произведённый в полковники или объявивший себя таковым, занялся формированием своего собственного Первого офицерского добровольческого полка Новороссии¹³⁵. Фактически на этом история Малороссийского отряда закончилась. Струк, вокруг которого остались члены его банды, вскоре создал новый Крестьянский отряд, насчитывавший к моменту оставления Одессы до 3 тыс. человек¹³⁶. Савенко в своих «Записках» признал, что атаман «пользовался симпатиями», и к нему «пошёл кой-кто из наших» (т.е. из правых), в том числе уманский протоиерей Александр Никольский¹³⁷, до революции состоявший членом Всероссийского Дубровинского Союза русского народа¹³⁸.

Поручик армии УНР В. Быбик, занимавшийся в Одессе конспиративной работой, решил познакомиться с отрядом Струка, который размещался в казармах бывшего 14-го стрелкового полка на Канатной улице. «Как я обнаружил, — докладывал петлюровец, — этот отдел состоял из повстанцев преимущественно с Киевщины, в особенности с Киева, среди которых очень много было бывших полицейских и жандармских чинов... Обращения, призывы к населению и т.п. Струк объявлял на двух языках — русском и украинском, но в разговорах с ним я убедился, что он малосознательный “малоросс” и больше интересуется пьянством, чем всем другим, лишь хвастаясь, что он везде имеет связи, даже в украинских военных правительственных кругах»¹³⁹. После ряда грабежей¹⁴⁰, 25 января Крестьянский отряд направился к румынской границе, но через несколько дней был разбит и рассеян красными под Маяками. По свидетельству тюремного инспектора Д.В. Краинского, «при первом выстреле струковцы разбежались», большая часть их «передалась большевикам», а «часть бросилась на румынскую территорию» и перешла через Днестр¹⁴¹. Самому Струку и небольшой группе его людей удалось ускользнуть, перейти границу и впоследствии вернуться на Киевщину, где он продолжал партизанить, сотрудничая то с поляками, то с петлюровцами, то с савинковцами, а летом 1922 г. внезапно исчез

¹³³ Шульгин В.В. Тени, которые проходят. С. 254.

¹³⁴ [Некролог] // Вечернее время. 1924. 15 ноября. № 172. С. 1.

¹³⁵ НИА, Р.Н. Vrangeli Collection, box 101, folder 3, p. 169 back, 181.

¹³⁶ Краинский Д.В. Записки тюремного инспектора / Сост., пред., примеч. О.В. Григорьева, И.К. Корсаковой, С.В. Мущенко, С.Г. Шевченко. М., 2016. С. 331.

¹³⁷ Якубовский С. Крушение. Из неопубликованных «Записок» Анатолия Савенко 1919–20 г. // Вечерний Киев. 1927. 5 марта. № 5. С. 2.

¹³⁸ ДА КО, ф. 1716, оп. 1, д. 71, л. 31.

¹³⁹ ЦДАВО України, ф. 4011, оп. 2, д. 5, л. 66.

¹⁴⁰ YIVO, RG 80, folder 209, p. 18688–18688 back.

¹⁴¹ Краинский Д.В. Записки тюремного инспектора. С. 299.

при загадочных обстоятельствах — то ли пал в бою с красными, то ли погиб от рук кого-то из своего окружения¹⁴².

Историю Струка, конечно, нельзя назвать абсолютно типичной — среди всех украинских атаманов он, судя по его многочисленным изменам, был, наверное, самым беспринципным. Но, с другой стороны, ему удавалось сохранять ядро своей банды и определённую поддержку в крестьянской среде, чью бы сторону он ни занимал.

Попытка отдельных представителей Белого движения найти опору в деревне, привлекая к себе повстанцев, объединённых в «малороссийский отряд», не привела к желаемому результату. Та анархическая стихия, крестьянская «атамания», которая жила по своим собственным законам и лишь по необходимости поднимала какой-либо флаг — «жовто-блакитный», красный или трёхцветный — оказалась неподвластна генералам и пропагандистам. Серьёзной помощи ВСЮР партизаны оказать не смогли. Вероятно, от них мог бы быть прок, если бы они действовали в красном тылу. Однако поднять масштабное восстание им не удалось, а их нахождение на контролируемой белыми территории приводило к серьёзным издержкам и конфликтам с местным населением. Использовать их в пропаганде также не получалось — слишком уж очевидно было то, что это лишь несколько банд, ситуативно примкнувших к побеждавшей, как тогда казалось, армии. К тому же, партизаны заметно подрывали и так невысокий авторитет армии среди горожан, особенно в еврейской среде. Смена вывески — «Малороссийский партизанский отряд» вместо «Революционного отряда партизан имени Петлюры» — не изменила сути данного формирования. Чуда не произошло, и повстанцы, переименованные из «украинцев» в «малороссов», оставались, несмотря на относительно неплохие боевые качества (по крайней мере, в киевский период существования отряда), теми же грабителями и погромщиками, каковыми они являлись и прежде.

¹⁴² ЦДАВО України, ф. 1078, оп. 2, д. 207, л. 43–48.

Агван Доржиев и конец «золотого века» буддизма в Советской России

Александр Сипейкин

Agvan Dorjiev and the end of the «Golden Age» of Buddhism in Soviet Russia

Alexander Sipeykin

(Moscow University of Industry and Finance «Synergy», Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24010119, EDN: CHRQJQ

Среди современных исследователей истории буддизма в 1920–1930-х гг. нет единства в оценке характера взаимоотношений между буддийскими общинами и советской властью. Одни описывают этот период как «золотой век» буддизма в России¹, вспоминают о так называемом религиозном нэпе², другие призывают к осторожности при использовании этих концепций³ и даже говорят о «сангхе в эпоху упадка»⁴. Существенным вкладом в решение данного вопроса может стать анализ информационных документов ОГПУ, в которых отражены результаты наблюдений работников органов безопасности за религиозными организациями. Сотрудники ОГПУ тщательно фиксировали и пытались углубить все существовавшие между верующими разногласия, помогая более «слабым» сторонникам реформационных движений против более влиятельных (в силу их поддержки большинством верующих) консерваторов.

Особенного внимания заслуживает вопрос о характере буддийского обновленческого движения в его сравнении с аналогичными течениями в других вероисповеданиях. В советской историографии подчёркивались черты сходства между буддийским обновленчеством и аналогичным течением в Русской Православной Церкви⁵. Современные исследователи отмечают специфику буддийского обновленческого движения. Для его представителей доказательство лояльности Советскому государству означало одновременно и подчёркивание своей «российской идентичности». До революции 1917 г. «патриотическим ста-

© 2024 г. А.В. Сипейкин

¹ Бухарин М.Д. К истории изучения буддийского искусства в СССР в 1920-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. Вып. 1(11). С. 86; Дамдинов А.В. Агван Доржиев в обновленческом движении бурятского буддийского духовенства // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997. С. 81.

² Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста, 2007. С. 90, 119–120.

³ Дорджиева Г.Ш. Репрессированное духовенство Калмыкии. Элиста, 2014. С. 14; Синицын Ф.Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб., 2013. С. 37; Цыремпилова И.С. Обновленческое движение в буддизме на территории этнической Бурятии как социокультурное явление в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2014. Т. 9. С. 68.

⁴ Цыремпилов Н. Сангха в период упадка. Реакции российских буддистов на Русскую революцию и Гражданскую войну // Государство. Религия. Церковь. 2019. № 1/2(37). С. 347–370.

⁵ Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964.

тусом» обладало только православие⁶. Современные историки также указывают на сходство между обновленчеством в буддийской Сангхе (общине буддийских монахов) и в Русской Церкви. Но, как отмечают исследователи, они были во многом связаны с сознательным подражанием, заимствованием тактических приёмов, необходимых для достижения компромисса с советской властью. Так, И.С. Цыремпилова подчеркнула тот факт, что обновленцы-буддисты активно использовали «обновленческий опыт православия»⁷.

Подобно представителям «Живой церкви» и другим противникам патриарха Тихона — инициаторам раскола в православии, обновленцы-буддисты старались всячески заявить о своей лояльности власти, обвиняя своих более консервативных оппонентов в заведомой контрреволюционности. Это проявилось, например, в публичном осуждении багши (настоятеля) З. Хаглышева. Во время пребывания в Тибете он рассказал далай-ламе о притеснениях, которым подвергались буддисты в Советской России⁸. Поводом к осуждению консерваторов в контрреволюционности являлось также их активное участие в агитации за эмиграцию из СССР.

В информационных документах ОГПУ подчёркивался тот факт, что «обновленцы в массе своей имеют пассивно-отрицательное отношение к эмиграции, чем они лишней раз доказывают свою относительную лояльность». В докладе о положении буддизма в Бурят-Монгольской республике излагается точка зрения Х. Мункужапова и других виднейших обновленцев о том, что «эмиграция — это антиобщественная затея консерваторов, которые, не желая подчиняться обновленчеству, стремятся пробраться в Монголию, где думают привольно жить по-старому. Вообще деятельность консерваторов за последнее время слишком далеко заходит, она носит не только антиобновленческий, но и антисоветский характер. Власть слишком мягко относится к ним». С удовлетворением обновленцы отмечали случаи, когда в ходе борьбы с незаконной эмиграцией десятки лам-консерваторов попадали в советские тюрьмы⁹.

Между тем степень «контрреволюционности» противников реформ в буддийской Сангхе нельзя переоценивать. Как явствует из документов ОГПУ, многие консерваторы, опровергая обвинения в контрреволюционности, пытались доказать, что представители обновленчества ничуть не более лояльны советской власти, чем они сами. В докладе о состоянии ламства Бурят-Монгольской республики за 1929 г. отмечается, что «консерваторы и обновленцы в ряде дацанов подают местным властям донесения и жалобы друг на друга, изобличая каждый из них проделки своих противников». Например, во время хлебозаготовок консерваторы написали донос о наличии хлебных запасов у обновленцев. Узнав, что по инициативе А. Доржиева обновленцы собрались провести силами четырёх дацанов совместное богослужение — хурал «чойро», консерваторы сообщили представителю местной власти о том, что «обновленцы устраивают нелегальное собрание. Участвуют подозрительные личности». Явившийся в намеченное время участковый милиционер задержал двух лам, объявив, что они «устраивают объединённое богослужение незаконно, не имея на это соответствующего разрешения». Собравшиеся обновленческие священнослужители

⁶ Амоглонова Д.Д. Буддизм и политическая идентичность бурят в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 61.

⁷ Цыремпилова И.С. Обновленческое движение в буддизме... С. 70.

⁸ Бахаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии... С. 115.

⁹ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 7, д. 412, л. 45, 65.

были вынуждены разбегаться по своим дацанам, что ОГПУ восприняло с удовлетворением. Также не могли не порадовать представителей власти распространявшиеся консерваторами слухи с обвинениями обновленческих священников в разврате¹⁰.

Среди других тактических приёмов православных обновленцев, использованных Доржиевым и его последователями, стало создание образа обновленческого движения как родственного коммунистической идеологии. Ф.Л. Сеницын отметил, что почва для возникновения идей о родстве коммунистической идеологии с религиями, в том числе буддизмом, была подготовлена в русской религиозной философии¹¹. А.И. Введенский и другие противники «тихоновщины» подчёркивали свою приверженность идеям социального прогресса.

Буддийские обновленцы также отмечали черты сходства, якобы имеющиеся между буддизмом и марксизмом: отрицание идеи Бога, бессмертия души, статуса Бога или пророка у Будды, борьба за счастье людей, их равенство и прогресс. Буддийские обновленцы пытались организовать выставки, демонстрирующие «атеистический характер» буддизма, указывали на созвучие «Майтреи» и «материи», доказывали, что Будда «проповедовал теорию атомов», чему «сейчас все учёные Европы удивляются и восхищаются». Гурумы (используемые в традиционной буддийской медицине фигурки из хлеба) начинали печь в форме пятиконечной звезды или серпа и молота¹². Некоторые буддийские священники-обновленцы отмечали годовщину Октябрьской революции, переименовывали в честь этого события свои дацаны, устраивали в «революционные дни» молебны и «митинги», организовывали пожертвование денег в пользу советских школ, украшали молитвенные здания красными флагами. В одном бурятском дацане здание канцелярии было переоборудовано «по-советски»: на стенах разместили портреты вождей революции А.И. Рыкова и М.И. Калинина, плакаты («Боритесь с ламством!», «Все на борьбу с ламством и шаманством!» и др.). В ответ на вопрос, зачем это, буддийские священники отвечали: «Так надо, теперь не николаевское время». Представители власти считали, что бороться с подобного рода явлениями им «невыгодно»¹³.

Местные работники ОГПУ также фиксировали высказывания, иллюстрирующие склонность «отождествлять буддизм с ленинизмом и марксизмом». «Высокопоставленные учёные в Ленинграде изучают буддизм, все они приняли буддийскую религию, потому что разницы между буддизмом и ленинизмом нет. В Ленинграде организован буддологический институт, который будет заниматься распространением буддизма во всех странах». Как отмечают работники органов безопасности, ключевую роль в распространении такого рода идей играли проповеди Доржиева. В докладе по буддийскому духовенству в Бурят-Монгольской республике по состоянию на 1 января 1929 г. приводится цитата из речи лидера обновленцев, заявившего, что «большой разницы между буддизмом и ленинизмом нет. Будда, Маркс и Ленин были поистине гениальными людьми. Все они проповедовали идею защиты угнетённых и обездоленных. Маркс и Ленин, изучив происхождение европейских религий, установили, что “бога” нет. Это совершенно правильно. Если бы они изучили буддизм, то они

¹⁰ Там же, л. 64–65, 68.

¹¹ Сеницын Ф.Л. К истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 107.

¹² Там же. С. 108, 112; Цыремпилов Н. Сангха в период упадка... С. 362.

¹³ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 7, д. 412, л. 13–14, 25.

бы согласились с ним, ибо по буддизму нет бога, а есть “бурхан”. Наши коммунисты, комсомольцы и “безбожники” ничего не знают и потому выступают против буддийской религии, они путают “бога” с “бурханом”. С безбожниками нужно вести решительную борьбу»¹⁴. Однако обновленческая идея родства буддизма и марксизма опровергалась одновременно ламами-консерваторами и «воинствующими безбожниками»¹⁵.

Подобно православным обновленцам, последователи Доржиева настаивали на своей большей демократичности. Так, на съезде калмыцкого духовенства 19 июля 1923 г. обсуждался проект изменений в системе управления Сангхой. Обновленцы предложили передать права на принятие решений общему собранию духовенства и мирян, которое должно утверждать приходно-расходную смету хурульных касс, привлекать к ответственности членов собрания. Предполагалось, что миряне и низшее духовенство получают право «вмешиваться в дела хурула, проверять его деятельность, в том числе и финансовую»¹⁶. Однако попытки демократизировать систему управления Сангхой вызывали тревогу у представителей органов безопасности, поскольку, как показывал опыт реформирования системы управления в православной Церкви, это могло привести к усилению позиций религиозной общины¹⁷. Работники Восточного отдела ОГПУ поставили задачу «осторожно побудить самих обновленцев провести отрыв мирян от духовенства», отстранить их «от управления духовными делами», что и было успешно реализовано¹⁸.

Следует отметить ещё одну линию сходства между обновленческим движением в православии и буддизме. И там, и там основная масса верующих мирян не поддержала реформаторов. В число буддистов-консерваторов входили, как правило, более авторитетные и старшие по возрасту священнослужители, в отличие от обновленцев не связанные обязательством воздерживаться от демократизации в низших органах управления общиной. Поддерживающие консерваторов верующие создавали хидсоветы, которые представляли альтернативу обновленческим органам власти, либо входили в обновленческие советы и «взрывали их изнутри». Борьба мирян с обновленцами часто принимала агрессивные формы: поджигали их дома и дуганы (молитвенные здания), избивали представителей «реформаторского крыла» буддийской общины, совершали покушения на их жизнь. Так, сторонниками консерваторов был убит один из лидеров обновленцев в Агинском дацане Ш. Дугаржапов. По словам работников органов безопасности, для того чтобы натравить верующих на обновленцев, консервативные ламы начали распространять слухи о том, что те якобы занимаются «хадхой» — «террористическими заклятиями». Именно на колдовство списывались случаи смертей и заболеваний среди противников реформ¹⁹.

Разгоравшаяся внутри Сангхи «война слухов», без сомнения, играла на руку атеистам, давала им бесценный материал, который можно было использовать в агитации против буддизма в целом. В ответ на слухи, распространявшиеся

¹⁴ Там же, л. 13–14.

¹⁵ *Синицын Ф.Л.* К истории возникновения... С. 108, 112; *Цыремпилов Н.* Сангха в период упадка... С. 362.

¹⁶ *Басхаев А.Н.* Буддийская церковь Калмыкии... С. 103.

¹⁷ *Freeze G.L.* Counter-reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religion Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review*. Vol. 54. № 2 (Summer 1995). P. 338.

¹⁸ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 5, д. 331, л. 3.

¹⁹ Там же, л. 6–7; оп. 7, д. 412, л. 41.

консерваторами, обновленцы обвиняли тех в разврате, спекуляции, контрабанде и незаконном переходе через границу²⁰. Но главным пунктом обвинения против лам-консерваторов была, конечно, их контрреволюционность. Особенную тревогу у представителей власти вызывали буддийские священники на территории Бурят-Монгольской республики. Она находилась близко к границе, что облегчало контакты с буддистами Монголии, Тибета и Китая. В числе наиболее частых контрреволюционных деяний лам-консерваторов называлась агитация среди местного населения за переселение за пределы страны. Как отмечали руководители ОГПУ Бурят-Монгольской республики, причиной призывов эмигрировать стали передача всех дуганов обновленцам и «перегибы» в обложении налогами. Преследование религии оказалось одним из основных доводов в пользу переселения²¹.

Несколько иная ситуация сложилась в Калмыкии, духовенство которой не было связано «догматическими положениями», делающими невозможным участие мирян в духовных делах. Лидер обновленцев Калмыкии Ш. Тепкин старался усилить своё влияние среди верующих, которые активно вовлекались в работу как местных, так и центральных органов управления религиозной общиной. Причиной недовольства мирян стало в числе прочего стремление калмыцких обновленцев к укрупнению хурулов. Количество буддийских монастырей благодаря усилиям реформаторов к 1926 г. сократилось с 76 до 40. Это, как считали обновленцы, помогало «качественно улучшить духовенство» и «расширить сеть школ при укрупнённых хурулах». Вместе с тем объединённые хурулы предполагалось передать обновленческим общинам, тем самым нанеся удар по консерваторам. Однако миряне в этом вопросе также оказались на стороне противников реформ, поскольку сокращение количества монастырей привело к увеличению расстояния до них, которое верующим необходимо было преодолевать. Их недовольство проявилось как в возбуждении ходатайств перед советской властью, так и в открытых выступлениях против обновленцев. В результате процесс укрупнения хурулов приостановился, и к началу 1927 г. их количество в Калмыкии возросло до 47²².

С конца 1925 г. характер взаимоотношений между советской властью и буддийскими общинами претерпевал радикальные изменения, прежде всего по вопросу о религиозном образовании несовершеннолетних. В предшествующий период, когда происходило уничтожение системы образования для верующих христиан, религиозное просвещение среди буддистов Бурятии продолжало функционировать. В Анинском дацане в 1920-х гг. продолжала работать школа «Шойра», в которой преподавались основы буддийской философии, а число учащихся доходило до 400 человек. Кроме неё существовала «кочующая школа» «Шуд», которая перемещалась между пятью дацанами. Велось обучение буддийским дисциплинам и на дому.

С середины 1920-х гг. власть начала предпринимать меры, направленные на искоренение религиозного просвещения юных буддистов. В Калмыкии запрет на принятие в манджики (послушники) детей до 18 лет приняли ещё в 1923 г., в то время как в Бурятии запрет на принятие в хувараки (послуш-

²⁰ Там же, оп. 7, д. 412, л. 7.

²¹ Там же, л. 9, 21–22.

²² Там же, оп. 5, д. 331, л. 10–11.

ники) несовершеннолетних был введён в декабре 1927 г.²³ Этот запрет вызвал возмущение верующих, которые старались найти способы его обойти, обучая детей без принятия их в дацан на постоянное жительство или укрывая послушников в монастырях²⁴.

По вопросу о преподавании основ веры детям на компромисс с властью оказались не готовы пойти даже многие влиятельные обновленцы. Как отмечалось в обзоре Восточного отдела ОГПУ о деятельности буддийского духовенства СССР, Доржиев не хотел «открыто идти против советской власти», однако, не возражая против установленной властью возрастной нормы, добивался права обучения детей в религиозных школах в свободное время²⁵. Как он писал в своём «Заявлении» на имя Г.В. Чичерина в апреле 1925 г., этот запрет «подрывает коренную основу нашей религии», превращая свободу вероисповедания «в простую фикцию». Лидер буддийских обновленцев отметил, что советское законодательство в результате оказалось ещё более ограничивающим свободу вероисповедания буддистов, чем драконовское «старое царское законодательство»²⁶.

Властям удавалось постепенно обнаруживать случаи нарушения запрета на преподавание вероучения детям. Нарушителей (в Бурятии — по крайней мере с 1927 г.) привлекали к уголовной ответственности²⁷. Не менее жёсткие меры принимались против преподавания основ вероучения детям в Калмыкии. В результате к 1937 г. в хурулах Калмыцкой АССР не осталось ни одного манджика²⁸. Как подчеркнула Е.Н. Бадмаева, результатом антирелигиозной политики советской власти стало уничтожение системы воспроизводства буддийского знания и его лучших носителей²⁹.

Чрезвычайно действенным способом разрушить влияние буддийской Сангхи в обществе были удары по экономической базе «ламства», в частности, по тибетской медицине. Организованная Доржиевым работа по её популяризации вызывала противодействие представителей центральной и местной власти. В отдельных сомонах имели место «попытки врачей заручиться общественным приговором о необходимости тибетской медицины». Недовольство верующих вызвал запрет на созыв совещания медиков в Ацагатском дацане Бурятии. Доржиев направил тибетского медика Ендонова в Москву с заявлениями верующих-пациентов о необходимости тибетской медицины «с громадным количеством подписей»³⁰.

Как отмечал глава буддийских обновленцев, с 1931 г. со стороны местных властей наблюдалось стремление «всеми возможными мерами добиться прекращения деятельности Ацагатской медицинской школы». Начались аресты и высылки наиболее квалифицированных врачей. Учебные заведения и обучающиеся в них облагались непосильными налогами. Заработанные врачами

²³ Доржиева Г.Ш. Репрессированное духовенство Калмыкии. С. 11; Синицын Ф.Л. «Красная буря»... С. 170.

²⁴ Синицын Ф.Л. «Красная буря»... С. 175.

²⁵ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 5, д. 331, л. 4.

²⁶ Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии... С. 111.

²⁷ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 7, д. 412, л. 19.

²⁸ Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии... С. 174.

²⁹ Badmaeva E. The accelerated «settlement of the religious question» by the Bolshevik party and soviet state apparatus in Kalmykia (1917–1924) // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 126–127.

³⁰ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 7, д. 412, л. 47.

суммы присваивал Ацагатский сомон, производивший изъятие денег «без всяких квитанций или каких бы то ни было других документов», также «без всяких оговорок» изымались строительные материалы. Всё это привело к резкому сокращению числа лекарей — представителей тибетской медицины. Если в середине 1920-х гг. их насчитывалось 300 человек, то к 1931 г. — около 200, а через год во всей Бурятии работники ОГПУ зафиксировали не более 40 лекарей. Согласно отчёту местных работников ОГПУ, «качественный состав лекарей снизился, с одной стороны, ввиду изъятия по разным к[онтрреволюционным] делам наиболее авторитетных медиков, с другой — вследствие почти полного отсутствия подготовки новых кадров»³¹.

Налоговый нажим и изъятия имущества привели к подрыву материальной базы тибетской медицины. Склады лекарств были истощены, поступления новых запасов пресекались. Пытаясь предотвратить уничтожение дацана, Доржиев ссылался на то, что «в настоящее время Ленинградский институт экспериментальной медицины занялся всесторонним изучением тибетской медицинской науки, и исчезновение живого центра этой науки отразится в высшей степени отрицательно на его работах», сделав невозможным слияние «всего лучшего и наиболее полезного в обеих медицинах». Доржиев попытался даже передать Всероссийскому институту экспериментальной медицины постройки Ацагатского аршана, однако в начале 1932 г. там «была вскрыта серьёзная контрреволюционная группа», и «аршан был окончательно ликвидирован как лечебное учреждение». На территории монастыря оставалось 4–5 лам, среди которых не оказалось ни одного лекаря. Местным органам власти оставалось лишь документально оформить его ликвидацию³².

Уничтожение Ацагатского аршана было лишь одним из многочисленных фактов «экономического удушения» буддийских общин. Как отмечал Доржиев в записке на имя председателя Особой комиссии по делам культов при ВЦИК П.Г. Смидовича, непосильный налог возлагался «на всех духовных лиц независимо от наличия дохода». Если кто-то не имел возможности его уплатить, то распродалось за бесценок «всё имущество до постели и жилища включительно», и люди превращались в нищих. Например, новое деревянное летнее жилище продавалось за 5 руб.³³ В 1932 г. минимальный налог, которым облагались ламы в Бурятии, составил 100 руб. Тех, кто считался имущими, облагали налогами в 600–700 руб., после чего сажали в тюрьму и ссылали. Буддийский священник Д. Гелегов в 1933 г. писал Доржиеву: «Если возложат такой же налог, как и в прошлом году, то мудроно будет остаться живым»³⁴.

К денежным сборам добавлялись другие повинности. Лиц духовного звания отправляли на принудительные работы по починке дорог, лесозаготовки и т.д. Этой повинности подлежали буддийские священники возрастом до 35, а в некоторых районах — до 55 и даже 66 лет. Срок работы устанавливался в 6–7 суток, но в действительности отработка длилась в течение месяца и дольше, при этом ни денег, ни продовольствия не выдавалось. Как отмечал в своей жалобе Доржиев, «если ламам кто-нибудь из близких приносит пищу, то таких лиц облагают штрафом, исключают из совхозов, колхозов и артелей и посылают по миру». Мучимые голодом ламы были вынуждены собирать упавшие ко-

³¹ Там же, оп. 11, д. 1509, л. 101.

³² Там же, л. 38–41, 100–101.

³³ Там же, л. 34, 45.

³⁴ Там же, л. 34, 45–46.

лосья, за что их обвиняли в воровстве, взымали штрафы, сажали на несколько дней в тюрьмы или прибавляли несколько дней принудительных работ³⁵.

На глав монастырей (хурулов) в Калмыкии, кроме подоходного налога и самообложения, налагался ещё «культсбор» и прочие денежные повинности, общая сумма которых составляла 1 660 руб. Кроме денежного сбора, составлявшего как минимум 100 руб., на всех духовных лиц (без учёта их имущественного состояния) возлагалось обязательство заготовить несколько сотен крысиных шкур и 92 кг мяса. Как отмечал Доржиев, в 1933 г. «в Большом хуруле отбирают храмовые здания и жилища духовных лиц, а последних изгоняют. В иных хурулах выселяют духовных лиц, отбирая помещения для совхозов и колхозов»³⁶.

Налог с земельной площади, занимаемой дацаном и жилыми строениями, назначался минимум в 40–50 руб., но доходил и до тысячи. На территории дацанов размещались части Красной армии или совхозы, реквизировавшие у лам необходимые им помещения. Красноармейцы вторгались в храмы и ксилографические печатни, выносили оттуда доски с вырезанными для печати текстами и топили ими печи³⁷. Доржиев писал Смидовичу, что «преследования духовенства... сопровождаются варварским уничтожением больших культурных ценностей: тибетские и монгольские ксилографические издания и рукописи, содержащие редчайший литературный и научный материалы, употребляются в качестве курительной бумаги, типографские доски (с вырезанными на них текстами) идут и на дрова и т.п.»³⁸. В Тункинском аймаке в ходе отчуждения монастырского имущества, «разобрав и разломав находящиеся снаружи дацана хурдо (вращающиеся деревянные цилиндры с заключёнными в них текстами), пришельцы вытащили тексты и употребили их на папиросную бумагу»³⁹.

Все эти меры привели к резкому сокращению буддийских священнослужителей. Как отмечал Доржиев, «число лам в отдельных дацанах сократилось до минимума — до 1–2 человек»⁴⁰. Даже те священники, которые не отреклись от сана, после изъятия у них жилищ были «по большей части превращены в нищих», вынуждены искать средства к существованию «в казённой работе в аймаке или по выделке кирпичей». Лишившись построенных собственными руками жилищ, они, по словам З. Чойнхорова, «бродят по разным местам и в поисках работы»⁴¹.

Если в 1920-х гг. острие репрессий было направлено главным образом на противников обновленцев, то в 1930-х гг. массовые аресты затронули уже представителей всех направлений. В качестве примера репрессий против обновленческого духовенства можно привести ликвидацию «повстанческой» контрреволюционной группы буддийского духовенства «Хамбо» в Калмыцкой АССР. Среди арестованных по данному делу (31 человек) 13 «специально ездили в Ленинград для встречи с Хамбо Агван Доржиевым». Причём Г. Яшкулов, Ц. Санджиев и Д. Дамбаев «ездили туда по 3–4 раза»⁴².

³⁵ Там же, л. 34, 45.

³⁶ Там же, л. 36.

³⁷ Там же, л. 45–46.

³⁸ Там же, л. 35.

³⁹ Там же, л. 47.

⁴⁰ Там же, л. 43.

⁴¹ Там же, л. 47.

⁴² Там же, ф. 3, оп. 2, д. 748, л. 2–3.

В условиях гонений на буддийские общины всё более очевидной становилась необходимость прекращения внутренних разногласий. Начиная, по крайней мере, с 1929 г. обновленцы предпринимали попытки примириться со своими оппонентами — противниками реформ в Сангхе⁴³. Так, в Цогольском дацане, к неудовольствию работников ОГПУ, «обновленческая часть ламства быстро сменила свои вехи и в 1929 году окончательно консолидировалась с реакционной частью и стала на прямой открытый путь борьбы с соввластью»⁴⁴. К 1933 г. необходимость объединения усилий представителей всех направлений буддизма осознали и лидеры обновленчества. Доржиев присылал из Ленинграда курьеров в Цугольский, Анинский, Янгажинский, Агинский, Гусиноозерский, Кыренский дацаны. Они передали бурятским буддистам «директиву об объединении всех сил, ликвидации внутренних раздоров и сохранении единства ламства». Кроме того, в директиве указывалось на невозможность «открытых методов противодействия соввласти»⁴⁵. Для многих деятелей буддийской Сангхи целесообразность существования того или иного течения могла оправдываться не столько принципиальными соображениями, сколько политической конъюнктурой, желанием сохранить существование религиозной общины в советском обществе. Одной из причин отказа от противостояния с консерваторами можно назвать то, что обновленцы разочаровались в реформаторстве как способе задобрить советскую власть и окончательно поняли, что мирное сосуществование с ней невозможно.

После отказа власти от политики «религиозного нэпа» среди буддийских священников появилось понимание, что перед лицом надвигающейся опасности нужно забыть о своих разногласиях и перестать заигрывать со своим врагом. Тревога по поводу дальнейшей судьбы Сангхи и стремление защитить её побудила Доржиева отправиться в поездку по районам Бурятии, в ходе которой он обращался к верующим и выступал с открытым осуждением «коммунистов, комсомольцев и безбожников», которые незаконно преследуют и притесняют религию. Эти проповеди вызвали горячий отклик, на них «собиралось значительное количество верующих, которые приносили ему разные приношения». Особое возмущение у сотрудников органов безопасности вызывал тот факт, что стремление посетить проповедь Доржиева срывало назначенные на то же время общественные собрания. Лидер обновленцев собирал «компрометирующие» материалы на неправильные действия местных советских органов по отношению к ламству. Доржиев использовал их для составления жалобы во ВЦИК. В ней он просил Смидовича по примеру Монголии войти «в положение верующих буддистов Бурято-Монголии и Калмыцкой области, чтобы дать им пока возможность спокойного существования, не разрушая насильственно в корне их старых обычаев, к которым они привыкли в течение многих сотен лет». Действия Доржиева, по оценке работников ОГПУ, являлись «объективно антисоветскими», заставив их начать искать способ «сократить гастролирование Доржиева»⁴⁶. В дальнейшем чрезмерная активность лидера обновленцев привела к его аресту и смерти в заключении.

Агентурные сведения о «контрреволюционной» деятельности Доржиева, в том числе в связи с имевшими место в Бурятии восстаниями, начали

⁴³ Там же, ф. 2, оп. 7, д. 412, л. 12.

⁴⁴ Там же, оп. 11, д. 1509, л. 81.

⁴⁵ Там же, л. 99.

⁴⁶ Там же, оп. 7, д. 412, л. 23–24; оп. 11, д. 1509, л. 27–28.

собирать уже в конце 1920-х гг.⁴⁷ Работники ОГПУ использовали агента под условным именем «Мурин», который от лица бурятских буддистов приезжал к Доржиеву в Ленинград и был им послан нелегально в качестве эмиссара в Тибет к далай-ламе и в Китай к Банчен-Богдо. В переданных с «Муриным» письмах лидер обновленцев пытался выступить в качестве посредника между враждующими духовными лидерами буддистов. Авторы информационного документа особо отмечают, что Доржиев просил «Мурина» информировать устно Банчен-Богдо, что «дальнейшая судьба ламства и ламаизма в СССР зависит от него». «Мурин» после «всестороннего и обстоятельного инструктажа» был переброшен в Монголию, как «завербованная рабочая сила, согласно санкции Особого отдела ОГПУ»⁴⁸.

Возможно, что под именем «Мурин» скрывался некий священник Чапчаев, подробная запись беседы с которым была зафиксирована в одном из информационных документов: далай-лама подробно расспрашивал его о происходивших в СССР гонениях на буддизм, предлагал связаться с Чичериным с просьбой прекратить их, а также выражал обеспокоенность тем, что Доржиев стал «русским человеком», «живёт в Москве, а не в монастыре» и «одевается по-европейски». В качестве возможного преемника постаревшего лидера обновленцев далай-лама называл Ш. Тепкина⁴⁹.

Власть всячески противодействовала Доржиеву в его борьбе за сохранение Сангхи. В 1930 г. «фактически был ликвидирован» бурятский Центральный духовный совет. После этого «непосредственное руководство стало осуществляться Агван-Доржиевым и его заместителем Норбоевым Данзан». Управлять делами общины лидеры буддийских обновленцев были вынуждены нелегально. Они, по словам авторов информационного документа, всеми силами стремились «устранить какие бы то ни было подозрения о своих связях с дацанами в БМ АССР». Эту конспирацию сотрудники ОГПУ связывали с ликвидацией «контрреволюционных повстанческих организаций в Селенгинском, Закаменском, Кяхтинском аймаках»⁵⁰.

Сторонники Доржиева в Калмыкии также обвинялись в участии в контрреволюционных выступлениях, как это произошло, например, в 1934 г. с членами «повстанческой группы» «Хамбо». В числе арестованных по делу оказались настоятели буддийских монастырей (бакши), носители высших духовных званий (харамбо и доромбо), а также лица, побывавшие прежде в Тибете, Китае, Монголии и Бурят-Монголии. Работники ОГПУ отмечали, что «данная контрреволюционная группа образовалась на основе общности классовых интересов и антисоветских взглядов буддийского духовенства по заданию проживающего в Ленинграде неофициального представителя Тибета Хамбо Агван Доржиева». Последний назван «известным японофилом и панмонголистом, являющимся на протяжении ряда последних лет идейным вдохновителем контрреволюционного движения буддизма в Калмыкии и Бурят-Монголии». Арестованные по делу «Хамбо» регулярно посещали Доржиева в Ленинграде и информировали его «в контрреволюционном духе о жизни буддизма и населения, получали установки о контрреволюционной работе на местах. По возвращении в Калмыкию они по указаниям Хамбо сгруппировали во-

⁴⁷ Там же, оп. 7, д. 412, л. 73.

⁴⁸ Там же, оп. 11, д. 1509, л. 28–29.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, д. 162, л. 142–144.

⁵⁰ ЦА ФСБ России, ф. 2, оп. 11, д. 1509, л. 99.

круг себя гелюнгов и кулацко-националистические элементы из числа верующих, в частности председателей хурульных советов, развёртывали широкую антисоветскую агитацию, используя каждый удобный момент, как, например: массовое богослужение в хурулах и др[угие] сборища верующих. В отдельных хурулах (Гахатинский, Ики-Багутовский и др.) устраивались специальные моления “Сахюза”, “Майдри” с лозунгами “за наступление хорошего времени, за процветание религии, за победу над врагами религии” и т.д. с привлечением значительного количества верующих (300—400 чел[овек]). Во время или после окончания таких молений гелюнги обрабатывали верующих по одиночкам или группами в контрреволюционном духе»⁵¹.

Как отмечали работники ОГПУ, «Хамбо» делали основной упор на «привитие в массах сознания о неизбежности гибели соввласти в связи с предстоящей войной между Японией и СССР». Согласно показаниям арестованного Бады Балмаева, агитаторы предсказывали, что «японцы скоро объявят войну СССР, свергнут советский строй, восстановят старую власть, и тогда наступит хорошая жизнь для духовенства и верующих, так как японцы проповедуют буддийскую религию, они будут защищать буддистов». В целях агитации буддийскими священниками использовался «Зарлик» (сочинение) одного из старинных буддийских святых, где говорилось «о наступлении хорошей жизни для буддистов» в год «Красной мыши» (по буддийскому летоисчислению — 1936 г.). Согласно донесениям ОГПУ, священники сообщали Доржиеву о положении буддийского духовенства в Калмыкии, политическом и экономическом положении в регионе. Эти сведения использовались им для составления жалоб в Москву на «незаконные действия местных властей, гонения буддийской религии, преследования духовенства» на местах. Кроме того, эти сведения он передавал тибетскому послу в Монголии. В Ленинграде в связи с указанным делом в 1934 г. был арестован бурятский гелюнг Чагдыр Эрдниев, который обеспечивал связь между Доржиевым и участниками «повстанческой группы»⁵².

Архивные документы позволяют проследить эволюцию взглядов лидера обновленцев, приведшие его к столкновению с недавним союзником. В них зафиксировано содержание бесед Доржиева с «рядом близких к нему лиц по вопросам текущей политики партии и советской власти». Как докладывали сотрудники органов безопасности, он «неоднократно отмечал, что партия и власть в последнее время искажает заветы Ленина», который, по его словам, был «поистине гениальным человеком и оставил гениальные заветы, которые, к сожалению, не выполняются его последователями — последователями в кавычках. Наступает тяжёлое время. Молодёжь начинает играть руководящую роль в государстве. Старые работники — соратники Ленина начинают оставаться за бортом. Неопытная молодёжь управляет всюю, проводит резкую политику. Притесняют крестьян и особенно верующих. Особенную активность проявляют молодые бурятские работники, которые объявили войну против ламства. Такая резкая политика чревата опасностью для самой партии, ибо это может подорвать авторитет её среди масс. В результате такой резкой политики получится взрыв негодования масс. Что будет в дальнейшем — покажет будущее»⁵³.

⁵¹ Там же, ф. 3, оп. 2, д. 748, л. 2—4.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 4.

Внимание сотрудников ОГПУ также привлекло сообщение прибывшего из Тибета ламы Гатапова, которое дало «основание полагать, что Доржиев продолжает пользоваться большим авторитетом у далай-ламы». Как отмечал Гатапов, «далай-лама высоко ценит и уважает Доржиева, считая его человеком, который сыграл решающую роль в истории Тибета, когда Англия проявляла по отношению к Тибету большую агрессивность». По мнению духовного лидера буддистов, именно благодаря Доржиеву Тибет сохранил свою самостоятельность⁵⁴. Проблема заключалась в том, что в связи с изменившейся внешнеполитической ситуацией хорошие отношения с лидером Тибета перестали быть преимуществом Доржиева в глазах представителей советской власти.

Таким образом, как показало исследование, само понятие «золотого века буддизма» носит весьма условный характер и связано с заявлениями лидеров буддийского обновленчества о возможности «сотрудничества» между «близкими по духу» буддизмом и большевизмом. Попытки буддистов доказать свою лояльность и сохранить свою самобытность были изначально обречены на провал. Власть стремилась к интеграции коренного населения Бурятии и Калмыкии в советское общество, что подразумевало отказ от «религиозных предрассудков» и буддийской идентичности. Отношения между обновленческим буддийским духовенством и советской властью в 1917–1925 гг. можно описать скорее не как «золотой век» или «медовый месяц», а как отношения симбиоза, когда каждая из сторон пытается использовать другую в своих интересах.

⁵⁴ Там же, ф. 2, оп. 7, д. 412, л. 46.

Советское уголовное законодательство по трудовым преступлениям и особенности его правоприменения (1940–1956)

Елизавета Хатанзейская

**Soviet criminal legislation on labor crimes and special features
of its enforcement (1940–1956)**

Elizaveta Khatanzeiskaia
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24010122, EDN: CGKZWN

Криминализация обычных для советской действительности нарушений трудовой дисциплины в начальный период Второй мировой войны – важный индикатор общей тенденции ужесточения общественного порядка и последняя стадия срочной мобилизации всех ресурсов общества. Историография «трудовых преступлений», как следствие, достаточно велика, и в ней можно выделить две крупные традиции. Одна представляет собой попытку оправдания ужесточения законодательства тяготами предвоенного и военного времени¹. Другая стремится разобраться в механизме действий репрессивной машины, обоснованности применения столь жёстких мер по отношению к рабочим и служащим военной промышленности и приравненных к ней отраслей народного хозяйства, эффективности карательной политики и её масштабах². Как отмечает О.В. Хлевнюк, после провала «индустриального рывка» стало очевидно, что

© 2024 г. Е.В. Хатанзейская

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University.

¹ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2003. М., 2004. С. 74–99; Соколов А.К. Проблемы мотивации труда на советских предприятиях // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 174–224; Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород, 2008; Сомов В.А. Репрессии как метод трудовой мобилизации в условиях Великой Отечественной войны (по материалам Волго-Вятского региона) // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 8–18; Морозов А.А. Развитие советского законодательства о дисциплине труда: историко-правовой аспект (1917–1945 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006.

² Козинцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертизмом» с предприятий военной промышленности в 1942–1948 гг. // Отечественная история. 2008. № 6. С. 101–108; Иванова Г.М. По законам военного времени: правоохранительная деятельность государства в условиях Великой Отечественной войны // Труды Института российской истории РАН. 2017. № 14. С. 49–71; Khlevniuk O. V. Deserters from the labor front: the limits of coercion in the Soviet war economy // Kritika: explorations in Russian and Eurasian history. Vol. 20. 2019. № 3. P. 481–504; Белоногов Ю.Г. Оценка эффективности профилактики трудового дезертизма периода Великой Отечественной войны в современной российской историографии // Великая Отечественная война в исторической памяти

рабочую силу, в особенности квалифицированные кадры, необходимо закреплять за предприятиями. В отсутствие материальных стимулов единственным выходом оказалось усиление репрессий. При этом, «чтобы угроза репрессий действительно функционировала как стимулирование труда, необходимо было криминализировать труд, превратив в преступление любое нарушение дисциплины или самостоятельный выбор работы»³. А.Я. Козинцев выявил, что в 1940-х гг. количество трудовых правонарушений только по указу 26 июня 1940 г. составило 50% от числа всех преступлений в СССР. Указ 26 декабря 1941 г. он назвал «провалом», который «стоил многих жертв, сопровождался массовыми издевательствами над невинными людьми, принёс материальные издержки, показал безграмотность руководства и не достиг ни одной из заявленных целей»⁴. Ю.Г. Белоногов подробно разобрал различные практики уклонения от труда, учёта правонарушений и исполнения судебных приговоров в годы войны и пришёл к выводу, что нарушение трудовой дисциплины оказалось для бедствующих людей средством выживания⁵.

Так или иначе все современные авторы данного направления отмечают жестокость указов о труде, широкие масштабы их игнорирования или «саботажа» на всех уровнях управления, начиная с директоров предприятий и заканчивая высшими инстанциями, прокуратурой и Министерством юстиции, а также то, что осуждённые по указам — не злостные или идейные нарушители, а простые люди, бежавшие от тяжёлых условий жизни и угрозы голодной смерти. Стоит также указать, что основное внимание историков и юристов приковано к военному периоду. В связи с этим в центре данного исследования — малоизученные аспекты функционирования уголовного трудового законодательства и дискуссии по вопросу его смягчения или отмены в послевоенный период.

Практика правоприменения указов 26 июня и 26 декабря в военное время

Указ президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» предусматривал увеличение продолжительности рабочего дня с 7 до 8 часов на предприятиях с семичасовым рабочим днём, с 6 до 7 часов на предприятиях с шестичасовым днём, с 6 до 8 часов — для несовершеннолетних и для служащих учреждений. Рабочие и служащие всех государственных, кооперативных

народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск, 2020. С. 181–189.

³ Khlevniuk O.V. Deserters from the labor front... P. 503.

⁴ Козинцев А.Я. Историография трудовых преступлений в СССР в 1930–1950-е годы // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. С. 90–109.

⁵ Белоногов Ю.Г. Проблемы эффективности карательной политики государства в отношении трудовых дезертиров в период Великой Отечественной войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIX международной научной конференции. Иваново, 2020. С. 32–37; Белоногов Ю.Г. «Преступление и наказание»: приговоры военных трибуналов в отношении трудовых дезертиров в 1942 г. (на материалах приговоров в отношении осуждённых работников завода № 172 Наркомата вооружений СССР) // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Сер. Социальные и гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 5–13; Белоногов Ю.Г. Изменение трудового законодательства в 1940 г. в контексте милитаризации советской экономики накануне Великой Отечественной войны // III международная научно-практическая конференция, посвящённая 100-летию образования СССР. М., 2022. С. 117–123.

и общественных предприятий и учреждений переводились с шестидневной на семидневную рабочую неделю. Запрещался самовольный уход рабочих и служащих с места работы, а также самовольный переход из одной организации в другую. Разрешить его могли только директор предприятия или начальник учреждения по причине болезни или инвалидности, невозможности предоставить работнику иную работу на данном предприятии/учреждении, выхода на пенсию, либо в связи с зачислением в высшее или среднее учебное заведение. В случае самовольного ухода сотруднику грозили народный суд и тюремное заключение сроком от двух до четырёх месяцев, а за прогул без уважительной причины — исправительно-трудовые работы по месту службы до шести месяцев с удержанием до 25% зарплаты⁶. В связи с этим отменялось увольнение за прогул без уважительных причин. Все дела должны были рассматриваться в пятидневный срок, а приговоры немедленно приводиться в исполнение. Директора предприятий и учреждений привлекались к судебной ответственности за неисполнение указа и уклонение от предания суду, а также за принятие на работу лиц, уклоняющихся от судебной ответственности за самовольный уход или прогул.

17 июля 1940 г. вышел указ «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнёров, работающих в машинотракторных станциях». Эта же мера была распространена на колхозников, строго регламентировался рабочий день в лёгкой промышленности (мастерских по пошиву одежды, ремонту обуви, химчисток, парикмахерских и др.)⁷. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 июля 1940 г. под действие указа от 26 июня 1940 г. попали предприятия промысловой (в том числе лесопромысловой) кооперации⁸. 17 июня на имя секретаря ЦК И.В. Сталина и председателя СНК СССР В.М. Молотова поступило письмо наркома юстиции Н.М. Рычкова и прокурора СССР М.И. Панкратьева с просьбой дать судебно-прокурорским органам указание привлекать к ответственности за прогулы лиц, совершивших 20-минутное опоздание на работу или ушедших на 20 минут раньше с работы или на обед. Для уже осуждённых за прогул, совершивших новый прогул без уважительной причины, предполагалось заменить неотбытый срок исправительно-трудовых работ тюремным заключением по приговору суда⁹.

Однако с первых дней начался саботаж. Из выписки протокола заседания июльского пленума ЦК ВКП(б) известно о секретной инструкции, которая обязала Наркомат юстиции (НКЮ) и лично Рычкова «ликвидировать волокиту по разбирательству дел прогульщиков и летунов, самовольно ушедших с предприятий и учреждений». Она запрещала вызов на судебные заседания по этим вопросам в рабочее время рабочих, служащих и администрации предприятий, а также показательные судебные процессы¹⁰. Однако эти меры не дали улучшения ни в трудовой дисциплине, ни в качестве производимой продукции. Постановление пленума от 31 июля 1940 г. «О контроле над проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.»¹¹ отмечало,

⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 2–3.

⁷ Там же, л. 7–8, 13, 15.

⁸ Там же, л. 14–17.

⁹ Там же, л. 9–10.

¹⁰ Там же, л. 20–21.

¹¹ Там же, л. 22–23 об.

что «летуны и прогульщики», а также покрывавшие их директора предприятий и учреждений «оставались безнаказанными».

Репрессивное законодательство саботировалось на всех уровнях: наркоматы не осуществляли практического руководства его реализацией на подведомственных предприятиях и учреждениях, ограничиваясь изданием формальных приказов, опаздывали в решении административно-хозяйственных вопросов. Директора предприятий и начальники учреждений устранились от выполнения указа, возложив задачу привлечения «летунов и прогульщиков» к ответственности на отделы кадров. Последние либо не передавали дела о прогульщиках в суд, либо делали это с большим опозданием. Распространилась практика предоставления работникам кратковременных, двух-трёхдневных отпусков за свой счёт, что в руководстве страны расценили как «форм[у] узаконения прогулов и укрывательства прогульщиков от суда». Прокуратура исполнение указа не контролировала (Панкратьев был вскоре отстранён от должности именно как «не справившийся с воплощением в жизнь Указа»). Народные суды подолгу «мариновали» дела, вынося «общественное порицание, условное наказание», на их заседания в качестве свидетелей защиты по-прежнему вызывались другие работники и представители администрации предприятий и учреждений, развилась практика показательных судов. Кроме того, приговоры не приводились в исполнение немедленно.

Как следствие, 10 августа вышел указ президиума Верховного совета СССР «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей». Отныне народные судьи должны были рассматривать эти дела единолично¹². 21 августа СНК СССР выпустил постановление «О порядке направления в суд дел о преступлениях, предусмотренных Указом от 26 июня 1940 г., и исполнения приговора по этим судам», согласно которому директора предприятий и учреждений обязывались направлять материалы о прогульщиках в суд не позднее следующего дня после установления факта. В качестве доказательства вины представлялись выписка из приказа, устанавливающего факт прогула или самовольного ухода, справки о прежних дисциплинарных взысканиях и о месте жительства. Вместе с местом работы человек терял и жильё. В случае увольнения осуждённого требовалось немедленно сообщить об этом инспекции исправительно-трудовых работ для дальнейшего исполнения приговора по месту нового трудоустройства, а при его отсутствии — на общих основаниях. За нарушение постановления руководители предприятий и учреждений привлекались к судебной ответственности¹³.

15 ноября 1940 г. новый прокурор СССР В.М. Бочков представил на имя Сталина, Молотова и секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова докладную записку об исполнении указа, согласно которой в суды поступили материалы на 1973 122 человек, из них осудили 1577 459, в том числе за прогул — 1321 740, самовольный уход с работы — 234 579, покровительство прогульщикам — 6032. В одном только Ленинграде за август вынесли 64 509 приговоров, в народные суды Москвы поступило 61 932 дела¹⁴. В документе отразились две тенденции:

¹² Там же, л. 27.

¹³ Там же, л. 28.

¹⁴ История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х — первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004. С. 411.

увеличение количества оправдательных приговоров и сроков тюремного заключения. Если в августе к заключению на два месяца приговорили 62% обвиняемых, а от двух до четырёх месяцев — 38%, то в ноябре — соответственно 13,5 и 86,5%. К исправительно-трудовым работам на срок до трёх месяцев в августе приговорили 61,5% осуждённых за прогул, а от трёх до шести месяцев — 38,5%. К середине ноября пропорция изменилась — 22,5 и 77,5%¹⁵.

Практика судопроизводства, которую удалось отследить в течение действия указа 26 июня, продемонстрировала устойчивую тенденцию к ужесточению наказаний. 25 декабря 1941 г. в ЦК ВКП(б) поступила записка о распространении указа на учащихся, находившихся на производственной практике. Мотивировалась просьба тем, что на многих заводах военной промышленности в порядке прохождения практики работало значительное — до 30–40% общего количества трудящихся — число учеников ремесленных, железнодорожных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО)¹⁶. Предложение было поддержано.

26 декабря вышел указ президиума Верховного совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (далее — указ 26 декабря), принятие которого инициировал Рычков. Отныне все рабочие и служащие мужского и женского пола предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных, а также занятые в отраслях, обслуживавших военную промышленность по принципу кооперации, считались на период войны мобилизованными и закреплялись на местах своей работы. Самовольный уход с работы рассматривался как дезертирство и карался тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. Дела о самовольном уходе рассматривались военными трибуналами¹⁷.

3 января 1942 г. вышло секретное постановление СНК СССР «О порядке направления в военные трибуналы дел о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.». Оно обязало директоров предприятий военной промышленности направлять материалы о самовольно ушедших с работы военному прокурору, а в случае его отсутствия — городскому или районному прокурору по месту нахождения предприятия, не позднее следующего дня после установления факта «дезертирства». Органы прокуратуры в свою очередь должны были немедленно направлять эти материалы в ближайший военный трибунал с постановлением о привлечении обвиняемого к ответственности и избрании меры пресечения. Материалы включали в себя выписку из приказа о факте дезертирства с документами, служащими основанием для его издания, личные документы обвиняемого (паспорт, военный билет и др.), хранящиеся в сейфе администрации, справку о дисциплинарных взысканиях (в том случае, если обвиняемый ранее привлекался к ответственности). Военным трибуналом дела о дезертирствах такого рода следовало рассматривать безотлагательно¹⁸.

11 июня 1942 г. указ 26 декабря распространили на предприятия угольной и нефтяной промышленности, 24 августа — на рабочих и служащих железных дорог и предприятий Наркомата путей сообщения, 2 октября — чёрной ме-

¹⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 412.

¹⁶ Там же, л. 36.

¹⁷ Известия. 1941. 27 декабря.

¹⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 39.

таллургии, 7 октября — наркоматов речного и морского флота, 10 октября — Наркомата текстильной промышленности, 31 декабря — Главного управления медеплавильной и меднорудной промышленности (Главмедь) Наркомата цветной металлургии СССР¹⁹. Кроме того, 14 ноября под действие указа попал вольнонаёмный состав исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР²⁰; в тот же день вводилась уголовная ответственность для всех мобилизованных в рабочие колонны за неявку по мобилизации на призывной пункт, самовольное оставление работы и дезертирство²¹. К тому времени союзный СНК уже разрешил направлять осуждённых к тюремному заключению по указу 26 декабря для отбытия наказания в лагеря и колонии (секретное постановление об этом, вышедшее 11 марта, подписали Сталин и управляющий делами СНК Я.Е. Чадаев²²), а 13 сентября вышел секретный приказ Государственного комитета обороны (ГКО) «О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Карагандинском угольном бассейне», поручивший НКВД направлять рабочих и служащих, осуждённых по указу 26 декабря, на специально выделенную для этого угольную шахту (аналогичное решение приняли в отношении Кизеловского бассейна)²³.

10 апреля 1942 г. заместитель председателя СНК СССР А.Я. Вышинский направил Сталину письмо, в котором поставил вопрос о том, как квалифицировать «самовольный уход с предприятий военной промышленности учеников-подростков в возрасте моложе 16 лет». Правовое положение несовершеннолетних отличалось от взрослых рабочих: они не могли самостоятельно выполнять определённые виды работ высокой квалификации, для них были установлены иная продолжительность рабочего времени и нормы оплаты труда²⁴. К письму прилагался проект постановления, согласованный с Бочковым и председателем Верховного суда И.Т. Голяковым. 31 июля он был оформлен в виде секретного постановления СНК «Об ответственности за самовольный уход с предприятий военной промышленности учеников-подростков в возрасте моложе 16 лет»: подростки приравнивались к учащимся школ ФЗО и ремесленных училищ, и их следовало подвергать «заключению в трудовые колонии сроком до 1 года»²⁵.

Несмотря на поток решений и законодательных актов, саботаж указа продолжался на всех уровнях, что явствует из записки заместителя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова от 3 марта 1943 г. «О проверке проведения в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.». Ещё 3 января 1942 г. СНК СССР принял постановление о срочном рассмотрении дел о нарушениях указа, обязавшее директоров предприятий направлять материалы о дезертирстве с производства не позднее следующего дня после установления факта самовольного ухода. Во исполнение этого постановления 28 октября 1942 г. вышел совместный приказ НКВД, НКЮ и прокуратуры СССР «О порядке розыска и исполнения заочных приговоров в отношении рабочих и служащих, дезертировавших с предприя-

¹⁹ Там же, л. 43–44, 48, 53, 56–57, 60.

²⁰ Там же, л. 116.

²¹ Там же, л. 59.

²² Там же, л. 40.

²³ Там же, л. 51–52.

²⁴ Там же, л. 41.

²⁵ Там же, л. 45–46.

тий военной промышленности». Эти задачи возлагались на органы милиции, которые «в случае, если обвиняемый не будет обнаружен через пять дней после получения постановления прокуратуры, дают об этом справку прокурору, на основании чего последний передаёт дело в военный трибунал для заочного рассмотрения»²⁶.

Всего в течение 1942 г. в военные трибуналы поступило 150 028 дел, по которым осудили 120 307 человек. Причём к концу года количество осуждённых резко возросло: если в первом полугодии в среднем в месяц выносились приговоры в отношении 2652 человек, то только в декабре — 29 508. Все эти дела в подавляющем большинстве рассматривались заочно, но в связи с тем, что до суда дезертиры не разыскивались, приговоры оставались на бумаге, а «дезертиры продолжали разъезжать с одного предприятия на другое»²⁷. Так, военные трибуналы Уральского военного округа рассмотрели дела на 35 120 человек (из них 22 104 — заочно). Из числа заочно осуждённых удалось разыскать 1 422 (5,1%). Трибуналы Приволжского военного округа рассмотрели 17 854 дела, в том числе заочно — 12 004, однако нашли лишь 646 обвиняемых (5,3%). Трибуналы войск НКВД осудили 78 406 человек, среди которых заочно — 44 430 (обнаружены лишь 2 779 — 6,2%). Подходя к делу столь формально, директора предприятий, органы прокуратуры и милиции фактически саботировали приказ.

Часто дела оформлялись несвоевременно. Табельный и адресный учёт рабочих на предприятиях находился в «запущенном состоянии»: почти не проверялись причины их отсутствия, а к суду привлекались ушедшие в армию или находившиеся в больнице. Так, из 734 дел, переданных в прокуратуру дирекцией автомобильного завода № 406 (Горьковская обл.), 137 пришлось прекратить за необоснованностью обвинений: в 10 случаях за дезертиров приняли больных, 18 человек находились в армии, 8 — учились в высших и средних учебных заведениях, 53 дела прекратили из-за тяжёлых бытовых условий рабочих (они жили прямо в цехах, не имели одежды и обуви и т.д.). На заводе «Уралмаш» за четыре месяца 1942 г. самовольно оставили производство 1 172 человека, из них осудили всего 448. На заводе им. Кирова (Челябинская обл.) по той же причине самовольно оставили работу 6 108 человек²⁸. Среди осуждённых значительное количество составляли рабочие из ремесленных училищ и школ ФЗО. В общежитиях, где они проживали, было грязно, сыро, холодно; в бараках — сквозные щели и лёд; отсутствовали элементарные удобства. Скудный заработок и мизерные нормы снабжения не могли покрыть элементарных потребностей в питании. Побег в таких условиях становился понятным и во многом неизбежным решением.

Несмотря на очевидность причин роста дезертирства, Шкирятов предложил в дополнение к постановлению СНК от 3 января 1942 г. обязать директоров устанавливать местонахождение лиц, оставивших работу, и не позднее следующего дня сообщать точный адрес обвиняемых, а начальников управления милиции — лично контролировать розыск дезертиров. Кроме того, он считал необходимым ввести для директоров предприятий и их заместителей по кадрам уголовную ответственность в случае передачи дел для необоснованного привлечения рабочих и служащих к ответственности²⁹. Конечно, эти требова-

²⁶ Там же, л. 61.

²⁷ Там же, л. 62.

²⁸ Там же, л. 63.

²⁹ Там же, л. 68.

ния были невыполнимы. В свою очередь Бочков предложил передать право наказывать работников директорам предприятий и учреждений, отметив, что уголовное преследование никак не влияет на улучшение дисциплины, а лишь увеличивает процент осуждённых на производстве. Так, с 1 января 1942 г. по 20 марта 1943 г. на заводе № 2 Наркомата вооружения осудили за прогулы 8 102 человек (26,3% списочного состава рабочих); на заводе № 183 Наркомата танковой промышленности — 6 965 (21,9%); на заводе № 63 Наркомата боеприпасов — 40,7% рабочих³⁰. В постановлении ГКО от 8 июля 1943 г. «О плане производства боеприпасов в третьем квартале 1943 г.» отмечалось, что на заводах «невыходы на работу» составили более 12%³¹.

Указ 26 декабря тем временем распространялся на всё новые и новые учреждения и отрасли. Так, 16 октября 1943 г. под его действие попал Уральский турбинный завод им. Кирова, 17 октября — заводы и организации Наркомата электропромышленности, 6 ноября — Михайловский содовый комбинат, 3 февраля 1944 г. — предприятия Наркомата тяжёлой промышленности, 15 марта — лесохимические производства Наркомата лесной промышленности и ацетон-бутаноловые заводы Наркомата пищевой промышленности, 31 октября — Подольский завод «Красный котельщик», 3 марта 1945 г. — Перовский машиностроительный завод Наркомата тяжёлого машиностроения, 29 марта — Храмская ГЭС Грузинской ССР, 19 апреля — вольнонаёмный состав авторемонтных мастерских Главного автомобильного управления РККА³².

Но состояние трудовой дисциплины оставалось неудовлетворительным, что зафиксировало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1944 г. «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.». Из него следует, что органы прокуратуры не обеспечили исполнения указа, а также постановления СНК от 3 января 1942 г., ограничившись канцелярской проверкой материалов, поступавших с предприятий. Ввиду своей массовости дела направлялись в военные трибуналы без расследования. Прокуратура самоустранилась от поиска дезертиров. Органы милиции, перегруженные другой работой, производили розыск крайне неудовлетворительно: обнаруживались лишь немногие бежавшие, дела в большинстве случаев приходилось рассматривать заочно. Руководители предприятий и учреждений принимали дезертиров на работу, а прокуратура не выполняла требования о привлечении таких укрывателей к ответственности. Постановление указало передавать дела в военные трибуналы после розыска обвиняемых, расследование заканчивать в трёхдневный срок, прекратить заочное рассмотрение дел; обязало НКЮ организовать военные трибуналы в крупных промышленных районах, а НКВД — провести розыск беглецов. Приказ НКВД от 28 октября 1942 г. отменялся, отныне жестокие санкции накладывались и на «укрывателей дезертиров»³³.

Органы милиции стали уделять беглецам с производства более пристальное внимание, и число осуждённых очно возросло³⁴. Однако эта кампания длилась недолго. Уже 1 августа 1945 г. вышло новое постановление СНК «Об устранении недостатков в практике применения Указа от 26 декабря 1941 г.», в котором го-

³⁰ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 885, л. 111.

³¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 72.

³² Там же, л. 73, 75, 77, 81, 83, 85.

³³ Там же, л. 86.

³⁴ *Khlevniuk O. V.* Deserters from the labor front... P. 487–489.

ворилось: «Прекратить заочное рассмотрение народными судами дел о дезертирстве, приостанавливать дела в случае нерозыска обвиняемых, народный суд обязан вынести определение о розыске обвиняемого органам милиции»³⁵. Впрочем, такого рода требования повторялись ежегодно и уже стали дежурными.

Таким образом, в течение войны действие указа 26 декабря распространилось на все предприятия и учреждения военной и смежных отраслей, а также на подавляющее большинство предприятий косвенно связанных с военным производством. Под его действие попали даже лагеря и колонии. Однако сложность проведения его положений в жизнь в условиях военного времени обусловила колоссальные масштабы саботажа. Решения высших органов власти «об устранении недостатков», а также увеличение числа очных приговоров почти не повлияли на ситуацию.

Стратегии саботажа уголовного трудового законодательства

С самого начала «указы о дезертирах» саботировали все: директора предприятий и учреждений, отделы кадров, судебно-следственные и надзорные органы и проч. Поэтому контроль за их исполнением требовал от государственного аппарата огромных усилий. Так, в октябре 1942 г. комиссия Наркомата государственного контроля СССР проверила работу НКЮ и прокуратуры по исполнению уголовного трудового законодательства. Было установлено, что дела, заведённые по факту нарушения указа 26 июня, составили около 60% общего количества дел, поступивших в народные суды страны. Тем не менее последовал вывод, что ведомства «не организовали должным образом работу судебно-прокурорских органов по усилению борьбы с дезертирами». Народные суды грубо нарушали указ: не соблюдали сроки рассмотрения дел, несвоевременно направляли приговоры к исполнению, часто допускали заочное рассмотрение. Директора предприятий и руководители учреждений не спешили сообщать органам прокуратуры о нарушениях. Выяснилось также, что минимум 23% дел в народных судах рассматривались с нарушениями сроков.

Фактическое число нарушений превышало уровень выявленных, так как отчётные сведения, представлявшиеся судами в НКЮ, в большинстве случаев не соответствовали действительности. Суды регистрировали не дату получения дела, а дату сдачи его в канцелярию. В ряде случаев судьи и вовсе не делали отметки о времени поступления дела в суд, чем стремились скрыть нарушение сроков рассмотрения. НКЮ и прокуратура не контролировали процесс судопроизводства. В среднем по стране около 44% приговоров отменялись после кассации (в одной только Омской обл. их аннулировали более 63,4%), что также свидетельствует о качестве работы судов³⁶. Значительная часть приговоров в отношении осуждённых к тюремному заключению не исполнялась. К примеру, в Молотовской обл. с 1 января по 1 июля 1942 г. суды направили в органы милиции 2364 приговора, из них было исполнено 364, возвращено в народный суд — 438, объявлено в розыск — 923, не принято никаких мер по 422 делам³⁷. Как правило, приговоры возвращались по причине «нерозыска обвиняемых», поэтому более 70% таковых выносились заочно. Так, военные

³⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 126–127.

³⁶ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 887, л. 79–81.

³⁷ Там же, л. 88–89.

трибуналы Уральского военного округа рассмотрели более 71% дел заочно, а в первом полугодии 1942 г. в Челябинской обл. из 719 заочно осуждённых не смогли разыскать никого³⁸. Учёт неисполненных приговоров и контроль за их исполнением практически отсутствовали.

Среди директоров предприятий и начальников учреждений широко распространилось «укрывательство дезертиров», дававшее возможность выполнять производственные задания и планы в условиях усугубившегося в период войны дефицита кадров и отсутствия материальных стимулов для привлечения работников. Поначалу на него закрывали глаза, но ближе к концу войны (особенно после постановления СНК от 29 июня 1944 г.) партийные структуры решили начать «наведение порядка». Так, в июле 1944 г. на заводах Москвы (завод № 24 НКО СССР и № 28 Главного управления по кислороду при СНК СССР) «вскрыли антигосударственные практики»: администрации трудоустраивали «чужих» квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников. Начальник отдела кадров завода № 24 Климушин, начальник инструментального цеха того же предприятия Мишкин и помощник директора завода № 28, капитан госбезопасности Рыгин систематически принимали на работу бежавших с располагавшегося в Нижнем Тагиле завода № 120 Наркомата авиационной промышленности СССР (преимущественно слесарей и токарей). На завод № 28 перешли 24, а на завод № 24 — 19 рабочих оттуда; помимо этого в инструментальном цехе завода № 24 выявили ещё 25 человек с других предприятий. Рыгин договорился с военным комиссаром Балашихинского района полковником Петровым об оформлении их под видом мобилизации, а взамен направил в военкомат рабочих более низкой квалификации. На заводе № 24 по прибытии следователя военной прокуратуры для задержания дезертира Воробьёва главный инженер Эфман приказал начальнику инструментального цеха удалить того с рабочего места и спрятать на заводском дворе, а в таблице сделать запись о том, что 26 июня, в день проверки, он оставил работу на заводе.

Интересно, что «дезертирами» становились как рядовые рабочие и служащие, так и управленцы «среднего звена». Например, при содействии Рыгина на должность начальника цеха завода № 28 приняли бывшего начальника цеха завода № 120 Решетникова, который оказался в Москве без справки с последнего места работы и без трудовой книжки. Вскоре он написал своим бывшим подчинённым несколько писем, призывая их дезертировать и обещая помощь в устройстве на завод № 28. Так поступили 20 рабочих, часть из них действительно трудоустроили. В итоге Климушина, Мишкина, Решетникова и его заместителя Костюнина, а также ещё нескольких управленцев и дезертиров арестовал следователь военной прокуратуры, их осудили на разные сроки исправительно-трудовых лагерей³⁹.

Подобные процессы прошли и в других городах. Например, осудили начальника отдела кадров алюминиевого завода (г. Сталинка Кемеровской обл.) Горбунова (десять лет исправительно-трудовых лагерей) и заведующего «личным столом» того же предприятия Захарова (пять лет). Они систематически скрывали и освобождали дезертиров (всего около 100 человек) через подложные выписки о признании их больными и нетрудоспособными⁴⁰. В Днепро-

³⁸ Там же, л. 91–93.

³⁹ Там же, л. 885, л. 25–27.

⁴⁰ Там же, л. 30.

петровске на заводе им. К. Либкнехта начальник отдела организации труда Усачёв и начальник мартеновского цеха Ефимов получили по девять месяцев исправительных работ. Председателя Барановского сельсовета Пестряковского района Ивановской обл. А.В. Комнева приговорили к пяти годам, председателя Самохвалского колхоза Арбарского района Кировской обл. И.В. Смирнова — к трём. К уголовной ответственности привлекли: начальника цеха завода им. Дзержинского (Днепродзержинск) И.С. Шевченко за укрывательство 32 дезертиров, начальника 5-го стройуправления спецстройтреста (Кривой Рог) Фомина за «сокрытие дезертиров и непередачу в прокуратуру материалов на 139 человек», бежавших с оборонной стройки, директора фабрики Наркомтекстиля «Красный луч» (Горьковская обл.) Н.И. Кузнецова за укрывательство 13 дезертиров. Впрочем, встречались и случаи самоуправства. Например, предстал перед судом председатель колхоза в Чадаевском районе Пензенской обл. Усов, вынудивший 23 колхозников покинуть работу на предприятии, угрожая лишить их приусадебных участков⁴¹.

Следует отметить хаотичный характер применения указа и бессистемность карательных акций. Разнились признаки облав на «дезертиров» и «укрывателей», меры пресечения и виды наказаний при примерно одинаковой степени виновности и т.д. Многое зависело от региона, взаимоотношений местного партийного аппарата и силовых структур, должностей привлекавшихся к ответственности лиц и, конечно, от наличия или отсутствия «связей». Говоря о чудовищном размахе репрессий (за годы войны вынесено более 7,5 млн приговоров, в результате чего около четверти всех рабочих и служащих оказались осуждены по указам о труде), О.В. Хлевнюк сделал вывод о том, что «масштабы игнорирования трудовых декретов были не менее значительны, чем масштабы их исполнения»⁴². Однако нельзя не отметить их влияния на повседневность и массовое сознание. Производственные планы хозяйственникам на местах приходилось выполнять не благодаря, а вопреки санкциям власти. Постоянный страх сотен тысяч честных людей, использование методов теневой экономики в регулировании деятельности предприятий и учреждений переводили производственный процесс из области выполнения заданий государства в область подпольного сопротивления его карательной политике.

Не меньшие масштабы игнорирования и саботажа наблюдались в деятельности надзорных, судебно-следственных органов, прокуратуры и милиции. В соответствии с постановлением СНК СССР от 1 августа 1945 г. прекращалось заочное рассмотрение дел о самовольном уходе с предприятий и учреждений. Теперь в случае неявки обвиняемых на судебное заседание суды выносили определения о производстве их розыска, который возлагался на органы милиции. Однако новый прокурор СССР К.П. Горшенين в записке Сталину отметил, что «органы» «плохо справлялись с работой, относились к ней формально и часто ограничивались предоставлением справки для суда о том, что обвиняемый не проживает по последнему адресу регистрации». В результате большинство самовольно оставивших работу оставались безнаказанными.росло и количество приостановленных дел. Так, на 1 июля 1945 г. суды вынесли такие решения в отношении 6037 из них, на 1 января 1946 г. — 30732, на 1 января 1947 г. — 134628, на 1 января 1948 г. — 426873, на 1 января 1949 г. —

⁴¹ Там же, л. 32–33.

⁴² Khlevniuk O. V. Deserters from the labor front... P. 503.

700049, на конец 1950 г. — около 1 млн дел⁴³. К концу десятилетия дезертиры уже достаточно спокойно устраивались на другую работу.

Прокуратуре СССР постановлением от 1 августа 1945 г. поручалось обеспечить неуклонное выполнение требований закона о привлечении к ответственности должностных лиц предприятий и учреждений, допускаявших приём самовольно оставивших прежнее место работы. Однако это указание не выполнялось. В частности, не контролировались передача в суд материалов о прогульщиках и дезертирах, привлечение к ответственности руководителей предприятий и учреждений, розыск беглецов милицией. Отсутствовал надзор за правильностью применения закона в суде, вследствие чего суды выносили приговоры упрощённым способом, часто применяли более мягкие меры наказания, безосновательно оправдывали подсудимых или вовсе прекращали дела. Так, за 1947–1948 гг. только по указу 26 июня оправдали 271768 человек: 158305 прогульщиков, 71830 обвинённых в самовольном уходе, 41633 необоснованно привлечённых к уголовной ответственности. В одном Кузнецком угольном бассейне сняли обвинения с 217 человек из 1869 привлечённых (11,6%), причём 208 из них составили кадровые рабочие⁴⁴.

К сожалению, несмотря на неэффективность правоприменительной практики, численность пострадавших за незначительные трудовые правонарушения оказалась колоссальной, превзойдя масштабы Большого террора. За период действия указа 26 декабря десятки тысяч человек погибли в камерах предварительного заключения в ожидании приговора⁴⁵, сотни тысяч не вернулись из лагерей. Даже если удавалось избежать тюремного срока, приговоры влекли за собой серьёзные последствия: наличие в биографии отметки о судимости, потерю непрерывного трудового стажа и льгот, трудности в прохождении военной службы или дальнейшем трудоустройстве. Всё это существенно усложняло повседневную жизнь людей.

Размах репрессий и их значение в поддержании трудовой дисциплины на производстве

Согласно записке Горшенина Молотову, на 1 января 1941 г. по закону от 26 июня 1940 г. суды получили дела на 2476241 человека, из которых осудили 1955790 человек, в том числе за прогул — 1648595, самовольный уход с работы — 299942, покровительство прогульщикам — 6951⁴⁶. К 1 апреля, согласно докладной записке начальника уголовно-судебного отдела М.Ф. Золотова и сотрудника прокуратуры С.П. Фаркина прокурору Бочкову «О судебных репрессиях...», под суд попали 3358368 человек, из них осуждены 2576849, в том числе за прогул — 2158406, самовольный уход — 400085, покровительство прогульщикам — 7775. Прекратили дела и вынесли оправдательные приговоры в отношении 390388⁴⁷.

⁴³ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 123–124.

⁴⁴ Там же, л. 125.

⁴⁵ Только за восемь месяцев 1943 г. в тюрьмах умерли от истощения, дизентерии, туберкулёза и других причин 454 подсудимых. В августе–сентябре 1943 г. бригада военного трибунала и военной прокуратуры провела чистку тюрем, освободив 3417 истощённых и больных заключённых (Кодинцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертиризмом»... С. 104).

⁴⁶ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 885, л. 9.

⁴⁷ История сталинского ГУЛАГа... Т. 1. С. 436.

Однако число прогулов и самовольных уходов оставалось высоким. Не помог и указ 26 декабря. В марте 1942 г. Бочков обратился к Вышинскому с докладной запиской «Об отсрочке исполнения приговора в отношении рабочих и служащих военной промышленности». За первые три месяца действия указа уровень самовольных уходов, прогулов и дезертирства сократился незначительно, а вскоре начался рост числа правонарушений. Так, в январе отмечены 1004 дезертирства, в феврале — 3440, на 18 марта — 6187. Бежали в первую очередь с предприятий военной промышленности, что объяснялось тяжелейшими условиями быта, отсутствием нормального снабжения продуктами питания и товарами первой необходимости. Практика правоприменения показала, что по указу 26 декабря в основном осуждались лица непризывного возраста и несовершеннолетние, окончившие ремесленные училища и школы ФЗО. Так, в январе 1942 г. из 165 человек, осуждённых за дезертирство с военных предприятий в Сталинграде, 125 составляли молодые рабочие до 17 лет; в Свердловской и Молотовской областях 74% осуждённых не достигли 20 лет. Среди дезертиров значительную часть составляли женщины. По обоим указам к 1 января 1943 г. осудили 5 121 840 человек⁴⁸.

Докладная записка Бочкова членам ГКО Маленкову, Н.А. Вознесенскому, А.А. Андрееву и Н.М. Швернику от 24 июня 1942 г. показала, что количество прогулов и самовольных уходов с работы не сократилось, а напротив, возросло. Их основными причинами снова указаны ужасные материально-бытовые условия и низкая зарплата. Причём, поскольку разыскивать беглецов с военных предприятий было непросто, более 70% приговоров пришлось вынести заочно⁴⁹. Подобная ситуация сохранялась на всём протяжении войны, о чём свидетельствуют материалы записки заместителя прокурора СССР Г.Н. Сафонова «О количестве осуждённых за нарушение трудовой дисциплины по Указам 26.06 и 26.12» от 6 июня 1946 г. (см. табл. 1).

Таблица 1

**Количество осуждённых по указам 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г.
(по данным прокуратуры СССР)**

Год	Всего осуждены по указу 26 июня	Из них		Осуждены по указу 26 декабря
		за прогулы	за самовольные уходы	
1940	1 688 526	1 435 247	253 279	—
1941	1 803 592	1 533 053	270 539	—
1942	1 571 770	1 274 644	297 136	121 024
1943	1 121 305	961 545	159 760	335 071
1944	1 055 607	889 100	166 507	242 768
1945	1 067 048	959 347	117 701	68 152
Всего	8 307 848	7 052 936	1 264 912	767 015

Составлено по: РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 88.

⁴⁸ Там же. С. 471.

⁴⁹ Там же. С. 479.

По подсчётам работников прокуратуры СССР, за время действия обоих указов осуждению подверглись 9074 863 рабочих и служащих (в подавляющем большинстве с промышленных предприятий), в том числе свыше 7 млн — за прогулы по неуважительным причинам (невыход на работу, опоздание от 20 минут). Согласно данным НКЮ, по обоим указам с июля 1940 по конец 1945 г. осудили 9 552 912 человек, из них по указу 26 июня — 8 663 868, а по указу 26 декабря — 889 044⁵⁰. Обе сводки демонстрируют всплеск репрессий в 1943 г. Количество осуждённых по указу 26 декабря достигло максимума — 367 047 человек по статистике НКЮ и 335 071 по данным прокуратуры (при этом численность привлекаемых по указу 26 июня несколько сократилась). По-видимому, это связано с распространением его на подавляющее большинство предприятий военной, смежных и приравненных к ним отраслей промышленности, а также стремлением ответственных за воплощение указа в жизнь показать эффективность работы своих ведомств.

Аналогично пик приговоров по указу 26 июня пришёлся на первые два года после его выхода. Согласно статистике НКЮ, только за 1940 г. осудили 2091 438 человек (по статистике прокуратуры — 1 688 526) и за 1941 г. — 1 769 152 и 1 803 592 соответственно. К концу войны приговоров стало меньше: по данным прокуратуры, в 1945 г. по указу 26 июня осудили 1 067 048, а по указу 26 декабря — 68 152 человека⁵¹. Эти цифры говорят не о количестве фактически совершённых правонарушений, а о числе привлечённых к ответственности. Постепенное снижение последнего может говорить о понимании представителями власти всех уровней неэффективности тактики «запугивания» и репрессий как метода трудового стимулирования.

Тем не менее, несмотря на саботаж, численность заключённых оказалась огромной. В записке Горшенина Молотову от 20 октября 1945 г. приведены цифры освобождённых по амнистии в связи с победой над Германией: из исправительно-трудовых лагерей и колоний — 620 753, тюрем — 123 785, детских трудовых колоний — 199 63 человека. Кроме того, наполовину сокращался неотбытый срок наказания к лишению свободы свыше трёх лет для 212 890 человек, освобождались от наказания 841 125 приговорённых к исправительно-трудовым работам. Общая численность амнистированных осуждённых, а также подследственных, находившихся в момент амнистии под стражей, составила 1 818 516 человек⁵².

По характеру преступлений наибольшее число освобождённых из тюрем, колоний и лагерей составили осуждённые по указам о нарушениях трудовой дисциплины, что составило 38% от общего числа осуждённых: по указу 26 декабря — 221 719 человек, по указу 26 июня — 7 388, по указу от 28 декабря 1940 г. — 3 233, по другим указам — 2 281 человек. Второе место занимали осуждённые на срок не более трёх лет за имущественные преступления — 185 562 (30%)⁵³. Как видно, наибольшее число амнистированных составили осуждённые по указу 26 декабря, предполагавшему длительные сроки лишения свободы (пять–восемь лет). Эти массы людей, попав под репрессивную кампанию, вместо труда на советских предприятиях вынужденно отбывали наказание в тюрьмах, лагерях, исправительно-трудовых колониях. Стоит отметить, что

⁵⁰ *Khlevniuk O. V.* Deserters from the labor front... P. 501.

⁵¹ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 89.

⁵² РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 885, л. 121.

⁵³ Там же, л. 121–122.

в это число не включены лица, задержанные и отправленные в следственные изоляторы, но умершие, так и не дождавшись приговора.

Уголовное преследование рабочих и служащих по указу 26 декабря продолжалось и после амнистии 1945 г. Во второй половине года военные трибуналы осудили 69 216 человек, в 1946 г. — 64 310, 1947 г. — 52 708, 1948 г. — 23 716⁵⁴, всего в послевоенное время — 209 950 человек. Данная статистика, с одной стороны, свидетельствует о снижении численности привлекаемых к ответственности, с другой же — об иррациональном нежелании руководства СССР отойти от драконовских мер закрепления рабочих за предприятиями под страхом уголовного преследования. Чтобы разобраться в причинах этого явления, обратимся к проектам смягчения проводимого курса.

Попытки декриминализации нарушений трудовой дисциплины

Впервые сомнение по поводу эффективности уголовного преследования нарушителей выразил Бочков в записке на имя Молотова от 6 апреля 1943 г. Он отметил, что за время действия указов 26 июня и 26 декабря осудили более 5 млн человек, из них свыше 4 млн — за прогулы. Это свидетельствовало о стойко неудовлетворительном состоянии дисциплины на производстве. Наказания за её нарушения получало слишком большое число рабочих, в результате «судимость теряет своё значение и становится, по сути, бытовым явлением». Бочков обратил внимание, что снижение за прогулы норм выдачи хлеба имело намного больший эффект, чем передача дел в суд. Он предлагал заменить уголовное преследование системой дисциплинарных взысканий и предоставить право директорам предприятий самостоятельно наказывать нарушителей⁵⁵. Другую идею высказали в НКЮ ещё в марте 1942 г.: там предложили осуждённых к заключению направлять не в исправительно-трудовые лагеря, а на другие военно-промышленные предприятия и в действующую армию⁵⁶.

Очередная попытка достучаться до руководства страны датируется июнем 1946 г. Первый заместитель генпрокурора СССР Сафонов обратился к Сталину с предложением частично отменить уголовную ответственность за нарушения трудовой дисциплины ввиду её нецелесообразности. Он обратил внимание, что на основании указа «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» все осуждённые за прогулы и самовольный уход с работы освобождались от наказания и с них снималась судимость. Однако уже за второе полугодие 1945 г. за прогулы осудили 485 546, а за самовольный уход с предприятий — 54 513 человек. Кроме того, осуждённые составляли значительный процент рабочих и служащих предприятий. Так, на Балашовской текстильной фабрике уголовные наказания за прогулы имели 10,8% всех рабочих и служащих, на заводе № 481 Министерства авиационной промышленности — 11%, на Сызранском локомотивном заводе — 12,7%, на заводе «Катэк» Министерства автомобильной промышленности — 15,6%, на Ивановской швейной фабрике — 18,7%. Сафонов отметил, что «при такой массовости судимости за трудовые преступления теряет воспитательную функцию». Наказание за прогул — исправительно-трудовые работы сроком до шести месяцев — в реальности сводилось к штрафу

⁵⁴ Коди́нцев А.Я. Кампания по борьбе с «дезертиризмом»... С. 107.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2. д. 885, л. 117.

⁵⁶ Khlevniuk O. V. Deserters from the labor front... P. 492.

в рассрочку в пределах 25% зарплаты. Его предлагалось заменить иными мерами воздействия, предоставив директору предприятия или учреждения полномочия налагать одну из мер дисциплинарного взыскания: лишение премии, денежный штраф до 25% заработка, при повторном прогуле в течение месяца — лишение права на очередной трудовой отпуск. Также Сафонов считал необходимым ввести льготы для дисциплинированных работников⁵⁷.

Вскоре к Сталину обратился Л.П. Берия. Он предложил отменить с 1 октября указ 26 декабря, мотивируя это тем, что действие его распространено на более чем 7 млн человек, из которых на предприятиях Урала, Сибири и Дальнего Востока работали 4250 тыс., в том числе около 900 тыс. эвакуированных. Рабочие, принудительно находившиеся в крайне тяжёлых условиях, смогли бы оставить работу, а их закреплению за предприятиями должны были послужить денежное стимулирование и улучшение материально-бытовых условий: строительство индивидуальных типовых домов и продажа их со скидкой 50%, выдача ссуд для строительства домов со списанием 50% суммы, выдача ссуд на хозяйственное обзаведение (до 3 тыс. руб. на семью со сроком погашения 10 лет), освобождение застройщика в течение двух лет от налога на строение, освобождение от поставок государству продуктов, беспрепятственное освобождение от работы членов семей, пожелавших переехать на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток к месту работы главы семьи (с оплатой расходов по переезду), продажа рабочим и служащим в личное пользование скота, промышленных товаров, исчисление общего трудового стажа (год войны за два года) и начисление стимулирующих выплат. Предусматривалось также повысить в этих регионах заработную плату на 15%, а в угольной, цветной, чёрной металлургии и транспортном машиностроении — на 20%, установить выплаты за выслугу лет от 50 до 100% от зарплаты, увеличить нормы снабжения сахаром и кондитерскими изделиями, организовать дополнительные коммерческие магазины; ввести работникам золотоплатиновой и редкометаллической промышленности выплату за выслугу лет и дополнительный отпуск. При этом указ 26 июня планировалось оставить в силе.

Госплан и Министерство финансов СССР опротестовали введение льгот и повышение зарплаты, остальные министерства выразили согласие. Берия представил два варианта постановления. В одном предусматривалось заключение индивидуальных договоров на выгодных условиях с эвакуированными, репатриированными и мобилизованными сроком от трёх лет. Другой предусматривал различные льготы для рабочих и служащих предприятий Сибири, Урала и Дальнего Востока⁵⁸. Эти документы свидетельствуют, что даже ближайший соратник Сталина осознал необходимость отказа от жёстких правовых норм военных лет, перехода к экономическим стимулам и договорной системе трудовых отношений. Но, конечно, ни один из проектов принят не был.

Частичная декриминализация трудового законодательства

Назревшую необходимость отмены уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины понимало большинство представителей руководства СССР, но указ президиума Верховного совета СССР «Об отмене Указа Пре-

⁵⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 89–90.

⁵⁸ Там же, л. 93–96.

зидиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.» вышел только 31 мая 1948 г. Одновременно отменялись все постановления ГКО о его распространении на смежные отрасли промышленности. Рабочих и служащих теперь следовало привлекать к уголовной ответственности за прогулы и самовольный уход с работы только по указу 26 июня. Прекращалось рассмотрение дел о прогулах и дезертирстве с предприятий военными трибуналами — эта функция перешла к народным судам; дела по опозданиям передавались в товарищеские суды на предприятиях⁵⁹. Постановлением от 18 июня «Об ответственности работников предприятий, учреждений и организаций железнодорожного, речного и морского транспорта на территории Латвии, Литвы и Эстонии за прогулы и самовольный уход с работы» в соответствии со ст. 2 указа президиума Верховного совета СССР от 2 мая 1948 г. «Об отмене военного положения на железнодорожном, речном и морском транспорте» указ 26 декабря в связи с его отменой заменялся указом 26 июня⁶⁰. Таким образом, отменялись самые жестокие наказания в виде многолетних сроков лишения свободы. Однако практика уголовного преследования за нарушения трудовой дисциплины сохранялась.

Вскоре руководству СССР пришлось вернуться к этой проблеме. Из записки Горшенина Сталину от 15 июля 1949 г. «О серьёзных недостатках в применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.»⁶¹ следует, что в 1948 г. число поступивших в суды дел о прогулах составило 32,3% от числа такого рода дел, рассмотренных в 1940 г. Однако сам автор документа отметил, что исполнение указа саботируется, и в очередной раз предложил отменить его. Основным доводом послужило то, что количество самовольных уходов с предприятий меры уголовного преследования не снизили (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество случаев самовольного ухода с работы в 1945–1948 гг.

Год	Поступило в суды дел	%, к 1945 г.	Окончено судами дел	Привлечено к ответственности лиц по рассмотренным случаям	Из них		
					осуждены	оправданы	дела прекращены
1945	219 359	100	191 254	180 793	120 600 (66,7%)	22 267 (12,3%)	37 926 (21%)
1946	336 199	153	221 395	204 018	143 600 (70,4%)	29 824 (14,6%)	30 594 (15%)
1947	625 732	285	334 304	300 415	215 679 (71,8%)	34 469 (11,5%)	50 267 (16,7%)
1948	644 084	294	381 039	349 644	249 940 (71,5%)	37 361 (10,7%)	62 343 (17,8%)

Составлено по: РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 120.

Как следует из приведённых выше данных, число дел за самовольный уход с работы по указу 26 июня с 1945 по 1948 г. возросло почти в три раза,

⁵⁹ Там же, л. 116–117.

⁶⁰ Там же, л. 118.

⁶¹ Там же, л. 119–134.

при том что в этот период ещё действовал указ 26 декабря. Но численность привлечённых к ответственности и осуждённых лишь удвоилась. Обращает на себя внимание рост количества оправдательных приговоров (в полтора раза) и прекращённых дел. Практика заочного осуждения сохранялась, однако в документах Министерства юстиции разрыв между количеством дел, поступивших в суды и оконченных, объяснялся их приостановкой ввиду розыска обвиняемых, а разрыв между оконченными делами и делами, по которым люди привлекались к ответственности, — тем, что часть материалов возвращалась на исследование.

Переданные в суд дела о прогулах за обозначенный период сократились почти в два раза, до примерно 58% от уровня 1945 г. В несколько меньшей степени снизилось число осуждённых (см. табл. 3).

Таблица 3

**Количество дел, поступивших в народные суды
по факту совершённых прогулов в 1945–1948 гг.**

Год	Поступило в суды	%, к 1945 г.	Окончено дел	Привлечено к ответсвен- ности лиц по рассмотрен- ным случаям	Из них		
					осуждены	оправда- ны	дела пре- крашены
1945	1 163 685	100	1 159 574	1 140 243	957 971 (84%)	111 023 (9,7%)	71 249 (6,3%)
1946	1 025 576	88,1	1 017 029	990 242	861 340 (87%)	105 988 (10,7%)	22 914 (2,3%)
1947	828 428	71,2	822 474	790 213	684 441 (86,6%)	83 171 (10,5%)	22 601 (2,9%)
1948	679 214	58,4	674 816	658 756	564 590 (85,7%)	75 134 (11,4%)	19 032 (2,9%)

Составлено по: РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 120.

Сокращение количества прогулов может быть связано с тем, что после войны органы правопорядка уделяли им уже не столь пристальное внимание. Стремясь сохранить рабочую силу, администрации заводов часто не передавали дела по прогулам в суды, решая вопрос самостоятельно, мерами дисциплинарного воздействия. Несовершенством отличался и учёт: рабочие прогуливали, хотя по табелям находились на месте. Руководители предприятий и учреждений, стремясь предотвратить усиление и без того массовой «текучности кадров», всячески затягивали привлечение подчинённых к ответственности. Так, на комбинате «Сталинуголь» в шахте № 8 им. Сталина треста «Калининуголь» за апрель 1949 г. было совершено 127 прогулов, а материалы в судебные органы поступили только на 11 человек. На шахте им. Кирова треста «Советскуголь» того же комбината из 29 прогульщиков под суд пошли лишь 15. Волокита продолжалась и при передаче дел в суд. Перегруженные работой судебные органы не спешили сразу оформлять дела. К примеру, в г. Прокопьевске Кузнецкого угольного бассейна из 1 649 дел, поступивших из шахт за январь–август 1948 г., по 349 (21,3%) оформление материалов длилось более 10 дней. За это время рабочие успевали совершить ещё несколько прогулов. Так, рабочий шахты им. Сталина Чагин прогуливал с 1 по 8 марта, но наказания избежал. После этого

он совершил новые прогулы 12 и 13 марта, и только 5 апреля вышел приказ о привлечении его к ответственности⁶².

Статистика показывает, что людей не пугали ни сроки лишения свободы, ни последствия в виде судимости. Реальное число правонарушений значительно превышало данные статистики, так как многие факты администрации предприятий либо не учитывали ввиду их массовости, либо не передавали в суд. Положение дел по сравнению с военным временем не улучшалось, а часто даже ухудшалось: средств на обустройство рабочих посёлков, бараков и общежитий почти не выделялось, продолжался голод, при этом действовало репрессивное законодательство. Фактически люди бежали с предприятий не столько в поисках лучшей доли, сколько спасаясь от нищеты и голодной смерти.

В январе 1951 г. Горшенин в очередной раз (теперь уже в роли министра юстиции СССР) обратился в Совет министров СССР с предложением отменить уголовную ответственность за прогул (ч. 2 ст. 5 указа 26 июня), заменив её денежным штрафом. Впрочем, уголовную ответственность за самовольный уход с работы (ч. 1 ст. 5), к которому приравнивался прогул свыше трёх дней, он считал возможным сохранить. Предполагалось ввести обязательное предварительное расследование и участие в судебных процессах народных заседателей. Предстояло также издать указ об амнистии, предусмотрев в нём снятие судимости со всех осуждённых за прогулы и самовольный уход, а также прекращение производства всех нерассмотренных дел, в том числе приостановленных⁶³.

В табл. 4 приведена статистика Министерства юстиции о ежегодном привлечении к ответственности по указу 26 июня после амнистии 7 июля 1945 г. С отменой в 1948 г. указа 26 декабря численность осуждённых за самовольный уход с работы закономерно возросла. Введение более лёгких санкций явилось важным шагом на пути декриминализации трудового законодательства. Однако плохое снабжение, низкий уровень жизни и накопившаяся усталость от чрезвычайных условий труда и быта всё так же влияли на дисциплину: количество самовольных уходов с предприятий росло, тогда как численность привлечённых за прогулы, напротив, снижалась.

Таблица 4

**Численность привлечённых к ответственности
по указу 26 июня в 1945–1950 гг.**

Год	За самовольный уход с работы	За прогул
1945 (вторая половина)	57 412	493 184
1946	143 600	861 340
1947	215 697	684 441
1948	249 940	564 590
1949	267 869	517 459
1950	208 962	513 891
Всего	1 143 462	3 634 905

Составлено по: РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 891, л. 3–4.

⁶² РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 122–124.

⁶³ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 891, л. 1–2.

По данным ведомства в целом со второй половины 1945 г. по конец 1950 г. осудили 4778 367 человек — это почти половина от общего числа осуждённых за уголовные преступления; только в 1950 г. они составили 44,7%. Среди них — опоздавшие на работу на 20 минут и более, в том числе довольно много молодых людей, только начавших трудовую деятельность после ремесленных училищ и школ ФЗО. Часто рабочие и служащие привлекались без выяснения обстоятельств. Как следствие, только за 1950 г. суды вынесли оправдательные приговоры и прекратили дела в отношении 162 тыс. человек. Кроме того, на начало 1951 г. в судах находилось свыше 1 млн дел о самовольном уходе, приостановленных производством вследствие «нерозыска обвиняемых»⁶⁴.

Через полгода после обращения Горшенина вышел указ президиума Верховного совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». Вводились дисциплинарные взыскания согласно правилам внутреннего распорядка или устава предприятий и учреждений. Единовременные выплаты за выслугу лет или процентные надбавки снижались до 25%, крайней мерой становилось увольнение. Дела теперь рассматривали товарищеские суды. Уголовная ответственность наступала лишь в случае неоднократного или длительного прогула: если работник совершал его более двух раз в течение трёх месяцев, либо один раз в течение трёх дней, директор предприятия или начальник учреждения мог передать дело в суд. Уличённый в прогуле подвергался исправительно-трудовым работам по месту прикрепления сроком до 6 месяцев с удержанием до 25% заработной платы. Виновный в самовольном уходе в дополнение к таким же санкциям мог быть лишён свободы на срок от двух до четырёх месяцев⁶⁵.

В этот же день вышел указ «Об освобождении от наказания и о снятии судимости с рабочих и служащих, осуждённых за самовольный уход с предприятий и учреждений и за прогулы без уважительных причин»⁶⁶. Судимость снималась с осуждённых по указу 26 июня, однако ничего не говорилось о пострадавших по указу 26 декабря за время с 7 июля 1945 г. по 31 мая 1948 г. Как следствие, в президиум Верховного совета СССР стали поступать заявления с просьбой разъяснить, сохраняется ли судимость за такими осуждёнными (266 311 человек) или её можно считать погашенной. В записке председателя президиума Н.М. Шверника от 30 декабря 1952 г. отмечалось, что министр госбезопасности С.Д. Игнатьев также просил дать разъяснения по данному вопросу, поскольку его подчинённые «лишены были возможности принимать соответствующие решения». Горшенин и Сафонов считали необходимым распространить указ 14 июля на осуждённых по указу 26 декабря. Проект соответствующего указа утвердили 4 января 1953 г.⁶⁷

Отмена уголовного наказания за трудовые правонарушения

Политбюро приступило к серьёзному обсуждению замены уголовного наказания дисциплинарными взысканиями только в январе 1955 г. К тому времени появились несколько проектов указа, которые также предусматривали

⁶⁴ Там же, л. 5–6.

⁶⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 61, л. 138–139.

⁶⁶ Там же, л. 135.

⁶⁷ Там же, д. 62, л. 3.

отмену «мобилизации» в ремесленных училищах и школах ФЗО, уголовного наказания за невыработку необходимого количества трудодней колхозниками и т.д. Очевидная необходимость изменений в законодательстве подчёркивалась необоснованной жестокостью сохранявшихся норм военного времени. Численность осуждённых по указу 26 июня даже после его частичной декриминализации оставалась высокой (см. табл. 5).

Таблица 5

**Количество осуждённых по делам о самовольном уходе
с предприятий и учреждений и о прогулах
(по данным Министерства юстиции СССР)**

Указ 26 июня 1940 г.	За самовольный уход	За прогул
1940 (второе полугодие)	321 648	1 769 790
1941	310 967	1 458 185
1942	297 126	1 274 644
1943	160 060	961 545
1944	184 911	951 572
1945	120 600	957 971
1946	143 600	861 340
1947	215 679	684 441
1948	249 940	564 590
1949	267 869	517 459
1950	208 962	513 891
1951	100 239	279 555
Указ 14 июля 1951 г.		
1951 (второе полугодие)	33 584	35 720
1952	179 695	147 885
1953	137 304	107 031
1954	163 325	95 636
1955 (первое полугодие)	91 806	44 618

Составлено по: РГАНИ, ф. 3, оп. 57, д. 62, л. 34.

Если всего со второго полугодия 1940 г. по первое полугодие 1955 г. за самовольный уход с работы осудили 3,2 млн человек, а за прогул — 11,2 млн, то только за 1951–1955 гг. — 707,5 тыс. и 474 тыс. соответственно. Пик пришёлся на начало кампании — 1940–1942 гг. Значительным оставалось количество осуждённых в 1943–1945 гг. (при этом также действовал указ 26 декабря). Однако и после частичной отмены указа 26 июня численность осуждённых оставалась высокой из-за очередных кампаний по борьбе за дисциплину. Её взлёт пришёлся на 1952 г., причём уголовных дел за самовольный уход впервые было заведено больше, чем дел за прогул, и эта тенденция сохранилась до окончания действия указа. Незначительный спад пришёлся на 1953 г., затем последовал новый всплеск, связанный с волной реабилитации и последующим устройством на промышленные предприятия большого числа рабочих, недавно освобождённых из лагерей. Они могли оставить рабочее место без особого труда,

но в то же время находились под пристальным вниманием администрации как «неблагонадёжные».

Согласно статистике Минюста рост числа нарушений продолжался. Так, если в 1954 г. количество рабочих, совершивших прогул, составляло 333 тыс. за квартал, то в 1955 г. оно увеличилось до 366 тыс. Количество самовольно ушедших с работы увеличилось с 21 тыс. человек за квартал в 1954 г. до 26 тыс. в 1955 г. В первом полугодии 1955 г. за самовольный уход с работы осудили 91,8 тыс. человек, а за прогул — 49,4 тыс. Особенно тяжёлое положение с прогулами отмечалось в угольной промышленности. В 1955 г. в судебные органы поступили 511,4 тыс. дел, по ним осудили 281,6 тыс. человек, а на 150 тыс. скрывшихся дела пришлось приостановить. Розыск не проводился ввиду больших материальных затрат.

В период проработки вопроса о декриминализации трудового законодательства в 10 союзных республиках и областях прошла проверка состояния трудовой дисциплины, по итогам которой мнения высказали 15 ЦК республиканских компартий и обкомов. Из них 13 поддерживали отмену указа 14 июля. С ними солидаризовались 20 союзных министерств, причём пять посчитали, что указ нужно отменить после улучшения жилищно-бытовых условий рабочих⁶⁸.

Указ президиума Верховного совета СССР «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины» вышел только 25 апреля 1956 г. Он предусматривал также прекращение всех дел, не рассмотренных судами, освобождение от отбывания наказания осуждённых, снятие судимости с граждан, отбывших наказание, но освобождённых. Уголовное наказание заменялось дисциплинарными взысканиями⁶⁹.

Таким образом, закрепление рабочих и служащих за предприятиями и учреждениями и их уголовное преследование за нарушения трудовой дисциплины не дало желаемого эффекта. Прогулы, опоздания и побег с мест работы не просто сохранились, но оставались массовыми. Исполнение «указов о труде» с самого начала саботировали все уровни системы управления и контроля. Более 60% приговоров выносились заочно ввиду массового бегства рабочих с предприятий. Несмотря на это, численность осуждённых по указам 26 июня и 26 декабря оказалась огромной: они составили примерно половину численности всех осуждённых в СССР по уголовным статьям.

В годы войны жестокость наказания могла быть обоснована чрезвычайными условиями, хаосом в системе управления, потребностью в быстрой переброске трудовых ресурсов в приоритетные отрасли экономики и невозможностью предусмотреть издержки экстренных мер контрактации рабочей силы. Однако в мирное время действие этих норм стало излишним. Межведомственная переписка и многочисленные обращения с предложениями об отказе от уголовного преследования нарушителей отражают понимание этого в органах власти. Но принятие окончательного решения всячески затягивалось, несмотря на то, что практика исполнения продемонстрировала неэффективность такого способа поддержания дисциплины, а как следствие — слабость и постепенную деградацию методов управления, основанных на устрашении и насилии.

⁶⁸ Там же, д. 62, л. 37.

⁶⁹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938 — июль 1956 гг. М., 1956. С. 374.

Частичная, а затем и полная отмена уголовной ответственности за трудовые правонарушения явилась органичной частью демонтажа сталинской системы управления, перехода к более рациональным методам экономического стимулирования труда.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что осуждённые по указам 1940–1941 гг. люди не являлись преступниками. Они бежали от крайне низкого уровня жизни и тяжелейших условий труда, но оказались на долгие годы лишены работы, семьи, свободы, либо подвергнуты поражению в гражданских правах за правонарушения, явно несоразмерные наказанию. Поэтому можно утверждать, что действие «указов о труде» — одна из форм массовых репрессий, источник произвола и дискриминации, элемент общей системы нарушений прав человека в СССР.

Олег Чернов

**Дипломатия, политика и общество: наследие В.Я. Гросула
в воспоминаниях и исследованиях***

Oleg Chernov

(Samara State University of Social Sciences and Education, Russia)

**Diplomacy, politics and society: the legacy of V.Y. Grosul
in memoirs and research**

DOI: 10.31857/S2949124X24010137, EDN: CGIYYG

Выдающийся историк, доктор исторических наук, профессор Владислав Якимович Гросул (1939–2022) известен фундаментальными исследованиями по проблемам внешней и внутренней политики Российской империи, общественного и революционного движения в России XIX в. С 1971 г. он работал в Институте истории СССР АН СССР (с 1992 г. — Институт российской истории РАН), где в память о нём был подготовлен сборник статей.

Открывает издание статья ответственного редактора и составителя сборника Е.Г. Костриковой, которая обратила внимание на важнейшие моменты биографии и научной деятельности Гросула, происходившего из семьи видного историка, первого президента Академии наук Молдавской ССР Я.С. Гросула. Незаурядные способности Владислава Якимовича к исследовательской работе проявились в период его учёбы на историко-филологическом факультете Кишинёвского государственного университета. Впоследствии его отличали «широта кругозора, уважительное отношение к предшественникам, исключительная научная добросо-

вестность и огромное трудолюбие», что позволило ему «встать в один ряд с лучшими представителями отечественной исторической науки» (с. 37). Творческое наследие учёного составляет более 600 научных работ, в том числе 16 монографий. Он щедро делился знаниями и опытом с коллегами и учениками. Непрерывно находясь в научном поиске, Владислав Якимович никогда не оставался и в стороне от общественной жизни, неуклонно и последовательно отстаивал собственную позицию.

Мемуарную часть сборника составили тексты, предоставленные вдовой Гросула Ниной Валентиновной, а также его сестрой Л.Я. Гросул и товарищем юности историком И.Ф. Греком. Их воспоминания, яркие и эмоциональные, дополняют образ учёного и гражданина, человека «с большой буквы». «Штрихи к портрету» Владислава Якимовича содержатся в статьях некоторых других авторов — И.М. Пушкарёвой, В.В. Шелохаева, А.Л. Кругликова.

Обширности научных интересов Гросула соответствует тематическая разноплановость второй части книги. Статьи Н.Н. Ауровой, В.П. Бул-

* Владислав Якимович Гросул: Жизнь и профессия — одно. Сборник статей, посвящённых памяти профессора В.Я. Гросула / Отв. ред. Е.Г. Кострикова. М.: Институт российской истории РАН, 2023. 452 с.

дакова, В.В. Зверева, Н.А. Ивановой, И.М. Пушкарёвой, Н.Б. Хайловой и В.В. Шелохаева посвящены различным аспектам истории общественной мысли и революционного движения в России. В частности, Хайлова проанализировала взгляды видного либерального деятеля М.М. Ковалевского на закономерности развития отечественной государственности. В качестве источника использована его публикация «Очерки по истории политических учреждений России» (1903), переизданная с научными комментариями в 2010 г. в рамках масштабного проекта «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века»¹. «Анализ транзита России с Востока на Запад, рассмотрение результатов адаптации в стране зарубежного опыта — всё это приводило Ковалевского к выводу о том, что преобразование государственного строя по иностранным образцам нисколько не помешало сохранению сути политических институтов, сложившихся в период Московского царства», — констатирует Хайлова. Учёный объяснял это тем, что «иностранные идеи и учреждения заимствовались лишь постольку, поскольку они не противоречили существовавшей форме правления», а освобождение России из тисков «Московской Руси» он видел на путях развития представительного строя, широкого распространения местного самоуправления и народного просвещения (с. 331–332).

Шелохаев на примере большевистской и меньшевистской фракций РСДРП, неонародников, либералов и консерваторов показал, что «проблема определения союзников и противников решалась каждой из политических партий, исходя из общей системы их мировидческих, мировоззренческих и мироощущенческих представлений, которая нашла отражение в их программных документах. Всё это опре-

делило исходные критерии для выработки их тактического курса. При этом каждая политическая партия определяла свой собственный тактический курс, с одной стороны, в зависимости от быстро меняющейся политической ситуации в стране, с другой — имея в виду общий тренд продвижения к конечной стратегической цели. При этом Таврический дворец, где заседала Дума, стал своеобразным испытательным полигоном: здесь шла нескончаемая битва амбиций лидеров думских фракций, битва за удержание политическими партиями лидерства в общественном мнении страны» (с. 323).

Иванова и Пушкарёва посчитали необходимым ещё раз привлечь внимание к рабочему вопросу в России на рубеже XIX–XX столетий, рассмотрев его во взаимосвязи с развитием революционного движения. Интересны, в частности, размышления Пушкарёвой, признанного специалиста по проблеме, о том, «что же представляли собой социал-демократические политические организации рабочего класса, много ли рабочих шло за ними и при каких обстоятельствах» (с. 255). Детальный анализ позволил автору сделать обоснованный вывод, что связь рабочего класса с социал-демократами носила глубинный характер, была частью их жизненных практик.

Вопросы дипломатической и военной истории России получили освещение в работах Л.В. Мельниковой, В.Б. Перхавко, В.П. Рыбалкина, А.С. Стыкалина. Так, в статье Мельниковой раскрывается семиотический аспект итогов Отечественной войны 1812 г. Автор рассматривает обстоятельства возведения Александровской колонны и отмечает, что «по окончательно сформировавшемуся замыслу создателей, Александровская колонна выражала идею победы и памяти в соответствии с древними канонами

и русской православной традицией. Её символика и художественные средства были понятны каждому образованному россиянину» (с. 110).

Стыкалин обратился к теме российско-австрийских отношений в связи с революционными событиями в Венгрии в 1849 г. Он пришёл к выводу, что в долгосрочной перспективе российско-австрийские противоречия стали одним из факторов Первой мировой войны: «В условиях начавшейся в 1853 г. Крымской войны русские войска временно оккупируют Дунайские княжества, Молдову и Валахию, что не отвечало интересам монархии Габсбургов. После вынужденного вывода российских войск из княжеств русскую оккупацию сменила австрийская. Франц Иосиф, по выражению одного из современников, “удивил весь мир неблагодарностью”, заняв формально нейтральную, но на самом деле недружественную России позицию» (с. 179). Добавим, что в дальнейшем попытки российской дипломатии нейтрализовать давление Австро-Венгрии воплощались в различные проекты консолидации балканских стран, имевшие антиавстрийскую направленность².

Национально-конфессиональные аспекты развития общества и государства акцентированы в текстах Н.Ф. Бугая и Н.И. Никитина. В публикациях А.Е. Иванова, А.Л. Кругликова, Л.Ф. Писарьковой, О.А. Плех, И.В. Ружицкой, Н.В. Черниковой речь идёт о малоизученных сторонах правительственной политики России до начала XX в. (организация местного управления, аграрно-крестьянский вопрос, университетская политика, и др.). К примеру, важный признак устройства Российского государства как композитарной монархии нашёл

отражение в статье Ружицкой, посвящённой инвентаризации помещичьих имений в западных регионах империи при Николае I. Черникова, анализируя поиски решения проблемы всеобщего начального образования в 1860–1870-х гг., указала на объективные причины снятия правительством этого вопроса с повестки дня в 1880-х гг., поскольку тогда выяснились «принципиальная невозможность немедленного введения обязательного обучения на сколько-нибудь обширных территориях, необходимость длительной подготовки к этому шагу». Только к началу XX в. «увеличение числа школ и объёмов их финансирования, значительный рост разнообразных педагогических учебных заведений, выпускавших подготовленных учителей, наконец, изменение отношения к образованию самих крестьян создали, наконец, те условия, при которых введение всеобщего обязательного обучения перестало быть авантюрой, превратившись в последовательный и необходимый шаг развития начального народного образования» (с. 252).

Отмечая высокий профессиональный уровень статей, включённых в сборник, подчеркну его главное значение. Продолжающий традицию «летописания в лицах» истории академической науки, он актуализирует важность сохранения памяти о бесценном наследии учёных, прославивших отечественную историографию.

Примечания

¹ Ковалевский М.М. Избранные труды: в 2 ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.Б. Хайлова. Ч. 1. М., 2010. С. 157–391.

² Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.

Олег Айрапетов

Рец. на: Дж. Брэдли. Ружья для царя. Американские технологии стрелкового огнестрельного оружия в России XIX века. Бостон; СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с.

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Rec. ad op.: J. Bradley. Ruzh'ya dlya tsarya. Americanskie tekhnologii strelkovogo ognestrel'nogo oruzhiya v Rossii XIX veka. Boston, Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X24010142, EDN: CEYTLV

Ещё в 1990 г. американский историк Джозеф Брэдли опубликовал весьма интересное и содержательное исследование «Guns for the Tsar. American technology and the small arms industry in Nineteenth century Russia»¹. Разумеется, оно сразу же привлекло внимание специалистов². Однако его перевод на русский язык появился лишь через 32 года. Он был издан в 2022 г. благодаря просветительской программе издательства «Academic Studies Press — Библиороссика». Это не только делает книгу более доступной для российских читателей, но и безусловно повысит её востребованность в отечественной историографии. Хорошая монография стареет медленно, отличная не устаревает вовсе, а работа Брэдли пока успешно выдерживает проверку временем. Именно поэтому имеет смысл вернуться к анализу и оценке проделанного автором труда и его результатов.

В основе исследования лежат коллекции девяти фондов различных архивов США и Великобритании, а также многочисленные опубликованные источники, список которых достигает 15 страниц (с. 301–315)³, не говоря уже об обширной научной литературе на русском, английском, французском и немецком языках. Не следует забывать, что в 1980-х гг., когда писалась книга, зарубежный учёный,

изучавший военную историю Российской империи, практически не имел возможности получить доступ к архивным материалам в СССР (с. 5). Однако Брэдли удалось показать, как много можно извлечь из документов, к которым теперь совсем не просто добраться историкам из России. Так или иначе, использование иностранных источников по истории России по-прежнему актуально. К тому же Брэдли успешно вписывает в исторический (в том числе международный) контекст столь важный и сложный процесс, как перевооружение огромной армии одной из великих держав. Его суждения об уровне развития русской военной промышленности и её потребностях отличаются взвешенностью и глубоким знанием предмета.

Вслед за Т. Шаниным Брэдли предполагает, что «Россия XIX века являлась собой типичный пример развивающейся страны в современном смысле этого понятия: традиционная социальная структура, самообеспечивающая экономика и устоявшийся государственный аппарат». Её политику «веками определяли потребности армии». Но если «до Крымской войны Россия практически полностью обеспечивала себя военным стрелковым оружием», то «в эпоху быстрых перемен в конструкции и методах производства ружей для пехоты данная отрасль оружейной

промышленности России впала в технологический застой» (с. 13–14).

Между тем превосходство на поле боя всё чаще обеспечивалось не наращиванием численности войск, а качеством их вооружения. И хотя Брэдли в соответствии с историографической традицией утверждает, что «в эпоху гладкоствольных мушкетов основанная на принципах А.В. Суворова тактическая доктрина многочисленной кадровой армии практически не менялась» (с. 16), изучение уставов николаевского царствования свидетельствует о постепенно возраставшем внимании к возможностям стрелковых частей и подразделений⁴. В целом русская армия, как и другие, развивалась вместе со временем. Конечно, удар пехоты по-прежнему предполагалось завершать холодным оружием, причём как в России, так и в США (под Фредериксбергом, Чанселорсвиллем и Гейтисбергом и т.д.). Кстати, называлось это тогда наполеоновской тактикой⁵. Необходимо учитывать и то, что перед Крымской войной войска Российской империи готовились не столько к многомесячным осадам, сколько к манёвренной войне, в которой скорострельность гладкоствольного ружья была важнее дальности нарезного, заряжавшегося дольше⁶. Сказывались также и «мизерность сумм», отпускавшихся из казны на изготовление солдатских ружей, и трудности, возникавшие при обучении вчерашних крестьян «использованию и обслуживанию сложного оружия», и сложность его ремонта в полковых мастерских (с. 82–87). Неудивительно, что, рассмотрев все эти факторы, Брэдли признаёт: сделанный при Николае I «выбор систем вооружения имел немалый смысл» (с. 83). Жаль только, что при этом воспроизводятся давно уже устаревшие стереотипы, будто бы русский солдат вплоть до 1874 г. служил в армии по 25 лет и т.п. (с. 85).

Так или иначе, Россия была вынуждена приспосабливаться к требованиям нового времени, создавая, по выражению Дж. Фуллера, собственные «нации оружейников и специалистов» (с. 14) и активно изучая и перенимая зарубежный опыт⁷. Делать же это приходилось в условиях, когда «правительство зачастую оказывалось единственным потребителем иностранных продуктов или технологий», а частные предприятия играли «незначительную роль в инновациях» (с. 22).

В первой главе монографии Брэдли прослеживает развитие огнестрельного оружия «в индустриальную эпоху» (с. 28–80). При этом он подробно освещает техническую сторону организации производства (с. 46–52) и отмечает, что его механизация приводила к упрощению процесса, тогда как ранее, наоборот, росло количество операций при изготовлении стволов, замков и т.д. Применение машин позволяло сделать выпуск продукции массовым и одновременно решить проблему унификации и взаимозаменяемости деталей, что было невозможно без высокоточных измерений (с. 56–80). Первых успехов в деле стандартизации и механизации Франция и Англия добились в конце XVIII — начале XIX в. Важным этапом на этом пути стало изобретение в 1827 г. игольчатого ружья системы Дрейзе, принятого в прусской армии в 1840-х гг. (с. 31–32, 52–56).

Не оставались в стороне и американские оружейники (с. 56–58). В 1819 г. арсенал Харперс-Ферри выполнил первый заказ на изготовление партии казнозарядных ружей с взаимозаменяемыми деталями (с. 60). Способность пойти на смелый эксперимент и рисковать для того, чтобы получить преимущества перед конкурентами, являлась сильной стороной американцев. В 1850-х гг. их примеру последовали британцы на знаменитом

оружейном заводе в Энфилде (с. 61), хотя тогда взаимозаменяемость оставалась условной, а точность машинной обработки нуждалась в усовершенствовании (с. 62).

Очень многое для этого было сделано на заводах полковника С. Кольта в США и Великобритании (с. 66), ставшего с 1850 г. одним из наиболее активных продавцов револьверов в Англии, Франции, Бельгии и т.д. (с. 72–75). Поступали они и в Россию, находившуюся в очень хороших отношениях с США, чему способствовала «общая враждебность к Англии» (с. 96). Как показано в главе «Стрелковое оружие в дореформенной России. Русский “кольт”», американский оружейник трижды посещал империю (с. 103–104). Впервые он приехал в Петербург в апреле 1854 г., представив своё изобретение — шестизарядный револьвер, понравившийся Николаю I. Вскоре 400 револьверов Кольта образца 1851 г., выпущенные на Тульском заводе, поступили на вооружение Гвардейского экипажа⁸. Дальнейшему сотрудничеству в период Крымской войны помешал запрет нейтральной Пруссии на перевозку оружия через её территорию. Попытка его обойти привела к перехвату партии военной контрабанды в 145 тюках с хлопком, в каждом из которых таможенники обнаружили по 24 револьвера (с. 105–106).

Глава «Русская индустрия стрелкового оружия» (с. 115–165), написанная довольно объективно, носит скорее просветительский характер, сообщая читателям общеизвестные сведения о том, что частной военной промышленности в России не существовало, а казённая, основанная при Петре I, практически не зависела от рынка и испытывала трудности из-за низкого уровня технических навыков населения и т.д. Гораздо более оригинальна, пожалуй, самая важная глава в книге — «Америка и русская винтов-

ка» (с. 166–220). После заключения Парижского мира 1856 г. темпы перевооружения стали «лихорадочными» — быстро появлялись новые системы нарезного оружия, но ни в одной крупной армии мира не знали, какую из них предпочесть (с. 167). В период Гражданской войны 1861–1865 гг. даже североамериканская промышленность не смогла обеспечить единообразными ружьями свои импровизированные армии, в которых под знамёнами одновременно находились почти 1,5 млн солдат, а всего были призваны 2 688 523 человека⁹. В ходе австро-прусской войны 1866 г. игольчатая винтовка Дрейзе в полной мере продемонстрировала свои возможности — среди раненых на одного пруссака приходилось восемь австрийцев¹⁰. В конце 1860-х гг. необходимость замены старых гладкоствольных ружей признавалась уже всеми¹¹. В России первоначально остановились на игольчатых винтовках двух «переделочных» систем — Й. Карле в 1867 г. и С. Крнка в 1869 г.¹² Это совпало с началом резкого роста военного бюджета империи, продолжавшегося вплоть до конца царствования Александра II¹³.

В то же время сокращение спроса на внутреннем рынке и рост международных заказов в связи с массовым переходом европейских армий на казнозарядные винтовки превратили США в крупнейшего экспортёра стрелкового оружия в 1868–1878 гг. (с. 71). Американцы поставляли винтовки Снайдера во Францию, Пибоди-Мартини — в Турцию¹⁴, но в России их дела в 1860-х гг. обстояли далеко не блестяще: револьверы Кольта критиковали за сложность производства и ненадёжность, а остальные изделия не вызвали особого интереса (с. 111–112). Ставка делалась на собственные конструкции (с. 113), поскольку Россия, естественно, не желала зависеть от экспорта. В свою очередь данное ре-

шение подразумевало реконструкцию военной промышленности, зависевшую от избранных для копирования образцов и финансовых возможностей. Анализируя эти процессы, Брэдли извлёк сведения из статистических справочников, высоко оценил и тщательно проработал публикации таких специальных изданий, как «Оружейный сборник», «Артиллерийский журнал», «Военный сборник», «Инженерный журнал», «Горный журнал» и «Русский инвалид». Но им использован всего один (к счастью, опубликованный) всеподданнейший доклад военного министра за 1861 г., который стоило бы дополнить, по крайней мере, издававшимися отчётами государственного контролёра и известным трудом И.С. Блюха¹⁵.

В обстановке стремительных перемен русскому правительству следовало учесть опыт передовых стран и оценить возможность и перспективы его применения в России при необходимом ей количестве и качестве винтовок. Важную роль в этом деле сыграл полковник (с 1880 г. — генерал-лейтенант) А.П. Горлов (с. 175—180), отправленный в США ещё до завершения Гражданской войны для изучения местного оружия и способов его производства. Эта командировка весьма хорошо описана Брэдли (с. 177—213, 240—263). В итоге в Петербурге сочли оптимальной американскую систему полковника Х. Бердана, сочетавшую преимущество откидного затвора и металлического патрона (с. 180). Правда, поначалу отечественные оружейники были недовольны качеством американских стальных стволов¹⁶. После значительных изменений, сделанных русскими офицерами, винтовка в Америке получила прозвище «Russian musket». Проведённые испытания показали её огромное превосходство над имевшимися в России шестилинейными ружьями. В 1869 г.

завод Кольта получил заказ на 30 тыс. таких изделий¹⁷, но производственные мощности фирмы не позволили исполнить контракт ранее, чем через два года, тогда как три казённых и четыре частных завода в год перedelывали под систему Крнка до 369 164 винтовок¹⁸.

Первые образцы берданок, поставленные в армию, сразу же заслужили высокую оценку (с. 185). Однако, вопреки мнению А.Г. Тарсаидзе, они не являлись основным оружием пехоты в 1870-х гг. ни в Туркестане, ни на Балканах и в Малой Азии (с. 186), что отмечает и Брэдли (с. 214—215). Система Крнка считалась всё же более дешёвой и простой¹⁹. Ижевский завод, например, сдавал государству винтовку Крнка по 15 руб. 50 коп. за штуку, а берданку — по 18 руб.²⁰ И хотя в боях ружья Крнка оказались весьма капризны и ненадёжны²¹, их дешевизна оставалась решающим фактором. Серийный выпуск берданок начался только в 1874 г., а перевооружение ими армии закончилось через 10 лет. На Балканы войска выступили с винтовкой Крнка, а в Азии на вооружении оставалась система Карле²². Её также считали очень надёжной и скорострельной²³. Тем не менее с конца 1860-х гг. в России осознавали необходимость создать отечественную базу для производства берданок, чем также успешно занимался Горлов.

О соотношении огня и удара автор пишет достаточно традиционно, подвергая особой критике М.И. Драгомирова (с. 204—207). Однако генерал вовсе не принадлежал к ретроградам²⁴. Конечно, он не сумел оценить преимуществ пулемёта (и здесь был не одинок, поскольку первые их модели не отличались надёжностью, да и опыт использования картечниц в 1870—1871 гг. не вдохновлял²⁵), но поддержал такое революционное нововведение, как полевая шестидюй-

мовая гаубица²⁶, которую благодаря ему приняли на вооружение в 1889 г.²⁷ С другой стороны, в армии действительно насчитывалось немало противников скорострельного оружия, скептически оценивавших его возможности (с. 210–213).

В главе «Трудовые ресурсы, организация производственного процесса и передача технологии. Реорганизация русских оружейных заводов» (с. 221–279) Брэдли, опираясь на источники иностранного происхождения, дал весьма основательный обзор технологий изготовления оружия в США, Англии, Бельгии и охарактеризовал становление новой, машинной военной промышленности в России. На русских офицеров, командированных за границу, именно американский опыт производил наиболее благоприятное впечатление, поскольку высокий уровень механизации производства приводил к росту точности и низкому проценту брака (с. 246–249). Американское оборудование совершило настоящий переворот на Тульском оружейном заводе, где ранее большая часть работ осуществлялась вручную (с. 249–254). За ним последовали Ижевский и Сестрорецкий, а также казённый завод в Петербурге, где удалось наладить выпуск металлических патронов (с. 256–265). Впрочем, отсталость машиностроения по-прежнему негативно влияла на возможности русских оружейников (с. 265–271).

Безусловно, военная промышленность была и остаётся комплексом наиболее технологически сложных производств, и неудивительно, что государство и в имперский, и в советский периоды выступало основным заказчиком и организатором переноса передовых изобретений на русскую почву (с. 295–296). Эти заимствования были особенно важны при слабости отечественного станко- и моторостроения. Однако без собственной

инженерной школы их дальнейшее развитие зависело от множества обстоятельств и прежде всего — от внимания со стороны государства.

Примечания

¹ *Bradley J. Guns for the Tsar. American technology and the small arms industry in Nineteenth century Russia. Dekalb (Ill.), 1990.*

² См., в частности, рецензию У.С. Фуллера: *Slavic Review. Vol. 51. 1992. № 4. P. 823–824.*

³ В этом перечне источников, правда, можно встретить не только опубликованные документы, статьи из «Артиллерийского журнала» и «Оружейного сборника», специальную литературу XIX в., мемуары и проч., но и исторические труды (например, *Колчак В.И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903 (с. 305)*) и даже художественные произведения Н.С. Лескова и Ю.В. Трифонова (с. 305, 311).

⁴ Так, согласно изменениям, внесённым 5 февраля 1852 г. в Устав о строевой пехотной службе, вооружённые штуцерами стрелки включались во взводы застрельщиков, которым надлежало действовать в рассыпном строю и в каре, что отработывалось на ротных, батальонных и линейных учениях. В 1854 г. для стрелковой подготовки старослужащим солдатам выдавалось пороха на 10, а свинца на 5 выстрелов, рекрутам соответственно — на 15 и 8. Разумеется, этого было совершенно недостаточно (каждую пулю предполагалось использовать дважды). С 1856 г. нормы боеприпасов для учебной стрельбы повысили: для Гвардейского, Гренадерского, шести пехотных и Кавказского корпусов, Образцового полка, сапёрных и линейных батальонов, дружин государственного ополчения и рекрут — до 25 боевых и 30 холостых патронов, для всех нижних чинов и ополченцев, вооружённых штуцерами и нарезными ружьями, для стрелковых полков и батальонов — пороха на 225 боевых и 30 холостых выстрелов и свинца на 150. Кадетам полагалось от 200 боевых и 100 холостых патронов в Пажеском до 600 и 300 в Первом и Втором кадетских корпусах. Константиновский кадетский корпус получил на учёбу по 2 тыс. боевых и по тысяче холостых выстрелов. В годы Восточной войны доля и численность лёгкой пехоты увеличивались за счёт резерва. Каждая бригада резервных дивизий шести пехотных корпусов должна была состоять из двух полков — пехотного и егерского. Подробнее см.: *Айрапетов О.Р. Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных*

реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 3. С. 7–10.

⁵ Sweetman J. The influence of the Napoleonic tactics on the American Civil war // L'influence de la Révolution Française sur les armées en France, en Europe et dans le monde. Actes № 15. Vincennes, 1991. P. 297–309.

⁶ Фёдоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. М., 1938. С. 9.

⁷ О его усвоении свидетельствовали, в частности, статьи в русской военной периодике, к сожалению, не учтённые автором монографии: О солдатском ружье // Военный журнал. 1827. № 4; Прочность солдатских ружей // Артиллерийский журнал. 1839. № 4; Описание бельгийского способа приготовления ударных колпачков // Там же. 1845. № 3; О новых французских карабинах и об их употреблении // Там же. 1847. № 6; Лушин В. Ручное огнестрельное оружие французских, английских и сардинских войск, бывших в Крыму // Там же. 1857. № 1; О нарезном стрелковом оружии // Инженерный журнал. 1858. № 1; Эгеритром Н. Сведения, относящиеся до введения в русской армии ручного оружия уменьшенного калибра // Оружейный сборник. 1861. № 1; Пленнис В. Игольчатое оружие. Материалы для критики оружия, заряжающегося с казённой части // Оружейный сборник. 1867. № 2.

⁸ Мавродин В.В., Ефимов Ю.Г. Самуэль Колтъ в Петербурге // История Петербурга. 2004. № 5(21). С. 84.

⁹ Фёдоров В.Г. В поисках оружия. М., 1964. С. 154; Draper J.W. History of the American Civil war. Vol. 3. N.Y., 1870. P. 646.

¹⁰ Фёдоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 166.

¹¹ Бильдерлинг П. Русская игольчатая винтовка (исторический очерк постепенных совершенствований над системою Карле и Закса) // Оружейный сборник. 1868. № 1. С. 1–4.

¹² Под них переделывали дульнозарядные винтовки образца 1856–1858 гг. (Фёдоров В.Г. Вооружение русской армии... С. 175–176).

¹³ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. Т. 2. СПб., 1882. С. 195, 228.

¹⁴ Фон-дер-Ховен А. Заметка о Провиденском заводе и о ружьях Пибоди-Мартини, турецкого образца // Оружейный сборник. 1877. № 4. С. 16–17, 26; Achtermeier O. The Turkish Connection. The Saga of the Peabody-Martini Rifle // Man at arms. Vol. 1. 1979. № 2. P. 14–21.

¹⁵ Блюх И.С. Указ. соч. Т. 2–3. СПб., 1882.

¹⁶ Saul N. Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence (Kansas), 1996. P. 107.

¹⁷ Буняковский В. Несколько слов о свойствах русской 4,2 лин[ейной] винтовки, об испытании оной в Америке, об улучшениях, произведённых в ней, и о преимуществах оной перед другими образцами оружия, заряжающегося с казны // Оружейный сборник. 1869. № 4. С. 1, 5.

¹⁸ Чебышев В. Современное положение ружейных заводов в Англии, Бельгии, Пруссии и Австрии // Оружейный сборник. 1873. № 1. С. 2.

¹⁹ Аргамаков В. О русском переделочном скорострельном оружии // Оружейный сборник. 1875. № 2. С. 26.

²⁰ Ижевский оружейный завод // Оружейный сборник. 1885. № 3. С. 25.

²¹ Куропаткин А.Н. Блокада Плевны // Военный сборник. 1887. № 4. С. 180; Лопатин И. Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877–1878 гг.) // Военный сборник. 1902. № 6. С. 34; Аргамаков В.Ф. Воспоминания о войне 1877–[18]78 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 77–78.

²² Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). Т. 6. СПб., 1881. С. 69, 143.

²³ Буняковский В. Русская игольчатая винтовка // Оружейный сборник. 1868. № 1. С. 36–38; Фёдоров В.Г. Вооружение русской армии... С. 210.

²⁴ Подробнее см.: Юдин С.С. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М., 2021.

²⁵ Применимы ли картечницы в полевых сражениях? Записка офицера Генерального штаба. СПб., 1877. С. 11, 14; Н.А. Картечницы и автоматические ружья Мэксима // Артиллерийский журнал. 1885. № 1. С. 28–30; Н.Л. Самострельная артиллерия // Там же. 1889. № 9. С. 773–775; О результатах приёмного испытания пяти 3-л[ин]ейных автоматических пулемётов системы Максима // Там же. 1894. № 12. С. 581–584.

²⁶ Сообщение генерал-майора Энгельгардта о новой укороченной 6-дюймовой пушке и замечания, вызванные этим сообщением в Николаевской академии Генерального штаба 21 и 28 января, 4 и 11 февраля 1888 г. СПб., 1888. С. 2, 87.

²⁷ Приказ № 225. С[анкт]-Петербург. Сентября 22-го дня 1889 года (по Главному артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1889 год. СПб., 1890. С. 453.

Игорь Богомолов

**Русско-японская война и конец «золотого века»
фронтowej журналистики***

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow)

**Russo-Japanese War and the End of the «Golden Age»
of Combat Correspondence**

DOI: 10.31857/S2949124X24010158, EDN: CEVPXN

Исследования истории журналистики в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. активизировались в связи со столетием этого события в середине 2000-х гг. Круглая дата стала поводом к переосмыслению конфликта, встраиванию его в широкий международный контекст начала XX в. В западной историографии с тех пор распространено название этой войны как «Нулевой мировой» (*World War Zero*)¹. Значимость её для дальнейшего развития военного дела и международных отношений действительно сложно переоценить. При этом военные корреспонденты упоминались в литературе, как правило, в контексте развития военной цензуры в Японии и России в начале XX в.² О работе на фронте многих журналистов до сих пор было мало что известно. Достаточно сказать, что в справочнике о военной журналистике, изданном в Великобритании в 1997 г., не упомянут американский журналист Стэнли Уошберн, корреспондент газеты «Чикаго дейли ньюс» на фронтах русско-японской войны³.

Монография Н.Т. Рольсгор и М. Суини призвана восполнить пробел в истории фронтowej журналистики 1904–1905 гг. Авторы наме-

ревались не только показать политику России и Японии по отношению к корреспондентам, но и подробно рассмотреть их биографии и особенности работы с разными армиями и в разных условиях. Предпринимается попытка исследовать влияние русско-японской войны на военную журналистику в последующих вооружённых конфликтах XX в.

Термин «золотой век фронтowej журналистики» впервые применил Ф. Найтли в исследовании о работе военных корреспондентов в период от Крымской до Вьетнамской войн⁴. Рольсгор и Суини отмечают, что начало «золотого века» правильнее было бы отнести к американо-мексиканской войне 1846–1848 гг. В то время журналисты «могли видеть, слышать и писать практически беспрепятственно со своего наблюдательного пункта», разбивать лагерь, разговаривать как с солдатами, так и с высшими офицерами вплоть до командующих (р. 17). Свобода их передвижения объяснялась также ограниченными возможностями по передаче сведений в редакции газет и журналов. Статьи корреспондентов «распространялись настолько быстро, насколько их могли разогнать лошадь и паровоз» (р. 18).

* *Rolesgaard N.T., Sweeney M.S. Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of Combat Correspondence. Lanham: Lexington Books, 2019. 260 p.*

Материал подготовлен за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 22-78-00108, <https://rscf.ru/project/22-78-00108/>

К началу XX в. скорость передачи информации на большие расстояния многократно возросла. Влияние этих возможностей на фронтовую журналистику трудно оценить, так как последние на тот момент крупные войны состоялись в 1870-х гг. В русско-японской войне вступили в схватку державы с растущим рынком печати и телеграфа, развитой разведкой и контрразведкой. Оглядываясь назад, кажется вполне логичным и ожидаемым, что Россия и Япония сразу после начала вооружённого противостояния ввели военную цензуру и ограничили доступ к театру военных действий. Однако современники событий, прежде всего сами журналисты и редакции, ждали иного отношения, знакомого им по прошлым войнам.

Монография состоит из девяти глав, повествующих главным образом об опыте иностранных журналистов в годы русско-японской войны. Глава 1 в этом смысле — исключение, в ней представлен обзор политической и военной истории Японии конца XIX в., основное внимание уделяется взаимодействию русской и японской прессы с военными и гражданскими властями. Рольсгор и Суини отмечают, что качественные изменения начались после японо-китайской войны 1894—1895 гг. Проанализировав западную прессу, МИД Японии пришёл к выводу, что японская армия воспринимается в Европе и США как «дикие звери». Чтобы исправить ситуацию, в 1900 г. в Лондоне было открыто японское пресс-бюро и его отделения в Европе. Бюро распространяло данные о японцах, национальной экономике, успехах в модернизации страны. Японцы избегали прямого воздействия (подкуп журналистов и газет), предпочитая рассылку материалов о Японии и её достижениях. Работа с западной печатью давала новый опыт при построении инфор-

мационной политики внутри страны. В отличие от США, в Японии пресса развивалась в тесной связке с государством. Формально критика правительства не запрещалась, но традиционно сильными были самоцензура, преданность императору и верховной власти, что во многом определяло тон печати, особенно во время военных конфликтов. Кроме того, в годы войны с Китаем японское правительство приняло закон, по которому все военные сводки и новости должны были проходить предварительный цензурный контроль. С 1903 г. запрещалось фотографировать любые военные объекты, предусматривался и контроль над почтовой перепиской с прифронтовыми областями.

В начале войны с Россией японское правительство встало перед непростой дилеммой — «удерживать военных корреспондентов от репортажей обо всём, что могло нанести ущерб безопасности на поле боя или национальному единству», или давать им возможность писать «истории, которые вызывали бы восхищение и симпатию Запада» (р. 51). Поначалу выбор был сделан в пользу соблюдения военной тайны, однако прибывшие журналисты не услышали прямой отказ выдать им разрешение посетить фронт. Как правило, японцы радушно встречали всех корреспондентов, давали возможность брать интервью у представителей высшего командования, но на фронт не пускали. Журналисты чувствовали себя в «золотой клетке»: просматривалась вся их переписка, отслеживался каждый шаг (р. 71). Одним из последствий этого стал бойкот официальных пресс-конференций, проводившихся для журналистов японским Генеральным штабом.

В марте 1904 г. гражданские власти сумели уговорить командование армии, что время для допуска кор-

респондентов пришло. Кроме того, Японии особенно нечего было скрывать: ни одну битву на суше они не проиграли, а флот с начала войны захватил стратегическую инициативу (р. 81). Важным фактором стало решение русского командования допустить корреспондентов в расположение армии. Рольсгор и Суни отмечают, что поначалу правила для корреспондентов в России были мягче, короче и проще для исполнения, за журналистами не устанавливался столь строгий контроль (р. 85). В итоге японцы допустили в армию журналистов, но только 16 из находившихся в стране 120.

Главы 2–6 посвящены журналистам, наблюдавшим за войной с японской стороны. В главе 2 повествуется о корреспондентах, работавших на море. Лайонел Джеймс, военный корреспондент лондонской «Таймс», стал первым журналистом, сообщавшим о ходе войны по радио, со специально зафрахтованного корабля. Японское командование относилось к Джеймсу с подозрением, предупреждало о недопустимости сообщений о передвижениях кораблей, однако в итоге ему удалось избежать наказания (вплоть до высшей меры)⁵. Столь же опасной оказалась миссия Стэнли Уошберна, корреспондента газеты «Чикаго дейли ньюс». Стремясь обойти цензурные ограничения, он так же, как и Джеймс, зафрахтовал лодку и пытался подплыть поближе к местам сражений и манёвров русского и японского флотов. В ходе этих рискованных рейдов Уошберн дважды арестовывался русскими и освобождался только после вмешательства американских дипломатов и чиновников, вплоть до госсекретаря США. После войны о приключениях Уошберна в море вышла отдельная книга⁶, однако, как отмечают Рольсгор и Суини, с точки зрения репортажа этот формат был неудачен: почти никаких сведений

о сражениях на море «Чикаго дейли ньюс» от Уошберна не получила. Гораздо эффективнее он работал на суше, в расположении Третьей японской армии, осаждавшей Порт-Артур. В 1904–1905 гг. Уошберн регулярно и подробно повествовал о повседневности японских солдат и офицеров, посещал госпитали, побывал во взятом Порт-Артуре. В 1907 г. он вошёл в число двадцати американцев, которых японское командование наградило после войны памятными медалями.

В главе 3 рассматриваются безуспешные усилия писателя Джека Лондона сообщать в США о японской армии. Нанятый медиамагнатом У.Р. Хёрстом, Лондон прибыл в Йокогаму, но уже вскоре, в Симоносеки, он был арестован за фотографирование без разрешения. В Корее, при попытке приблизиться к театру военных действий, вновь арестован и выслан в Сеул. Снова освобождённому, Лондону разрешили наблюдать за ходом битвы на реке Ялу. Японская военная цензура вызывала у Лондона негодование, он просил Хёрста перевести его в расположение русской армии. Однако сделать это ему не удалось из-за нового ареста, после чего Лондон покинул Японию. Вернувшись в Калифорнию, он воспринимал свой опыт крайне отрицательно, хотя, как отмечают Рольсгор и Суини, его заметки о войне позволили в будущем создать «шаблон военной корреспонденции» (р. 24).

Главы 4 и 5 посвящены самым известным военным корреспондентам того времени — Джону Фоксу-младшему и Ричарду Хардингу Дэвису. Изначально они столкнулись с теми же проблемами, что и другие журналисты. Фокс, к примеру, мог передвигаться только по тыловым регионам Японии, а Дэвис сообщал в США, что японцы не подпускают журналистов даже к местам уже прошедших сражений. Жур-

налисты пытались изменить ситуацию через самый высокий уровень — американское и японское правительства, дипломатов, лично госсекретаря США. Однако Фокс так и не увидел поле боя, а большинство его записок о Японии и Маньчжурии были опубликованы уже после его возвращения домой. Дэвису удалось лишь услышать отдалённые отзвуки пушечной стрельбы. Вернувшись в Америку, они выражали в прессе недовольство японскими методами работы с журналистами. Дэвис считал, что к ним относились как к «заключённым» (р. 224).

Луиджи Барзини, которому посвящена глава 6, — редкий пример того, как журналисту удалось установить хорошие отношения с властями Японии и России. В конце 1903 г. Барзини был командирован редакцией газеты «Коррьере делла Сера» в Петербург для освещения настроений во властных «верхах» накануне войны с Японией. В конечном счёте он выбрал японскую сторону, ошибочно полагая, что русская военная цензура будет строже. Тем не менее, в отличие от большинства коллег, Барзини сумел адаптироваться к японским ограничениям. Он наладил отношения с командованием армии, заслужил доверие военных за объективные, информативные материалы. Барзини удавалось описать фронтовую повседневность и ход боёв без приукрашивания, но при этом показать в выгодном свете японских солдат и офицеров. Благодаря этому он, как и Уошберн, получил допуск на фронт, стал свидетелем ряда военных операций, в том числе осады Порт-Артура и Мукденского сражения.

Отдельная глава посвящена фронтовым иллюстраторам и фотоаппаратам. Русско-японская война не только ускорила техническое развитие фотографии, но и поставила под сомнение традиционное использование

иллюстраций в газетах и журналах. К 1904 г. полутонная печать позволяла быстро воспроизводить изображения, а фотокамеры на плёнке сделали фотографию доступной для широкой публики. В то время как некоторые газеты оставались верны использованию иллюстраций, работавшие на фронте репортёры утверждали, что подлинность и объективность фотографий перевешивают ценность иллюстраций (р. 289). Рольстор и Суини кратко описали жизнь и карьеру фотографов и иллюстраторов, работавших как с русской (В.К. Булла), так и с японской стороны.

Глава 8 повествует о Гекторе Фуллере, который рисковал жизнью, чтобы проплыть через японские воды и увидеть изнутри жизнь Порт-Артура. Его статьи об осаждённой крепости попали в американскую печать и произвели фурор. Выбравшись из Порт-Артура, Фуллер попытался попасть на фронт с японской стороны, однако получил отказ. Опыт Фуллера и Уошберна показал, что журналисты имели шансы увидеть театр военных действий без официального допуска, однако это было сопряжено с большими рисками для жизни и дальнейшей карьеры.

Глава 9 посвящена особенностям работы иностранных журналистов в России. Авторы отмечают, что желанием освещать военные новости с российской стороны требовались связи в МИД и личное представление министру соответствующим послом. В отличие от японцев, русское командование снисходительно смотрело на передвижения иностранных журналистов по фронту, почти не было возражений и недовольства со стороны солдат и офицеров. В то же время прифронтовая полоса, контролируемая Россией, оказалась более опасной: здесь Леонард Этцель из «Дейли мейл» получил смертельное ранение,

а Генри Миддлтон из «Ассошиэйтед пресс» умер от дизентерии. На русской стороне работали также Ричард Литтл из «Чикаго дейли ньюс», Фредерик Маккензи из «Дейли мейл», Томас Ф. Миллард из журнала «Скрибнерс Мэгазин», Джордж Денни из «Ассошиэйтед пресс», Генри Дж. Уигэм, Дж. Арчибальд и Эдвин Эмерсон из «Коллиерс уикли». В ходе войны контроль за ними усиливался, они часто жаловались на работу цензоров, особенно отмечая вычёркивания рассуждений журналистов о политике.

В целом, рецензируемая монография представляет собой интересное и при этом хорошо фундированное исследование. Источниковую базу книги составили личные собрания журналистов в архивах и библиотеках США и других стран. Отметим обращение к малоизученному архивному наследию С. Уошберна (архив Исторического общества Миннесоты) и Л. Барзини (Центральный государственный архив Италии). Интерес представляют введённые в оборот документы из собрания устной истории Колумбийского университета и Национального архива Японии. К работе привлечены более тридцати мемуаров и автобиографий журналистов, а также сотни газетных и журнальных статей 1904–1906 гг. В этом ряду, конечно, не хватает материалов российских архивов, не упомянуты и современные отечественные исследования цензуры и журналистики в годы русско-японской войны⁷. Из-за этого не вызывают удивления ошибки в анализе истории цензуры в России. Так, в главе 9 авторы пишут: «В начале войны России пришлось с нуля изобретать систему контроля над военной корреспонденцией, поскольку цензура прессы на фронте не считалась необходимой ни в одной из её войн до 1904 г.» (р. 156). Однако уже в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

поднимался вопрос о допуске журналистов на фронт, издавались соответствующие правила работы и процедура аккредитации, был организован контроль над почтой, вводились отличительные знаки корреспондента⁸.

Хотя работа посвящена военному репортажу в целом, в ней очевиден крен в сторону западных журналистов, при этом фактически проигнорирована деятельность японских и российских корреспондентов. Следствием этого стала некоторая однобокость в анализе условий и результатов их работы. В основном освещён неудачный опыт, как в случае с Дж. Лондоном, но практически не упомянут, к примеру, корреспондент Ф. Палмер, всю войну проработавший на фронте. Т. Моран в своей рецензии на монографию справедливо отметил, что авторы сосредоточились на тех журналистах, которые «с отвращением сдались и вернулись домой, проработав на месте событий всего несколько месяцев». В каждой главе содержится «повторяющаяся информация о том, какой корабль доставил... военного корреспондента в Японию, в каком отеле они остановились, с кем и как они общались в Министерстве внутренних дел»⁹.

Несмотря на указанные недостатки, монография затрагивает важную страницу истории военного репортажа, в ней собраны данные о наиболее известных корреспондентах русско-японской войны. Это позволит в дальнейшем проводить новые компаративистские исследования журналистики первой половины XX в.

Примечания

¹ The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero / Ed. by J.W. Steinberg. Boston, 2006.

² The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–05 / Ed. by D. Wells, S. Wilson. L., 1999.

³ Roth M.P. Historical Dictionary of War Journalism. L., 1997.

⁴ Knightley P. The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq. N.Y., 1975. P. 46, 62.

⁵ Подробнее о работе Джеймса см.: Slattery P. Reporting the Russo-Japanese War, 1904–5: Lionel James's First Wireless Transmissions to the Times. Kent, 2004.

⁶ Barry R. The Events Man: Being an Account of the Adventures of Stanley Washburn, American War Correspondent. N.Y., 1905.

⁷ См., например: Айпанетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 341–354; Лютов С.Н. Военная цензура на дальневосточном театре военных действий в 1904–1905 гг. // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск,

2004. С. 96–99; Павлов Д.Б. Русско-японское пропагандистское противостояние на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. // Труды Института российской истории РАН. Вып. 11. М., 2013. С. 365–415; Сабова А.Д. Специфика освещения Русско-японской войны 1904–1905 гг. французскими корреспондентами на Дальнем Востоке // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 44–52.

⁸ Подробнее см.: Манахова А.В. Проблема допуска корреспондентов на Балканский театр русско-турецкой войны 1877–78 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2018. № 3. С. 31–46.

⁹ Moran T. Journalism and the Russo-Japanese War: The End of the Golden Age of Combat Correspondence by Michael S. Sweeney and Natascha Toft Roelsgaard, Lanham, MD, Lexington Books, 2019, 260 pp. // American Journalism. Vol. 37. 2020. № 3. P. 409.

Ольга Большакова

Olga Bolshakova

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: J. Keating. On arid ground: Political ecologies of empire in Russian Central Asia. Oxford; New York: Oxford university press, 2022. XII, 252 p.*

DOI: 10.31857/S2949124X24010169, EDN: CEGQCR

Интерес англоязычной историографии к Средней Азии стал заметен уже в 2000-х гг., когда значительно усилилась грантовая поддержка исследований этого региона и активно развивалось научное сотрудничество с бывшими советскими республиками. В фокусе внимания историков-русистов, сосредоточившихся на изучении России как империи, находился процесс включения в её состав территорий современных Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Стадии этого процесса Ш. Келлер охарактеризовала как «сосуществование, завоевание, конвергенция»¹. Тем не менее большинство работ посвящено не столь-

ко раннему этапу «сосуществования», сколько последующим стадиям «завоевания» и «конвергенции», т.е. XIX — началу XX в. с выходом на раннесоветское время (хотя вопрос о том, являлся ли Советский Союз империей, пока не решён)².

Центральное место в англоязычной историографии занимают проблемы империостроительства и управления территориями, что включает в себя воссоздание картины взаимодействия имперских властей и местных сообществ, отсюда — обострённое внимание к религии и социальным практикам населявших эти регионы народов. Однако в последнее время наблюдается возникновение устой-

* Китинг Дж. На засушливой земле: Политическая экология империи в российской Центральной Азии. Оксфорд: Изд-во Оксфордского университета, 2022. XII, 252 с.

чивого интереса к материальной составляющей — к природе как объекту и субъекту исторического процесса. Новый подход можно было бы охарактеризовать как переход от изучения культуры к исследованию экосистем в самом широком смысле этого слова; он реализуется в русле так называемой экологической истории (*environmental history*).

В своей подробнейшей истории завоевания Средней Азии А. Моррисон отметил значение фактора окружающей среды, прежде всего для военных кампаний. Их планирование зависело от местности (степь, пустыня, горы, оазисы), климата, наличия инфраструктуры и возможностей снабжения войск. Моррисон подчёркивает значение выючных животных, особенно верблюдов, наличие которых было решающим для достижения военного успеха в засушливых регионах. Именно природный фактор, а не желания государственных деятелей «с их предрассудками, паранойей и заботой о престиже», явился определяющим для завоевания Восточного Туркестана Китаем в XVIII в. и сыграл свою роль в российской экспансии в XIX в.³

Новый, «инвайронменталитский», взгляд на завоевание и освоение Средней Азии представлен в монографиях Ю. Обертрайс и М. Петерсон, где рассматриваются два важных аспекта «российского колониального эксперимента»: выращивание монокультуры хлопчатника и ирригация⁴. Сюжеты книг ожидаемо пересекаются и, при всём различии в подходах, обе исследовательницы показали всемирный характер происходивших в эпоху «высокой модерности» процессов по превращению «пустынных» земель в цветущие оазисы. В основе масштабных проектов по трансформации окружающей среды лежала не знавшая политических границ модернист-

ская идеология с её оптимистической верой в научно-технический прогресс, в рациональность, в господство человека над природой. «Цивилизаторская миссия» Российской империи в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. опиралась на идеи о превосходстве европейской науки, на «мечты» политиков, учёных, инженеров и предпринимателей о привнесении прогресса и процветания в пустыню — не случайно это слово присутствует в названиях обеих книг. Мечты, как демонстрируют оба автора, реализовались уже в советское время, со всеми катастрофическими для природы и государства последствиями.

Книга британской исследовательницы Дженнифер Китинг продолжает эту линию, анализируя политическую экологию Российской империи в колониальном контексте. По словам автора, история империи фундаментально связана с окружающей средой, поскольку империя «развивается через природу», изменяя её и изменяясь сама под воздействием физико-географических условий. Объектом исследования стало Туркестанское генерал-губернаторство, образованное в 1867 г., хотя основное внимание Китинг уделяет периоду 1881–1916 гг. По её словам, это был «последний имперский проект России», который осуществлялся в новую эпоху развития науки и технологий, транспортного сообщения и коммуникаций, глобализирующихся рынков и нарастающих волн миграции (р. 4). Автор сразу заявляет о своём фактически всеобъемлющем подходе, не сосредоточенном на изучении какого-то одного объекта, как хлопок или строительство ирригационных сооружений.

Как пишет Китинг, для того, чтобы понять империю в российском воплощении, требуется «целостное рассмотрение окружающей среды и её роли посредника в контексте расши-

рения политического суверенитета и построения асимметричных политических режимов власти, процессов миграции и торговли». Власть и суверенитет, раса и гендер, наконец, капитал, — все эти категории традиционного исторического исследования «физически, интеллектуально и юридически имеют отношение к природе и укоренены в ней» (р. 3–4). Значимыми компонентами имперского режима наряду с установлением контроля над территорией являются управление окружающей средой, создание транспортной инфраструктуры, заселение и «улучшение» земли в самом широком смысле этого слова, развитие земледелия и извлечение ресурсов (р. 7).

Все эти сюжеты весьма значимы для экополитологии — дисциплины, подчёркивающей политическое измерение природных объектов и базирующейся на экологии, истории и антропологии. Экологический подход обуславливает внимание к таким проблемам, как коммодификация природы (превращение её в товар), а также нанесение ей ущерба. Обширность туркестанского региона и разнообразие его природных условий дают богатейший материал для изучения экологических изменений, которые, как постаралась показать Китинг, оказали решающее влияние на сам ход строительства империи в регионе и явились значимым фактором её распада, запущенного Туркестанским восстанием 1916 г.

Рассматривая историю развития железнодорожной сети, переселенческий процесс и связанные с ним практики землепользования, модели «озеленения пустыни» и извлечения ресурсов региона, Китинг обращается к соответствующим источникам. Как и подавляющее большинство работ зарубежных историков-русистов, её исследование даёт «русский взгляд» на рассматриваемый материал, что

традиционно считается недостатком: почти не слышен голос местного населения, многократно превышавшего количество русских переселенцев (400 тыс. против 6,5 млн в 1911 г.). Однако следует учитывать, что автор исследует именно Российскую империю и потому использует традиционные для темы официальные источники, публицистику и прессу, географические описания и записки путешественников (травелоги), художественную литературу, в том числе произведения среднеазиатских писателей и акынов. Ей не удалось получить доступ в архивы Туркменистана и Узбекистана, однако достаточно богатый материал предоставил Государственный архив Казахстана в Алматы. Нехватку компенсировали центральные архивохранилища России, в первую очередь РГИА и РГВИА, где хранится делопроизводственная документация, обычно дублирующая ту, что находится в архивах местных.

Поскольку важнейшую роль в исследовании играли визуальные источники, ценный материал Китинг черпала в Центральном государственном архиве кинофотодокументов Санкт-Петербурга, в фондах Государственного Исторического музея в Москве, РНБ, РГБ и Национальной библиотеки Казахстана. Основной объём, наряду с живописью и графикой, составляют фотографические и картографические материалы: виды Средней Азии, её ландшафтов и новых поселений, садов и плантаций, железнодорожных станций и ирригационных сооружений; альбомы выставок и архитектурные проекты, карты прокладывавшихся железнодорожных линий, планы поместий и проч. Часть из них попала на страницы книги, однако они служат не только для иллюстрации: автор рассматривает визуальный материал в совокупности с текстами, чтобы выявить роль образов в кон-

струировании пространственных нарративов о Туркестане.

По мнению автора, дискурсивное тесно связано с материальным. На восприятии колонизаторами разнообразных ландшафтов и не менее разнообразного населения Туркестана основывались их планы по трансформации региона. Ключевое значение здесь имела идея окультуривания и обработки больших неиспользуемых площадей «безжизненной» пустыни и степи. И если степь была уже хорошо знакома «коллективному воображению» империи — и как ландшафт, и как историческое пространство, то пески, тем более таких масштабов, как пустыни Каракумы и Кызылкум, представляли собой нечто новое.

Образ пустыни занимал центральное место в русском дискурсе о Средней Азии, о чём напоминает читателю название книги. Пустыня описывалась как мир неизвестный и угрожающий, более опасный для жизни, чем вражеские войска. «Страна зноя и жажды», она ассоциировалась с лунным ландшафтом, и в восприятии первого генерал-губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана отсутствие людей и деревьев было главным признаком «опустошённости» края. Чтобы превратить эту «бесприютную» землю в «ландшафт», её следовало засадить растительностью. Такого рода описания характерны для текстов военных, инженеров и всех тех, кто был озабочен вопросами экономического развития⁵.

Улучшения могли быть привнесены только извне, и по мнению цивилизаторов, край и его население только и ждали этого. Миссия Российской империи подавалась людьми, вовлечёнными в процесс, как принесение цивилизации в страну, стагнировавшую «под игом ислама и азиатского деспотизма», как противостояние организации и эффективности местному «хаотическому беспорядку». Таким

образом обосновывалось превосходство русского правления, экспортировавшего достижения Запада на Восток (р. 22).

В имперской экологической экспансии выделяют следующие стадии: изучение (*exploration*, т.е. не столько исследования, сколько разведка), упорядочение, объяснение и овладение. Первая стадия активизировалась в Средней Азии в середине XIX в. благодаря главным образом усилиям Императорского Русского географического общества. Однако и в 1910 г. там оставалось много мест, где «не ступала нога русского человека».

Несмотря на увеличивающийся объём знаний о природном разнообразии Туркестана, преобладающим оставался первоначальный образ «пустыни», губительной для тела и духа (р. 20). В то же время оазисы Туркестана с их «страшным плодородием» выступали в описаниях контрастом «абсолютному бесплодию» пустынных земель и давали представление о том, во что можно превратить мертвую землю. Как отмечает Китинг, дистанцируясь в своём исследовании от концепции ориентализма, «колебания между изобилием и нехваткой» — характерная логика фронта, основанная на резких противопоставлениях (р. 22).

По наблюдениям автора, колебания между оптимизмом и пессимизмом, между интеграцией и сегрегацией составляют важную характеристику политики Российской империи в Туркестане. Вторжение в жизнь местного населения, определявшегося как «неразвитое и фанатичное», представлялось политически опасным, в то время как природа, при всей трудности её покорения, казалась менее сложным объектом для реализации имперской миссии и легитимизации русского присутствия (р. 23).

Делом первой необходимости являлось строительство железных дорог,

которое началось в 1880 г. и имело своей первоначальной целью обеспечить подвоз войск и всего необходимого для окончательного завоевания Туркестана. Однако довольно быстро линия, получившая название Транскаспийской и к концу века обеспечивавшая прямую транспортную связь с оазисами Ферганской долины, стала служить гражданским целям, способствуя экономическому развитию региона и, соответственно, превращению его в «товарный фронт» (*commodity frontier*). Подобную стратегию можно интерпретировать не только как одно из проявлений транспортной революции, охватившей во второй половине XIX в. страны Европы и Америки, но и как «железнодорожный империализм» (*railway imperialism*), оставивший свои неизгладимые следы на экосистемах.

Мургабская линия, ведущая к Кушке на границе с Афганистаном и имевшая исключительно военное назначение, стала «эмблемой территориального суверенитета России», виртуально закреплённого на географических картах, а материально — в объектах, обозначавших российское присутствие (рельсы и шпалы, железнодорожные станции и водокачки, череда телеграфных столбов и проч.) (р. 50). Строилась эта линия военными подразделениями и персидскими рабочими, которых нанимали только на три месяца — дольше выдержать крайне тяжёлые условия было невозможно. Казалось, сама природа противилась строительству. Главную проблему представлял климат, когда температура могла колебаться от +45 градусов днём до нуля ночью. Воду приходилось привозить или опреснять, провиант и все необходимые товары, включая строительные материалы, — доставлять из России. Рабочие болели малярией, лейшманиозом и другими паразитарными болезнями. Настоящим бед-

ствием были скорпионы и тарантулы, а термиты быстро разъедали деревянные части конструкций, в том числе и телеграфные столбы (р. 38).

Негостеприимная природа регулярно ставила перед инженерами сложные задачи и требовала нетривиальных решений. Например, строительство моста через Амударью, которая ежегодно разливалась на несколько километров и славилась непредсказуемостью, постоянно меняя своё русло, представляло собой серьёзную проблему. Инженерное решение для постройки постоянного моста из металлоконструкций было найдено только в 1901 г. и основывалось на зарубежном опыте.

При прокладывании Транскаспийской железной дороги от Красноводска встала проблема песчаных заносов. Там, где линия проходила через барханы высотой несколько метров, предлагалось убрать их либо поднять над ними железнодорожное полотно; другим вариантом были круглосуточные бригады, которые расчищали бы пути. В итоге было решено использовать методику, успешно применявшуюся в Алжире: стабилизировать пески, создав лесозащитные полосы из местной флоры. Это было не просто, поскольку требовался постоянный уход, расчистка и подсаживание новых растений (в 1901 г. от града погибло 2,5 млн саженцев в питомниках), но оказалось эффективно. И когда в 1911 г. знаменитый фотограф С.М. Прокудин-Горский проехал по этой железной дороге, он имел возможность запечатлеть «озеленение пустыни». Кардинальное изменение ландшафта подавалось тогда как свидетельство победы России в «борьбе с природой» (р. 42).

Озеленению в книге уделяется большое внимание: оно имело центральное значение для новой символической географии, имитируя Ев-

ропейскую Россию. Город Верный, основанный в 1854 г., благодаря тенистым деревьям, а не довольно бедной архитектуре, быстро приобрёл черты имперскости. Не менее значимым направлением деятельности русской администрации являлось «улучшение земли», в полной мере продемонстрированное автором на примере Мургабского государева имения, заложенного в 1887 г. неподалёку от только что открывшейся станции Закаспийской железной дороги Байрам-Али, в окрестностях древнего Мерва. Постепенно оно превратилось в сложно организованное экономическое предприятие с развитой системой орошения европейского образца, с виноградниками и миндальными плантациями, фруктовым садом и парком, со своим хлопковым заводом, городком для служащих и клубом с театральным залом⁶. Имение существенно преобразило ландшафт, сделав его «знакомым» для русских поселенцев и одновременно «европейским». Действительно, тенистый парк с вечнозелёной растительностью, раскинувшийся к настоящему времени на 44 га, напоминал парки Крыма (и других территорий империи с мягким или жарким климатом), которые закладывались 1830–1850-х гг. с опорой на английские традиции и с использованием импортного посадочного материала. «Восточный» колорит там также присутствовал, особенно ярко проявляясь в архитектуре зданий и дворцов.

Здесь следовало бы добавить, что в данном случае применялся подход, практиковавшийся с 1840-х гг. Министерством государственных имуществ (МГИ). Просвещение аграриев, организация сельскохозяйственных обществ и училищ, создание образцовых хозяйств, которые послужили бы примером для всей округи — эти методы распространились в конце XIX в. и на Туркестан. Но в любом случае следу-

ет согласиться с автором, что «улучшение природы» (включавшее в себя борьбу с песками, засолением почв и многим другим) представляло собой, по существу, политический акт (р. 82). Опыт царской экономии, как тогда называли Мургабское имение, оказал большое влияние на взятие преемником МГИ — Министерством земледелия и затем Главным управлением землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) курса на активизацию переселенческого дела.

По мнению Китинг, созданием образцовых хозяйств государство, с одной стороны, предоставляло местным жителям пример процветания, с другой — исключало из этой модели кочевое население, лишая его доступа к пастбищам и воде (р. 25). Политика ГУЗиЗ по расширению аграрной миграции в Среднюю Азию имела своей целью, в формулировке главы управления А.В. Кривошеина, создание «второго Туркестана» — крестьянского, т.е. русского, и кочевникам в нём не было места (как и в других империях, идущих по пути прогресса).

Большой интерес представляет рассмотрение визуального материала — многочисленных фотографий и брошюр, которые рекламировали Семиречье и другие регионы, привлекая переселенцев в этот рай на земле, суливший невиданные урожаи. В 1907 г. было распространено более 100 тыс. таких проспектов. Они не только служили непосредственным политическим целям, но и стали важным инструментом конструирования реальности, создавая образ Туркестана как национальной (т.е. русской) территории.

Реальность выглядела совсем иначе, однако многолетний труд относительно немногочисленных переселенцев действительно сильно изменил многие территории региона. Нельзя сказать, что Китинг усматривает

в этом символическом присвоении новых земель путём окультуривания ландшафтов исключительно имперские смыслы. На местном уровне это было просто обустройство места, в котором людям приятно и комфортно жить. Однако ландшафт, сделавшийся «знакомым», имел прямое отношение к идентичности, в данном случае к русской, и здесь подчёркивается перформативная, культурная функция природы, а также связь между экологией и идентичностью.

Образ Туркестана как ещё одного алмаза в короне Российской империи рассматривается автором на примере выставок, где демонстрировались продукция и ресурсы региона. Здесь Китинг обращается к проблеме коммодификации природы, одной из значимых для экологической истории как дисциплины. Однако — и это относится к книге в целом, весьма небольшой по объёму — широкий подход не позволяет осветить проблему с достаточной глубиной. Собственно, это та цена, которую автор заплатила за попытку рассмотреть политическую экологию Туркестана во всей полноте её многоуровневых, в том числе глобальных, связей. Скорее в ней намечены серьёзные проблемы, которые требуют дальнейшего углублённого изучения. Излюбленный метод Китинг — яркие и многоговорящие примеры, такие как сюжет о сатонине (р. 175–180)⁷. В результате книга производит несколько мозаичное впечатление. Оно усиливается тем, что сюжеты первых пяти глав пересекаются между собой, подчёркивая невозможность чёткого структурирования (т.е. разделения) объекта изучения — природы, рассматриваемой и в материальном ключе, и с точки зрения истории идей. Тем не менее возникает целостное полотно, законченность которому придаёт последняя, шестая глава, посвящённая Туркестанскому восстанию 1916 г.

Этой теме уделено большое внимание и в русскоязычной, и в англоязычной историографии, недавно вышел сборник на английском языке⁸. Китинг предлагает новый ракурс, рассматривая восстание не только как реакцию на тяготы войны и злоупотребления «поселенческого колониализма» (*settler colonialism*), но в первую очередь как конфликт по поводу ресурсов (включая его последствия для окружающей среды). В чём-то её подход перекликается с тезисом М. Буттино о том, что революция в Средней Азии в целом представляла собой борьбу разнообразных групп населения за контроль над ресурсами и элементарное выживание⁹. Однако повествование Китинг обрывается, хотя события 1917–1918 гг. весьма трудно отделить от предшествующего им восстания. По всей видимости, автор сама осознавала проблематичность поставленного ею ограничения, о чём свидетельствует её недавнее обращение к теме революции и последовавшей Гражданской войны в Средней Азии¹⁰.

Книга Китинг принадлежит к тому направлению в зарубежной историографии, которое рассматривает Российскую империю как одно из многих современных ей государств того же типа, не лучше и не хуже других, со своими особенностями. Самыми заметными для англоязычных исследователей являются относительно низкий по сравнению с другими империями уровень насилия и отсутствие внятного отрефлексированного расового дискурса. Спираль насилия, как считается, стала раскручиваться в годы Первой мировой войны, и его уровень в Средней Азии, где раньше, чем в Европейской России, началась Гражданская война, в раннесоветское время намного превысил тот, который наблюдался в Российской империи, с её «величием» и «милостью», а так-

же санкционированным «разнообразием», позволявшим любому народу найти себе в ней место¹¹. Представляется, что экологический подход, использованный Китинг, предлагает новые перспективы для изучения периода 1917–1921 гг., когда повсеместно уничтожались результаты человеческого труда, реквизировались скот и зерно, разрушались каналы и плотины, и борьба за выживание принимала самый острый характер.

Примечания

¹ Keller Sh. Russia and Central Asia: coexistence, conquest, convergence. Toronto, 2020. За последнее время вышли обобщающие работы по этой теме: *Kendirbai G.T.* Russian practices of governance in Eurasia: Frontier power dynamics, sixteenth century to nineteenth century. Abingdon, 2020; *Khalid A.* Central Asia: A new history from the imperial conquests to the present. Princeton, 2021; Central Asia: Contexts for understanding / Ed. by D.W. Montgomery. Pittsburgh, 2022.

² Martin V. Law and custom in the steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century. L., 2001; *Frank A.J.* Muslim religious institutions in imperial Russia: The Islamic world of Novouzensk district and the Kazakh Inner Horde, 1780–1910. Leiden, 2001; *Brower D.R.* Turkestan and the fate of the Russian empire. L., 2003; *Northrop D.* Veiled empire: Gender and power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004; *Crews R.D.* For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006; *Sahadeo J.* Russian colonial society in Tashkent: 1865–1923. Bloomington, 2007; *Morrison A.S.* Russian rule in Samarkand, 1868–1910: A comparison with British India. Oxford, 2008; Explorations in the social history of modern Central Asia (19th – early 20th centuries) / Ed. by P. Sartori. Leiden, 2013; *Khalid A.* Making Uzbekistan: Nation, empire, and revolution in the early USSR. Ithaca, 2015; *Kassymbekova B.* Despite cultures: Early Soviet rule in Tajikistan. Pittsburgh, 2016; *Campbell I.W.* Knowledge and the

ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca, 2017; *Cameron S.I.* The hungry steppe: famine, violence, and the making of Soviet Kazakhstan. Ithaca, 2018; и др.

³ Morrison A. The Russian conquest of Central Asia: A study in imperial expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. P. 49–50.

⁴ Obertreis J. Imperial desert dreams: Cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860–1991. Göttingen, 2017; *Peterson M.* Pipe dreams: Water and empire in Central Asia's Aral Sea Basin. Cambridge, 2019.

⁵ Показательно название одной из брошюр: *Анненков М.В.* Средняя Азия и её пригодность для водворения русской жизни // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XXV. СПб., 1889. С. 277–293.

⁶ Хлопкоочистительный завод в Байрам-Али по-прежнему функционирует, а в 1933 г. на базе царской усадьбы был организован уникальный санаторий для климатического лечения почечных больных, который является старейшей здравницей Туркменистана.

⁷ Сатонин — глистогонное средство, добывавшееся из полыни определённого вида («цитварное семя»). К 1900 г. запасы этого растения в Алжире были исчерпаны, и Средняя Азия осталась единственным экспортёром, обеспечив, среди прочего, развитие промышленного животноводства в Европе, Северной и Южной Америке и Австралии.

⁸ The Central Asian revolt of 1916: A collapsing empire in the age of war and revolution / Ed. by A. Chokobaeva, Cl. Drieu, A. Morrison. Manchester, 2020.

⁹ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.

¹⁰ См.: *Keating J.* Devoured riches: thinking environmentally about conflict past and future (URL: <https://blog.history.ac.uk/2021/03/devoured-riches-thinking-environmentally-about-conflict-past-and-future/>).

¹¹ См.: *Payne M.J.* «Do you want me to exterminate all of them or just the ones who oppose us?»: The 1916 Revolt in Semirech'e // Empire and belonging in the Eurasian borderlands / Ed. by K.A. Goff, L.H. Siegelbaum. Ithaca, 2019. P. 65–79.

Воспоминания А.А. Демьянова, написанные почти столетие назад, пролежали практически весь указанный срок в фондах ГА РФ, откуда их извлёк крупный абхазский историк С.З. Лакоба. Они печатаются по рукописи, написанной в Константинополе в 1921 г., вскоре после эмиграции автора с Кавказа. Сам Демьянов (1865–1925) — человек неординарный, с богатой биографией. Он получил добротное юридическое образование в Санкт-Петербургском университете и сделал блестящую карьеру. Видный юрист и общественный деятель, в 1907 г. был избран депутатом II Государственной думы, затем долгие годы работал в системе Министерства юстиции, после февраля 1917 г. стал директором его Второго департамента, а к осени «дорос» до поста управляющего всего ведомства.

После Октябрьского переворота он уехал с семьёй на Кавказ, в Абхазию, где пробыл почти два года — по ноябрь 1919 г. Ему нравилось в абхазской столице: уже в начале книги автор признался в любви к Сухуму, который назвал «несравнимым» и «милым уголком». Не забыл он, впрочем, упомянуть и о биче многих черноморских городов Российской империи — лихорадке (с. 17). На новом месте Демьянов быстро стал заметен благодаря активной общественной позиции и профессиональным навыкам

и в марте 1919 г. был избран в Абхазский народный совет. Бескомпромиссная позиция в борьбе за отстаивание интересов Абхазии мгновенно сделала его «врагом Грузии», привела к аресту и отправке под конвоем народногвардейцев в Тифлис. После недолгого разбирательства и тюремного заключения он по уже устоявшейся в Грузинской республике практике оказался выдворен из страны. После краткого пребывания в Баку (куда, кстати, переезжали многие русские эмигранты, конфликтовавшие с грузинскими властями¹) Демьянов переехал в Батум, находившийся тогда в зоне британской оккупации. Оттуда в 1921 г. он морем отправился в Стамбул, спасаясь от большевиков, которые успешно продвигались вглубь Закавказья.

Уникальность Демьянова в том, что он попал в Абхазию в самое судьбоносное для региона время, причём не простым обывателем. Имея за плечами богатый опыт, въедливый наблюдатель выделил ключевую особенность тамошней политической борьбы, которая «не доходила до кровопролития, пока дело не коснулось борьбы, в которой приняли участие воинские силы враждующих сторон... Отмечу только, что ужасов большевистского режима при мне Абхазия не испытала. Главное, действовали в Абхазии пока местные большевики... “ручные”, а не приезжие специ-

* Демьянов А.А. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.) / Сост. С.З. Лакоба. Сухум: Дом печати, 2021. 184 с.

алисты» (с. 18, 19). Переломным моментом в симпатиях к грузинам, по его мнению, стал приход Красной гвардии Закавказской республики во главе с В.К. Джугели весной 1918 г. Абхазские жители (в первую очередь, кодорцы) встретили своих избавителей от большевиков «с искренней приязнью» (с. 19), однако «чувство это скоро заменилось другим — полной ненавистью к ним. В этом оказались виноваты сами грузины, они почуяли в себе хозяев независимой, точно ими завоёванной, Абхазии» (с. 19).

Демьянов быстро завоевал доверие местного населения (абхазского, русского, греческого) и одновременно ненависть ставленников и эмиссаров правительства Грузии. Имея отличную подготовку, он мгновенно разобрал спешно составленные соглашения между сторонами (от февраля и июня 1918 г.²): «Документы, мне представленные, были по характеру своему самые примитивные с точки зрения их содержания, несколько даже наивные в своём изложении, но сущность свою они определяли ясно: Абхазия по договору являлась совершенно независимой от Грузии политически и экономически» (с. 22).

Мемуарист приводит объёмные и яркие, порой жёсткие характеристики лидеров грузинских меньшевиков. Они весьма откровенны. Демьянов не испытывал к ним особой симпатии, поэтому Н.Н. Жордания, И.Г. Церетели, Е.П. Гегечкори и другие показаны без прикрас. Первый охарактеризован как фактический хозяин положения, диктовавший свою волю членам правительства и других органов власти как в Грузии, так и в Абхазии. В деталях описаны беззакония, творившиеся грузинскими комиссарами В.Г. (Бено) Чхиквишвили и М. Убирия, ярко продемонстрирована беспринципность главного эмиссара Тифлиса в Абхазии И.И. Рамишвили.

Пересказаны интересные беседы с грузинскими политиками (как в Абхазии, так и в Грузии), описаны споры между Сухумом и Тифлисом и те дела, в разрешении которых Демьянов принимал непосредственное участие. К примеру, он в качестве юрисконсульта сопровождал абхазскую делегацию во главе с кн. В.К. Шервашидзе во время длительной поездки в Тифлис для решения спорных вопросов. В деталях изложен «табачный вопрос»: грузинское правительство решило «наложить лапу» на значительные запасы табака, собранные в Абхазии, и продать их немцам. «Юридически вопрос о табаках разрешался... просто — Грузия не имела решительно никакого права распоряжаться табаками Абхазии, что я и высказал Вл.К. Шервашидзе с совершенной определённости. Однако практически вопрос оставался открытым — табак всё же оставался под запретом и в фактическом распоряжении грузинских чиновников и проданным немцам» (с. 22–23). Абхазской делегации удалось отстоять право на получение денежного вознаграждения за данную продукцию, причём на достойном уровне, тогда как в Тифлисе хотели выплатить Сухуму лишь мизерную компенсацию. Дело решили так: сделка грузинского правительства с немцами о продаже табака осталась в силе, «но Грузия обязывалась уплатить Абхазии сумму, получаемую от немцев, и сверх того ещё разницу в цене табака, если рыночная его стоимость превышает цену, данную немцам». Заканчивая рассказ о длительных переговорах, Демьянов заметил, что «можно было счесть нашу миссию почти законченной и притом законченной удачно» (с. 29).

Также описаны выборы в Абхазский совет в 1919 г. и работа этого органа, процесс принятия законопроектов в грузинском парламенте (при котором он присутствовал), сопро-

тивление абхазской стороны в ответ на попытку ввести в Абхазии военно-полевой суд и смертную казнь, и др. Вольнодумство и противодействие линии грузинского правительства не могли остаться без ответа: «Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда был избран абхазской национальной группой... отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти эту автономию свели на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией, меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму. В Абхазском Совете... Рамишвили, В. Джугели не стеснялись никакой клеветы в отношении меня; называли меня монархистом, новоявленным мартовским социалистом; говорили, что я получаю деньги от ген[ерала] Деникина и прочее. Им не было дела до моего честного прошлого»³.

Трудно не согласиться с мнением Лакобы, который отметил, что записки Демьянова «безусловно являются бесценным свидетельством тех переломных событий, которые сопровождались общественными и геополитическими потрясениями в Закавказье после распада Российской империи» (с. 11). Помимо этого перед нами важный источник по предысто-

рии грузино-абхазского конфликта: описанное в нём перекликается с политическими процессами новейшего времени и порой совпадает с ними. Наконец, период Гражданской войны и первой независимости закавказских республик (1918–1921) не изобилует массой богатых информацией источников, в связи с чем публикация данной книги — большой шаг вперёд.

Ценность издания только возросла благодаря подробному именному указателю, который даёт ясное понимание места и роли того или иного упомянутого персонажа. Это особенно важно, так как многие из них малоизвестны как широкой публике, так и исследователям-профессионалам в России.

Примечания

¹ Яркий пример — поэт С.М. Городецкий, вынужденный покинуть Тифлис в 1919 г. в атмосфере недовольства грузинских властей его деятельностью, в особенности карикатурами на членов правительства (подробнее см.: Муханов В.М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики. 1917–1921. М., 2019. С. 197–229).

² Подробнее об этих соглашениях 1918 г. см.: Муханов В.М. «Социализм виноградарей»... С. 454–464.

³ Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 119.

Анастасия Позднякова

Глубокое исследование по истории ВЧК*

Anastasia Pozdnyakova

(Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy)

In-depth research on the history of the Cheka

DOI: 10.31857/S2949124X24010185, EDN: CCJOWD

Последние десятилетия в области изучения истории Гражданской войны ны безоговорочно доминирует проблематика Белого движения. В то же

* Измозик В.С., Гехт А.Б. Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб.: Круга, 2022. 624 с.

время о В.И. Ленине и его сторонниках чаще пишут публицисты, чем учёные. Особое внимание уделяется ВЧК, причём о детище Ф.Э. Держинского зачастую сочиняются небывлицы, ретранслирующие штампы белогвардейской периодики («палачи с Лубянки», «кровавые садисты», «изуверы-насилъники» и т.д.). Распространилось представление о чекисте времён Гражданской войны как о психопате, близком к потере рассудка от пресыщенности буквально ежедневно приводимыми им в исполнение расстрельными приговорами в отношении «контры». За примерами далеко ходить не нужно. Вспомним фильм «Чекист» талантливого петербургского кинорежиссёра А.В. Рогожкина, вышедший в кинопрокат в 1992 г.: его герои, работники уездного ЧК, бездушные и холодные убийцы, даже не пытающиеся разобраться в обстоятельствах дел подсудимых. В немалой степени именно из-за такого одностороннего и тенденциозного взгляда на работу чекистов их деятельность отождествляется лишь с «красным террором», начатым после покушения на В.И. Ленина и убийства В.В. Володарского и М.С. Урицкого. Освещение в СМИ 1990-х гг. процесса массовой реабилитации репрессированных лиц способствовало закреплению в общественном сознании представления о том, что якобы все дела ВЧК были сфабрикованы.

Важную работу в течение многих лет выполняет Общество по изучению истории отечественных спецслужб, одним из организаторов и руководителей которого является видный петербургский учёный В.С. Измозик¹. При его участии, начиная с 1997 г., организуются «Исторические чтения на Лубянке», проводятся конференции в Петрозаводске и Санкт-Петербурге. В научном сообществе получили отклик труды, в которых ре-

конструированы успешные операции, подготовленные советскими контрразведчиками. Одной из них и посвящена монография В.С. Измозика и молодого петербургского историка А.Б. Гехта.

Центральный персонаж книги — Пол Дюкс — по-настоящему яркая личность: офицер британской разведки MI-6, который в 1920 г. был посвящен в рыцари за шпионскую деятельность в России. Он родился в 1889 г. в Англии, в 1909 г. приехал в Российскую империю, а в апреле 1910 г. перебрался в Петербург. С 1918 г. Дюкс служил в разведке под оперативным псевдонимом ST-2566 (с. 40–41). Большинство публикаций о нём грешит серьёзными ошибками. Измозик и Гехт первыми предприняли попытку подготовить полномасштабный академический труд о Дюксе. Основной корпус книги предваряет предисловие, цель которого — познакомить читателя с историографией проблемы и особенностями исследовательского метода авторов. «На основе найденных архивных материалов мы попытались рассказать о ситуации вокруг Петрограда в 1918–1919 гг., об организации Дюкса и главных её действующих лицах; о петроградских чекистах, участвовавших в раскрытии этой организации; о хитросплетениях биографий всех этих людей, их личных связях (для чего подчас требовалось проследить их реальную жизнь с конца XIX в. до второй половины 1930-х гг.); наконец, о трагических судьбах подавляющего большинства этих персонажей, воевавших по разные стороны фронта в годы Гражданской войны, и в ряде случаев об их потомках», — пишет Измозик (с. 15).

Ядро книги — это тщательно проанализированные уникальные материалы следственных дел. Фигура Дюкса мастерски вписана в общую картину жизни Петрограда эпохи Граждан-

ской войны. Блестящее знание авторами контекста событий и умение живо представить их читателю делает чтение поистине увлекательным. При этом учёные не отступают от традиций ленинградской научной школы, подвергая источники добросовестной критике.

Монография начинается с анализа политической обстановки, сложившейся в Петрограде в 1918–1919 гг. Измозик и Гехт сообщают о том, что в августе 1918 г. петроградские чекисты раскрыли организацию военноморского врача В.П. Ковалевского, занимавшуюся сбором сведений для англичан, вербовкой бывших офицеров и отправкой их в Архангельск; упоминается и о заговоре Р.-Б. Локкарта (с. 23). В 1919 г. ситуация вокруг Петрограда обострилась: «указом адмирала А.В. Колчака, объявленного в ноябре 1918 г. Верховным правителем России, 10 июня 1919 г. Н.Н. Юденич был назначен главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против большевиков на Северо-Западном фронте» (с. 25–26). В 1919 г. Северный корпус и Северо-Западная армия Юденича при участии эстонских войск и английского флота дважды (летом и осенью) предпринимали попытки захватить Петроград. Операция «Белый крест» разворачивалась с 12 по 20 октября 1919 г. Юденич рассчитывал на поддержку своих сторонников внутри Петрограда (с. 27), в том числе подпольной организации, созданной Дюксом.

Противостоять шпионам и бороться с антисоветскими объединениями должна была созданная ещё 7 декабря 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Авторы монографии отметили, что в 1919 г. в Петрограде действовало несколько

советских спецслужб: Петроградская губернская ЧК, Особый отдел 7-й армии, Особый отдел Балтийского флота (с. 31). Исследователи обратили внимание на ряд обстоятельств, повлиявших на образ действий чрезвычайных комиссий: «Их сотрудники не имели опыта контрразведывательной работы. Сама обстановка Гражданской войны, нарастание ожесточённого противостояния сторон, пренебрежение к ценности человеческой жизни, отсутствие правовых документов (Уголовный кодекс РСФСР был принят лишь в мае 1922 г.), подмена законов “революционным правосознанием”, сосредоточение в руках ВЧК огромных полномочий, широкое использование чекистами понятия “чуждых” граждан, официальная политика красного террора с 5 сентября по 6 ноября 1918 г. — всё это обуславливало упрощённое судопроизводство и жестокость приговоров, нередко зависевших от военно-политической ситуации в целом, от позиции конкретного следователя или руководителей той или иной чрезвычайной комиссии» (с. 33).

Характеризуя условия функционирования Петроградской ЧК в 1918–1920 гг., историки добавляют, что «ситуация в Петрограде осложнялась “руководящей чехардой” и нередкими конфликтами между фактическим руководителем города Г.Е. Зиновьевым (председателем Петроградского совета с 13 декабря 1917 г.) и городским комитетом партии большевиков». Уточняется, что «с 12 марта 1918 г. до начала 1921 г. сменилось девять руководителей ПЧК» (с. 34).

Авторы видят уникальность деятельности Дюкса в том, что «агент его величества короля Георга V прибыл в Петроград в конце ноября 1918 г., но на протяжении более полугода петроградские чекисты вообще не знали о его существовании» (с. 43). Первоначально главная задача Дюкса

заклучалась в сборе разнообразной информации и передаче её английским разведывательным службам. После его ухода из Петрограда в августе 1919 г. основной целью созданного им антисоветского подполья стала подготовка вооружённого выступления, чтобы помочь белым овладеть городом. В ноябре 1919 г. наступление Юденича провалилось, одновременно с этим организация была раскрыта. На страницах монографии подробно рассказывается об аресте основных соратников Дюкса, восстановлены многие фамилии и судьбы этих людей (Н.В. Петровская, И.Р. Кюрц, И.П. Бокаев, Н.П. Комаров, Э.М. Отто и А.Ю. Рикс). Авторы справедливо отмечают, что обвинения в причастности к подпольной организации зачастую предъявлялись необоснованно, а степень наказания далеко не всегда соответствовала тяжести содеянного.

Самый обширный раздел книги — это интереснейшие воспоминания П. Дюкса «Красные сумерки и рассвет. В большевистской России: приключения и размышления» (перевёл текст на русский язык А.Б. Гехт). Разносторонне образованный человек, успевший побывать даже студентом Петербургской консерватории, британский разведчик с искренней симпатией относился к России и её богатой культуре; понимал он и причины популярности идей большевиков среди простых людей. «При всём своём крайнем антибольшевизме, П. Дюкс отдаёт должное организаторским и политическим талантам В. Ленина и Л. Троцкого, подчёркивает, что крах Белого движения в конечном счёте связан с позицией российского

крестьянства, верит в будущее возрождение России», — признают авторы (с. 126). Вне всякого сомнения, записки Дюкса — ценный источник по истории Гражданской войны.

Измозик и Гехт подчёркивают, что «у чекистов, вопреки расхожим домыслам, были вполне реальные противники», которые стремились любой ценой вернуть дореволюционные порядки. Это противостояние носило глубинный характер и привело к расколу общества. Трагедия Гражданской войны заключалась в том, что у каждой из сторон имелась своя правда: «Лучшие люди — белые, красные, зелёные — были патриотами, они хотели для России блага, верили в будущее процветание своей страны, но видели этот путь к нему совершенно по-разному. Слушать же друг друга, искать компромисс, договариваться они не умели и не желали» (с. 527). В книге наглядно показана страшная катастрофа Гражданской войны: проигравшими оказались и победители, и побеждённые, а в конечном итоге — Россия.

Труд петербургских историков является одним из наиболее добросовестных исследований по истории ВЧК, увидевших свет в последние годы.

Примечание

¹ Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007; Измозик В.С. Государственный политический контроль за населением Советской России (1917–1928). СПб., 2021; Измозик В.С. Заседание коллегии Петроградской ЧК 9 января 1920 г. как пример судебных решений периода Гражданской войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные специалисты: история и современность. М., 2022. С. 50–56.

DOI: 10.31857/S2949124X24010198, EDN: CAOXAQ

Монография В.С. Измозика и А.Б. Гехта посвящена одному из значимых сюжетов истории Гражданской войны в Советской России. Речь в ней идёт о столкновениях чекистов с антисоветским подпольем в Петрограде, что во многом определило курс большевистского руководства на укрепление карательного аппарата.

В советской историографии 1920–1980-х гг. коммунисты изображались благородными борцами за счастье народа, а их противники — предателями. Авторы новейшего труда, стремясь к максимальной объективности и полноте исследования, обратились к анализу документов из нескольких федеральных и местных архивов. Среди них — Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Российский государственный архив Военно-морского флота, Центральный архив ФСБ России. Изучались также справки, предоставленные службами регистрации и архивных фондов Управлений ФСБ России по Омской и Псковской областям. Важная информация была получена в ходе личных бесед Измозика с потомками участников описываемых в книге событий — чекистов и их врагов.

Монография состоит из трёх разделов. В первом воссоздан контекст противостояния заговорщиков и Петроградской ЧК (ПЧК), показана роль британского разведчика Пола Дюкса в антисоветском подполье; во втором помещены воспоминания Дюкса, пе-

реведённые на русский язык Гехтом и научно откомментированные им совместно с коллегой по исследованию; в третьем даны портретные зарисовки некоторых активных деятелей противоборствовавших сторон. Авторство большей части монографии принадлежит Измозику.

Дюкс характеризуется как разносторонняя личность («прекрасный музыкант»), а также «очень смелый» человек (имевший «привычку упорно смотреть в глаза собеседнику и молчать»), судьба которого была полна приключений (с. 50). В ноябре 1918 г. он нелегально прибыл в Россию через финскую границу и в течение нескольких месяцев сумел создать антибольшевистскую организацию в Петрограде. Наряду с артиллерийскими офицерами туда вошли избежавшие ареста члены разгромленных объединений оппозиции — подпольной группы английского военно-морского атташе Френсиса Кроми и нелегальной военной организации «Великая единая Россия» (с. 43, 47, 139).

Выделено два этапа работы тайного общества. Подчёркивается, что до октября 1919 г. в его деятельности доминировали разведка, изучение настроений населения, а также обеспечение регулярных связей с зарубежными центрами (английским и французским) и руководством Белого движения на Северо-Западе. Измозик пришёл к выводу об исключительной значимости информации,

* Измозик В.С., Гехт А.Б. Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб.: Крига, 2022. 624 с.

которой располагали лидеры подпольщиков. К примеру, среди осведомителей Дюкса был помощник заведующего Активной частью Особого отдела ПЧК А.Н. Гавришенко. В то же время авторы монографии сомневаются, что некая «В. Яковлева», упомянутая в источниках, — это Варвара Яковлева, председатель ПЧК в ноябре 1918 — январе 1919 г., ценные новости от которой якобы поступали заговорщикам через её любовника, военного моряка И.Д. Покровского. Высказано предположение, что «В. Яковлева», скорее всего, жена морского офицера Ф.Ф. Траншина (с. 91, 99).

Среди информаторов — борцов против большевистского режима названы также начальник Штаба 7-й армии, бывший полковник В.Я. (в ряде источников «В.Э.». — *А.Д.*) Люндеквист, начальник Штаба Балтийского флота А.В. Домбровский. Авторы констатируют, что «в своих действиях на протяжении 1919 г. английские силы и Северо-Западная армия белых опирались на сведения, получаемые от агентуры из Петрограда» (с. 29, 53, 90, 91). Заметим, что глагол «опирались» вряд ли уместен в данном контексте, поскольку на самом деле достоверно неизвестно, в какой степени (сравнительно с другими источниками) упомянутая информация использовалась врагами советской власти.

Дюкс выступает в книге в двух ипостасях: он не только английский разведчик, но и подпольщик, организатор борьбы российских мятежников с большевиками. Установлено, что в сентябре—октябре 1919 г., после отъезда из России, он передал дела по резидентуре Н.В. Петровской, своей ближайшей помощнице. Тогда же координатором петроградского антибольшевистского заговора стал капитан Ю.П. Герман, уполномоченный генерала Н.Н. Юденича (с. 72, 73, 353, 378).

С начала октября 1919 г. инсургенты сосредоточились на подготовке вооружённого выступления с целью оказания помощи Юденичу в захвате Петрограда. В расчёте на успех этой операции было сформировано временное правительство во главе с профессором А.Н. Быковым (с. 73).

Измозiku удалось оценить силы антисоветского подполья и конкретизировать его планы. Согласно подсчётам учёного, в рядах заговорщиков находилось около 700 человек. Они предполагали овладеть стратегически важными пунктами — Смольным, зданиями ПЧК и Первого дома Петроградского совета (гостиница «Астория»). При этом справедливо ставится под сомнение основательность их надежд на поддержку со стороны рабочих-путловцев, личного состава 2-го запасного полка и запасных батарей. По мнению исследователя, перевес большевистских сил (до 40 тыс. человек в Петрограде и в его окрестностях) с самого начала не оставлял заговорщикам никаких шансов (с. 77—78). Более того, высказано предположение, что деятели антисоветского Северо-Западного правительства (находившегося в Ревеле) и контрреволюционного подполья опасались своей возможной победы, ибо не представляли, каким образом в этом случае смогут прокормить 700-тысячный город (с. 79).

Труд петербургских историков основательно фундирован и побуждает читателя задуматься над вопросами, важными для понимания советской истории. Так, Измозик, ссылаясь на текст письма руководителя одной из боевых групп мятежников Э.В. Бажо, подчеркнул «энергию» большевистских вождей, благодаря которой они, по мнению автора документа, обязательно «препятствия устранят» (с. 84—85). Здесь подмечен психологический аспект, важный для осмысления фе-

номена победоносности «красных». Под этим углом зрения рассматривал политику ленинцев и Б. Рассел, британский философ и общественный деятель. После поездки в Советскую Россию в 1920 г. он писал: «Большевизм внутренне аристократичен и внешне воинственен... Коммунисты мужественны, энергичны, способны властвовать, всегда готовы служить государству». Впрочем, Рассел обращал внимание и на оборотную сторону «энергичности» большевиков — склонность к диктаторству и недостаток «обычной снисходительности к плебсу»¹. Он был одним из тех проницательных современников, которые ещё в ходе «русской смуты» осознали, что советская власть — это «всерьёз и надолго». Измозик разделяет мнение, согласно которому большевистская гегемония не могла быть уничтожена военно-политическими методами. При этом он признаёт бессилие коммунистов перед народной стихией и констатирует: «Через год Советская Россия столкнётся с опаснейшим политико-экономическим кризисом, выход из которого будет найден в переходе от военного коммунизма к нэпу» (с. 85).

Характеризуя бесславный финал сподвижников британского разведчика, историк пишет о том, что основные части их организации были раскрыты в начале ноября 1919 г. Арестованных оказалось так много, что советская пропаганда принялась раскручивать (с подачи Г.Е. Зиновьева) сюжет о разоблачении грандиозной «английской шпионской организации» (с. 68, 86, 89, 94).

Измозика удалось подсчитать, что под следствием оказались 718 человек. Из них 144 обвиняемым, согласно январско-мартовским постановлениям ПЧК 1920 г., были назначены различные меры наказания (включая смертную казнь), а 410 бывших под-

польщиков освободили из-под стражи; сведений о судьбе 164 арестантов обнаружить не удалось (с. 122, 410). Очевидно, что, несмотря на чрезвычайность ситуации, во многих случаях чекисты не рубили безоглядно головы направо и налево, а старались разобраться в степени виновности задержанных, в результате большинство из них вышли на свободу. В то же время в книге приведены факты вопиющего нарушения законности. К примеру, несколько «бывших» (в том числе гр. А.И. Мусин-Пушкин) были осуждены на сроки от 5 до 10 лет за обнаруженное у них стихотворение, сочтённое следователем антисоветчиной. Судьбы многих обвинённых авторы проследили до конца их жизни. Например, они выяснили, что упомянутого Мусина-Пушкина, в 1930-х гг. работавшего электриком в больнице им. Н.А. Семашко в Архангельске, тогда арестовали в очередной раз, а в 1938 г. расстреляли (с. 117).

Текст монографии даёт ёмкое и полное представление о механизме функционирования ПЧК. Обоснована мысль о том, что методы работы органа революционной законности в целом были обусловлены общей обстановкой «русской смуты». В то же время подчёркивается, что очень многое зависело от «человеческого фактора» — поведения конкретных сотрудников «чрезвычайки». В книге приведена выдержка из инструкции комиссарам и следователям, где им предписывалось «не кричать», и содержался совет: «Прежде чем говорить, нужно подумать» (с. 33).

Читатель научного труда узнает об организационных, кадровых и других проблемах в работе чекистских структур. Отмечено особое место ВЧК в политической системе советской власти: руководители петроградской спецслужбы нередко игнорировали решения высшего законодательно-

го органа республики. Так, глава чекистов города И.П. Бакаев отклонил официальное предложение Президиума ВЦИК освободить заключённого (с. 111). В монографии затрагивается тема большей ригористичности чекистов Петрограда в сравнении с Москвой. В новой (с марта 1918 г.) столице арестованных ожидала «меньшая опасность расстрела» (с. 98). Недаром в городе на Неве большую группу заговорщиков казнили 17 января 1920 г. — именно в тот день, когда вступило в силу решение Политбюро ЦК РКП(б) об отмене смертной казни в связи с военными победами над основными врагами советской власти.

Что касается воспоминаний Дюкса «Красные сумерки и рассвет. В большевистской России: приключения и размышления», то они, по моему мнению, являются источником для изучения не столько антисоветского заговора, сколько советской повседневности и политической реальности. Непосредственный свидетель событий столичной жизни, Дюкс оставил немало ярких зарисовок (облава на торговцев Сенного рынка, преследование мешочников, сожжение на большевистском митинге при всеобщем восторге чучела немецкого премьера-министра Ф. Шейдемана, и т.д.) (с. 228, 238, 259). В то же время англичанин имел весьма приблизительное понятие о положении русской деревни. К примеру, он ошибочно считал, что в результате революции крестьяне обрели право частной собственности на землю (с. 335).

Измозик и Гехт фиксируют «глухой интерес и порой даже симпатию» автора воспоминаний к гражданам Советской страны. Они обращают внимание на его «искренний призыв» к соотечественникам «не смотреть на Россию через призму клише и стереотипов» (с. 126). Дюкс признаёт, что старался освободить рукопись от всех

деталей, по которым можно было бы вычислить участников событий, ведь большинство из них остались в России вместе со своими семьями (с. 273). Это придаёт особую ценность подробным комментариям публикаторов, которые восполнили лакуны в изложении фактов, а также исправили ошибки мемуариста.

Ещё одной заслугой историков следует признать выразительные психологические портреты ряда исторических личностей, помещённые в последнем разделе. Так, представляет интерес глава о соратнице Дюкса Н.В. Петровской (Вольфсон). Сообщается, что она, «молодая женщина (1875 года рождения) революционно-социалистических убеждений, не принадлежавшая к подпольной организации», в 1896 г. выполняла роль «невесты» В.И. Ленина. По просьбе семьи Ульяновых она под видом суженой будущего вождя на протяжении двух месяцев (с марта до начала мая 1896 г.) посещала его в петербургском Доме предварительного заключения, снабжая обедами перед отправкой в ссылку (с. 360—361). Впоследствии героиня очерка закончила Женский медицинский институт, работала врачом, вышла замуж за инженера А.А. Петровского. Высказано предположение, что по причине влюблённости в Дюкса, а также из-за разочарования в политике большевиков Н.В. Петровская в 1919 г. стала активной участницей антисоветского заговора (с. 377). После ареста она выдала чекистам организацию (как тогда говорили, «разоружилась перед советской властью»). В 1922 г., после трёх лет тюремного заключения, Петровская вышла на свободу и умерла своей смертью в 1935 г. Измозик характеризует её биографию как психологический парадокс: «Так закончилась жизнь женщины, побывавшей “невестой” В.И. Ульянова и близкой

сотрудницей английского разведчика Пола Дюкса» (с. 378, 381). Примечательной особенностью монографии является акцентировка внимания на семейных историях. В частности, подробнейшим образом прослеживаются судьбы членов семьи Петровской, пострадавших из-за родственной связи.

Обстоятельно описаны и превратности жизни члена заговорщической организации И.Р. Кюрца — бывшего журналиста, преподавателя, в царское время связанного с разведкой. Он назван «даровитым человеком, причастным к хитросплетениям российской политики первой четверти XX в.». Арестованный в январе 1920 г. и ставший агентом ОГПУ, Кюрц использовался в качестве «наживки» для выманивания Дюкса из-за границы в Россию, однако, не оправдав надежд спецслужб, в начале 1930-х гг. был расстрелян «за шпионаж в пользу Японии» (с. 435, 440–442).

В фокусе внимания авторов находятся также взлёты и падения руководителей и агентов ПЧК. Они выделили три группы чекистов. Представители одной из них в условиях работы, связанной с арестами и расстрелами людей, теряли человеческий облик, превращались в упивавшихся властью садистов. Другие воспринимали своё служебное назначение как знак высшего доверия партии, а себя — как особую касту. Третьих тяготила профессия, и они стремились сменить сферу деятельности. К последним принадлежал Бакаев, председатель ПЧК с сентября 1919 г. по сентябрь 1920 г. Недаром он подавал начальству прошения об отставке, мотивируя своё решение усталостью (с. 452). При этом он оставался истым коммунистом; например, вопреки возражениям председателя ВЦИК М.И. Калинина, он настоял на демонтаже почти двухтонного серебряного обрамления иконостаса Александро-Невской лавры (с. 454,

455). Разумеется, Бакаев не смирился с подавлением партийной демократии, входил в состав оппозиции и на Первом московском процессе по делу «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. был приговорён к расстрелу. Вслед за ним погибли жена и 11 родственников, а трое детей остались сиротами (с. 466).

Перипетии революционной эпохи отразились и на судьбе Н.П. Комарова, преемника Бакаева на посту председателя ПЧК, который также тяготился причастностью к репрессиям и по мере возможности старался избегать расстрелов. В биографиях двух главных чекистов Петрограда было много общего: они происходили из бедных крестьян, получили рабочую специальность, боролись с царизмом. Авторы исследования подводят читателя к ответу на вопрос: почему хорошо зарабатывавшие (т.е. материально обеспеченные) пролетарии активно шли в революцию. Подчёркивается, что осознание себя как личности побуждало человека требовать уважения со стороны властей (неслучайно во время забастовок рабочие настаивали на обращении к ним на «вы») (с. 474). К 1920-м гг. за плечами обоих деятелей были аресты, царские тюрьмы, сражения Гражданской войны, чекистская и советская работа. Однако развернувшаяся вскоре внутрипартийная борьба развела их по разным политическим лагерям. В отличие от Бакаева, Комаров неизменно следовал сталинским курсом, выступал против оппозиционеров и достиг поста председателя исполкома Ленсовета. Занимая эту должность, он, в частности, энергично продвигал проект замены фигуры ангела с крестом (на Александровской колонне) статуей Ленина или же фигурами красноармейца и рабочего. Напомним, что и Бакаев примерно в те же годы яростно борол-

ся за демонтаж церковных памятников... Конец же у обоих большевиков оказался один: они погибли в ходе Большого террора, предопределив печальную участь своих родственников (с. 476, 492, 496).

Не оставит читателя равнодушным и повествование о друзьях-чекистах — Э.М. Отто и А.Ю. Риксе. Их следует отнести к первой из категорий чекистов — упивавшимся властью садистам. Характерно сходство этих персонажей, отличавшихся подозрительностью, классовой непримиримостью, отказом от жалости к людям «во имя светлого будущего» (с. 503). Не зря Ф.Э. Дзержинский называл Отто «маньяком». Красно-речивая деталь: эти двое любили составлять схемы родственных связей лиц, привлекавшихся по делу (с. 508, 512). Ценность опыта работы в ЧК, основанного на революционном правосознании, заметно упала во времена нэпа, когда, по словам Измозика, были восстановлены «буржуазные условности и прокуратура». Уволенные из ВЧК, Отто и Рикс стали советскими служащими, а в 1936 г. их расстреляли «за терроризм» (с. 524, 525).

Признавая несомненные достоинства монографии, отмечу непростоянность позиции авторов относительно дефиниции «Великая Российская революция 1917–1922 гг.» (с. 41, 448, 527). Несмотря на утверждение данного понятия в новейшей историографии, оно вызывает вопросы, а потому вряд ли стоило его использовать без особой необходимости. К сожалению, в тексте есть неточности. Так, на с. 349 речь идёт о 600 тыс. членов

РКП(б) к концу 1919 г., в то время как сложение чисел, приведённых на с. 351, даёт в сумме 400 тыс. (с учётом членов и кандидатов в члены партии). На с. 477 Николай Павлович Комаров назван «Николаем Петровичем». Кстати, досадно, что не указаны уже установленные дата и место ухода из жизни Н.И. Иванова, заместителя Комарова на посту главы Ленсовета².

В заключение обратим внимание на суть драматического конфликта, представленного в монографии. Это — противостояние между заговорщиками, происходившими преимущественно из культурного («верхнего») слоя общества, и чекистами — в основном выходцами из «низов». Следует согласиться с авторами в том, что взаимное неприятие двух «внутренних Россией», перешедшее в острейшую фазу Гражданской войны, отражало глубинный социально-культурный раскол, формировавшийся на протяжении веков (с. 526). Неприязнь народных масс к меньшинству («господам») воплотилась в сокрушительном революционном взрыве, а завершилось всё простым переворачиванием социальной пирамиды с сохранением привычных общественных иерархий и дисциплинарных практик. В книге Измозика и Гехта показан процесс «пожирания» революцией своих детей.

Примечания

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1990. С. 18.

² Давыдов А.Ю., Кириллова Е.А. Советский управленец Н.И. Иванов: трагедия хозяйственного руководителя 1920–1930-х гг. // Новейшая история России. Т. 12. 2022. Вып. 3. С. 682.

Oleg Bukhovets

(Belarusian State Economic University, Minsk;

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Major contribution to the study of nation-building in Russia

DOI: 10.31857/S2949124X24010201, EDN: CAMXOW

Центр гуманитарных инициатив и издательский центр Института российской истории РАН выпустили в свет монографию Д.А. Аманжоловой, К.С. Дроздова, Г.В. Костырченко и Т.Ю. Красовицкой «Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг.». Исследователи давно и плодотворно работают на ниве изучения процессов нациестроительства, развернувшихся на территории бывшей Российской империи в ходе великих потрясений 1917 г. и Гражданской войны, а затем претерпевших сильнейшие флуктуации на протяжении обозначенного периода. Внушительная по объёму, рецензируемая книга опирается на солидный фундамент (библиографический список насчитывает 36 страниц, а указатель имён — 13). Она состоит из 7 глав, 14 разделов, 17 параграфов, содержит развёрнутое введение и обстоятельное заключение.

Как указывают авторы введения Аманжолова и Красовицкая, «советский исторический опыт рассматривается... в контексте противоречивого формирования новой многонациональной общности, объединившей народы бывшей Российской империи в ходе переброски государственной системы и посредством политики советского транзита народов от традиции к модерности» (с. 6). «Красной нитью» через книгу проходит идея

о том, что советская национальная политика, «соединившая усилия центра и национальных элит, обеспечивала сплав адаптировавшихся к социалистическому проекту традиционных основ этничности с современными принципами, институтами и практиками реорганизации политической системы и всего социально-культурного пространства страны». Именно такой сплав изначально качественно разнородных составляющих обеспечил в итоге создание, а затем и освоение «новой модели гражданской консолидации общества, получившей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных сферах» (с. 7).

Степень противоречивости советской этнонациональной политики была близка к предельной. К примеру, на смену широкомасштабной «коренизации» 1920-х гг. пришла борьба с «буржуазным национализмом», и т.д. Так, по мнению авторов, выразилось стремление большевистского руководства «совместить интернационализм с... освобождением от “нетрудовых” слоёв, независимо от их национального происхождения», сохранив при этом устойчивость и управляемость советского государства в условиях «ускоренной и радикальной для большинства его народов модернизации» (с. 752).

Анализируя многотрудную проблему гражданской консолидации

* Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 832 с.

советского общества, Аманжолова соглашается с суждениями ряда учёных (И. Герасимова, М. Могильнер, С. Глебова) о том, что СССР представлял собой «принципиально новый феномен масштабной самоорганизации». Институты и подходы к управлению обществом изменились настолько радикально, что Советский Союз не может считаться преемником Российской империи. Позднюю империю и СССР можно описывать в одних и тех же категориях лишь фрагментарно (с. 753).

Нельзя не отдать должное уравновешенной позиции авторов. Так, Аманжолова пишет, что «комплиментарность и сложный опыт многовекового взаимодействия, сотрудничества и сожительства объективно толерантных друг к другу народов СССР закономерно обеспечивал и приоритетное место гражданской идентичности» (с. 765). Однако при этом «складывание реальной наднациональной советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации, отнюдь не привело к исчезновению традиционных культур» (с. 767). В Советском Союзе провозглашалась задача переформатирования идейных и духовных приоритетов, что требовало «не только спонсирования этничности, но и пластичной взаимной адаптации и интеграции национальных культур с общегражданским социально-культурным и идейным ландшафтом» (с. 768).

Вместе с тем в монографии значительное внимание уделено репрессивным практикам большевистского руководства по отношению к разным народам. В частности, обширные иллюстративные и статистические материалы на этот счёт приводятся в четвёртой главе (авторы — Аманжолова и Дроздов). По внешнеполитическим резонам состоялись «этнически-ориентированные высылки... финнов-

ингерманландцев (1935), поляков и немцев (1935–1936), курдов, корейцев и армян (1937–1938), иранцев (1938)». По итогам четырёх спецопераций «из западных областей БССР к началу Великой Отечественной войны были выселены 123531 чел[овек] разных национальностей» (с. 464). Специально остановились авторы на вопросах, получивших в последнее время не только научный, но и общественно-политический резонанс: голоде 1932–1933 гг. и политике «украинизации». Ссылаясь на исследования «большинства учёных», они отклонили выводы украинских историков, утверждающих, что голод — не что иное, как геноцид украинского народа: «никаких убедительных доказательств» тому нет, а «перенос акцента в область схоластических споров о категории “геноцид”... снимает важный вопрос о необходимости исследовать, как действовал механизм коллективизаторской гонки на местах, приведшей к голоду, какую роль сыграли в её трагических последствиях управленцы всех звеньев, в том числе национальные кадры» (с. 455).

Говоря об «украинизации», они отмечают, что наиболее оппозиционно к ней были настроены «промышленные регионы Юга и Востока Украины (с центрами в Екатеринославе, Харькове, Донецке, Одессе, Николаеве)». Многие из партийных руководителей ещё со времён Гражданской войны и образования Донецко-Криворожской республики «украинизацию не воспринимали в принципе», считая, что пролетариат должен отдать все силы на то, чтобы «завоевать свою автономию и независимость от Украины» (с. 441). Большой интерес в этой связи представляет интерпретация сущностных особенностей ассимиляционных процессов, стимулировавшихся со второй половины 1930-х гг., прежде все-

го в РСФСР. Аманжолова и Дроздов привлекают внимание читателей к работам исследователей, дающих нелинейные трактовки этих процессов.

Среди них выделяется книга ростовского историка С.Я. Сущего об украинцах Юга России¹. Массовый «переход в русские» во время Всесоюзной переписи 1939 г. тех, кто в 1926 г. называли себя украинцами, он истолковывает так: эти люди, с их русско-украинской ментальностью, перемешанной речью и двойственной бытовой практикой, отнюдь не лукавили ни в середине 1920-х гг., ни в конце 1930-х. Просто как в первом, так и во втором случае их ответ не полностью соответствовал действительности: будучи «не совсем» украинцами в 1920-х гг., они стали затем «не совсем» русскими в 1930-х (с. 704). Причина данной этнодемографической трансформации, по мнению Сущего, не в политике большевистского режима, а в стремительном росте пространственной циркуляции населения и последовательной активизации межнационального взаимодействия. «Размывание моноэтнических анклавов отчётливо обнаруживается на Юге России» уже в конце XIX — начале XX в. Урбанизация и масштабное индустриальное строительство 1920—1930-х гг. придали этому процессу ускорение. Но такой «идентификационный переход» однозначно имел бы место и при более мягком политическом режиме. Просто он оказался бы более плавным и растянутым во времени (с. 705).

Отталкиваясь от работ предшественников, авторы предлагают новаторское объяснение проблемы перехода «в 1930-е и последующие годы в СССР и других советских республиках миллионов нерусских в русские». Задаваясь вопросом, была ли это смена этнической идентичности или же национальной, они дают такой ответ:

делался «именно национальный выбор». Произошла смена «национальной» идентичности на общерусскую советскую, тогда как этничность осталась прежней (с. 703).

Научно взвешенные подходы четвёрки авторов способны послужить преодолению стереотипов «обличительной историографии». Широко практикуемый последней телеологический подход приводит к забвению в советском периоде всего, что не имеет «исторической ценности» в националистической парадигме. Например, уникальности советской политики в отношении национальностей. Её известный английский русист Д. Ливен усматривает в следующем: «Большевики сделали упор на модернизацию нерусских республик, стремились поднять их экономику до уровня самой России»². Реализуя эти задачи, советский режим «сам создавал нации» из клановых и племенных сообществ³, при этом, несмотря на депортации ряда народов, «не исчезла ни одна, даже самая малая группа или язык, тогда как в других регионах мира ассимиляция малых групп имела массовый характер»⁴. «Существование в СССР множества наций воспринималось в мире как уникальный исторический феномен и вызывало повышенный интерес, особенно в странах с полиэтническим составом населения»⁵. Или, наконец, то, что знаменитая «идея исключительности советского народа как новой исторической общности оказалась привлекательной не только для идеологизированной многонациональной правящей прослойки». Она стала таковой «и для широких масс, в том числе для многих представителей национальных меньшинств», увидевших в ней «свой шанс найти достойное место в жизни»⁶.

Бесспорное достоинство книги состоит также в том, что её авто-

ры, довольно широко используя наработки зарубежных учёных, видят в них просто иностранных специалистов, а не нормативную теоретико-методологическую референтную группу — законодателей мод, которым необходимо слепо подражать.

Для оформления книги использована хранящаяся в Бахрушинском музее картина А.А. Экстер к балет-сюите «Скрябиниана» К.Я. Голейзовского на музыку А.Н. Скрябина. Следует по достоинству оценить соответствие обложки монографии её содержанию, отражающему новаторское творчество и противоречивость советской национальной политики.

Примечания

¹ Суций С.Я. Украинцы Юга России: демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013.

² Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 306.

³ Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства // Европейский опыт... С. 191.

⁴ Тишков В. Интервью // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IX. 2001. № 4. С. 22.

⁵ Иванов В.Н. Межнациональные отношения в России. Постановка проблемы // Социс. 1994. № 6. С. 32.

⁶ Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М., 1993. С. 165.

Олег Волобуев

Монография, которая наводит на размышления*

*Oleg Volobuev
(Moscow, Russia)*

A thought-provoking study

DOI: 10.31857/S2949124X24010214, EDN: BYKWBT

Название рецензируемой коллективной монографии сразу же вызывает вопросы. Прежде всего, была ли советская федерация отрицанием империи как типа государственности? Ведь со времён перестройки термины «СССР» и «советская империя» употребляются как синонимы. Далее, всегда ли империя это прошлое, обречённое прогрессом на слом, или может существовать «модерная империя»? Наконец, что авторы понимают под модерностью? Большевики строили социализм, это одно и то же или разное историческое творчество? Вообще проблема терминологии в данном случае — одна из основных. Авторы используют ряд тер-

минов, которые в советской, да и постсоветской историографии не употреблялись. Они заимствованы в первую очередь из современных этнологии и политологии: нациестроительство, этнонациональная политика, конструирование современных наций и др. Расширение и обновление понятийного аппарата — естественное состояние науки. Но, к примеру, Л.Н. Гумилёв, создавая концепцию этнической истории, выходил к читателю с книгами, оснащёнными словарём. Не мешало бы и авторам иногда пояснять, как они интерпретируют те или иные понятия.

Монография очень объёмна, в ней семь глав. Первые две (автор —

* Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 832 с.

Т.Ю. Красовицкая) посвящены проблемам федерализма в этнополитических исканиях, проектах и решениях дореволюционного и революционного времени. В третьей (также Красовицкая) анализируется «природа Советского федерализма» с момента образования СССР: с одной стороны, «самостийности», с другой — идей и планов автономизации и федерализации. Внимание в четвёртой (Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов) сосредоточено на управлении культурным многообразием. В фокусе следующей главы (те же авторы) — попытки обустроить национальные меньшинства, не имевшие «своих» автономий или компактно жившие за их пределами (этнонациональные сёла и районы). Шестая глава (Г.В. Костырченко) исследует неудачный опыт привязки части еврейской диаспоры путём землеустройства к новой, выделенной государством территории («белорусский» и «крымский» проекты). Наконец, седьмая глава (Аманжолова) затрагивает дискуссионную проблему складывания полиэтнической общности — «советского народа».

Таким образом, первые три раздела книги носят преимущественно теоретический характер, а три оставшиеся освещают практику нациестроительства. В этой структуре просматривается замысел авторского коллектива, который продолжен и подчёркнут в заглавии недавно вышедшей монографии Т.Ю. Красовицкой¹.

Проблемное построение исследования ставит вопрос о периодизации исследуемого процесса. Первый его период — с 1917 до конца 1922 г. Возникает вопрос: выделяют ли авторы 1923–1929 гг. (или начало 1930-х гг.) в отдельный этап, или 1920-е и 1930-е гг., вплоть до 1941 г., — это единый временной отрезок? Имеет ли рубежное значение Конституция 1936 г.? Содержание книги показыва-

ет, что наиболее логичная переломная точка — 1929 г. (что, кстати, обосновано в уже упомянутой монографии Красовицкой).

Не стану затрагивать вводящую в проблематику федерализма главу об истории этой идеи в российской дореволюционной партийно-политической мысли. Начну с приоритетов нациестроительства. В исследовании раскрывается вся сложность одновременной реализации двух задач: строительство социалистического государства (доминанта — идеология и конкретизирующая её партийная программа) и нациестроительство с последующим формированием советской политической нации (приоритет — симбиоз социалистического интернационализма с этническим самосознанием). В свете этого образование СССР явилось модернизационным шагом. Поэтому уместно говорить о новом типе нациестроительства, в основе которого — совмещение социалистического и национального начал.

Интересно появление нового названия страны — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Оно оказалось навязано всем ходом революции 1917 г., приведшей к стихийному созданию суверенных и автономных этнообразований. Брест-Литовские переговоры привели к столкновению большевистского централизма с многоголовым сепаратизмом регионов. Новая власть оказалась перед дилеммой: чей суверенитет признать, а с кем — договариваться, уступая по ряду спорных вопросов. Безусловно, авторы выбрали удачный, пользуясь их выражением, взгляд на «советский федерализм в оптике Бреста».

Уже этот материал демонстрирует достоинство монографии — умение дистанцироваться от односторонних оценок исторических ситуаций

и политических деятелей. Красовицкая права, когда упрекает историков в том, что они не обращают достаточного внимания на роль переговоров в утверждении советского федерализма. А ведь РСФСР уже в самом начале столкнулась с твёрдой позицией Центральной Рады, требовавшей участия украинской делегации в обсуждении всех вопросов, и с позицией представителей Германии, которые заявили о своём праве вести переговоры от имени населения оккупированных ею территорий. С этого момента началось поспешное принятие большевистским руководством декларации федеративности России. Таковое, однако, уже не могло предотвратить *fiasco*.

Брестский мир стал вторым Рубином после разгона Учредительного собрания — таков вердикт авторов. Этнические элиты (не все и не полностью) по результатам переговоров решили, что большевики должны делить с ними власть на местах проживания их народов. В свою очередь В.И. Ленин выдвинул тезис, что федерация не противоречит демократическому централизму, увидев в нём эффективное средство удержания территории и населения, расширения сферы революционного творчества. Кроме того, «опыт Бреста, “национальных угроз”, необходимость соответствовать принципам федерализма оставил след в сознании Сталина» (с. 160). В отношении стихийного нациетворчества представляет интерес параграф «Антисоветские конкуренты советского федерализма», в котором рассмотрены отношение к федерализму «белых» правительств и иностранные проекты.

В третьей главе проанализированы природа советского федерализма и попытки реализации этой идеи на местах. Её понимание определялось ленинской установкой на приоритет политических интересов, которую в основном разделяло большевист-

ское руководство. Во главе угла стояло строительство социалистического общества, соответственно взаимодействие с этнонациональными элитами шло именно под этим углом. Позиция же этноэлит проявлялась посредством идеологии становления государства, социальной интеграции, антиколониализма или этнически мотивированного сепаратизма.

В качестве одного из наиболее ярких примеров рассмотрен конфликт центра с Башревкомом и его председателем А.-З.А. Валидовым. Тот мечтал объединить Башкирию с Казахстаном и Туркестаном (Средней Азией) в единое автономное территориальное пространство. Но в мае 1920 г. ЦК РКП(б) отверг предложение об объединении Башкирии и Казахстана (тогда именовавшегося Киргизской республикой), а декрет ВЦИК и СНК «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики» урезал её права. Башревком с этим не согласился. В результате Валидов порвал с большевистской властью и в дальнейшем стал одним из руководителей басмаческого движения.

Борьба Башревкома с Башобкомом, поддержанным центром, закончилась победой большевистского «демократического централизма» над тенденцией усиления роли этнонациональных элит. Тем же результатом завершались аналогичные конфликты в других частях страны. Ленин и Сталин занимали при этом сходные позиции до начала споров вокруг образования нового государства — СССР. Тактическая линия заключалась в постепенном вытеснении прежних этноэлит и замене их новыми ответственными работниками из числа преданных партийным установкам.

Авторы выделяют болевую точку дискуссий и практик нациестроительства — «необходимость делиться властью». Акцентируются мнение Ленина

и убеждение Сталина в том, что федерализм — помеха для перехода к более высокому уровню общественных отношений. Тем не менее «географический федерализм» типа североамериканского и швейцарского не принимался. Следовало бы увязать «политические миражи» интернационализма с федералистскими побуждениями местных элит и одновременно учесть конкретный культурно-исторический уровень готовности народов к жизни в союзном общежитии. Однако подготовка к созданию союзного государства выявила немалые трудности и сформировала у многих большевистских руководителей высокого ранга коллективную позицию, которая отрабатывалась в Наркомате национальностей и известна под названием «сталинский план автономизации».

Накал политических страстей по вопросу о статусе республик оказался высок, причём сила сопротивления политике центра оказывалась тем сильнее, чем сильнее была компартия республики (Украина, Грузия). Партийная линия с её установками входила в противоречие с интересами республиканских элит, которых волновала не столько идея мировой революции, сколько настроение рядовых коммунистов и населения республик. Затем плану автономизации неожиданно оказал сопротивление Ленин, который — и здесь нельзя не согласиться с Красицкой — больше всего боялся раскола коммунистической элиты. Он выдвинул альтернативный план государства, основанного на равноправии заключивших договор социалистических республик, а его воля и авторитет сломили упрямство Сталина.

В течение всех 1920-х гг. шла «пересборка государства», создание структурно разноразовного Союза. Она оказалась тернистым путём от четырёх союзных республик к одиннадцати, а также к десяткам автономий

с республиканским и областным статусом и даже национальным округам. Реализация проекта требовала проведения комплексных преобразований в культуре и просвещении, экономике и традиционном укладе жизни, целенаправленной и финансируемой государством политики выравнивания уровней развития. Главными «камнями преткновения» оказались вопросы статуса и границ союзных республик и автономий. С последними возникли особенные затруднения. Например, считать ли границы между союзными республиками равноценными границам с другими странами или рассматривать их как внутрисоюзные административные линии, какими государственными актами закреплять внутрисоюзное размежевание.

Соображения как при учреждении республик, так и при установлении границ между ними были неодинаковы, поэтому, опираясь на обширный материал монографии, можно выделить основы нацистроительства. Это, прежде всего, этничность или этнографические границы. Яркий пример здесь — выделение туркменских земель из Туркестана, Бухарской и Хорезмской народных республик в 1924 г. Далее, экономическая целесообразность. Так, конфликт Чувашской и Марийской автономий за левобережную часть Чебоксарского уезда с этнически смешанным населением, которая в итоге перешла Марийской из хозяйственных соображений. При столкновении этнического принципа с экономическим районированием центр обычно поддерживал последний, объясняя это заинтересованностью всех народов в развитии общесоюзного народного хозяйства. Показательно, что даже при передаче Крыма из РСФСР в состав УССР волюнтаристское решение Н.С. Хрущёва прикрывалось формальным декларируемым экономическим це-

лесообразности. Такая мотивация казалась верхам убедительнее других «придумок» и всё же имела хоть какие-то аргументы.

Третья основа — внутривнутриполитическая целесообразность. Примером может служить судьба Донбасса, причерноморских и приазовских территорий с их преимущественно русскоязычным населением. Эти земли в условиях Гражданской войны оказались в сфере влияния киевских режимов, а затем во имя «пролетарского братства» народов были переданы Украине. Соображения внешнеполитические продиктовали преобразование в 1940 г. Карельской и Молдавской АССР в Карело-Финскую и Молдавскую ССРСР. Наконец, требования рационализации управления проявились, например, в образовании в 1937 г. бурятских национальных округов — Усть-Ордынского (Иркутская обл.) и Агинского (Читинская обл.).

Пристальное внимание уделено политике коренизации и судьбе низовых административно-территориальных образований для нацменьшинств. Их массовое создание пришлось на 1925—1933 гг., а с середины 1930-х гг. началась ликвидация, что совпало со взлётом и затуханием коренизации. Авторы использовали статистику из союзных и автономных республик, краёв и областей, уже известные в историографии факты и результаты собственных архивных поисков. Поэтому можно проследить две взаимоисключающие тенденции. Первая — тяга к бюрократической централизации (упрощению управления), сопровождавшаяся насаждением русского языка в делопроизводстве, образовании и т.д. Вторая — трансформация коренизации в дискриминацию по отношению к русским жителям и нарастание сепаратистских настроений.

Об издержках и негативных последствиях проводившегося курса

оставлено достаточно свидетельств в мемуарной литературе, их можно было бы привлечь в иллюстративных целях. Для примера процитирую бывшего заместителя наркома финансов Бурят-Монгольской АССР: «После проведения более или менее полной “коренизации” правительственного аппарата не только чиновники из туземцев, но и всё туземное население в общем почувствовали себя господами положения и стали смотреть на представителей остальных народов, проживающих в пределах туземных республик и областей, а в первую очередь на русских, свысока»². Одновременно с этнических окраин доносились жалобы на игнорирование партийно-советским аппаратом территориальных и культурно-исторических «требований» народов. Недовольство вызывало и атеистическое неистовство партийцев и комсомольцев. Однако постепенно происходила замена лидеров и группировок «старых» этнократических элит, связанных с массами и ощущавших их настроения, новыми советскими, преимущественно бюрократического формирования.

Венчает исследование глава «Советский народ: к дискуссии о гражданской консолидации общества». На первый план к концу 1930-х гг. вышла концепция «дружбы народов», их единой семьи во главе с русским народом. Широко развёрнутая пропаганда советского патриотизма оправдала себя уже тем, что в годы Великой Отечественной войны, несмотря на нередкий коллаборационизм под разными национальными лозунгами, подавляющее большинство населения поднялось на защиту страны. Интернационализм оказался эффективным средством надэтнической мобилизации, стал одной из основ гражданской солидарности. К примеру, для моего поколения, учившегося в послевоенных школах, в том числе на окку-

пированных территориях, стандартом поведения было не придавать значения этническому происхождению соучеников.

В главе изложены оценки и мнения отечественных и зарубежных авторов по данному вопросу (хотя порой за их обилием ускользает нить логических рассуждений). Автор использует понятие «текущая модерность» (с. 768), очень удачное для обозначения меняющейся исторической реальности, когда под влиянием перемен в обществе может перестраиваться иерархия идентификаций. Удачно и суждение о том, что образ советской родины включал не только политическое и географическое пространство, не только мощь и величие державы, но и этнокультурное разнообразие её населения.

Разумеется, в рецензии невозможно затронуть все изложенные в монографии сюжеты. Например, заслуживает отдельного рассмотрения становление и развитие этнических культур. Авторам стоило бы обратить внимание на более чёткое выделение выводов (новизны) в заключениях к главам, а также на необходимость наличия не только именного указателя, но и географического. Последний

гораздо ценнее для такого издания, нежели именной, ведь читатель прежде всего будет обращать внимание на локализацию событий и процессов.

Подводя итоги, подчеркну, что представленный труд — тематически обобщающий, историографически ценный и конкретно-исследовательский. Первый аспект, полагаю, объяснять не стоит. Касаясь второго, отмечу не просто выявление достижений советской, постсоветской и зарубежной историографии, но и постоянные обращения к имеющимся оценкам и точкам зрения. Можно сказать, что историография в данном издании имеет самостоятельное значение. Наконец, продемонстрировано «исследовательское лицо» каждого из авторов: доскональное знание источников, в том числе архивных, и фактологии, а главное — понимание и умение разграничить декларируемую и действительную стороны избранной проблематики нациестроительства.

Примечания

¹ Красовицкая Т.Ю. Идеи и практики федерализма в советской национально-культурной политике (1918–1929). М., 2023.

² Лавров И.А. В стране экспериментов. Харбин, 1934. С. 193.

Владимир Булдаков

Власть и кино «развитого социализма»*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Power and cinema of the «developed socialism»

DOI: 10.31857/S2949124X24010221, EDN: BYDKQG

Рецензируемая книга уникальна. Трудно представить себе «микроисторическую» тему, через которую можно

было бы по-новому взглянуть на советскую систему, в некотором смысле уловить её суть. И что примечательно,

* Цымбал Е. Рождение «Сталкера»: попытка реконструкции. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 768 с.

автор книги сделал это, отнюдь не ставя себе такой задачи. Поэтому, прежде всего, о нём самом. Е.В. Цымбал окончил исторический факультет Ростовского университета, но кандидатскую диссертацию не защитил (помешало одно «бдительное» ведомство). Перебравшись в Москву, он занялся подсобной работой на «Мосфильме», а в 1976 г. стал ассистентом А.А. Тарковского, режиссёра фильма «Сталкер». Ему было интересно, хотя мэтр предупреждал: «В кино вас научат лгать, воровать, предавать... И ничему больше» (с. 398). Позднее Цымбал учился на Высших курсах сценаристов и режиссёров, работал и даже снимался в эпизодах у Н.С. Михалкова, Э.А. Рязанова, Л.И. Гайдая и других. Наконец, в 1988 г. самостоятельно снял на «Мосфильме» короткометражную ленту «Защитник Седов» (по повести И. Зверева), получившую множество международных наград, а в следующем году — полнометражный фильм «Повесть непогашенной луны» (по нашумевшей в своё время книге Б. Пильняка), также удостоившийся лестных оценок. Однако в связи с развалом кинематографии Цымбалу пришлось переквалифицироваться в документалиста (снял полтора десятка лент). Параллельно он вёл лекторскую и преподавательскую работу за рубежом, общался с известными деятелями мирового кинематографа.

В общем, автору книги сначала не удалось стать историком, затем — кинорежиссёром (вопреки несомненным способностям к тому и другому). Отсюда, вероятно, желание рассказать об особенностях «своей» кинематографической эпохи. И проделано это на впечатляющем примере.

Обычно историки не любят вторгаться в сюжеты, связанные с культурой — считается, что ею должны заниматься искусствоведы и культурологи. Связано такое самоограничение с дав-

ней позитивистской установкой на отмежевание от всего «иррационального». Сегодня ущербность сложившегося положения очевидна. Дело не только в том, что именно культура — в широком смысле слова — довлеет над историческим существованием человека, сказываясь даже на повседневной жизни. «Большая» культура и определяет траектории мировой политики, и лимитирует возможности выбора «исторического пути», и задаёт специфику людских эмоций. Правда, уловить это непросто.

На «самое массовое из искусств» в советской России смотрели как на средство, призванное сначала отвлечь народ от «кабака и церкви» (Л.Д. Троцкий), затем идейно вдохновить, настроить на трудовые подвиги, научить «бдительности», а по ходу дела развлекать. Постепенно кино становилось всё более «рыночным», а кинематографисты — сервильными. Талант разменивался на деньги, об «идейности» стали забывать даже те, кто сделал на ней карьеру. Однако о «государственном интересе» помнили. А поскольку суть последнего становилась всё более неопределённой, штатные охранители не столько наставляли, сколько вставляли палки в колёса «непонятливым» авторам.

Цымбал пишет, что «в России большой талант всегда считался чем-то не вполне нормальным» (с. 281). Иначе быть не могло: система, исторически и психологически связанная с авторитарным патернализмом, воспринимала всякую индивидуальность как нечто несовместимое с собой. О том, как деятели культуры «бодались» с «родной» советской властью, сказано немало. Писали об удивительной полосе препятствий, которую приходилось преодолевать в ходе производства фильмов, создаваемых по самым невинным, а то и заведомо «ортодоксальным» сценариям. Пар-

тийный надзор, невежественное начальство, не говоря уже об отсталой технике, превращали кинематографистов в заложников абсурда. К этому добавлялись борьба амбиций и всплески эмоций в самой творческой среде. В данной книге всё это представлено в концентрированном виде. А «попытка реконструкции» рождения киношедевра поневоле обернулась опытом деконструкции советской системы по не замечавшимся ранее критериям и параметрам.

Ситуация руководство—исполнители—народ применительно к позднесоветской эпохе ещё не осмыслена. Люди по-прежнему склонны приписывать власти нерассуждающую репрессивность, осуществлявшуюся через доверенных лиц. Автор книги цитирует писателя Б.С. Ямпольского: «Литературные палачи сменяли друг друга с железной неумолимостью — становясь всё меньше и ничтожнее, вырождаясь из кобры в клопа. Сначала были те, которые сами умели писать, но и убивать хорошо умели, а потом те, которые не могут ни писать, ни убивать, а только кусать» (с. 32). На деле же оказалось не столь просто. Как говорил Тарковский, «руководящие товарищи обуржуазились», были «самодовольны, завистливы, жадны и подозрительны». Они чувствовали себя элитой общества, но при этом банальным образом «стучали» (с. 521). Система пропитывалась ядом взаимного недоверия.

Тем не менее в год 90-летия Тарковского именно Цымбал смог наиболее впечатляюще рассказать о перипетиях работы мастера над его последним снятым на родине фильмом. Небезосновательно упоминая о «девяти кругах ада», он выступил не просто как свидетель или киновед. К работе привлечены мемуары и публикации, связанные с творчеством выдающегося режиссёра, собствен-

ные воспоминания и фотографии, документы архивов (РГАЛИ, Архив Госкино СССР, Архив киноконцерта «Мосфильм»). Это не историческое исследование в узком смысле слова, а нечто большее — очерки рождения знаковых кадров фильма (1976—1979) и восприятия его коллегами и начальством. Повествование захватывает благодаря мастерству изложения, включающего юмористические описания некоторых побочных ситуаций. В результате в неожиданном свете предстаёт облик не только советской творческой элиты, но и «приглядывавшей» за ней номенклатуры.

Взаимоотношения внутри творческой среды не бывают благостными. Нельзя назвать покладистым и характер Тарковского. Цымбал рассказывает о некоторых его малоприятных поступках и малопонятных метаниях. Это не просто напоминание того, «из какого сора» растут шедевры. Это попытка показать, в силу каких «внешних» обстоятельств образы перерастают в метафоры, а поступки героев приобретают онтологическую масштабность. Возникает эффект «обратной перспективы», позволяющий увидеть взаимоотношения власти и творческой элиты изнутри и снаружи. Вряд ли можно разглядеть потаённый механизм развала системы иным способом.

Тарковскому, сыну фронтовика, журналиста и поэта, когда-то бросившего учёбу в Институте восточных языков и едва не превратившегося в столичного плебоя, пришлось не столько «создавать прекрасное», сколько в буквальном смысле слова выживать. Это составляло суть творческой деятельности в условиях социализма. При этом Тарковскому младшему относительно везло. В своё время фильм «Андрей Рублёв» оказался «положен на полку», и только заступничество Г.М. Козинцева,

Д.Д. Шостаковича, В.Б. Шкловского, а также «почти единодушное признание мировой кинокритики вернуло этот шедевр к жизни» (с. 30). Но становиться в ряд одобренных властью корифеев Тарковский не желал. В феврале 1975 г. руководитель Госкино Ф.Т. Ермаш предложил ему снять фильм о... В.И. Ленине. Режиссёр сделал вид, что готов согласиться, но затем отговорил министра-«доброхота» от этой (то ли вздорной, то ли провокационной) затеи (с. 124–125).

В общем, рождение «Сталкера» стало своего рода побочным продуктом взаимодействия противоречивых интересов: режиссёра, руководства «Мосфильма» (где ему сочувствовали), Госкино (где «бдели»), наконец, ЦК КПСС (где надзирали, одёргивали, наказывали, хотя порой и поощряли). Что, к примеру, заставляло Ермаша раз за разом отступать? По всей вероятности, решения партийных инстанций, поддержка друзей Тарковского «наверху», восторженная реакция на его предыдущий фильм «Зеркало» за рубежом. Ещё одна причина, считает Цымбал, заключалась в том, что бюрократия стала бояться международного скандала, в результате которого могли вскрыться тёмные дела ряда «ответственных» чиновников (с. 500). Директивная по своей природе система делалась всё более боязливой, т.е., в конечном счёте, неуверенной и потому обречённой. Впрочем, последнее стало понятно лишь после её развала; современники считали, что имеют дело с «нерушимым единством партии и народа».

Кинорежиссёр не может работать без сценария или хотя бы без впечатляющей фабулы. Согласно Цымбалу, Тарковский обратил внимание на литературные успехи А.Н. и Б.Н. Стругацких довольно давно. Писатели не были фантастами в привычном для советского читателя смысле слова.

А.Н. Стругацкий как-то объяснил Цымбалу: «В нашей стране есть только один научный фантаст — Карл Маркс. А остальные фантасты — совсем не научные. Включая нас с братом». Поэтому эти авторы всегда были готовы «осовдепить» свой текст (с. 423).

Между тем система впала в застой, сопровождавшийся жалкой попыткой тогдашних идеологов вдохновить недавних «строителей коммунизма» призраком «развитого социализма». Как результат, «пышно расцвели религиозные и мистические течения». Люди искали новых «наставников» (с. 281), тянулись ко всему необычному и запретному (со временем это выродилось в конспирологию).

Что впечатлило Тарковского в повести «Пикник на обочине»? Вероятно, образ метафизической экстремальности человеческого бытия в результате случайного «столкновения цивилизаций». Однако окончательному выбору «помог» случай: простой режиссёра растянулся на пять лет, денег отчаянно не хватало. Он разрывался между проектами сомнительной «проходимости»: «Идиотом» по Ф.М. Достоевскому, «Смертью Ивана Ильича» по Л.Н. Толстому, «Гофманианой» и т.п. В середине августа 1975 г. в небе над деревенским убежищем Тарковского возникло необычное явление. «Надвигалось сияние, похожее на шляпку гриба и ограниченное по дуге более ярким свечением, подобным лунному», — записал он со слов жены, сына и ещё одного свидетеля. «Нужно знать суеверность и мнительность Тарковского, чтобы понять, какое впечатление произвело на него это событие», — считает Цымбал. Может быть и так, хотя склонность творческих людей связывать свои поступки со «знаками судьбы» — явление довольно обычное. Как бы то ни было, Тарковский в очередной раз вспомнил о «Пикнике» (с. 139–140, 142).

Повесть может показаться незатейливой. Способна ли нести какой-либо особый смысл невольная шутка инопланетных туристов, беззаботно оставивших технологический «мусор» в жизненном пространстве «дикарей»? Возможно, посыл заключался в том, что некоторые невозможные явления словно материализовались на бытовом уровне, «метафизика» предстала атрибутом «буржуазной» повседневности. Повесть даже несла в себе определённый патриотический заряд, полезный выпад по адресу «бездуховного» Запада: единственный положительный герой — советский учёный, искренне веривший, что опасные инопланетные диковинки из Зоны могут осчастливить человечество. Напротив, Сталкер хаживал туда за «зелёными» — этим мерилом «буржуазного счастья».

Стругацким, похоже, хотелось просто «расшевелить» обывателя. Но чем? Объяснить, до какой степени мы зависимы от Случая, фактора непредсказуемости? Рассказать, как всякое человеческое желание в советской системе неизбежно вырастает до заклинания: «Счастье всем, бесплатно!». Или о том, что тогдашняя наука была практически бессильна и аксиологически бессодержательна? Но это стало понятно ещё столетием ранее.

Во всяком случае, повесть выглядела идеологически нейтральной и не вызвала у охранителей «принципиальных» претензий (с. 37–38). Скрытых смыслов они уже не искали: им важно было не пропустить видимых нападков на советскую действительность. Однако настораживала способность Тарковского видеть в обыденных вещах «нечто, делающее их странными и таинственными», его умение воспроизводить на экране «магическую простоту, создающую ирреальность» (с. 530, 535).

А главное, образ Зоны не мог не породить у мнительного совет-

ского человека массу ассоциаций с современностью. Зритель получил право воспринимать происходящее на экране в соответствии со своим социально-историческим опытом и воображением. Так или иначе, и писатели, и режиссёр говорили со «своей» публикой на языке, непонятном бюрократам, использовали художественный язык, отличный от языка признанных советских «мастеров культуры». В «монолите» возникал поток «параллельной» духовной жизни. Найти противоядие от него стало уже невозможно.

Художник всегда вольно или невольно «хитрит»: творчество должно прикидываться «глуповатым» (Пушкин), т.е. вроде бы доступным. Между прочим, чтобы «пробить» заявку Стругацких (сценарий проходил тогда под несуразным названием «Машина желаний»), руководство Мосфильма использовало стандартные коммунистические доводы: «Разоблачение агрессивных устремлений военно-промышленного комплекса одного из современных империалистических государств» (с. 149). Однако Тарковский был далёк от этого, его творчество тянулось к чему-то неведомому. В натурных кадрах буквальное словно перетекало в метафорическое, конкретное — в символическое, обыденное — в сакральное. Художник силой своего таланта способен — вольно или невольно — поставить человека перед вечными загадками бытия, разгадать которые подчас не под силу и ему самому. Кто-то включается в эту «игру», кто-то её не замечает, кого-то она отвращает.

В этих условиях и произошло рождение «Сталкера». Тарковский не был ни диссидентом (хотя подписывал известного рода петиции), ни авангардистом или модернистом. Он упорно отстаивал классическую линию художественного творчества.

По отношению к «зубрам» советского кино, сросшимся с партийной номенклатурой, он испытывал скорее «патриотическую тревогу»: «Орденоносцы и облечённые званиями, не умеющие связать двух слов, превратили наше кино в руины». Политика Госкино вызывала у него недоумение: «Неужели опять сидеть годы и ждать, когда кто-то соизволит выпустить картину? Что же это за поразительная страна, которая не хочет ни побед на международной арене...? Настоящее искусство их пугает... ибо оно гуманно, а их назначение давить всё живое, все ростки гуманизма... Они не успокоятся до тех пор, пока не превратят личность в скотину. Этим они погубят всё — и себя и Россию» (с. 41).

Нельзя сказать, что бюрократы того времени бездумно давили всякое проявление творческого инакомыслия. Появлялись среди них даже «либералы». В общем, заботы кинематографического начальства по части духовного воспитания «незрелых масс» усложнялись. Соответственно приходилось решать, кому из режиссёров (учитывая степень их «понятливости»), что конкретно (в смысле востребованности наверху и внизу) и когда снимать. В результате «благожелательные» по форме наставления принимали форму то ли удушающих объятий, то ли игры в кошки-мышки. Для режиссёров это оборачивалось вынужденным простоем, т.е. выливалось в «наказание рублём». Наконец, чиновники решали, кого из жертв своей «заботы» на каком кладбище хоронить (с. 110).

Разумеется, сами кинематографисты не ангелы: «хитрили» с начальством, стремились «подхалтурить» написанием занятных сценариев¹, искали «проходные» темы, жаловались «наверх». Сам Тарковский готов был использовать угрозы «пожаловаться Брежневу», обратиться в ЦК КПСС

(с. 99–100, 172, 176, 174, 181), написать письмо XXV съезду партии. В последнем случае уловка сработала: в верхах любили одёргивать исполнителей, последние же с холуйской готовностью каялись в чрезмерном усердии. Более того, и Ермаш, и его заместитель Б.В. Павленок «благословили» и Тарковского, и Стругацких на новые творческие достижения (с. 191–192, 231), а позднее Ермаш без звука подписал приказ о переводе «Сталкера» в двухсерийную картину «с соответствующими дотациями» (с. 424). В 1978 г. Совет министров СССР принял невероятное, казалось бы, решение: сроки производства ленты фактически не ограничивались (с. 506).

Дьявол порой становится услужливым. Цымбал считает, что в КГБ и ЦК знали об отчаянном положении и настроениях «доведённого до крайности» Тарковского, готового покинуть СССР, чем и объяснялись уступки (с. 256). Люди противоположных установок оказывались в симбиозе друг с другом, «палачи» и «жертвы» попадали в заколдованный круг — объективно им приходилось обслуживать систему даже вопреки своим желаниям.

Что интересно, некоторые начальственные «благожелатели» Тарковского оставили после себя «недоумённые» мемуары. Так, Павленок — в прошлом небесталанный журналист, однако, по характеристике Тарковского, «неприятный, грубый и тёмный человек» (с. 61), — с лёгкостью отмежевался от «чиновных эстетов», «возня» которых якобы сломала волю создателя «Рублёва». Этим, рассуждал он, «добились только того, что в глазах интеллигенции Тарковский стал мучеником, а страдальцам на Руси всегда поклонялись»².

А после того, как удалось «пробить» показ «Зеркала», тот же Пав-

ленок, оставшись наедине с автором, полюбостыствовал: как возникла потребность использовать библейский образ «Неопалимой купины»? Тарковский якобы «процедил сквозь зубы»: «Я библию не читал...». «Такая откровенная ложь и нежелание разговаривать меня даже не обидели: он в каждом “руководящем” вопросе видел подвох, — комментировал мемуарист. — А мной руководил неподдельный интерес к его творческому методу»³.

Характерно, что разрешение на съёмку стало для Тарковского неожиданностью. Сценарий фильма не был готов. Получается, что будущий шедевр оказался плодом целого цикла авторских метаний и лихорадочных импровизаций. О мучительных тяготах этого процесса Цимбал рассказывает порой с натуралистическими подробностями.

Примечательны демагогические приёмы, с помощью которых руководители Мосфильма, особенно его Экспериментального творческого объединения (не случайно вскоре распущенного), отстаивали ещё не готовый сценарий. Будущее кинопроизведение представлялось актуальным в связи с «разоблачением агрессивных устремлений военно-промышленного комплекса одного из современных империалистических государств»; автор решает кардинальную задачу XX в. — «атомная война или мир во многом зависит от ЧЕЛОВЕКА» (с. 149, 179). Между тем внешнеполитическая обстановка двинулась в ином направлении — готовилось Международное совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однако заслуженные деятели кино использовали «проверенную» антиимпериалистическую риторику, а киноначальники запрещали то, чему внутренне сочувствовали. Это внутреннее «двуличие» системы ускорило её развал.

В таких условиях профессия кинорежиссёра становилась всё более нервной, что постоянно оборачивалось стрессами, болезнями и преждевременными смертями. В апреле 1978 г. в возрасте 46 лет Тарковский перенёс инфаркт. Обычно сдержанный Б.Н. Стругацкий реагировал бурно: «суки» (начальники) его «доконали». И добавил к этому пожелание: «Чтоб им всем сдохнуть в этом же году!» (с. 508).

Не удивительно, что «съёмки стали таким же хождением по кругам ада, как и тот путь, которым шли персонажи фильма». Замысел картины лишь складывался, приходилось действовать методом проб и ошибок. А тем временем некоторые коллеги, особенно старшего поколения, «воспринимали плохие новости со “Сталкера” с явным удовлетворением». Стали поговаривать, что Тарковский оказался «дутой фигурой» и «звезда его закатилась» (с. 412, 413).

Человеку важно понять, куда, зачем, в какой мир, в какое время он был заброшен судьбой. Это необходимо, чтобы попытаться оптимально распорядиться собственными возможностями. Вряд ли кому это удаётся вполне — такова вечная история Сталкера. Цымбал не случайно заметил, что в любом фильме Тарковского «главный герой — если это мужчина — это практически один и тот же характер. Это творец: сомневающийся, рефлексирующий, обуреваемый комплексами, болезненный, физически слабый человек. Но сильный духом, последовательный и упорный в достижении цели... В значительной степени это отражение характера самого Тарковского» (с. 458). Действительно, режиссёр гнул свою линию, всё больше отходя от Стругацких («фантастика без фантастики», с. 402), предпочитая реальность, затянутую характерным российским «туманом» (с. 258).

В фильме ему подыгрывают всего два персонажа — Писатель и Учёный. Первый (Н.Г. Гринько) выступает занудливым скептиком, второй (А.А. Солоницын) — обозлённым реалистом. Оба они по житейским понятиям люди состоявшиеся, но «неудачники»: раздвинуть границы познания не удаётся ни с помощью воображения, ни в результате позитивистских экспериментов. Заведомым неудачником предстаёт и Сталкер — человек, отчаянно пытающийся вдохнуть надежду в опустошённых людей. Такой разворот сюжета мало кому мог понравиться — ещё не отвыкли от обязательного советского «оптимизма». Не случайно мучительно страдал от навязанного ему амплу А.Л. Кайдановский, привычный герой которого — «победитель», а не «блаженный».

Конечно, кино «врёт». И, несомненно, оно представляет собой величайший в истории (до появления телевидения) симулякр живой жизни. Но как добраться до истины, если не с помощью тотальной лжи, дошедшей до абсурда? Книга убеждает, что режиссёр это понимал как никто, создавая свою особую, «похоже-непохожую» кинореальность.

Коллеги, даже искренне симпатизировавшие Тарковскому, далеко не всегда приходили в восторг от его замыслов и приёмов их реализации. А.Г. Зархи ещё в 1977 г. говорил, что Тарковский, с одной стороны, «крупный художник», с другой — «фигура одиозная» (с. 741). Позднее О.Д. Иоселиани рассказал Цымбалу, что его не устраивает в «Сталкере»: «Громоздкость надуманных рассуждений», чрезмерная продолжительность, наконец, то, что она «ужасно серьёзная, абсолютно без юмора». Редактор фильма А.Я. Степанов высказался более обстоятельно. Его не устраивало «рациональное» и «проповедническое» начало при отсутствии

привычного эмоционального накала. Главные герои — «фактически... маски, отражающие абсолютно рациональное распределение ролей» (с. 703—704).

Реакция понятна. Гений ставит цель, которую не видит никто. Соответственно выстраивается линия её достижения с использованием соответствующих — оптимальных, как ему кажется, — выразительных средств. Талант деспотичен, его обладатель беспощаден и к самому себе, и к окружающим. Но оценивается всё это обычно по совершенно иным — вполне банальным — критериям. К тому же Тарковский, по свидетельству современников, «никогда не мог точно объяснить, чего он хочет»⁴. Да и знал ли он, во что выльются его усилия?

Очень многим хотелось увидеть в фильме привычного Тарковского — такого, каким приняла его власть и они сами, т.е. автора «Иванова детства», «Рублёва», «Соляриса», «Зеркала». О том, что всякому художнику в поисках истины не стоит повторяться, они не задумывались. Их вполне устроил бы автор, вставший в длинную шеренгу облаканных властью «ручных гениев», о которых с презрением говорил сам Тарковский (с. 50). Такова природа «благожелательности», охватившей все сферы советской — становящейся всё более застойной — жизни.

Старая, как мир, система репрессивности прикидывалась не только самой передовой, но и единственно справедливой. Это растущее несоответствие лишь приближало её развал. Возможно, Тарковский просто устал за этим наблюдать. Отсюда болезненное решение — отъезд за границу.

При известных обстоятельствах талант может стать легендой, гений — мифом. Цымбал это учитывает, ничуть не идеализируя Тарковского. Столь же «понимающе» и благожелательно

он относится к его сподвижникам. Исключение сделано для последней жены режиссёра, одержимой, по его мнению, демоном делячества (такое соседство с великим художником тоже не редкость).

Книга Цымбала выделяется в ряду обычных юбилейных потоков словословия с непременным напоминанием о своей близости к гению. Так, Николай Бурляев, обязанный своей кинокарьерой «Иванову детству» и «Рублёву», объявил себя «соавтором и другом» Тарковского. Что, по крайней мере, странно, если сопоставить возраст и статус юного актёра и режиссёра во время работы над этими картинами.

Автор создал уникальную, блестящую по стилю, богатую невидимыми сторонами творческой обыденности работу. Вероятно, он адресовался в первую очередь киноведам, искусствоведам и, разумеется, труженикам кинопроизводства. Но стоит вчитаться в его текст и профессиональным историкам.

Примечания

¹ Кончаловский А. Возвышающий обман. М., 1999. С. 18, 51.

² Павленок Б.В. Кинолегенды и быль: воспоминания и размышления. М., 2004. С. 115.

³ Там же. С. 73.

⁴ Кончаловский А. Низкие истины. Семь лет спустя. М., 2006. С. 168.

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Отделом истории Института научной информации по общественным наукам РАН

Большакова Ольга Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Буддаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Буховец Олег Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск), ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук

Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Давыдов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Казakov Глеб Маратович, научный сотрудник кафедры восточноевропейской истории университета Юстуса-Либиха в Гисене (Германия)

Комаров Владимир Сергеевич, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Маслова Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Медоваров Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Муханов Вадим Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Кавказа Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова

Позднякова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева

Пономарева Ирина Гавриловна, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного лингвистического университета

Рыбачёнок Ирина Сергеевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Сипейкин Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Соколов Юрий Вячеславович, ассистент Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Хатанзейская Елизавета Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Чемакин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Чернов Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета

Шамин Степан Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Русь и Орда

С.А. Маслова

Установление системы регулярного налогообложения русских земель в пользу Золотой Орды 3

И.Г. Пономарева

Выбор ханом Золотой Орды кандидата на великое княжение Московское в 1431–1432 гг. 19

А.А. Горский

«Выходы ордынские» духовных и договорных грамот московских князей конца XV – первой трети XVI в. 26

Институты и общности

В.А. Аракчеев

Спорные проблемы истории закрепощения и миграций в России конца XVI – первой половины XVII в. 31

В.С. Комаров

Организация нелегальной эмиграции на западных окраинах Российской империи в конце XIX – начале XX в. 49

Профессия и сообщество

С.М. Шамин

Новые тенденции в изучении стрелецкого восстания 1682 г. 67

Россия и мир

Г.М. Казаков

Что знали при дворе польского короля о стрелецком восстании 1682 г.? 79

И.С. Рыбачёнок

Черноморские проливы во внешней политике России в конце XVIII – начале XX в.: трансформация подходов к решению проблемы 92

Идеи и образы

М.В. Медоваров, Ю.В. Соколов

Русские журналы и внешняя политика России в период японо-китайской войны 1894–1895 гг. 111

Сюжеты и эпизоды

А.А. Чемакин

«Малороссийские партизаны»: Белое движение и повстанцы на Киевщине (сентябрь 1919 – январь 1920 г.) 127

<i>А.В. Сипейкин</i> Агван Доржиев и конец «золотого века» буддизма в Советской России.	149
--	-----

История власти

<i>Е.В. Хатанзейская</i> Советское уголовное законодательство по трудовым преступлениям и особенности его правоприменения (1940–1956).	161
--	-----

Рецензии

<i>О.А. Чернов</i> — Дипломатия, политика и общество: наследие В.Я. Гросула в воспоминаниях и исследованиях	184
<i>О.Р. Айрапетов</i> — Дж. Брэдли. Ружья для царя. Американские технологии стрелкового огнестрельного оружия в России XIX века	187
<i>И.К. Богомолов</i> — Русско-японская война и конец «золотого века» фронтовой журналистики	193
<i>О.В. Боляшкова</i> — J. Keating. On arid ground: Political ecologies of empire in Russian Central Asia	198
<i>В.М. Муханов</i> — Воспоминания «врага Грузии»	206
<i>А.С. Позднякова</i> — Глубокое исследование по истории ВЧК	208
<i>А.Ю. Давыдов</i> — Антисоветское подполье и ВЧК (1918–1919)	212
<i>О.Г. Буховец</i> — Значительный вклад в изучение процессов нациестроительства в России	218
<i>О.В. Волобуев</i> — Монография, которая наводит на размышления	221
<i>В.П. Булдаков</i> — Власть и кино «развитого социализма»	226
Наши авторы	235

CONTENTS

Russia and the Horde

<i>S.A. Maslova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Establishment of a system of regular taxation of Russian lands in favor of the Golden Horde	3
<i>I.G. Ponomareva (Moscow State Linguistic University, Russia)</i> The choice of a candidate for the Grand Prince of Moscow by the Khan of the Golden Horde in 1431–1432	19
<i>A.A. Gorsky (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The «Vyxody ordynskie» in testaments and treaties of Moscow princes of the end of the 15 th – first third of the 16 th century	26

Institutions and communities

<i>V.A. Arakcheev (Russian State Archive of Ancient Acts; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Controversial problems of the history of enserfment and migration in Russia at the end of the 16 th – first half of the 17 th century	31
<i>V.S. Komarov (HSE University, Moscow, Russia)</i> Organization of illegal emigration on the Western outskirts of the Russian Empire in the late 19 th – early 20 th century	49

Profession and community

<i>S.M. Shamin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> New trends in the study of the Streltsy uprising of 1682	67
--	----

Russia and the world

<i>G.M. Kazakov (Justus-Liebig University of Gießen, Germany)</i> What did the court of the Polish King know about the Moscow Streltsy uprising of 1682?	79
<i>I.S. Rybachenok (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> The Black Sea Straits in Russia's foreign policy in the late 18 th – early 20 th centuries: transformation of approaches to solving the problem	92

Ideas and images

<i>M.V. Medovarov, Yu.V. Sokolov (both – Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)</i> Russian journals and the foreign policy of Russia during the Sino-Japanese War of 1894–1895	111
---	-----

Scenarios and episodes

<i>A.A. Chemakin (Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i> «Little Russian partisans»: The White Movement and the rebels in the Kiev region (September 1919 – January 1920)	127
---	-----

Persons and views

- A.V. Sipeykin (Moscow University of Industry and Finance «Synergy», Russia)*
Agvan Dorjiev and the end of the «Golden Age» of Buddhism in Soviet Russia 149

History of power

- E.V. Khatanzeiskaia (HSE University, Moscow, Russia)*
Soviet criminal legislation on labor crimes and special features of its enforcement
(1940–1956) 161

Reviews

- O.A. Chernov (Samara State University of Social Sciences and Education, Russia)*
Diplomacy, politics and society: the legacy of V.Y. Grosul in memoirs and research . . . 184
- O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Rec. ad op.: J. Bradley. Ruzh'ya dlya tsarya. Americanskie tekhnologii strelkovogo
ognestrel'nogo oruzhiya v Rossii XIX veka 187
- I.K. Bogomolov (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow)*
Russo-Japanese War and the end of the «Golden Age» of Combat Correspondence . . . 193
- O.V. Bolshakova (Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow)*
Rec. ad op.: J. Keating. On arid ground: Political ecologies of empire in Russian
Central Asia 198
- V.M. Mukhanov (Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Recollections of the «enemy of Georgia» 206
- A.S. Pozdnyakova (Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural
Academy)*
In-depth research on the history of the Cheka 208
- A.Yu. Davydov (Herzen University, Saint Petersburg, Russia)*
The anti-Soviet Underground and the Cheka (1918–1919) 212
- O.G. Bukhovets (Belarusian State Economic University, Minsk; Institute of Russian
History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Major contribution to the study of nation-building in Russia 218
- O.V. Volobuev (Moscow, Russia)*
A thought-provoking study 221
- V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Power and cinema of the «developed socialism» 226
- Contributors to this issue 235

РЕДАКЦИЯ

- Круглов В.Н., к.и.н.** — Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор